

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№10 2022

Казань - 2022

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №10 2022г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2022. – 204.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № E11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – д.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
О.В. Чевела – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснулина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2022 г.

СОДЕРЖАНИЕ

А.М. Саяпова ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРОГУЛКИ ПО СЕРЕБРЯННОМУ ВЕКУ 9

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Н.В. Бараханова, Л.В. Мамедова* ПСИХОЛОГИЗМ ПРОЗЫ СТЕНДАЛЯ НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ» (РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ПЕРЕВОД С. БОБРОВА И М. БОГОСЛОВСКОЙ) 15
- С.В. Бурдина, Сун Бицзюнь* ФЕНОМЕН “ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ” В РОССИИ И В КИТАЕ 18
- Лу Цзинь* ИСТОРИСОФСКИЕ ИДЕИ А. БЛОКА И ИХ СИМВОЛИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ: К ПРОБЛЕМЕ ЦЕЛОСТНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ТВОРЧЕСТВА ПОЭТА 21
- Г.В. Мишина* РОМАН МАЙИ КУЧЕРСКОЙ «ТЕТЯ МОТЯ» В КОНТЕКСТЕ «МЫСЛИ СЕМЕЙНОЙ» Л.Н. ТОЛСТОГО 24
- Е.А. Первушина* «МЕРА ЗА МЕРУ» ШЕКСПИРА В ПЕРЕВОДЕ ОСИИ СОРОКИ: КРЕАТИВНАЯ ЭНЕРГЕТИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ НОВАЦИЙ 27
- С.А. Серегина, С.И. Субботин* ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МИСТЕРИЯ ПРОЛЕТАРСКИХ ПОЭТОВVS «ВЕЧНАЯ ПЕСНЯ ПЕРЕД МИРОЗДАНЬЕМ» С.А. ЕСЕНИНА И Н.А. КЛЮЕВА 31

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

- А.А. Аллахвердова, А.Ф. Горбуненко* ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ *THE BLUE REVIEW*: СПЕЦИФИКА КОНТЕНТА 35
- Д.Н. Анисимова, У.П. Кузенкова, А.А. Кузнецова, А.Е. Локонова, Е.А. Никонова* КОМПОЗИЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ГАЗЕТЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ КЛЮЧЕВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ИЗДАНИЯ 38
- В.И. Антонова, Д.А. Бакеева, Н.М. Фролова* РОЛЬ БРЕНДИНГА И МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ В ПРОДВИЖЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В ВУЗЕ 42
- О.В. Дедюхина, К.А. Народова* ПРОБЛЕМА ПОКОЛЕНИЙ В РОМАНАХ И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ» И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК» 45
- А.Н. Зиганишина* ТРАНСФОРМАЦИИ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ «ПРАВО И ЖИЗНЬ В ТАТАРСТАНЕ» В ПЕРИОД 2011-2021 ГОДОВ 49
- А.У. Киньябулатов, Н.Х. Шарафутдинова, С.Г. Аксенов, И.У. Ишнараров, А.А. Хазиманова, А.А. Илиева, И.В. Ульянова, Р.Н. Зигитбаев, М.Н. Нодиров* ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВРАЧЕЙ-ЖУРНАЛИСТОВ — ЛАУРЕАТОВ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ АРГАЯШСКОГО РАЙОНА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ 2022 ГОДА 53

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

- О.А. Астафьева, И.А. Башкирова, Т.А. Колоскова* МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РАСКРЫТИЯ ВНУТРЕННЕГО МИРА ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ» 56
- М.Г. Воднева, И.В. Уварова* ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ГОРОД» В РАССКАЗЕ ДИНЫ РУБИНОЙ «ИЕРУСАЛИМЦЫ» 59

<i>Е.В. Дишкант, Ся Юйлян</i> ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО СТИЛЯ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ: К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА	62
<i>А.Н. Ерёмин</i> О МЕХАНИЗМАХ РАЗВИТИЯ НОВОГО ЗНАЧЕНИЯ У СЛОВА	66
<i>Ли Ся</i> ОБРАТНАЯ АКТАНТНАЯ МЕТОНИМИЯ В ТЕКСТАХ Л.Н. ТОЛСТОГО	69
<i>Е.А. Луговая</i> АНТРОПОЦЕНТРИЗМ РЕГИОНАЛЬНОГО ТОПОНИМИКОНА КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ ЭТНОСА	72
<i>О.О. Петрова</i> ЛЕКСИЧЕСКАЯ МЕТОНИМИЯ ↔ СМЕЖНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ	75
<i>Р.М. Светлова, Л.Г. Ибрагимова</i> РЕЦЕПЦИЯ ЛЕКСИКИ АРАБСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РОМАНЕ А.ТОЛСТОГО “ПЁТР ПЕРВЫЙ”)	78

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Д.Д. Аристова</i> БРИТАНСКИЙ ВАРИАНТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ НОВЫХ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ	81
<i>Н.С. Баребина, В.Е. Глызина, А.В. Федорюк</i> К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНТЕНСИФИЦИРУЮЩЕГО ЗНАЧЕНИЯ	85
<i>Е.В. Бутенко, Г.А. Циммерман</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК ФУНДИРУЮЩЕЕ СРЕДСТВО ДВОЙНОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ В КИНОДИСКУРСЕ	88
<i>М.В. Грушина</i> ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ У. ШЕКСПИРА. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ	91
<i>М.А. Егорова</i> ОМОНИМИЧНЫЕ АББРЕВИАТУРЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	95
<i>К.В. Костина, И.В. Солдатенко</i> ИМАГОЛОГИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ИНОЯЗЫЧОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ	98
<i>М.А. Луканичева, Н.Ю. Степанова</i> КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОР-ОЛИЦЕТВОРЕНИЙ СО СФЕРОЙ-МИШЕНЬЮ «СТРАХ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СТИВЕНА КИНГА	101
<i>О.Н. Поддубская, С.Г. Ларина, А.В. Сахарова</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ОДЕЖДА» КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА	105
<i>Н.А. Сигачева, А.Н. Махмутова</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНВЕРСИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ТЕКСТЕ	109
<i>С.Н. Степура</i> АВТОРСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ КАК МАРКЕРЫ ИДИОСТИЛЯ ДЖ. ДЖОЙСА В РОМАНЕ «ULYSSES»	112
<i>Л.Ю. Хафизова, Е.Е. Царева</i> ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ АДВЕРБИАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ МЕСТА И ЦЕЛИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	115
<i>Л.И. Шадаева</i> ОСНОВОПОЛАЮЩАЯ МЕТАФОРА В АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ А. ЛИНКОЛЬНА	118

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Р.С. Барсукова, И.М. Габдулхакова, З.А. Мухаева, Л.Р. Исламова</i> МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ТАТАРСКИХ ГОВОРАХ (НА ПРИМЕРЕ ГОВОРОВ СИБИРСКИХ ТАТАР)	121
<i>Д.В. Бобков, Г.Ф. Мратхузина, Э.А. Хабибуллина</i> ПРАКТИКА СОСТАВЛЕНИЯ СБОРНИКА УПРАЖНЕНИЙ НА ЯЗЫКЕ ХИНДИ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ТАТАРСТАНСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА	124
<i>Н.И. Винокурова</i> ЧАСТНЫЙ ПАДЕЖ В ДОЛГАНСКОМ ЯЗЫКЕ	127
<i>Е.В. Волкова</i> ФЕМИНИЗМЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ЯЗЫКА	130
<i>Г.К. Гизатова, Н.И. Багманова, Т.Е. Калегина</i> КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ	134

<i>Н.В. Егоришина, С.А. Жуйкова</i> ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО КОНВЕРГЕНТНОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ КОПИРАЙТИНГА)	137
<i>А.Е. Зельдин</i> МЕТАТЕЗА СЕМИТСКОГО КОРНЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	140
<i>Н.В. Зененко, Л.П. Сон</i> СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗОНА АНТРОПОНИМОВ И ГРУППА ПРОНОМИНАЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ: БИПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД (НА МАТЕРИАЛЕ ИБЕРО-РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ)	146
<i>Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова</i> СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА	151
<i>А.Л. Коляго, Г.Л. Соколова</i> СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	154
<i>Н.В. Кулабухов, М.Л. Васильева</i> К ОСОБЕННОСТЯМ РЕТРОАКТИВНОГО АСПЕКТА КООПЕРАТИВНОГО ОБЩЕНИЯ	157
<i>М.В. Максимова, Л.А. Калинина, М.В. Салтыкова, М.В. Биянова, О.В. Ельцова, И.Ю. Лыскова</i> ПОНЯТИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ И СПЕЦИФИКА ЕГО ТОЛКОВАНИЯ В РУССКОМ, НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	160
<i>Л.Н. Мирошниченко, Л.Н. Фоменко</i> ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВ В ЛИНГВО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ ГРЕЧЕСКОГО И АНГЛИЙСКИХ ЯЗЫКОВ)	163
<i>О.А. Мусорина, Н.С. Данкова</i> «ЛЕНИНИАНА» НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»: ДИСКУРСИВНЫЕ ТАКТИКИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВОЖДЯ	166
<i>О.Н. Польщикова</i> ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ	170
<i>А.Ю. Савельева</i> ПРОЯВЛЕНИЕ ТЕЛЕСНОГО ОПЫТА ЧЕЛОВЕКА В ПЕРЦЕПТИВНОЙ МЕТАФОРЕ <i>ХОЛОДНАЯ ВОЙНА COLD WAR</i>	173
<i>Е.Е. Сафронова, А.А. Гусейнова</i> ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ МАНИФЕСТАЦИИ ИМПЛИЦИТНЫХ АКТАНТОВ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М.Л. СТЕПНОВОЙ «ЖЕНЩИНЫ ЛАЗАРЯ»)	177
<i>Л.А. Тюкина</i> КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН АНЕКДОТА КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	180
<i>И.В. Уварова, Е.Е. Сафронова</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРОЗЫ)	184
<i>Е.О. Чурюканова</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАСТИТЕЛЬНОЙ СИМВОЛИКИ В АНГЛИЙСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ	187
АННОТАЦИИ	190

THE RELEASE MAINTENANCE

A.M. Sayarova AESTHETIC WALKS THROUGH THE SILVER AGE 9

10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE

N.V. Barakhanova, L.V. Mamedova PSYCHOLOGISM OF STENDHAL'S PROSE IN THE NOVEL "THE RED AND THE BLACK" TRANSLATION (RUSSIAN TRANSLATION BY S. BOBROV AND M. BOGOSLOVSKAYA) 15

C.V. Burdina, Song Bijun THE PHENOMENON OF "VILLAGE PROSE" IN RUSSIA AND CHINA 18

Lu Zing A. BLOK'S HISTORIOSOPHICAL IDEAS AND THEIR SYMBOLIC EXPRESSION: AN APPROACH TO A WHOLE VISION 21

G.V. Mishina MAYA KUCHERSKAYA'S NOVEL "AUNT MOTYA" IN THE CONTEXT OF L.N. TOLSTOY'S "FAMILY THOUGHT" 24

E.A. Pervushina SHAKESPEARE'S "MEASURE FOR MEASURE" TRANSLATED BY OSIYA SOROKA: CREATIVE ENERGY OF LEXICAL INNOVATIONS 27

S.A. Seregina, S.I. Subbotin THE INDUSTRIAL MYSTERY OF THE PROLETARIAN POETS VS "ETERNAL SONG BEFORE THE UNIVERSE" BY S.A.YESENIN AND N.A.KLYUEV 31

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

A.A. Allakhverdova, A.F. Gorbunenko LITERARY AND CRITICAL JOURNAL *THE BLUE REVIEW*: THE SPECIFIC OF THE CONTENT 35

D.N. Anisimova, U.P. Kuzenkova, A.A. Kuznetsova, A.E. Lokonova, E.A. Nikonova THE COMPOSITIONAL MODEL OF THE NEWSPAPER AS A REFLECTION OF ITS KEY CHARACTERISTICS 38

V.I. Antonova, D.A. Bakeeva, N.M. Frolova THE ROLE OF BRANDING AND MEDIA COMMUNICATIONS IN THE PROMOTION OF EDUCATIONAL SERVICES IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS 42

O.V. Dediukhina, K.A. Narodova THE PROBLEM OF GENERATIONS IN I.S. TURGENEV «FATHERS AND CHILDREN» AND F.M. DOSTOYEVSKY «TEENAGER» 45

A.N. Ziganshina TRANSFORMATION OF TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS IN THE SPECIALIZED LEGAL JOURNAL "LAW AND LIFE IN TATARSTAN" IN THE PERIOD 2011-2021 49

A.U. Kinyabulatov, N.Kh. Sharafutdinova, S.G. Aksenov, I.U. Ishnazarov, A.A. Khazimanova, A.A. Ilieva, I.V. Ulyanova, R.N. Zigitbaev, M.N. Nodirov HEALTHY LIFESTYLES IN THE WORK OF DOCTORS-JOURNALISTS - LAUREATES OF THE LITERARY PRIZE OF THE ARGAYASH DISTRICT OF THE CHELYABINSK REGION 2022 53

10.02.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

O.A. Astafieva, I.A. Bashkirova, T.A. Koloskova MODAL WORDS AS ONE OF THE WAYS TO REVEAL THE INNER WORLD OF THE MAIN CHARACTERS OF F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "POOR PEOPLE" 56

M.G. Vodneva, I.V. Uvarova INDIVIDUAL AUTHOR'S CONCEPTUALIZATION OF THE CONCEPT OF "CITY" IN DINA RUBINA'S STORY "THE JERUSALEM PEOPLE" 59

E.V. Dishkant, Xia Yuliang FEATURES OF THE SCIENTIFIC STYLE OF THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES: TO THE PROBLEM OF TRANSLATION 62

<i>A.N. Eremin</i> ON THE MECHANISMS OF THE DEVELOPMENT OF A NEW MEANING IN THE WORD	66
<i>Li Xia</i> REVERSE ACTANT METONYMY IN TOLSTOY'S TEXTS	69
<i>E.A. Lugovaya</i> ANTHROPOCENTRISM OF THE REGIONAL TOPONYMICON AS A REFLECTION OF THE MENTALITY	72
<i>O.O. Petrova</i> LEXICAL METONYMY ↔ <i>THE CONTIGUITY OF THE REPRESENTATION</i>	75
<i>R.M. Svetlova, L.G. Ibragimova</i> RECEPTION OF VOCABULARY OF ARABIC ORIGIN IN THE RUSSIAN LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF LEXICAL UNITS IN THE NOVEL BY A. TOLSTOY "PETER THE GREAT")	78

10.02.04 – PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>D.D. Aristova</i> STANDARD MODERN BRITISH ENGLISH PRONUNCIATION IN VIEW OF THE NEW PHONETIC TENDENCIES	81
<i>N.C. Barebina, V.E. Glyzina, A.V. Fedoryuk</i> ON THE PROBLEM OF DEFINITION OF PHRASEOLOGICAL INTENSIFYING MEANING	85
<i>E.V. Butenko, G.A. Tsimmerman</i> PHRASEOLOGICAL UNITY AS A FOUNDATION OF DOUBLE SEMANTIC MEANING ACTIVATION IN FILM DISCOURSE	88
<i>M.V. Grushina</i> FEMALE CHARACTERS IN THE WORKS OF W. SHAKESPEARE. GENDER ASPECT	91
<i>M.A. Egorova</i> HOMONYMOUS ABBREVIATIONS IN ENGLISH	95
<i>K.V. Kostina, I.V. Soldatenko</i> IMAGOLOGICAL INSTRUMENTS OF INFLUENCE IN A FOREIGN LANGUAGE MEDIASPACE	98
<i>M.A. Lukanicheva, N.Yu. Stepanova</i> CORPUS ANALYSIS OF PERSONIFIED METAPHORS WITH THE TARGET SPHERE "FEAR" IN S. KING'S NOVELS	101
<i>O.N. Poddubskaya, S.G. Larina, A.V. Sakharova</i> LEXICO-SEMANTIC FIELD "CLOTHES" AS A REFLECTION OF THE WORLD PICTURE	105
<i>N.A. Sigacheva, A.N. Makhmutova</i> SOME FEATURES OF THE INVERSION USE IN THE ENGLISH-LANGUAGE SCIENTIFIC TEXTS	109
<i>S.N. Stepura</i> THE JAMES JOYCE IDIOSTYLE MARKERS IN THE NOVEL «ULYSSES»	112
<i>L.Y. Khafizova, E.E. Tsareva</i> CIRCUMSTANTIAL ADVERBIAL PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE MEANING OF PLACE AND PURPOSE IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES	115
<i>L.I. Shadaeva</i> THE FUNDAMENTAL METAPHOR IN A. LINCOLN'S ARGUMENTARY DISCOURSE	118

10.02.19 – PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>R.S. Barsukova, I.M. Gabdulkhakova, Z.A. Mukhaeva, L.R. Islamova</i> MYTHOLOGICAL VOCABULARY IN TATAR DIALECTS (ON THE EXAMPLE OF DIALECTS OF SIBERIAN TATARS)	121
<i>D.V. Bobkov, G.F. Mratkhuzina, E.A. Khabibullina</i> PRACTICE OF COMPILING A COLLECTION OF EXERCISES IN THE HINDI LANGUAGE INVOLVING THE TATARSTAN REGIONAL COMPONENT	124
<i>N.I. Vinokurova</i> PARTITIVE CASE IN DOLGAN	127
<i>E.V. Volkova</i> FEMINISMS AS SOCIAL MARKERS OF A LANGUAGE	130
<i>G.K. Gizatova, N.I. Bagmanova, T.E. Kalegina</i> COMMUNICATIVE FUCTION OF IDIOMS	134
<i>N.V. Egorshina, S.A. Zhuykova</i> GAMIFICATION AS A VECTOR OF DEVELOPMENT OF MODERN CONVERGENT DISCOURSE (BY THE EXAMPLE OF COPYWRITING TEXTS)	137

<i>A.E. Zeldin</i> A HISTORIC OUTLOOK ON THE SEMITIC ROOT METATHESIS	140
<i>N.V. Zenenko, L.P. Son</i> SPANISH PAREMIAS: MANIFESTATION OF NATIONAL CHARACTER AND PRESERVATION OF NATIONAL IDENTITY	146
<i>N.G. Ivanova, A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova</i> PECULIARITIES OF CH. DICKENS' PHRASEOLOGY	151
<i>A.L. Kolyago, G.L. Sokolova</i> STYLISTIC SYNTAX OF COMPLEX SENTENCES IN THE MARI LANGUAGE	154
<i>N.V. Kulabukhov, M.L. Vasileva</i> ON SPECIFICS OF THE RETROACTIVE ASPECTS OF COOPERATIVE COMMUNICATION	157
<i>M.V. Maksimova, L.A. Kalinina, M.V. Saltykova, M.V. Buyanova, O.V. Yeltsova, I.Yu. Lyskova</i> THE CONCEPT OF TOLERANCE AND THE SPECIFICS OF ITS INTERPRETATION IN RUSSIAN, GERMAN AND ENGLISH	160
<i>L.N. Miroshnichenko, L.N. Fomenko</i> INTERACTION OF LANGUAGES IN THE LINGUO-HISTORICAL ASPECT (ON THE EXAMPLE OF THE GREEK AND ENGLISH LANGUAGES)	163
<i>O.A. Musorina, N.S. Dankova</i> "LENINIANA" IN THE MATERIALS OF "PIONEER" PERIODICAL: DISCOURSE TACTICS OF THE LEADER REPRESENTATION	166
<i>O.N. Polshchikova</i> THEMATIC GROUPS IN COMPUTER LINGUISTICS TERMINOLOGY	170
<i>A.Y. Saveleva</i> THE MANIFESTATION OF HUMAN BODY EXPERIENCE IN THE PERCEPTIVE METAPHOR <i>COLD WAR</i>	173
<i>E.E. Safronova, A.A. Guseynova</i> INTERTEXTUALITY AS A MANIFESTATION METHOD FOR IMPLICIT ACTANTS (ON THE NOVEL BY M.L. STEPNOVA "THE WOMEN OF LAZARUS")	177
<i>L.A. Tyukina</i> THE COMMUNICATIVE PHENOMENON OF THE JOKE AS A REPRESENTATION OF HUMOROUS DIALOGICAL DISCOURSE	180
<i>I.V. Uvarova, E.E. Safronova</i> FEATURES OF THE FUNCTIONING OF PRECEDENCE IN POSTMODERNIST DISCOURSE (BY THE EXAMPLE OF MODERN GERMAN PROSE)	184
<i>E.O. Churyukanova</i> LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS OF PLANT SYMBOLISM IN ENGLISH FOLKLORE	187
ABSTRACTS	190

10.01.01

А.М. Саяпова д-р филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
экономический факультет,
научно-образовательный центр по изучению наследия Льва Толстого,
Казань, albina.sayarova@kpfu.ru

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРОГУЛКИ ПО СЕРЕБРЯННОМУ ВЕКУ

В статье даётся отклик на монографию Вадима Аркадьевича Хохлова «СВ» о Серебряном веке. Книга В.А. Хохлова – результат многолетней работы, она интересна тем, что в ней ведутся рассуждения не только об известных именах Серебряного века, она содержит значительное количество информации о поэтах Серебряного века, по сей день остающихся почти неизвестными. Содержательная форма книги и стиль изложения материала, казалось бы, не претендуют на научный статус: в ней сознательно отсутствуют ссылки на источники, предельно лапидарные наименования глав позволяют свободу от научных формулировок. Однако она научна в концептуальной своей части, в постановке проблем и задач.

Ключевые слова: *Хохлов В.А. серебряный век, имена, лица-знаки, перекрёстки встреч, живопись, сцена.*

Бывают в жизни случайные встречи не только с людьми, но и с книгами... Совершенно неожиданно в мои руки попала книга Вадима Аркадьевича Хохлова с интригующим названием «СВ» [1]. Вручила мне эту книгу бывшая соискательница Вадима Аркадьевича (сегодня доктор юридических наук Казанского федерального (Приволжского) университета) со словами: «Было бы здорово, если бы Вы как филолог как-то откликнулись на многолетний труд моего научного руководителя, юриста по образованию и роду научно-педагогической деятельности, много лет занимающегося помимо профессиональной деятельности изучением Серебряного века. Только скажу по секрету – он об этом не просил. Я сама...». Первая мгновенная реакция – дилетант, которому нужна поддержка. Хотя и это неплохо... Однако уже обложка книги, оказавшейся в моих руках, говорила о другом – высочайшем её эстетическом оформлении. На жемчужно-белом фоне жирным чёрным жемчугом выведено название книги СВ. Карандашная зарисовка набережной Невы, а на обороте обложки – рисунок (скетч) Анны Алимбековой с фрагментом одного из петербургских архитектурных ансамблей дополняет ощущение жемчужного серебра. Уже зрительное восприятие названия книги говорит о том, что она о Серебряном веке культурной жизни нашей страны. Впечатляет.

Стала листать... И... не смогла оторваться – с наслаждением погрузилась в процесс поглощения прекрасного «текста» (так автор называет «жанр» своего письма). Образно-языковой стиль эпохи Серебряного века, как мне представляется, повлиял и определил легкость и красоту текста «СВ». Он максимально свободен от тяжеловесных причастных и деепричастных оборотов, даже лишние глаголы убираются, они зачастую заменяются тире. Оригинальность в изложении материала, свобода мысли очаровывают читателя. В моём восприятии в этом автор показался мне близким Абраму Терцу (А.Д. Синявскому). Давно я не читала подобного...

Эстетический вкус – это то главное, что характерно для автора книги. Он не изменяет ему ни в чём: ни в выборе материала, имен, ни в оценках произведений, ни в своих обращениях к читателю.

На мой взгляд, книга получилась такой потому, что её содержательная форма и стиль письма не претендуют на научный статус: в ней сознательно отсутствуют ссылки на источники (приведённые цитаты оформляются просто, как отсылки к автору), предельно лапидарные наименования глав позволяют свободу от научных формулировок. Она написана для тех, кто не просто ориентируется в литературных процессах, но, как и он, «болен» Серебряным веком – этим объясняется и доверительный тон диалога с читателем, предполагающий взаимопонимание. Она для тех, кто хочет услышать новое слово о Серебряном веке. Не хрестоматийное, абсолютно свободное от идеологизированных клише, как советского, так и постсоветского времени. «СВ» – авторская «книга», а не «монография», как принято у нас называть научные исследования. В этом её непохожесть на всё, что было «до», можно сказать, её исключительность. Не «влезая» в литературоведческую полемику, автор открыто и свободно аргументирует свои симпатии к тем, кто долгое время воспринимался не совсем «своим», и, наоборот, легко разрушает ставшие мифологизированными оценки «корифеев» от литературы и вообще искусства Советского времени.

Книга В.А. Хохлова как результат многолетней работы интересна и тем, что в ней представлено значительное количество новых имен. Уже одно это ценно для следующего поколения ученых, занимающихся Серебряным веком. Поэты, о которых пишет автор, по воле случая, также, как и он, имеют юридическое образование.

Книга начинается с предваряющей исследование небольшой главки «Вместо предисловия», в которой, в сущности, даются пояснения к основным целям и задачам своей «ненаучной» работы. Так, автор, например, говорит об интересе своём к запискам тех, «кто не ставил перед собой художественных задач» [1, с.5]. Цитирование подобных «записок» оказалось весьма ценным: оживляется текст и даётся масса неизвестной информации (думаю, даже специалистам по СВ).

Уже в начале работы читаем: «Твёрдых временных рамок у СВ, конечно же, не существует и вряд ли они могут быть названы» [1, с.7] – этим объясняется расширительное толкование понятия «Серебряный век». Понятие включает в себя поэзию, театр, культурно-просветительскую жизнь изучаемого времени. Причём, всё это не в сухом научном раскладе, а в живой авторской интерпретации с использованием значительного количества фактов из творческой жизни и биографии изучаемых имён, что становится большой притягательной силой для читателя.

Глава «Имена» – обзорная часть исследования. В ней представляются имена не только известных поэтов, писателей, философов СВ – восполняется потерянное нашей историей: оценивает вклад в СВ тех, имена которых по сей день продолжают оставаться в тени или просто неизвестными (или почти неизвестными). Автор пишет: «К сожалению, немало писателей, поэтов, художников остается почти неизвестным в силу процессов, происходивших в стране» [1, с. 43].

Галерея имен СВ представлена в хронологическом порядке: Надсон С.Я. (1862-1887) – «для многих его имя как раз и связывается с началом СВ» [1, с.45]; Случевский К.К. (1837-1904), поэзия которого воспринималась как «образчик начинающегося символизма» [1, с. 46]; Анненский И.Ф. (1855-1909), который «довольно неожиданно оказался сердцевинной СВ» [1, с 46]; Минский Н.М. (1855-1937) – его «вне сомнений, можно поставить в число лиц, определивших СВ, и назвать в числе первых» [1, с. 49]; почти забытый Фофанов К.М. (1862-1911) – современники о нём высказывались: «Поэт милостью божией», считали его лучшим поэтом России, «приближающимся к Пушкину» [1,с.51]; неизвестный советскому и постсоветскому читателю Дон-Аминад (Аминад Петрович) Шполянский (1888-1957), по причине неприятия Октябрьских событий 1917 года оказавшийся в эмиграции, оценивается как «связь времён» [1,с.53]; Иванов Г.В. (1894-1958) – примыкал к «Цеху поэтов», сотрудничал в журнале С. Маковского «Аполлон», большая часть жизни прожита в эмиграции; Лохвицкая М. А. (1869-1905), поэтесса, сестра Н.А. Тэффи, в своё время получила четыре Пушкинских премии (последнюю – посмертно), сегодня тоже

забыта; Адамович Г.В. (1892-1972) – «несомненно фигура СВ» [1, с. 58], примкнул к «Цеху поэтов», после революции оказался во Франции; Кузмин М.А. (1872-1936) – имя известное лишь специалистам по СВ: «никто всерьёз не рискнёт говорить об этом периоде России без упоминания Кузмина» [1, с. 59]; Нарбут В.А. (1887-1938) – «весьма бурная личность и совершенно незаслуженно почти забытый большой поэт» [1, с. 64]; Гуро Э.Г. (1877-1913) – на её творчество «обратили внимание В. Иванов, А. Блок», хотя оно осталось «мало замеченным» [1, с.67]; почти неизвестный Шершеневич В. Г. (1883-1942) – «непреренно должен считаться частью СВ, хотя часто это делается с сомнениями в голосе» (с.68), хотя «в имажинизме был лидером и методологом» [1, с. 70]; оставшийся почти неизвестным Лившиц Б.К (1886- 1939) – «один из самых молодых сотрудников «Аполлона», примыкал к футуристам» [1, с.72], «арестован и расстрелян как “враг народа” в 1938 г.» [1, с. 73].

Из списка известных имён: Бальмонт К.Д. (1867-1942), популярности которого «можно было позавидовать» [1, с.53]; Чуковский К.И. (1883-1969) – «личность именно этого периода», хотя, по утверждению автора исследования, «страшновато было бы включать» его в СВ [1, с. 64]; Сологуб Ф.К. (1863-1927) – «одна из центральных, хотя и непростых, фигур СВ » [1, с.62]; Городецкий С.М. (1884-1967) – один из организаторов «Цеха потов»; Мандельштам О.Э. (1891-1938) – он «вполне созвучен этому периоду страны» [1, с.66]; Розанов В.В. (1856-1919) – «один из наиболее ярких представителей СВ, хотя и не поэт» [1, с.71]; Ремизов А.М. (1877-1957) – «он вне поэзии, но личность для России и СВ – значительная» [1, с.72]; Горький А.М. (1868-1936), о котором автор работы пишет: «...по временным параметрам он должен быть отнесён к СВ, но так многое этому мешает!»; Саша Чёрный (1880-1932) как поэт упоминается в списке имён; Волошин М.А. (1877-1932) – «был весьма типичной личностью СВ, всегда проповедовал только собственные идеи, теории и образы» [1, с.77]; Ходасевич В.Ф. (1886-1939) – «одна из ключевых фигур СВ» (с.78); Аверченко А.Т. (1880-1925) – «увы, не писал стихи, но его тексты взхлёб читали все в период СВ (а Николай II, говорят, даже считал его любимым писателем)» [1, с.79]; в список имён СВ включён и Шкловский В.Б. (1893-1984), хотя «вроде бы нет оснований включать..., но он был везде» [1, с.80]; по объективно-субъективным причинам сознательно не вводится в список «имён» СВ Эренбург И.Г. (1891-1967), «хотя с хронологической точки зрения, казалось бы, имеет все основания» [1, с. 81].

В III главе с неожиданной метафорой в названии «Бог и окрестности» говорится не столько о связи поэтов СВ с той или иной конфессией, сколько об их «требовательном уровне личного отношения к делам (своим и чужим), ответственному пребыванию в мире и времени...» [1, с.85]. Вот это «личное отношение к делам», т. е. своему творчеству – и есть, по мнению автора, то главное в жизни человека, что подлежит суду божьему, поскольку человек с его помыслами и делами – в «окрестности» Бога.

Исходя из понятия, что поэт не только творец искусства, он, прежде всего, человек со всеми только ему присущими чертами, с тем внутренним, что называется частной жизнью человека, собственным сущностным «я», автор ведёт свои рассуждения о творчестве целого ряда представителей Серебряного века. И это внутреннее, личностное в «я» многих русских поэтов СВ рассматривается в контексте старообрядчества (Российского религиозного движения XIX- XX веков) как основы в формировании многих морально-этических черт лучшей части нации (приводятся имена не только поэтов и писателей СВ). Подход, в моём восприятии, абсолютно нов. Суждения вполне убедительны, изложенный материал отвечает основному постулату, выдвинутому в начале главы: «Старообрядчеством, пусть и не всегда очевидно, пропитан весь СВ» [1, с.92]. Тема главы комментируется следующим образом: «Самостоятельность и самодостаточность, расчёт на собственные силы, духовность без фальши староверов неизбежно привлекали внимание писателей, поэтов, мыслителей СВ» [1, с. 94]. В качестве примера приводятся имена М.А. Кузмина, родители которого были старообрядцами; Д. Мережковского, З. Гиппиус, проявивших глубокий интерес к истории старообрядчества и других.

Интересными в главе являются и суждения о тех, в творчестве которых была «не религиозная вера в Бога», хотя «это не мешало литераторам (правда, скорее, по традиции, инерции) считать себя христианами» [1, с.94]. Эта «не религиозная вера в Бога» в русской культуре СВ проявлялась в форме мистицизма, о чём убедительно говорится на примере не только поэтических текстов, но, прежде всего, философских трудов В.С. Соловьева, который в категориях мистицизма мечтал о единой универсальной Церкви; Н.А. Бердяева, утверждавшего, что «теургия – искусство, творящее иной мир, иное бытие, иную жизнь, красоту как сущее» [1, с. 102]; В.И. Иванова, который задачу времени видел «как преобразование всей культуры – и с нею природы – в Церковь мистическую...» [1, с.103].

В IV главе «Учения, течения» ставится задача – хотя бы «минимально определиться с существом основных школ и направлений СВ» [1, с.116]. Начиная представление СВ с символизма, автор справедливо утверждает, что «понятие “символизм” является объединяющим для всей массы разномастных течений того времени» [1, с.117]. (Эта мысль проходит через ряд высказываний представителей СВ). Центром символизма становится «Башня В. Иванова», куда входили Мережковские, Блок, А. Белый и, вообще, «большинство поэтов СВ» [1, с.121]. Центром акмеизма становится «Цех поэтов», во главе которого стояла фигура Н. Гумилёва. Туда входили С. Городецкий, А. Ахматова, О. Мандельштам, В. Нарбут и др. Футуризм кроме И. Северянина представляли братья Бурлюки, Б. Лившиц, В. Маяковский, В. Каменский, Е. Гуро. В эгофутуризм (футуризм на «излёте») входили И. Северянин, В. Каменский и др. К имажинистам традиционно относят С. Есенина, А. Мариенгофа, В. Шершеневича, Р. Ивнева, Н. Эрдмана.

Эта глава, как и предыдущие, интересна и ценна тем, что в ней – целый ряд имён СВ, забытых или оставшихся неизвестными или «малоизвестными». Это Вильгельм Зоргенфрей – в отношении символизма «спорная фигура» [1, с.121], но «состоявшийся поэт, превосходный переводчик» [1, с.121]. Был убит в 1938 году. В число символистов «то включают, то не решаются включать» [1, с.122] Александра Ивановича Тинякова, «личность неординарную, противоречивую, но подававшую надежды» [1, с.122]. Давид Давидович Бурлюк в период СВ «был фигурой куда более солидной и внушительной, чем, например, Маяковский. Собственно говоря, Бурлюк его и “открыл”, наставил, обучил, да и в целом выступал методологом движения» [1, с. 130]. Георгий Шенгели «пытался “пристать” ко многим, ходил на цыпочках перед Северяниным – когда был совсем молоденьким, но остался сам собой» [1, с.140].

В V главе с символическим названием «Лица-знаки» говорится об именах, ставших «своеобразными эпифаниями, освещающими времена» [1, с.142]. Причём, что весьма притягательно для любопытствующего читателя, имена в этой и последующих главах представляются не только в свете их «послужного списка», они интересны, прежде всего, в своих человеческих чертах. Именами («лицами»), ставшими «знаками» времени автор, в первую очередь, называет Николая Максимовича Минского, который «успел стать лидером символизма». Однако сегодняшнему читателю имя это «мало что говорит» [1, с.143]. (Сколько новых имен в этой книге!) Неизвестным он остался по причине отъезда из России, хотя «не разорвал с ней связей» [1, с.144]: руководил «Домом искусств» в Берлине, позже жил и работал то в Лондоне, то в Париже. Следующим в списке имён стоит В. Я. Брюсов, возглавлявший редакции «Весов» и «Скорпиона». Его «подвижность» в интересах к течениям СВ объясняется следующим образом: «Как человек “бешеного честолюбия” и влюблённости в собственную персону он не мог допустить, что останется в стороне от ведущих тенденций и направлений» [1, с.146]. Далее о Ф.К. Сологубе: «Магия стихов сложного, непонятного, внешне холодного и внутренне противоречивого Фёдора Кузьмича долго владела умами соотечественников» [1, с.150]. Не остался без внимания И. В. Северянин, у которого, как замечательно было сказано в своё время, «язык существовал только как музыка». Не случайно Сергей Прокофьев весьма почитал Северянина и «видел в нём именно музыканта» [1, с.157]. Значительной для СВ была фигура Л.Н. Андреева, которого, как и многих того времени, рано потеряли: «В 1917 г. он ничего не

принял, вынужденно остался в Финляндии и там как-то незаметно умер» [1, с.160]. Конечно, особо выделены имена Андрея Белого («о нём будет мало любой книги, он сделал больше для СВ, чем говорят написанные им тексты» [1, с.161]) и Владимира Маяковского, которым завершается глава. Подтекст рассуждений автора приводит к мысли, что многие черты его биографического «лица» стали роковыми «знаками» его судьбы и творчества.

В VI главе «В поисках» весьма серьёзно и убедительно решаются многие проблемы стихосложения СВ. Отталкивается автор от следующего наблюдения: «Говоря о Серебряном веке, можно смело сказать, что никогда не было такого разнообразия стихотворных размеров» [1, с. 175]. Глава выполнена в лучших научных традициях отечественного стиховедения.

В следующей главе «Перекрёстки встреч» речь идёт о конкретных, земных (профанных) топасах встреч, в рамках которых, однако, происходят события, сакрализирующие пространства этих топосов. Так, известными были «Среды» москвичей, проводившиеся на квартире у Н.Д. Телешова. «В основе кружка стояли литераторы – Куприн, Вересаев, Андреев, Бунин, С. Глаголь и др., но участвовали также артисты, издатели, “пишущая братия”» [1, с.202]. Известны также «пятницы» К.К. Случевского – клуб единомышленников. Истинным центром СВ стала Башня Вяч. Иванова, через неё «прошли практически все писатели и поэты СВ» [1, с.202]. Особо говорится о «Мире искусства», который не только и не столько кружок с топосом и временем встреч, сколько «особое интеллектуальное движение. «Мир искусства» – и объединение людей, и соответствующий журнал, и период культурного подъёма, и то, что является наиболее ярким и узнаваемым культурным символом страны. Так, знаменитые – без всяких преувеличений – “русские сезоны” Дягелева начались под знаком именно МИ. Да и сам СВ немыслим без МИ» [1, с. 208].

Глава интересна и тем, что в ней говорится не только о творческой, но и частной жизни представителей СВ. Называются так называемые «злачные места», т. е. рестораны, в которых обедали, проводили время в разговорах и т. д. Найдены имена владельцев этих ресторанов, фотографии, которые представлены в книге. (Ещё раз удивляешься тому – сколько труда вложено в это творение!)

Несколько выделяется в структуре повествования о РВ глава XVIII «В стороне (Хлебников)», о чём говорит само название.

Глава – ещё об одной трагической судьбе – поэте СВ, разносторонне образованном человеке, в поэзии которого, как заметил Мандельштам «есть всё» [1, с.254], однако оставшемся, как в творчестве своём, так и в жизни, «всегда как-то сбоку» [1, с. 256]. Вместе с тем изученные воспоминания современников позволили автору прийти к мнению о том, «что из всех футуристов именно Хлебников был и оставался цельной фигурой, продолжая быть при этом “самым загадочным”» [1, с.243]. Вероятно, именно это, весьма притягательное свойство поэзии Вел. Хлебникова, способствовало тому, что рассказ о нём выделяется в отдельную главу. Весьма ценным замечанием, раскрывающим суть «загадочности» поэзии Хлебникова, автор исследования видит в том, что все усилия Хлебникова «были направлены на поиск существа звуков и знаков» [1, с.249]. И это правда. Правда и то, что интерес к Хлебникову стал проявляться где-то с 60-х годов, «под влиянием преимущественно зарубежных публикаций» [1, с.249]. Однако дополним – были и Российские учёные, которых занимало творчество Хлебникова. Таковым был, например, литературовед П.И. Тартаковский, живший и работавший в Ташкенте, куда он из Украины попал в эвакуацию. Поэзия Хлебникова (впрочем, не только его одного) им изучалась в контексте культуры и творчества Востока, поскольку биография и творчество поэта во многом связаны именно с этим регионом мира. (Назову хотя бы одну работу учёного: Тартаковский П. И. Поэзия Хлебникова и Восток: 1917-1922 годы. Ташкент: Фан, 1992).

И ещё об одном факте, чего-то значащем для памяти поэта. Правительство Татарстана по рекомендации Учёного совета К(П)ФУ решило установить памятник поэту во дворе главного здания университета. Осталось только ждать...

Главы IX «Красный – жёлтый – синий» и X «На сцене» во многом перекликаются: в них ведутся рассуждения о живописи и театре СВ. Особенность этих видов искусства в том, что как живопись «шагнула с полотна в люди» [1, с. 257], так и театр стал другим, нужным людям: «В театр шли, им увлекались, от него требовали именно того, чтобы там, хотя бы на сцене, увидеть то, что не случилось (и, видимо, не случится в жизни), увидеть недоступное или услышать запретное в реальной жизни» [1, с. 294].

Опять масса интересных фактов из жизни и творчества художников, актёров, режиссёров, спонсоров постановок и многих других, имеющих то или иное отношение к живописи и театру времени СВ. В этих главах имена С. Дягилева, К. Станиславского, А. Чехова, А. Бенуа, В. Мейерхольда, В. Комиссаржевской, Дж. Баланчина, Л. Утёсова и многих, многих, кто жил и творил во времена СВ.

О предпоследней главе своей книги с интригующим названием «Назовём это личными отношениями» автор пишет: «В центре данного текста лишь самые обычные привязанности и пристрастия, никакого будуара и адюльтера (ну, разве что нечаянно затрону)» [1, с.315]. Автор упоминает об известных «личных отношениях» между С. Дали и Гала; между П. Пикассо и танцовщицей Ольгой и других известных людей того времени. Воспоминания современников, их письма, цитаты из текстов самих поэтов и писателей позволили говорить о «личных отношениях» между, например, Мандельштамом и Мариной Цветаевой; между Блоком и Гумилёвым (корни разногласий, а потом и вражды – «в области эстетики» [1, с.317]; между Ахматовой и Цветаевой; между Блоком и А. Толстым и т. д. С именами Н. Гумилёва, И. Бунина связано немало сюжетов, где присутствуют женщины, некоторые из которых представлены в этой главе.

И наконец, последняя глава с несколько мистическим названием «Зеркало разбилось» и повествованием о судьбах нерадостных и даже трагических, не завершает эстетические прогулки по Серебряному веку, а ставит многоточие с утверждением: «Конца не будет!» Автор исследования, обрывая себя на полуслове, признаётся в том, что написанное им, далеко не всё, что нужно изучать и писать о Серебряном веке. Такова перспектива книги Вадима Аркадьевича Хохлова!

Список литературы

1. *Хохлов В.А.* СВ. – М.: Политиздат, 2021. 380с.

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

Н.В. Бараханова канд. филол. наук, Л.В. Мамедова канд. педагог. наук

Технический институт (филиал)
Северо - Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,
Нерюнгри, nata.priwet@mail.ru

**ПСИХОЛОГИЗМ ПРОЗЫ СТЕНДАЛЯ
НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ»
(РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ПЕРЕВОД С. БОБРОВА И М. БОГОСЛОВСКОЙ)**

В работе представлены результаты анализа своеобразия форм и приемов психологизма в романе Стендаля.

Ключевые слова: *психологизм, диалектика души, внутренний монолог, психологический анализ, самоанализ.*

На настоящий момент творчество Стендаля, в целостном восприятии и аспектном разрезе, продолжает оставаться объектом исследования литературоведов - наших соотечественников и зарубежных коллег (Виноградов А.К., Андрие Р., Михайлов А.Д., Реизов Б.Г., Мюллер-Кочеткова Т.В., Фрид Я., Менье А., Куприянова Е.Н., Михайлов А.Д., И. Эренбурга, Виноградов А.К. и др.). Психологизм прозы Стендаля не однократно обращал на себя внимание исследователей (ср.: Забабурова Н.В., Жан Прево, Скафтымов А.П.), однако работы носят фрагментарный, не системный характер и обобщающего исследования, рассматривающего проблему психологизма в прозе автора, нет, как на языке оригинала, так и на материале русскоязычного перевода.

Цель нашей работы - выявить своеобразие форм и приемов психологизма прозы Стендаля на материале перевода романа «Красное и черное».

«Психологизм - это освоение и изображение средствами художественной литературы внутреннего мира героя: его мыслей, переживаний, эмоциональных состояний и т.п., причем изображение, отличающееся подробностью и глубиной» [1]. Это некая структура, которая «собирает» на каждом этапе творческого пути писателя внутренне связанный комплекс специфических средств, позволяющих достоверно передать состояние внутреннего мира персонажа в его хронологическом развитии.

В романе Стендаль для передачи движения психологии персонажа автор использует различные формы психологизма: прямую и косвенную [1]. Прямая форма - художественное познание внутреннего героя с использованием богатого диапазона изобразительно-выразительных средств, тропов, прямое наименование тех эмоций и чувств, которые испытывает персонаж (ср.: «А она не могла взглянуть на него без того, чтобы не покраснеть до корней волос, а вместе с тем не могла прожить и секунды без того, чтобы не поглядеть на него; она сама чувствовала, что смущается, и оттого, что она изо всех сил старалась скрыть это, смущалась вдвое <...> сначала восхищалась <...> она испугалась "Неужели он уже разлюбил меня? Увы!"» [2], а косвенная - познание на внешнем уровне посредством невербальных средств (мимики, жестов, цветовой гаммы в одежде или даже окружении, параллелизм с природными явлениями, то есть некое косвенное описание психологического состояния персонажа) (ср.: отрывок из главы «Ажурные чулки») [2].

В переводе романа Стендаля доминирующими, частотными приемами раскрытия внутреннего мира персонажа являются внутренний монолог, психологический анализ и самоанализ. Внутренние монологи в романе «Красное и черное» строятся по законам логики при воспроизведении персонажем своих чувств, эмоций, состояния души ср.: «Продолжая

смотр своих позиций, Жюльен убедился, что ему нельзя и думать <...> "А что я знаю об этой женщине? <...> - Я знаю только одно: до моей отлучки я брал ее за руку, а она отнимала у меня руку; теперь я отнимаю руку, а она сама берет меня за руку и пожимает ее. Прекрасный случай отплатить ей с лихвой за все то презрение, которое она мне выказывала. <...> "Я еще потому должен добиться успеха у этой женщины, <...> - что если потом кому-нибудь вздумается попрекнуть меня жалким званием гувернера, я смогу намекнуть, что меня на это толкнула любовь"» [2].

Также законам логики и причинно - следственных связей подчинен и психологический анализ персонажей (ср.: Сорель «"Нет, лучше отказаться от всего этого, - говорил он себе, - чем допустить, чтобы меня посадили за один стол с прислугой. Отец, конечно, постарается принудить меня силой; нет, лучше умереть <...> в Швейцарию сбегу. Но только тогда уж ничего впереди, никогда уж не добиться мне звания священника, которое открывает дорогу ко всему"» [2], который словно дополняется, подкрепляется, высвечивая самые скрытые, глубинные моменты, самоанализом (ср.: Жюльен «"Да, в самом деле, какие у меня достоинства? - с чувством глубочайшего убеждения твердил себе <...>"» [2]).

Благодаря ступенчатой градации психологических приемов, автор передает сложное психологическое состояние души персонажей, сопровождающееся меняющимися эмоциями и желаниями.

Раскрытию характера персонажа, его эмоционального мира, способствует и детализация. Так, отражению оттенков эмоционального фона, душевного состояния персонажей подчинен и прием внешней детали (ср.: в романе парижские памятники полководцам и королям в первой главе второй части, сравнительное описание юношеской и «почтенной» красоты во второй части восьмой главы, конгрегация как тайное сообщество в главе двадцать третьей второй части романа, часто вскрываемые тайны, в том числе названия романа). Предметный мир не богат у Стендаля, но если появляется деталь, то она всегда подсвечивает состояние души персонажа в конкретный данный момент (ср.: отрывок из главы «Неприятность») [2]. Стендаль прибегает и к довольно распространенному приему художественной детали (ср.: отрывок из главы «Вечер в усадьбе») [2]. В романе повествование ведется исключительно от третьего лица, что имеет свои преимущества в плане изображения внутреннего мира. Автор словно объективируется, отстраняется намеренно и беспристрастно комментирует поступки или даже самоанализ персонажа (ср.: «"Боже мой! Это и есть счастье любви? И это все? - вот какова была первая мысль Жюльена <...> Он пребывал в том состоянии искреннего изумления и смутной растерянности, которые овладевают душой, когда она наконец достигла того, к чему так долго стремилась. <...> Как солдат, возвратившийся с парада, Жюльен тщательно перебирал в памяти все подробности <...> Хорошо ли я сыграл свою роль?" И какую роль? Роль человека, привыкшего быть неотразимым в глазах женщин» [2], тем самым как бы настраивая читателя на определенный ракурс прочтения и восприятия определенных моментов, исключая двойственность и домысливание.

С целью раскрытия тонких нюансов психологии персонажа, Стендаль использует, и прием диалектики души (ср.: «"Что со мной делается? - спрашивал он себя. - Я чувствую, что мог жизнь свою отдать за этого добрейшего старика, а ведь как раз он-то мне и доказал, что я дурак. Именно его-то мне важнее всего обойти, а он меня видит насквозь. <...> Что я способен любить человека, который доказал мне, что я дурак?"» [2], тщательно воспроизводя в ткани повествования момент зарождения, процесс формирования мыслей персонажа, которые рождают мысли, чувства, настроения и мироощущения персонажа.

Весьма красноречиво этот прием контрастирует с приемом умолчания (ср.: отрывок из главы «Неприятность») [2].

Наряду с традиционными, частотными приемами, в авторской картине мира используются такое специфическое средство раскрытия внутреннего мира, как имитация интимных документов [1]. Стендаль строит на данном приеме целую главу «Анонимные письма», в которой можно проследить внутреннее состояние персонажа, Сореля, за чтением письма.

Не нарушая логику повествования и воссоздания внутреннего мира персонажей, Стендаль умело использует и немногочисленные лирические отступления (ср.: отрывок из главы «Путешествие»). Традиционно этот прием используют авторы для отклонения от основной сюжетной линии с целью описания внешности персонажа или его характера. Психологический аспект использования данного приема Стендалем позволяет под другим углом оценить психологическое состояние персонажа, не явленного в его внешности.

Категория психологизма получила в творчестве Стендаля яркое выражение. Он использовал для изображения мыслей, чувств, переживаний главного героя прямую и косвенную формы психологического изображения с помощью следующих приемов: внутренний монолог, психологический анализ и самоанализ, прием умолчания, диалектика души, способ повествования от третьего лица, художественная деталь, имитация интимных документов, что позволило раскрыть внутренний мир Жюльена Сореля с разных сторон, обогащая читателя новым психологическим и эстетическим опытом.

В переводе романа «Красное и черное» психологизм в различных его формах приобретает относительную самостоятельность и становится важным составляющим для уяснения содержания произведения.

Список литературы

1. Брюшинкин В.Н. Психологизм [и антипсихологизм в логике] // Новая философская энциклопедия. - М.: Мысль, 2010. - Т. 3. - С. 384-385.
2. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М., 2004. Режим доступа: <https://www.textologia.ru/literature/analiz-hudozhestvennogo-texta/analiz-struktury-hudozh-proizv/psihologizm-v-proizvedenii/4078/?q=471&n=4078>
3. Лотман Ю.М. Почему Стендаль назвал свой роман «Красное и Черное. »Избранные статьи. - Т. 3. - Таллинн, 1993. - С. 428-429 Режим доступа: <http://philology.ru/literature3/lotman-93.htm>
4. Стендаль «Красное и черное» // [Электронный ресурс] URL: <https://www.litres.ru/stendal/krasnoe-i-chnoe/chitat-onlayn/> (дата обращения 17.10.2022)

10.01.01

С.В. Бурдина д-р филол. наук, Сун Бицзюнь

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, svburdina@gmail.com, 87716736@qq.com

ФЕНОМЕН «ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ» В РОССИИ И В КИТАЕ

В статье выявляются особенности «деревенской прозы» в России и в Китае. Показывается различие в понимании этого явления русскими и китайскими писателями и учеными. Обобщаются результаты исследований китайских литературоведов и критиков.

Выясняется исторический контекст распространения русской «деревенской прозы» в Китае. Утверждается, что литература о деревне сложилась в этой стране на пороге исчезновения аграрной цивилизации. Показывается, что китайская проза о деревне, во многом ориентированная на русскую «деревенскую прозу», имеет свой специфический облик, обусловленный национальными традициями.

Ключевые слова: *русская «деревенская проза», китайская литература о деревне, изучение, воздействие, отличие.*

В 1950-60-е годы в Советском союзе (в России) возникла так называемая «деревенская» проза, существенно отличающаяся от бытовавшей ранее литературы, посвященной воспеванию «колхозной нови». Несмотря на то что до сих пор еще существуют разногласия по поводу того, как более точно называть этот уникальный пласт литературы, почти все критики согласны с тем, что «деревенская проза» не является только лишь прозой о деревне, она имеет «многостороннее соотношение с национальным сознанием» [1: 17]. С этой мыслью согласны и сами писатели, убежденные в том, что суть «деревенской прозы» – «возрождение традиционной нравственности, а сокрушенная вымирающая деревня была лишь естественной наглядной предметностью» [4].

Бурное развитие экономики и техники, массовая урбанизация не только приносят человеку материальное богатство, но и постоянно ставят его в непростое положение, заставляя сталкиваться с нравственными проблемами. Сегодня, на пороге исчезновения деревни, эти проблемы оживают под пером русских и китайских писателей.

В Китае термин «деревенская проза» отсутствует; предпочтение отдается термину «проза почвенничества», или «проза родной земли» [9: 6]. Китайская проза почвенничества подробно была исследована в монографии «История китайской прозы почвенничества», автор которой Дин Фань прослеживает развитие этого литературного феномена в Китае, начиная с движения «Четвертое мая» (1919 г.) до литературы конца XX-го века. В качестве важной характеристики прозы почвенничества автор называет ««изображение обычаев» и «местных особенностей» деревни по отношению к индустриальной цивилизации» [8: 2]. Говоря о русской литературе, автор монографии считает, что истоки почвенничества можно найти во многих произведениях таких литературных гигантов, как Тургенев, Чехов и Толстой; также, по мнению автора, к «литературе почвенничества мирового разряда принадлежат и произведения Горького» [8: 3].

Русские и китайские критики по-разному определяют сущность прозы о деревне. Китайские ученые специфику этой прозы связывают с описанием деревни на пороге перехода аграрной цивилизации в индустриальную. Вопрос же о том, в пользу какой цивилизации решится это противостояние, является для них второстепенным. Русские же критики более внимательно относятся как раз к этому вопросу, озабоченные результатом противостояния города и деревни в современном мире.

В целом в китайской литературе XX века преобладало негативное описание деревни. Но все-таки в рамках этой тенденции можно назвать несколько направлений и авторов, произведения которых можно сопоставить с русской деревенской прозой.

Тенденция возвращения к своим корням и поиска в деревне душевного покоя ярко проявилась в литературе *Пекинской группы* (1920-1940 гг.), представителями которой являются Фэй Мин, Шэнь Цунвэнь, Ван Цзэнци. По словам Шэнь Цунвэня, «...жизнь в городе слишком тороплива и суматошна... Хотя горожане и чрезвычайно чувствительны и неравнодушны, на самом деле, кроме похоти и личных интересов, их ничего не интересует...» [7: 230] По мнению этого автора, жизнь в городе – это падение. Писатели Пекинского направления посвятили свои произведения идеализации деревенской жизни, воспеванию доброты простых людей, крестьян. Не случайно современный критик сравнивает Шэнь Цунвэня со знаменитым русским прозаиком В. Распутиным [9].

Важно отметить, что литература Пекинского направления – и в этом ее отличие от русской деревенской прозы – возникла не вследствие исчезновения деревень или кризиса национальной самоидентичности, а в результате самостоятельного выбора писателей.

В 1940-е гг. внимание многих китайских читателей привлекло движение «*Земельная реформа*», обращенное к воспеванию «деревенской нови». Этой теме были посвящены произведения «Солнце светит на реке Санган» Дин Лина, «Штормовой ветер и дождь» и «Великие перемены в деревне» Чжоу Либо.

Но были писатели, которые стремились отразить явления, игнорируемые официальной литературой. В романе Чжан Айлина «Любовь на Красной земле» показана нечестность представителей компартии в период раскулачивания, проявляющаяся в преследовании «средняков». В романе «Янгэ» этого же автора рассказывается о бедности деревни на юге Китая после Земельной реформы.

По мнению некоторых критиков, творчество Чжан Айлина, раскрывающее правду о деревне в период Земной реформы, можно отнести к литературе «правды факта». Как отмечает Дин Фань, «то, о чем рассказывают романы Чжан Айлин, происходит в деревне (китайской), и поэтому имеет определенную подлинность» [8: 224].

Начиная с 1980-ых гг., в Китае стала развиваться так называемая «*экологическая литература*». На формирование экологического сознания китайских писателей огромное влияние оказали произведения русских авторов. Особенно велика была в этом процессе роль таких произведений, как «Прощание с Матерой» и «Пожар» В. Распутина, «Царь-рыба» В. Астафьева. Об этом не раз писали и китайские критики [10].

В период острой полемики о феномене «деревенской прозы» в России некоторые критики, например Г. Цветов, предлагали целый спектр вариативных замен этого термина: «литература прощания», «памятливая», «совестливая», «традиционная» проза [5: 32]. Был среди этих определений и термин «экологическая проза». И действительно, некоторые произведения китайских «экологов» очень похожи на произведения русских «деревенщиков». Особенно часто с русскими писателями, в частности с В. Распутиным, сравнивают современного китайского прозаика Алая. В центре внимания Алая (повести «Грибной круг», «Тень кипариса на реке» и др.) находятся проблемы экологии, жизни китайских крестьян и пастухов. Произведения этого самобытного автора посвящены стойкости тибетского народа в ситуации экспансии городов. Символическое значение его романа «Грибной круг» очевидно. В отличие от русской деревенской прозы, в произведениях Алая линейно-хронологическое время преобладает над родовым и природно-циклическим, а художественное пространство выходит за пределы некоего охранного круга. Алай изображает своих героев в историческом течении времени и в более широком пространстве.

Конфликт деревенской и городской цивилизации является центральным и в прозе другого известного китайского прозаика – Е Мэя. Примечательно, что сюжет его повести «Темные одеяния», связанный с угрозой исчезновения родной земли, заставляет читателя вспомнить повесть В. Распутина «Прощание с Матерой». Как и герои Распутина, герои Е Мэя страдают. Но чувство «последнего срока» в повести китайского автора выражено не так явно, как у Распутина. Герой Е Мэя находит смысл жизни в самопожертвовании. В повести этого же автора «7 ночей на улице Роз» глазами крестьянина увидена жизнь богатых горожан; показана их настоящая жизнь, скрытая под внешней счастливой оболочкой. В повести

«Свадьба Ли Юйся-крестьянской девушки» Е Мэй рассказывает о сельских жителях, которые после переезда в город становятся безответственными. В романе «Пропавшая палочка» повествуется о крайней непригодности деревенского парня к городской жизни. Важно отметить, что, по сравнению с российскими авторами, произведения Е Мэй менее тенденциозны. Наблюдая изменение внутреннего состояния крестьян, их психологии под воздействием городской цивилизации, китайский автор скорее выступает здесь в роли объективного повествователя.

Таким образом, можно утверждать, что многие тенденции, присутствующие в русской «деревенской прозе», проявляются и в творчестве китайских писателей. Однако «деревенская проза» в Китае имеет свои особенности. Это во многом связано с социальными факторами. После 1840-го года до образования КНР китайцы прожили очень тяжелый период (Первая и Вторая опиумная война, Вторжение войск восьми западных стран в Китай, Война сопротивления против Японии). На отношение к «деревенскому прошлому» в китайской литературе повлияла и отсталость аграрной цивилизации. Войны и реформа сильно изменили облик Китая, традиции деревни сохранились только в далеких глухих местах. Вот почему китайская деревенская проза изображает деревню Тибетскую (произведения Алая) или местность, где проживает народность Туцзя (произведения Е Мея). Кроме того, важно отметить и тот факт, что в Китае в последние годы бурно идет «построение новых деревень», целью которого является возведение чистых, уютных, красивых и находящихся в гармонии с природой деревень. Старый образ жизни заменяется новым. Почти все рады такой жизни. Показательно, что экологическая повесть Алая «Тень кипариса на реке» заканчивается такими словами героини (принадлежащей к старому поколению): «Я даже не думала, что могу жить такой счастливой жизнью» [6: 90].

Список литературы

1. *Большакова А.Ю.* Феномен деревенской прозы (вторая половина XX-го века): Автореф. дисс. д-ра. филол. наук.– М., 2002. – 52 с.
2. *Большакова А.Ю.* Русская деревенская проза XX века. – Шумен : Аксиос, 2002. – 160 с.
3. *Е Мэй.* Песенные палочки. – М., 2021. – 273 с.
4. *Солженицын А.* Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину. 4 мая 2000 года // Новый мир. – 2000. - №5. сайт. – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2000/5/slovo-pri-vruchenii-premii-solzheniczyna-valentinu-rasputinu-4-maya-2000.html (дата обращения 04.10.2022)
5. *Цветов Г.А.* Тема деревни в современной советской прозе. – Л., 1985. – С. 32.
6. *阿来.* 蘑菇圈. 武汉: 长江文艺出版社, 2015. 187页
7. *沈从文.* 沈从文选集(第5卷): 习作选集代序. 四川: 四川人民出版社, 1983. 406页
8. *丁帆.* 中国乡土小说史. 北京: 北京大学出版社, 2007. 376页
9. *纳杰日达·胡季亚托娃.* 俄罗斯和中国现当代乡土小说比较研究问题[J]. 文学研究, 2020(2):1-7.
10. *汪东树.* 当代生态文学的历史回顾与前景展望——汪东树教授访谈. сайт. – URL: <http://www.chinawriter.com.cn/n1/2021/0111/c405057-31995847.html> (дата обращения: 04.10.2022).

10.01.01

Лу Цзинь

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации,
кафедра русской литературы и методики ее преподавания,
Казань, 723311545@qq.com

ИСТОРИСОФСКИЕ ИДЕИ А. БЛОКА И ИХ СИМВОЛИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ: К ПРОБЛЕМЕ ЦЕЛОСТНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ТВОРЧЕСТВА ПОЭТА

Материал статьи ориентирует внимание на оригинальных историсофских идеях великого русского поэта А. Блока (1880-1921) и соответствующих им символических образах. Поскольку символика произведений рассматривается в хронологическом порядке, она являет собой образно-художественную параллель биографии поэта и его историсофским взглядам. Преобладающая образность историсофской поэзии А. Блока на протяжении всей его творческой жизни являет собой символическую целостность.

Ключевые слова: *А. Блок, революция, историсофия, символ.*

Осмысливая обширный круг написанного об А. Блоке, исследователь Н.Э. Марцинкевич резюмирует: «Актуальность приобретают исследования, которые ставят целью уточнение и углубление концептуальных построений блоковедения» [4, с. 105], иначе говоря – целостные модели, не позволяющие ценным частностям заслонить предельно значимую суть, «раздробить» и «измельчить» личность поэта и его наследие. Продолжая это развивать мысль белорусского литературоведа, отметим: чем больше время А. Блока отдаляется от нас, тем более необходимо предоставить читателю XXI века современный код целостного прочтения творчества поэта. В этом, на наш взгляд, состоит актуальность и новизна предлагаемого материала, нацеленного на выявление образно-символических соответствий историческому сдвигу, пережитому А. Блоком, – феномену, по своей сути универсальному.

А. Блок большое внимание уделял философскому осмыслению истории, поиску метафизического обоснования происходящего в судьбе России, поэтому можно говорить об определенной историсофии поэта в ее символическом выражении. На основе историсофской символики нынешний читатель, перманентно живущий переменами глобального и локального плана, может сравнить переходы и переломы своего времени с когда-то бывшими потрясениями, что в данном случае и есть, на наш взгляд, наиболее оптимальный – в силу включения личной заинтересованности – способ приближения к наследию поэта.

А. Белый настаивает, что понять Блока – значит понять связь «Стихов о Прекрасной Даме» (1905) с поэмой «Двенадцать» (1918). Это предельно значимые символы в творчестве русского поэта; между ними – символы менее глобальные, но столь же концептуальные: символы, запечатлевшие душевную драму А. Блока и ее связь с историческими потрясениями России. Выстроим их поэтапно – согласно их эволюции и последовательности появления в прижизненных сборниках поэта.

Рубеж веков – время своей юности – А. Блок остро осознавал как начало нового и лучшего для всего человечества, что и выразил в знаменитом словосочетании «*эпоха зорь*». Это – лейтмотив сборника «Стихи о Прекрасной Даме», изданного в 1905 г.: «Верю в Солнце Завета, / Вижу зори вдали. / Жду вселенского света / От весенней земли [1, с. 170]. Стихи еще не известного поэта выражали всеобщее чувство ожидания, подъема, смутной тревоги, готовности встретить по-новому новый век: «Очень многие русские души так встретили этот век; Блок являлся вождем их» [3, с. 47].

А. Белый называет *Прекрасную Даму* «первообразом» стихов Блока и его Музой, сравнивая, прежде всего, с символическими образами поэзии Вл. Соловьева (образ Софии-Премудрости), Гёте (Гретхен) и Данте (Беатриче). Согласно Вл. Соловьеву и Блоку, отвлеченная, абстрактная философия умерла, зато София (Мудрость), живая когда-то для древних философов, снова приближается к человеку, соединяется с ним, призывает его, заключает Союз с ним, ждет его активной позиции в отношении мироустройства и личного жизнестворчества.

Стихи 1904-1909 гг., после «лучезарных» предшествующих, полны символическим цветом послереволюционной реакции – *чернотой*. Черный – цвет отсутствия света, цвет тоски, предвидения страшного. В годы «черных стихов» (сборники «Город» и «Страшный мир») Блок отошел от «кружковой» творческой жизни, много времени проводил в кругу близких, подолгу бродил по самым непарадным местам Петербурга (рабочим окраинам, бедным переулкам), на пустынном берегу Финского залива часто наблюдал закаты (как бы нарочно в противовес ушедшему времени «зорь»).

А. Белый вспоминает, как в один из дней 1905 г. в Москве Блок поделился с ним «удивительным, очень важным внутренним знанием», которое связывалось «с темно-лиловым цветом и сильным запахом фиалки» [3, с. 193] – с *ночной фиалкой*. Именно так были окрашены новые вызревшие внутренние видения поэта. В одноименном стихотворении Блок попытался выразить свое новое ощущение «цвета времени» и – облика России (подробнее о лирике второго тома Блока – см.: [5], [6]).

Сборник «Нечаянная радость» полон соответствующих «ночной фиалке» красок. «Чернота» преобразуется в тусклые оттенки серого цвета. Серое часто сочетается с зеленым, и это не растительная зелень, а как бы зеленый свет, отражаемый «серым миром»: зеленые сумерки, зеленая мгла, зеленые «огни» светотеней. И здесь же «включается» лиловый *цветосвет*, бывший уже в самом первом сборнике: краски заката по природе вещей соответствуют краскам зари. Получается что-то *серо-зелено-лиловое*. Лилово-зеленый отсвет серых реалий близок фиолетовому порождению болота – Ночной Фиалке, символу Нечаянной Радости.

«Снежная маска» – одно из наиболее значимых стихотворений сборника «Земля в снегу». Здесь, как и в «Ночной Фиалке», запечатлена Надежда на Нечаянную Радость, ее постоянный пристальный поиск сквозь немыслимые преграды. *Метель* (ветер, вьюга, вихри снега (стихия полета), образующие покров чистоты над «унылым серым» и «страшным черным»), – главное условие рождение Снежной Маски. Снег прикроет, успокоит, умиротворит, после – вихрем пробудит, в конце концов – растает и очистит старое. Из мрачной, серо-унылой, порой безнадежной образности стихов нескольких сборников, сквозь очистительные вихри метели, «заклятая огнем и мраком», в итоге вырастает – Весна.

После разочарования в общественно-культурном потенциале Европы, после начала Первой мировой войны огромное место в стихах Блока занимает тема России. Она у Блока чужда всякого национализма, но она близка тому, что сам поэт называл своим «духовным скифством», *щитом и мечом скифов*, в суровые годы Первой мировой побуждавшим его приветствовать «бой за Россию». В этой связи в стихах и появляются образы всадников с мечами, а сквозь щиты их просвечивает женский образ: Вечная Женственность хранит Россию, свою Сестру. «Скифская» концепция – она же историософская концепция революции – представляет ее как очистительную бурю, стихийный мировой пожар, уничтожающий косный старый мир. Из «духовного скифства» рождается у Блока максималистская устремленность к «революции духа», провидимой за горизонтами революции социальной.

«Бой за Россию» Блок принял на поле общности, надеясь на благотворные революционные преобразования, при этом наблюдая постоянно несоответствие своим ожиданиям. Двойное отношение поэта к революционности ярче всего проявилось в поэме «Двенадцать». Поразительно, но большевики не разглядели (или на тот момент не захотели разглядеть) в *двенадцати* красноармейцах едко критический даже не подтекст, а прямой текст поэмы. Для них важно было выразиться возможно более ярко, конкретно, всем

показать цвета, звуки, ритмы, весь облик и «шаг» их времени – этому поэма действительно помогала. Но что в действительности поражает – то, что тонкие, образованные люди не «постигли» издевательского тона поэмы (как, к примеру, круг Мережковских) и отшатнулись от Блока. Здесь все звучит издевкой – злой и безнадежный укор «новейшему времени», где правят Люди с Ружьями в Черном – облик «Двенадцати».

Итак, преобладающая образность историсофской поэзии А. Блока на протяжении всей его творческой жизни являет собой символическую целостность: от «эпохи зорь» (надежды на новый век) и многообразных видений «Прекрасной Дамы» (провозвестницы нового и лучшего) – через колебания от страха неизвестности («Страшный мир») до надежды на очистительные вихри («Снежная Маска») – к «Двенадцати В Черном» (финал разочарования революцией). При этом Блок до конца остался верен стихийному восприятию революции как духовной зари, рассеивающей мрак реакции, безальтернативного и бесперспективного безвременья. Проникнутая национальным духом и образностью, символика в творчестве поэта универсальна. Универсальность связана с острым переживанием эпохальных перемен, имеющим, в свою очередь, экзистенциальный смысл стоического приятия мира и бытия.

Список литературы

1. Блок А.А. Собрание сочинений в 8 тт. М.–Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. Т. 1. 783 с.
2. Блок А.А. Собрание сочинений в 8 тт. М.–Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. Т. 2. 472 с.
3. Белый А. О Блоке. М.: Автограф, 1997. 608 с.
4. Марцинкевич Н.Э. Этапы осмысления творчества А. А. Блока в критике и литературоведении // Вестник БарГУ. Серия: Педагогические науки, психологические науки, филологические науки. 2016. № 4. С. 96-105.
5. Afanasev A.S., Breeva T.N., Domansky Ju.V. Gender Symbolism in the Cycle *Faina* by Alexander Blok // Journal of Research in Applied Linguistics. 2019. Vol.10, Is. P. 570-577.
6. Afanasev A.S., Breeva T.N., Osmukhina O.Y. Specificity of Poetic Metaseuse in the Cycle *Crossroads* by Alexander Blok // Journal of Research in Applied Linguistics. 2019. Vol.10, Is. P. 578-584.

10.01.01

Г.В. Мишина канд. филол. наук

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Стерлитамак, g.v.mishina@strbsu.ru

**РОМАН МАЙИ КУЧЕРСКОЙ «ТЕТЯ МОТЯ»
В КОНТЕКСТЕ «МЫСЛИ СЕМЕЙНОЙ» Л.Н. ТОЛСТОГО**

В работе освещается проблема раскрытия «мысли семейной» как вторичного мотива в романе М. Кучерской «Тетя Мотя». Рассмотрена поэтика «вторичного текста» в контексте романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Выявлены некоторые элементы заимствований. Исследованы примеры следования толстовской традиции и отклонения от нее.

Ключевые слова: *М. Кучерская, Л.Н. Толстой, «мысль семейная», мотив.*

Значение и влияние учения и творчества Л.Н. Толстого для русской и мировой литературы и культуры в целом неоспоримы. Примеры прямого и косвенного воздействия толстовских идей на современников и последователей неоднократно были предметом научного исследования [4,5,6,9]. Современная русская литература также существует в неоднозначном контексте творчества Л.Н. Толстого.

Роман Майи Кучерской «Тетя Мотя» занимает особое место в отечественной прозе начала XXI века в силу своей обращенности к традиционным ценностям. Этот роман – взгляд на эволюцию семейных ценностей, на эпохальное изменение принципов семейного уклада. В нем писательница, продолжая традицию русской классической литературы, на первый план выдвигает комплекс вопросов, связанных с существованием семьи в современном обществе. «Мысль семейная» отчетливо звучит в романе М. Кучерской в аспекте традиций и новаторства, в том числе, по отношению к толстовской трактовке вопроса.

Целью данной статьи является рассмотрение толстовских традиций в романе М. Кучерской «Тетя Мотя» и выявление их художественной функциональности.

Писательница вводит в текст «Тети Моти» прямые отсылки к роману Л.Н. Толстого: «Но и убедившись, уверившись, Тетя не могла поверить. Ощущала себя героиней «Анны Карениной», а оказалось-то... бульварного романа на серой бумаге!» [3, с. 370]. Аллюзии подобного характера встречаются в тексте романа многократно: схожи жизненные ситуации двух главных героинь – семья, сын, нелюбимый муж, увлечение любовником, душевные метания, связанные с мучительным выбором между семьей и страстью, рождение дочери.

Е.Р. Варакина определяет данное произведение как полемически поданный прототекст романа Кучерской, так как «героиня Кучерской в той же ситуации выбирает не страсть, а семью» [1]. Е. Новикова в статье «Майя Кучерская оправдала Анну Каренину» также проводит параллель между Тетей Мотей и Анной Карениной, отметив, что «роман Кучерской вмещает всё и всех: счастливых, и несчастных, и быт с изменами, и домострой с феминизмом» [2].

Так, роман «Тетя Мотя» – взгляд художницы на эволюцию семейных ценностей, на эпохальное изменение принципов семейного уклада. Создаваемая действительность направлена на изображение фактов реальных с подчеркнута жизнеподобными формами. Данные категории формируют две основные сюжетные линии романа: «одна, происходящая с героиней в наши дни, и другая, посвящённая жизни провинциальной семьи в конце XIX – начале XX века» [7].

Незначительной отсылкой к «Анне Карениной» является и заглавие: оно также дано в честь главной героини произведения, однако в случае с романом М. Кучерской в названии не настоящее имя героини, а ее прозвище. В домашнем прозвище реализуется отражение мироощущения героини – она чувствует себя уставшей, загнанной семейной рутинной, нелюбимой, серой женщиной в глазах мужа – потому Тетя Мотя она дома, а на работе это образованная Марина, получившая имя в честь Марины Цветаевой, которую разглядел и раскрыл Михаил Ланин.

В неоднозначности внутреннего мира Марины содержится прямая отсылка к Анне Карениной, которая также не находила способа реализовать всю глубину собственных чувств. Каренин – человек несколько старше Анны, в целом, был холоден в проявлении эмоций и не мог дать Анне необходимой ей страсти. Поэтому, когда появляется Вронский, такой же чувственный, героиня не справляется с искушением.

Коля и Мотя также испытывают кризис отношений, настигнувший их семью, но не говорят открыто об этом. Основное развитие этот кризис получает в мыслях персонажей, в их внутренних монологах, обращенных к себе, друг к другу, к окружающим. В произведении доминирует психологическое пространство, в котором наблюдается погружение во внутренний мир субъекта, динамика внутреннего мира, «диалектика души».

Образы трех семей – отца Ильи (из писем Голубева), Голубевых и Тишки, стали для Марины решающими в ее выборе между семьей и страстью. Неожиданно обличенная фальшь ее болезненной привязанности к Ланину, приводит героиню к переосмыслению семейных ценностей: «Лицо Ланина всплыло в ее памяти, и впервые за это время все, что казалось ей таким новым, чудесным, бездонным – взволнованные эсэмэски, стихи, виртуальные и реальные поцелуи – представилось пустотой, теплой, уютной, но нечистой, – сейчас, в доме Сергея Петровича, перед этой гитарой, фотографией и лицом неведомой женщины она внезапно уткнулась в дно» [3, с. 299].

Рождение дочери в финале романа Кучерской является неким предзнаменованием дальнейшего воссоединения семьи. Создавая образы Коли и Марины, М. Кучерская не ставила себе задачу показать истинные и ложные ценности каждого из них. В данном случае, можно согласиться с мыслью Е. Варакиной о том, что «в образах Коли и Тети Моти остается некая лазейка, пространство экзистенциальной неуловимости, непредсказуемости, неисчерпаемости, которая оборачивается финальной возможностью преображения самой безысходной ситуации» [1]. Для М. Кучерской было важным показать, что происходит в институте семьи изнутри, не осуждая никого из своих героев, оставляя за ними возможность собственного выбора.

Семейная жизнь Марины перестала приносить радость и текла по инерции. Семейная жизнь Анны Карениной внешне выглядит образцово, благополучно, спокойно, но только при детальном рассмотрении внимательный читатель сможет разглядеть «фальшивое во всем складе их семейного быта», предпосылки и причины дальнейшего кризиса отношений мужа и жены: «Увидав ее, он пошел к ней навстречу, сложив губы в привычную ему насмешливую улыбку и прямо глядя на нее большими усталыми глазами. Какое-то неприятное чувство щемило ей сердце, когда она встретила его упорный и усталый взгляд, как будто она ожидала увидеть его другим. В особенности поразило ее чувство недовольства собой, которое она испытала при встрече с ним. Чувство то было давнишнее, знакомое чувство, похожее на состояние притворства, которое она испытывала в отношениях к мужу; но прежде она не замечала этого чувства, теперь она ясно и больно сознала его» [8, с. 53].

Коля, муж Моти, находится в такой же ситуации, что и Каренин. Оба героя – обманутые мужья, которым приходится справляться с предательством. Переживая утрату семейного тепла и взаимопонимания с женой, герои открываются читателям с драматичных сторон.

В отличие от Карениных, брак Тети Моти с Колей изначально был неравный, так как герои – представители разных укладов, традиций и мироощущения. Любовник Марины, Михаил Ланин, по своей сюжетной роли сопоставим с Алексеем Вронским. Он появляется в жизни Марины в тот момент, когда семейная жизнь героини перестала приносить ей радость,

и единственным спасением и объектом любви оставался сын Артем.

Муж Тишки – Боря, по своей сюжетной роли сопоставим со Стивой Облонским. Оба героя неоднократно заводят романы и изменяют своим женам, которые в свою очередь сидят дома и воспитывают детей. Интертекстуальная параллель с Облонскими добавляет пессимизма в развитие темы семейных отношений. Тишка побеждает готовностью бороться за семейное счастье с помощью бесконечной ежедневной работы над своим характером. Ее нравственная чистота, жертвенность и верность семейным идеалам являются определяющими факторами в борьбе за сохранение семейного благополучия.

Несмотря на большое количество аллюзий – прямых и читаемых на символическом или сюжетном уровне, финалы романов отличаются.

Трагические элементы хронотопа из «Анны Карениной» – вокзал, поезд, и внутреннее состояние героини – отсутствие цели поездки, смятение и ощущение безысходности, отчаяния, некоего тупика в жизни, ведут в романе Кучерской не к гибели героини, а к духовному преображению и возрождению семьи.

Такое принципиально различие финалов объясняется тем, что в своем романе Л.Н. Толстой хотел показать губительность страсти и духовный кризис женщины, которая выбирает страсть, а не семью. М. Кучерская же такой задачи перед собой не ставила. Для нее было важным показать, что происходит в институте семьи изнутри, оставляя за каждым из героев возможность собственного выбора.

Таким образом, в романе Майи Кучерской «Тетя Мотя» центральное место занимает «мысль семейная». Следуя за Л.Н. Толстым, Кучерская создает героиню, похожую внутренне и судьбой на Анну Каренину. Находясь в мучительных поисках себя, познавая свое женское и личностное начало, Марина проходит путь искушений, открытий и разочарований. В сравнении с историей Анны Карениной, выбор героини Кучерской в силу иных исторических и социально-нравственных обстоятельств лишен отчаяния и драматичной бесповоротности. Это, однако, не снижает, а наоборот, повышает ценностный статус решения Марины сохранить семью. Так М. Кучерская предлагает поразмышлять о значимости вечных ценностей в меняющемся мире.

Список литературы

1. *Варакина Е.Р.* Православная художественная проза: к проблеме бытования термина // Православие и русская литература: сборник статей / отв. ред. Б.С. Кондратьев. Арзамас, 2012. С. 225-235.
2. *Новикова Л.* Майя Кучерская оправдала Анну Каренину // Известия. 2012. [Электронный ресурс] URL: <http://izvestia.ru/news/536779>
3. *Кучерская М.А.* Тетя Мотя. М.: Астрель, 2013. 506 с.
4. Л.Н. Толстой: русская и национальные литературы: Материалы международной научно-практической конференции 13-14 ноября 2010г. Ер.: «Издательский дом Лусабац», 2010. 260 с.
5. Лев Толстой и мировая литература: материалы V международной научной конференции. Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2008. 352 с.
6. *Мотылева Т.Л.* О мировом значении Л. Н. Толстого. М: Сов. писатель, 1957. 726 с.
7. *Орлова А.* В институте семьи идет ремонт // Православие и мир. 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravmir.ru/tetya-motyua-ne-propoved-a-issledovanie-majyakucherskaya-o-novoj-knige-i-ne-tolko/>
8. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. М.: Наука, 1970. 912 с.
9. Толстой и зарубежный мир: [сборник материалов: в 2 книгах / ред. С. А. Макашин]. Москва: Наука, 1965.

10.01.01

Е.А. Первушина

Дальневосточный федеральный университет,
Восточный институт – Школа региональных и международных исследований,
кафедра русского языка как иностранного,
Владивосток, pervushelena@yandex.ru

**«МЕРА ЗА МЕРУ» ШЕКСПИРА В ПЕРЕВОДЕ ОСИИ СОРОКИ:
КРЕАТИВНАЯ ЭНЕРГЕТИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ НОВАЦИЙ**

Выразительная экспрессия неожиданных окказионализмов, найденных О. П. Сорокой в его переводе комедии Шекспира «Мера за меру», не просто вербально декорирует его переводной текст. Автор статьи рассматривает эти лексические новации как выражение оригинальной переводческой трактовки произведения, делая выводы о важной функции, которую выполняют лексические нововведения Сороки.

Ключевые слова: Шекспир, «Мера за меру», Осия Петрович Сорока, русские переводы Шекспира, переводческая трактовка, окказионализм.

Трудно назвать пьесу Шекспира, которая на протяжении более трех столетий вызвала бы такие противоречивые и даже крайне негативные оценки и зарубежных, и отечественных критиков, какие достались комедии «Мера за меру». Тем удивительнее, что еще в начале 1830-х гг., когда Шекспир только начинал открываться России, А. С. Пушкин, как вспоминали его друзья, «пленился» именно «Мерой за меру», попытался даже перевести ее [об этом см.: 4, с. 209–266], но позднее создал собственное произведение, в котором творчески переосмыслил шекспировскую пьесу – драматическую поэму «Анджело». Несмотря на неодобрение современников, Пушкин не сомневался в значимости своего творения, сказав о нем: «...ничего лучше я не написал» [2, с. 233].

Переводческая история «Меры за меру» в России тоже не была такой активной и насыщенной, какой была история русского «Гамлета». Пьесу переводили только для изданий полного собрания сочинений писателя. Так, в XIX в. появился перевод Ф. Б. Миллера. Выполненный на заказ, он не вызвал большого интереса и не стал явлением литературной жизни России. Советский период главным образом представили М. А. Зенкевич (1886–1973) [13] и Т. Л. Щепкина-Куперник (1874–1952) [14]. Конечно, их работы явились безусловным достижением, отразившим возросший профессионализм отечественной переводческой культуры. Вместе с тем разногласия внутри этого творческого диалога показали и продолжившееся напряжение переводческой рецепции Шекспира в России.

После выхода в свет 8-томного собрания сочинений Шекспира 1957–1960 гг. известный отечественный переводчик-исследователь В. В. Левик (1907–1982) сказал, что новые переводы Шекспира неизмеримо выше предшествующих, но указал на необходимость продолжения переводческих поисков. Левику не хватило «сумбурного», «взвихренного», полного «корявых фантазмагорий» Шекспира, который с «простодушием и смелостью варвара <...> изобретал новые слова, соединял несоединимое, придумывал дикие, ни с чем несообразные метафоры <...>. И в этой стихийной силе языкотворчества и образотворчества не имел себе равных» [7, с. 95]. Русский переводной Шекспир, заключил Левик, во многом утратил «свой причудливый, иногда несообразный и дикий словесный наряд». Можно отмечать отдельные переводческие находки, продолжил Левик, но эти частности «не изменяют существо дела, пока не явится поэт, который переведет Шекспира заново, тем свежим, безудержным, буйным и многоцветным языком, которым писал великий Вильям» [7, с. 103, 104].

Время показало, что обозначенная рецептивная перспектива стала тенденцией переводческой практики рубежа XX–XXI вв. Особенно интересным и ярким ее открытием явился Осия Петрович Сорока (1927–2001). Целью настоящей статьи является выявление лексических новаций в его переводе комедии Шекспира «Мера за меру». Научная новизна работы состоит в установлении особой функции этих новаций.

Переводческое наследие Сороки получило высокую профессиональную оценку. «Перевод Осии Сороки, – заявил А. В. Бартошевич, – это крупнейшее событие не только в истории шекспировских переводов, но и в истории взаимоотношений между русской культурой и Западом» [3, с. 58]. Предприняты серьезные исследования языкового новаторства Сороки. Так, Е. Ю. Куницына включила переводные тексты Сороки в материалы своего когнитивного исследования теории литературного перевода как игры [6]. Специалисты уточняют творческую позицию Сороки [9], работают над созданием научных комментариев к его переводам [8], решают серьезные текстологические вопросы, возникающие при публикации переводных текстов Сороки [11; 12].

Один из самых известных и продуктивных современных переводчиков англоязычной литературы, О.П. Сорока – автор креативно неожиданный и инновационно смелый. Его важнейшим творческим достижением стало обращение к Шекспиру, из которого он перевел 10 пьес: «Бурю», «Меру за меру», «Короля Лира», «Кориолана», «Сон в шалую ночь», «Отелло», «Антония и Клеопатру», «Ромео и Джульетту», «Как вам угодно» и «Венецианского купца». Но не только Сорока-переводчик, но и Сорока-критик представил по-новому увиденного им Шекспира, причем сделал это на страницах произведения, необычного по совмещению разговорной доверительности изложения и глубины филологических прозрений. Это эссе «Загадки Шекспира» [10].

В Шекспире, уверен автор, «предостаточно еще нового, чудесного, бездонного»; он «не просто современен – он современен неожиданно, свирепо, дерзко, еретически». «...Россию XIX века, – продолжил Сорока, – Шекспир ошарашивал уже самой дерзостью сюжетов, необычным разворотом тем. Но теперь, чтобы произвести впечатление на читателя, слушателя, зрителя, очумелого от телевизионных шоу, надо усилить речь небывало яркими, свежими словами» [10, с. 791].

Переводные шекспировские тексты Сороки действительно изумляли окказиональными изобретениями автора. Лир, отвергая Корделию, называл ее «плюгавкой со своей лжепрямотой», «отверженной природы». Он же умолял Кента: «Не трогай, не докрамсывай мне сердца». Его «низкопородный» «пригулок» Эдмунд презрительно говорил о людях, страдающих из-за «сластожорства». «О любовненависти торжество!» – восклицал у Сороки Ромео. Синьор Капулетти, приглашая гостей на бал, утверждал, что потанцевать у них бывают рады все, а если какая-то дама и «не рада, та, значит, обмозолела» (т.е. дотанцевалась до мозолей на ногах). Синьор Капулетти сердито одергивал Тибальда: «Ишь, не потерпит он <...>. Раскукарекался сопляк!». Меркуцио в знаменитом монологе об «эльфихе Мэб» рассказывал, что хомуты ее крошечных возниц – «из лунных влажнолучий, а кучером – комар сероливейный».

Множество подобных примеров есть и в «Мере за меру». «Простоватый констебль» Локоть, обеспокоенный перспективой наступающего в стране «беззаконства», представил себя Анджело «бедным герцоговым стражепорядком» и привел ему «на расправу» «двух матерых злотребителей». Отвечая Локтю на его нелепое приветствие переодетому монахом Герцогу – «Здравия желаю, святой брат отче!», – сам Герцог иронически назвал Локтя «отчебротом», а позднее устыдил его за «блудослуженье». Лючио, не подозревая, что обращается к самому Герцогу, грубо орал ему: «Ах ты бритоплешая шельма!». В финале, узнав, что его заставляют жениться на когда-то брошенной им женщине, Лючио в отчаянии вопил, что жена-потаскуха для него «хуже, чем смертодавильня». Эскал, поначалу не вникнувший в творимый Герцогом разоблачительный спектакль, приказывал отправить Изабеллу и Мариану в тюрьму, назвав их «трепохвостками».

Выразительной емкостью наделены у Сороки не только его окказионализмы. Натужно показное благочестие Анджемо исчерпывающе красноречиво выдает точно найденное переводчиком просторечное слово: «Губами я мусолю божье имя / А в сердце крепнет и густеет грех». Впечатляющая экспрессия, с какой Герцог воспринял воцарившуюся в стране безнравственность, очевидна в его выражении «увидел, / Как пузырится <...> развращенье». Силу эмоционального напряжения, с каким Мариана просит поверить, что именно ее, а не Изабеллу Анджемо познал «как муж жену», Шекспир подчеркнул поэтической метафорой – если ей не поверят, Мариана готова «...else for ever be confixed here, / A marble monument!». У Зенкевича это переведено «мрамором навек окаменеть». У Щепкиной-Куперник простое сравнением: ее Мариана обещает застыть, «как памятник из мрамора». Но Сорока, смело опустив шекспировское «marble monument», нашел удивительное по выразительности и психологической глубине выражение – «Окаменею в мраморной печали».

Неожиданная и дерзкая лексика в переводах Сороки не просто вербально модернизирует и декорирует его переводной текст. Е. Ю. Куницына убеждена, что «опыты переводчика со словами в его соответствии вызову игры словом у Шекспира» выводят его лексику за пределы привычного словоупотребления и сообщают ей описанную Ю. Хабермасом «возможность создать новые миры или <...> продемонстрировать мирооткрывающую силу новаторских языковых выражений» [6, с. 26].

Важно понять креативную цельность и глубину Шекспира, создаваемого Сорокой. Авторское ощущение этого единства отражено в оригинальной систематизации произведений Шекспира, в основе которой вовсе не традиционная расстановка шекспировских пьес по хронологии или жанру. Сорока находит другие системные возможности эстетической родственности произведений. «Мера за меру» соотнесена у него с произведениями, в которых поднимается тема ухода из мрачного мира власти «в возвышенное тайномудрие». Это исторические хроники, сонеты, «Гамлет» и «Буря». «Мера...» – так же загадочна, как и «Гамлет», полагает Сорока. Пусть Гамлета тянет в театр, а герцога Винченцо – в монахи, но тема произведений одна. Поэтому в творческой эволюции Шекспира комедия «Мера за меру» занимает такое же важно место, какое принадлежит перечисленным знаменитым произведениям

Поэтому образ герцога принципиально важен и для Сороки-эссеиста, и для Сороки-переводчика. Он отказывается от традиционной трактовки образа героя как схематически условного человека, не способного на глубокое страдание. Сорока наделил своего герцога очень острым чувством вины, даже более острым, чем в оригинале. Шекспировский герцог, признавая, что был излишне мягок с подданными, говорил, как *вообще* нехорошо оставлять преступления без наказания «'Twould be my tyranny to strike and gall them / For what I bid them do: for we bid this be done, / When evil deeds have their permissive pass / And not the punishment». Но у Сороки герцог страстно обвиняет только себя: «Ведь сам я распустил бразды правленья / И послабленье дал дурным делам – / И значит, сам велел так поступать. / А нынче бью за это и караю?». Гораздо трагичнее, чем в подлинной пьесе, герцог у Сороки воспринимает беспорядки, воцарившиеся в Вене из-за такого попустительства. У Шекспира он говорил при этом о нарушенных приличиях: «quite athwart / Goes all decorum». Но в переводной «Мере...» Сороки речь идет о нарушенном порядке жизни: «прахом весь / Пошел порядок», что заставляет вспомнить гамлетовское «The time is out of joint».

Известно, что переводческие новации Сороки с энтузиазмом восприняли театральные деятели. Событием российской театральной жизни в 2010 г. стал спектакль театра им. Вахтангова «Мера за меру», поставленный в переводе Сороки одним из самых известных и дерзких наших режиссеров – Ю. Н. Бутусовым. Спектакль вызвал широкий общественный резонанс [1; 5], и в результате пьеса Шекспира, у которой, как заметил А. В. Бартошевич, в нашей стране почти не было сценической истории, начала ее обретать.

Конечно, еще рано отвечать на вопрос, насколько удалось О. П. Сороке «оживить» шекспировскую «Меру...». Однако то, что его Шекспир заговорил на впечатляюще новом языке – остро современном, ошеломляющим свежей неожиданностью и глубинной

наполненностью образных откровений – несомненно. Подчеркнем еще раз: Сорока не просто оригинальничал в языке. Его лексические новации в переводе «Меры за меру» возникли как органическое выражение особой трактовки шекспировской пьесы. Переводчик интерпретировал ее как концептуально значимое произведение, системно соотносимое с другими, знаменитым творениями Шекспира, в которых поднималась тема ухода из мрачного мира власти. Явно перекликающаяся с пушкинским восхищением «Мерой за меру», эта переводческая рецепция усилила интерес к произведению, повысив его литературный и культурологический авторитет в России.

Список литературы

1. Алексей Бартошевич о первой постановке «Короля Лира» в переводе О. Сороки // Шекспир У. Король Лир. Пер. О. П. Сороки. – М.: Common Place, 2022. – С. 493–499.
2. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2. – СПб: Академич. проект, 1998. – 656 с.
3. Бартошевич А.В. Спасительное чувство стыда // Театр. – 1992, № 10. – С. 56–59.
4. Захаров Н.В. Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. – 320 с.
5. Интервью с Сергеем Качановым, сыгравшим роль Лира в первом спектакле, поставленном по переводу О. Сороки // Шекспир У. Король Лир. Пер. О. П. Сороки. – М.: Common Place, 2022. – С. 500–503.
6. Куницына Е.Ю. Лингвистические основы юридической теории художественного перевода: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – Иркутск, 2011. – 35 с.
7. Левик В. Нужны ли новые переводы Шекспира? // Мастерство перевода 1966. М.: Сов. писатель, 1968. – С. 93–104.
8. Радлов С.Д. Комментарии к трагедии «Король Лир» в переводе Сороки // У. Шекспир. Король Лир. Пер. О. П. Сороки. – М.: Common Place, 2022. – С. 280–382.
9. Радлов С.Д. Переводчик как критик (к постановке проблемы). Осия Сорока о природе шекспировского воображения в эссе «Загадки Шекспира» // Знание. Понимание. Умение. – 2017, № 2. – С. 270–278.
10. Сорока О.П. Загадки Шекспира // Шекспир У. Комедии и трагедии. Пер. О. Сороки. – М.: Аграф, 2001. – С. 784–857.
11. Шекспир У. Комедии и трагедии. Пер. О. Сороки. – М.: Аграф, 2001. – 861 с.
12. Шекспир У. Король Лир. Пер. О. П. Сороки. – М.: Common Place, 2022. – 516 с.
13. Шекспир В. Мера за меру. Перев. М. А. Зенкевича // В. Шекспир. Полн. собр. соч. Т. 7. – М.; Л.: Academia, 1949. – С. 377–504.
14. Шекспир У. Мера за меру. Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник // Шекспир У. Полн. собр. соч. В 8 т. Т. 6. – М. 1960. – С. 158–279.

10.01.01

С.А. Серегина канд. филол. наук, С.И. Субботин канд. филол. наук

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Отдел новейшей литературы и литературы русского зарубежья,
serjogina@mail.ru, serg_subbotin@mail.ru

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МИСТЕРИЯ ПРОЛЕТАРСКИХ ПОЭТОВ VS «ВЕЧНАЯ ПЕСНЯ ПЕРЕД МИРОЗДАНЬЕМ» С.А. ЕСЕНИНА И Н.А. КЛЮЕВА

В работе представлены результаты сравнительного анализа дореволюционной лирики С.А. Есенина, Н.А. Клюева, М.П. Герасимова, И.Г. Филипченко. В творчестве Клюева и Есенина выявляется особый синтез романтической традиции, социальной повестки и религиозно-философский устремлений. Доказывается художественно-философская близость лирики М.П. Герасимова дореволюционному творчеству Клюева и Есенина. Кратко описана суть индустриальной мистерии И.Г. Филипченко в центре которой – образ «атлантов труда».

Ключевые слова: пролетарские поэзия, синтез, С.А. Есенин, Н.А. Клюев, М.П. Герасимов, И.Г. Филипченко.

История т.н. «пролетарской поэзии» берет свое начало в конце 1880-х, когда «молодой рабочий Егор Нечаев создает свои первые стихи, посвященные тяжелому труду рабочих-хрустальщиков, их горькой и беспросветной жизни» [2, с. 5]. Советское литературоведение делало акцент на «пролетарском» происхождении Е.Е. Нечаева, Ф.С. Шкулева, Ф.Т. Гаврилова, М.К. Савина – в их первых поэтических опытах *труд рабочего* становится предметом художественного изображения, увиденным сквозь призму реального жизненного опыта. Однако в 1900-е–1910-е годы такого рода литераторов называли *писателями из народа* или *писателями-самоучками*. Эпохальным событием с точки зрения формальной организации *писателей из народа* стало создание «Суриковского литературно-музыкального кружка» (а прежде – Московского товарищеского кружка писателей из народа, 1901–1903). Одним из основателей Суриковского литературно-музыкального кружка и был Е.Г. Нечаев, стоявший, в терминологии советского литературоведения, у истоков пролетарской поэзии. Это обстоятельство обнажает корневую общность «пролетарских» и т.н. «новокрестьянских поэтов» (в т.ч. Н.А. Клюева и С.А. Есенина). Как известно, их творческая биография также связана с Суриковским литературно-музыкальным кружком. Так, Клюев называет суриковцев среди своих «знакомцев» [7, с. 35] 1912–1913 гг. – времени выхода своих первых книг: «Сосен перезвон», «Лесные были» и «Братские песни». О том, что первое выступление Есенина в Суриковском литературно-музыкальном кружке было встречено с восторгом, вспомнит позднее Ефим Шаров [14]. Так выявляется общий генезис Клюева и Есенина – с одной стороны, и пролетарских поэтов – с другой. Отметив это, сосредоточимся на сравнительном анализе дореволюционной лирики «новокрестьянских» и «пролетарских» поэтов, который показывает и условность этих терминов, и неоднозначность самого противопоставления. Круг пролетарских поэтов довольно широк: здесь мы остановимся на М.П. Герасимове и И.Г. Филипченко. Выбор этих имен не является произвольным. С Филипченко Есенин познакомился в Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского. До революции оба поэта публиковали свои произведения в большевистской печати. Есенин – в газете «Путь правды», Филипченко – в газете «Правда». О «любви и дружбе» с Филипченко Есенин скажет в дарственной надписи пролетарскому поэту на своей книге «Трерядница» (1920) [5: т. 7 (1), с. 130]. Что касается М.П. Герасимова, то в своей неоконченной статье о сборниках пролетарских писателей 1918 г. Есенин охарактеризует именно Герасимова как поэта «весьма и весьма не средней

величины среди своих собратий» [5: т. 5, с. 239]. «Милому Мише за чистое сердце» [5: т. 7 (1), с. 65], – обратится Есенин к Герасимову в инскрипте на своей книге «Голубень» (1918). Такая приязнь Есенина к пролетарским поэтам не была следствием только симпатии или уважения к их поэтическим опытам. Человеческие и творческие устремления Есенина в дореволюционные годы осуществлялись в т. ч. под знаком поиска общественного идеала, впрочем, окрашенного в романтические краски. Первая публикация Есенина в большевистской печати – это стихотворение «Кузнец» в газете «Путь правды» (1914, 15 мая, № 87). Мощный образ «отважного и сурового» кузнеца с «блещущим» взором и разящим ударом [5: т. 4, с. 64] можно было бы назвать действительно «пролетарским». Это отчасти объясняется одним из непосредственных и ранее не отмеченных источников есенинского «Кузнеца». Речь идет о стихотворении зачинателя пролетарской поэзии Ф.С. Шкулева «Кузнецы»: «Мы кузнецы, и дух наш молод, / Куем грядущего ключи! / Вздымайся выше, наш тяжкий молот, / В стальную грудь сильней стучи!» [8, с. 44]. Другой источник есенинского «Кузнеца», установленный Э.Б. Мекшем [10, с. 68] – это стихотворение Н.М. Языкова «Пловец», ставшее известной песней. Прекрасная «блаженная страна», к которой устремлен языковский пловец, кажется одним из прообразов солнечного сияния нового дня, к которому призывает Есенин в стихотворении «Кузнец». Так обозначается особый *синтез* в творчестве раннего Есенина, сочетающий романтическую традицию и социальную повестку. Возможно, творческий замысел «Кузнеца» был отчасти обусловлен общением Есенина с Филипченко. Его стихотворение «С работы» (1913) разворачивает *индустриальную мистерию*, в которой картину «страстей Господних» замещает торжественное и вдохновенное шествие рабочего – «Пробывшему день / В мытарствах мук, по Кругам Испытання, как Тот» [13, с. 25]. Филипченко дает образ «атлантов труда» и «гладиаторов глыб» [13, с. 25], в которых их сврехчеловеческое нутро не нуждается ни во вдохновенных романтических устремлениях, ни в религиозном пафосе. В отличие от «заводского рабочего» Герасимова, о котором пойдет речь ниже, «каменщики, маляры, штукатуры» Филипченко не страдают: они – «железная, сытая мощью толпа» [13, с. 25]. Символическим образом этого торжества нового человека, преодолевшего страдающего Бога, является их «смех своевольный, уверенный гомон» [13, с. 25].

Если говорить о широком контексте, то как Клюев с Есениным, так и пролетарские писатели продолжали демократические традиции русской литературы, ярко заявляющие о себе в творчестве А.В. Кольцова, И.И. Никитина, Н.А. Некрасова и др. с их сострадательным вниманием к простому человеку. В лирике Герасимова *завод* окрашен в мрачные тона – это место, где рабочий вынужден «в тоске глухой, больной, кипучей <...> целый день страдать» [11, с. 91]. Заводское пространство вписано в широкий *казарменный и острожный* топос русской литературы: «властный зов сирены», «зоркий сторож у ворот», «привычная тропа», по которой «бредет» лирический герой и с которой необходимо сойти, чтобы «безумный разорвать кошмар» [11, с. 92]. Образ *казармы* появляется и в дореволюционной лирике Клюева: как известно, поэт пережил тюремное заключение в следствие своей агитационной революционной деятельности [1, с. 27–36; 4, с. 120–123]. Особенностью клюевского раскрытия темы *народного страдания* является мотив жертвы: «Казарма дикая, подобная острогу, / Кривою мечтой мне в душу залегла, / Ей молодость моя, как некоему богу, / Вечерней жертвою принесена была» [6, 85]. Жертва вечерняя – это слова из псалма 140: «Да направится молитва моя, как фимиам, пред лице Твое, воздеяние рук моих – как жертва вечерняя» (Пс. 140: 2). Так Клюев поднимает свою социальную работу на высоту жертвенного религиозного акта.

В 1914 г. особым событием в истории пролетарской литературы стало издание «Сборника пролетарских писателей», подготовленного А.М. Горьким [11]. Неизвестно точно, когда этот сборник попал в орбиту внимания Есенина, однако в 1918 г. Есенин скажет о нем в упомянутой выше статье о пролетарских писателях. Для самого Есенина 1914 г. также имел особое значение: было напечатано первое стихотворение поэта – «Береза» (<1913>). В это же время в круг чтения Есенина входят книги Клюева – «Сосен перезвон» и «Лесные были».

Как у Клюева, так и у Есенина социальный вектор сменяется духовно-творческим. Это созвучие их душ раскрывалось в многоголосной переключке образов и мотивов в произведениях обоих поэтов.

Ярким ее примером являются стихотворения «Пойду в скуфье смиренным иноком...» и «Набух, оттаял лед на речке...». Первая редакция есенинского стихотворения была опубликована в 1915 г. в июльском номере журнала «Русская мысль» под заголовком «Инок». Лирический герой этого стихотворения – «светлый инок» – идет «степной тропой к монастырям». Здесь, конечно, нашел свое отражение реальный опыт паломничества, который Есенин приобрел еще в детстве [3, с. 43–63; 12]. И при этом ближайший литературный контекст здесь – это строки стихотворения Клюева: «Природы радостный причастник, / На облака молюся я, / На мне иноческий подрясник / И монастырская скуфья» [6, 172]. Лирических героев Есенина и Клюева сближает не только упоминание деталей монашеского облачения, но и радостное «причастие» природе. Нежное отношение ко всему живому раскрывается посредством ласковых именовании. У Клюева – это «березки–бледные былички» и «веснянки-птички». У Есенина – кошель из *хворостинок*. Славословие миру находит свое наивысшее воплощение в образе *молитвы*: у Клюева она обращена к облакам, у Есенина – к копнам и стогам. Эта молитва сопряжена с причащением «святых тайн» природы: Есенин «вкушает» «бесплотное причастие», Клюев – «радостный причастник». Храмовое мироощущение поэтов было укоренено в христианской традиции. В.В. Лепахин приводит 148-й псалом и литургию св. апостола Иакова как тексты, в наибольшей полноте раскрывающие истоки *космической литургии*, которую служит лирический герой Есенина [9, р. 310]. Это глубокое и верное наблюдение действительно обозначает общий и широкий контекст такого *храмового мироощущения* обоих поэтов. Псалмы с их призывом «Всякое дыхание да хвалит Господа» (Пс. 150: 6) – «все холмы, древа плодоносна и все кедри, зверие и все скоти, гады и птицы пернатые» (Пс. 148: 9–10) – найдут свое художественное воплощение в трактате «Ключи Марии» Есенина, где он подчеркнет, что образы и фигуры русского орнамента – это «вечная песня перед мирозданьем», «какое-то одно непрерывное богослужение живущих во всякий час и на всяком месте» [5: т. 5, с. 186; см. также: 15]. Одним из ближайших контекстов этих слов Есенина о литургии красоте стало убеждение Клюева в том, что духовно-творческая задача любого искусства – это «усовершенствование, раскрытие красоты лика Божия» [7, с. 35]. На первый взгляд, может показаться, что эти установки принципиально далеки от творчества пролетарских поэтов. Однако это не совсем так.

В «Сборнике пролетарских писателей» представлена пейзажная лирика Герасимова, так же, как у Есенина с Клюевым, окрашенная пафосом литургии красоте: «И светлыми весна глазами / Глядит на пашни, лес, село. / И над горбатыми полями / Опять сиянье расцвело» [11, с.20]. У Герасимова возникает тот же, что и в дореволюционных произведениях Есенина и Клюева, образ «бездомного странника», приобщающегося всеединству красоты: «Брожу в полях – бездомный нищий, / Срываю поздние цветы. / Не оживят мое жилище / Останки прежней красоты!..» [11, с. 39]. Художественное содержание образа *города* у Герасимова противоречиво. Несмотря на красочные поэтические детали («аллеи каменных домов», «торжественные гудки», «шумы уличных забав», «быстрые потоки»), вхождение лирического героя в этот индустриальный мир осуществляется под знаком измены подлинному миру красоты: «Я променял на камень жесткий / Шелка баюкающих трав» [11, с. 51].

В стихотворении «Зимний вечер» будущее без «томлений и боли» видится лирическому герою Герасимова в ясных и солнечных природных образах – восхода и рассвета, а новое время – это «зизждительный час бытия» [11, с. 164]. *Зизждительный* – т.е. созидающий, творческий. Этот эпитет имеет определенные евангельские коннотации: «Какой дом созиждете Мне, говорит Господь, или какое место для покоя Моего?» (Деян. 7: 49). Так Герасимов в своих устремлениях к новой эпохе отчасти созвучен устремлениям Клюева и Есенина с их «клятвой участия в плане Бога», суть которого – «усовершенствование, раскрытие красоты лика Божия» [7, с. 35].

*Подготовка статьи осуществлена при поддержке исследовательского гранта
РФФИ № 20-012-00261 «Синтез искусств в творчестве С.А.Есенина
и культуре Серебряного века».*

Список литературы

1. *Азадовский К.М.* Жизнь Николая Клюева. Документальное повествование. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002.
2. *Бихтер А.М.* У истоков русской пролетарской поэзии // У истоков русской пролетарской поэзии: Е.Е. Нечаев, Ф.С. Шкулев, А.М. Гмырев / Вст. ст. А.М. Бихтера. Биограф. справки, подгот. текста и примеч. Р.А. Шацевой и О.Е. Афоной. М.–Л.: Советский писатель, 1965. С. 5–30.
3. *Воронова О.Е.* Сергей Есенин и духовная культура. Рязань: Узорочь, 2002.
4. *Грунтов А.К.* Материалы к биографии Н. А. Клюева // Русская литература. 1973. № 1. С. 118–126.
5. *Есенин С.* Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.) / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев; М.: Наука; Голос, 1995–2002.
6. *Клюев Н.* Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы / Предисл. Н.Н. Скатова, вст. ст. А.И. Михайлова; сост., подгот. текста и примеч. В.П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999.
7. *Клюев Н.А.* Словесное древо / Вступ. статья А.И. Михайлова, сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003.
8. Красный песенник. М.: Гос. издательство. 1925.
9. *Лепяхин В.В.* Космическая и избяная литургия в лирике Есенина // Diss. Slav.: Hist. Litt. XXI. Szeged, 1995, pp. 301–336.
10. *Мекш Э.Б.* Сергей Есенин в контексте русской литературы. Рига: Латвийский государственный университет им. П. Стучки, 1989.
11. Сборник пролетарских писателей / С предисл. М. Горького. СПб.: Прибой, 1914.
12. *Скорыходов М.В.* Мотив странничества в раннем творчестве Сергея Есенина // Сергей Есенин в контексте эпохи: Коллективная монография / Отв. ред. Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 132–169.
13. *Филиппченко И.* Эра славы: Стихи и поэмы / Предисл. Ю. Балтрушайтиса, В. Брюсова. М.: Гос. издательство, 1918.
14. *Шаров Е.* Четыре встречи // Дон. 1971. № 1. С. 186–191.
15. *Шубникова-Гусева Н.И.* «Орнамент – это музыка» (К вопросу об источниках статьи С.А. Есенина «Ключи Марии») // Филологические науки. 2022. № 5. С. 155–163.

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

А.А. Аллахвердова, А.Ф. Горбуненко канд. филол. наук

Кубанский государственный университет,
факультет журналистики,
кафедра истории и правового регулирования массовых коммуникаций,
Краснодар, gorbunenko_a@bk.ru

**ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ *THE BLUE REVIEW*:
СПЕЦИФИКА КОНТЕНТА**

В статье рассматривается история создания литературно-критического журнала The Blue Review как преемника идеологии Rhythm. Уделяется внимание специфике контента журнала, графическому оформлению и кругу авторов. Прослеживается преемственность в рубрикации и уход от интернациональности.

Ключевые слова: *литературные журналы, «малые» журналы, Джон Миддлтон Мерри, Rhythm, The Blue Review, Эдвард Марш, О Реймонд Дрей, Гилберт Эрик Кэннен, Джон Дринкуотер.*

Британские писатели Джон Миддлтон Мерри (John Middleton Murry, 1889 – 1957) и Майкл Седлер (Michael Sadleir, 1888 – 1957), стоявшие у истоков английского литературно-критического журнала *Rhythm* [1, с. 17-20], продолжили свою редакторскую детальность в *The Blue Review*.

Первый номер журнала вышел 1 мая 1913 года. Издателем *The Blue Review* остался лондонский печатник Мартин Секер.

Художник Джон Дункан Фергюссон (John Duncan Fergusson, 1874 – 1961), третий из основателей *Rhythm*, в новом издании участия не принимал. Здесь стоит отметить, что у *The Blue Review* с уходом Фергюссона изменилась обложка. Для *Rhythm* был разработан специальный дизайн, объясняющий философскую концепцию ритма и журнала в целом.

В эссе из серии *Letters From Abroad* («Письма из-за границы») критик Хантли Картер писал: «О чем говорит ритмичный дизайн обложки Дж. Д. Фергюссона? Я объяснил это тем, что обнаженная дама, сидящая на восходящем солнце и раздающая яблоки, не имеет ничего общего с Евой перед Грехопадением, за исключением того, что ее сильная, решительная линия призвана выразить великую, но простую истину: существует линия непрерывности, лежащая в основе жизни, которая связывала всех Ев вместе с самого начала мира. Характер линии мистера Фергюссона, как и женщины, которую он изображает, был смелым, простым, образным; и в нем со всей возможной ясностью объявлялось, что цель этого ежеквартальника, который издательство *St. Catherine Press* взялось раздать миру, управляемому *Daily Mail*, за шиллинг, состоит в том, чтобы похоронить старую сжимающуюся цивилизацию и взрастить новую распускающуюся» [3, p. 345].

На обложке *The Blue Review* практически отсутствуют какие-либо визуальные эффекты. Помимо основных элементов – названия, номера и издательства, она содержит только оглавление, а во втором выпуске нет даже его.

На страницах журнала количество каких-либо иллюстраций стало минимальным. В майском номере был напечатан скетч английского писателя, художника-карикатуриста Макса Бирбома *A Study in Dubiety* («Исследование в сомнениях»). Под изображением располагался небольшой текст со своеобразным пояснением: «Мистер Марш задается вопросом, осмелится ли он просить у своего шефа позволения включить в его антологию «Георгианской поэзии» знаменитое и прекрасное стихотворение мистера Джорджа Уиндема:

“We Want Eight and We Won't Wait”» [1]. Интересно, что «стихотворение», о котором идет речь, – на самом деле лозунг англо-германской гонки военно-морских вооружений, особенно популярный в Первую мировую войну. А Джордж Уиндем, которому приписывается авторство лозунга, – британский политический деятель, член элитной интеллектуальной группы *The Souls* («Души»).

Также в номере были опубликованы работы английского портретиста Амброуза Макэвоя, австралийского пейзажиста Дервента Лиса, английского мариниста Нормана Уилкинсона и чилийского живописца Харольда Сквайра. Во втором – работы военного художника Стенли Спенсера, живописца Максвелла Гордона Лайтфута (в *The Blue Review* был напечатан *A Composition* («Композиция») – набросок его знаменитого «Этюда девушки», подписанный «*G.S. Lightfoot*»), пейзажиста Джеймса Диксона Иннеса и неизвестного художника Френсиса Дженнингса. Третий и финальный номер содержал всего одну иллюстрацию. Это был фронтиспис Ксавьера Марселя Булестина *Post Georgian* («Постгеоргианский») – французского шеф-повара и ресторатора, который после переезда в Лондон в 1906 году несколько лет занимался дизайном интерьеров.

Без Джона Фергюссона *The Blue Review* перестал уделять достаточное внимание изобразительному искусству, несмотря на то, что существовавшая в *Rhythm* рубрика *The Galleries* («Галереи») продолжала выходить. В майском выпуске *The Blue Review* была опубликована обзорная статья [8, pp. 68-70] Майкла Седлера на творчество американской художницы Энн Эстель Райс (которая была одним из главных иллюстраторов *Rhythm*).

Во втором номере *The Blue Review* в разделе *The Galleries* было опубликовано два материала. Первый [5, pp. 143-146] – о выставке Макса Бирбома, написанный британским переводчиком и меценатом Эдвардом Маршем (Sir Edward Howard Marsh, 1872 – 1953). Второй [6, pp. 146-148] - *Indépendants and the Cubist Muddle* («Независимые и кубистическая неразбериха») английского журналиста О Реймонда Дрея (O Raymond Drey, 1885 – 1976), где он пишет о выставке кубистов, организованной французским «Салоном независимых». В июльском номере вышел материал [7, pp. 213-214] об итальянском художнике и скульпторе Джино Северини под авторством Дрея.

Наряду с *The Galleries* сохранилось еще несколько постоянных рубрик: *The Theatre* («Театр»), *The Literature* («Литература»), *The Books* («Книги») и *The Music* («Музыка»), объединённых в общем разделе *Chronicles of the Month* («Хроники месяца») (включая *The Galleries*).

В *The Theatre* печатались обзоры британского новеллиста и драматурга Гилберта Эрика Кэннена (Gilbert Eric Cannan, 1884 – 1955). Во втором номере журнала, помимо обзора Кэннена, была опубликована рецензия английского поэта и драматурга Джона Дринкуотера (John Drinkwater, 1882 – 1937) на книгу *Towards a New Theatre* [4, pp. 113-116] («На пути к новому театру») известного актера и театрального режиссера эпохи модернизма Гордона Крейга (Edward Gordon Craig, 1872 – 1966).

В *The Literature* публиковались эссе английского новеллиста и критика Фрэнка Суиннертона (Frank Arthur Swinnerton, 1884 – 1982). Под объединяющим названием *The General Literature* («Общая литература») Суиннертон рассуждал о «явных признаках смерти викторианского духа, что так много наших молодых критиков должны теперь сказать последнее слово о его различных образцах» [9, pp. 51-55], об условностях английского реализма [10, pp. 128-133], а также об ирландских пьесах и драматургах [11, pp. 194-199].

Рубрика *The Books* представлена обзорами на французские книги (Мерри и Булестин), немецкие (Дэвид Герберт Лоуренс) и итальянские (Сидни Уотерлоу) книги. Это, пожалуй, было самое яркое проявление интернационализма в журнале.

Музыкальной критикой в *The Blue Review* занимался молодой британский композитор и пианист Уильям Денис Браун (William Charles Denis Browne, 1888 – 1915). Он писал о концертах Генри Бальфура Гардинера, в котором видел будущее английской музыки георгианской эпохи, сравнивал новые произведения Эрмано Вольфа-Феррари, Джорджа Хеншеля и Эрнеста Фанелли, а также говорил о превосходстве Элгара и Дебюсси над

некоторыми современниками. Сам Браун наверняка бы подарил музыкальному миру еще много произведений, если бы не погиб в Дарданелльской операции во время Первой мировой войны.

В череде «малых» журналов, пользовавшихся наибольшей популярностью в двадцатые годы XX столетия, *The Blue Review* не представляет особую ценность, как, например, его предшественник литературно-критический журнал *Rhythm*. Но это не делает его менее значимым, хотя бы благодаря именам, которые журнал открыл для модернистского пространства. Наряду с рассказами и эссе Дэвида Герберта Лоурнса и Кэтрин Менсфилд публиковались произведения Уолтера де ла Мара, Уилфреда Гибсона, Руперта Брука, Ласелла Аберкромби, Оливера Гогарти, Хью Уолпола и других писателей георгианской эпохи, которые появились в журнале во многом благодаря Эдварду Маршу. А составленная Маршем антология «Георгианской поэзии» позволяла попавшим в нее авторам считать себя ярчайшими представителями модернизма, определяющими его как направление.

Список литературы

1. Безрукавая М.В., Горбуненко А.Ф. Литературно-критический журнал RHYTHM: философия и история создания // Казанская наука. - № 8. - С. 17-20.
2. Beerbohm M. A Study in Dubiety // *The Blue Review*, N 1 (May 1), 1913.
3. Carter H. Letters from Abroad. The New Idea of Dramatic Action - IV. THE STATIC THEATRE // *The New Age*, N 15 (August 10), 1911. pp. 345-347.
4. Drinkwater J. Towards a New Theatre // *The Blue Review*, N 2 (June 1), 1913. PP. 113-116.
5. Marsh E. Mr. Max Beerbohm's Exhibition // *The Blue Review*, N 2 (June 1), 1913. PP. 143-146.
6. Drey O.R. Indépendants and the Cubist Muddle // *The Blue Review*, N 2 (June 1), 1913. PP. 146-148.
7. Drey O.R. Gino Severini // *The Blue Review*, N 3 (July 1), 1913. PP. 213-214.
8. Sadler M.T.H. Anne Estelle Rice // *The Blue Review*, N 1 (May 1), 1913. PP. 68-70.
9. Swinnerton F. General Literature: The Final Word // *The Blue Review*, N 1 (May 1), 1913. PP. 51-55.
10. Swinnerton F. General Literature: Gretton's Modern History, A Small Boy, Steps of Parnassus, Lore of Prosperine, Dreams // *The Blue Review*, N 2 (June 1), 1913. PP. 128-133.
11. Swinnerton F. General Literature: Irish Plays and Playwrights, Lady Gregory's New Comedies, The Joy of the Theatre // *The Blue Review*, N 3 (July 1), 1913. PP. 194-199.

10.01.10

Д.Н. Анисимова, У.П. Кузенкова, А.А. Кузнецова, А.Е. Локонова, Е.А. Никонова

МГИМО МИД РФ,
Факультет международной журналистики,
кафедра английского языка №3,
Москва, ekatnikon2014@yandex.ru

КОМПОЗИЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ГАЗЕТЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ КЛЮЧЕВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ИЗДАНИЯ

Статья посвящена исследованию композиционной структуры англоязычных периодических изданий. В статье проводится анализ композиционной модели печатных версий газет The Times, The Guardian, The Washington Post с целью выявления корреляции между характеристиками изданий и элементами композиционных моделей газет, которые трактуются как система разделов, рубрик и устойчивых взаимосвязей между ними. Проведенный композиционный анализ свидетельствует о том, что на его основе можно сделать вывод о тематической направленности, целевой аудитории, международной или региональной направленности газеты.

Ключевые слова: журналистика, медиатексты, СМИ, американские СМИ, британские СМИ, английский язык, газеты, газетные рубрики, печатные СМИ, композиционная модель.

Анализ композиционной структуры периодического издания, ее элементов и их взаимосвязи позволяет пролить свет на ряд таких ключевых параметров, как целевая аудитория, жанровая модель, тематическая направленность и т.д. Цель настоящего исследования – выявить взаимосвязь композиционной структуры газеты и ее характеристик. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: 1) описать композиционную модель ведущих газет англоязычной прессы; 2) установить корреляцию между элементами композиционных моделей газет и характеристиками изданий; 3) на основе полученных эмпирических данных выработать систему параметров газеты, которые можно определить исходя из композиционной структуры издания.

Материалом исследования послужили ведущие англоязычные газеты The Washington Post, The Guardian, The Times за 2020–2022 гг. В выборку не вошли специальные и воскресные выпуски газет, поскольку их композиционная модель может существенно отличаться от стандартной модели что, на наш взгляд, требует отдельного исследования. В рамках данного исследования британские и американские издания рассматривались с точки зрения англосаксонской модели газеты; кросс-культурные различия не проводились. Материал для анализа был получен путем случайной выборки. Для анализа использовались общенаучные методы исследования: наблюдение, анализ, синтез, сравнение

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных исследователей С. М. Гуревич [3], А. В. Колесниченко [4], Е. А. Никонова [5], В. Ф., Д. Ю. Волокитина [1], М. Ю. Галкина [2] и др., на основе которых был сделан вывод о том, что в современной отечественной журналистской традиции принято выделять такие композиционные элементы газеты как разделы и рубрики. Раздел является «смысловой частью газеты» [1] и включает публикации определенного характера, направления или жанра. Рубрики представляют собой «подразделы» и делятся на тематические (характеризуют тематику публикации) и служебные (характеризуют жанр и источник представленного материала).

Зарубежные авторы (С.С. Fink [6], Т. Harrow [7]), анализирующие композиционную модель газеты, имеют схожее представление о рубрикаторе с отечественными исследователями. Принято выделять “sections” (разделы газеты), в которых представлены “parts” или “columns” (тематические и служебные рубрики соответственно).

Ниже приведем полученные нами результаты анализа композиционных моделей газет The Times, The Guardian, The Washington Post.

Анализ композиционной модели газеты The Times

Анализ композиционной модели газеты The Times позволяет сделать следующие выводы:

1) Анализ рубрикатора газеты свидетельствует о том, что газета ориентируется на международную аудиторию. Так, отсутствует четкое разграничение международных и местных новостей, а также не наблюдается превалирование международной повестки над региональной. Например, в выпуске от 30 апреля представлены 35 местных и 35 международных новостей политики и общественной жизни [11]. Схожая картина наблюдается в разделе «Новости спорта» (Sport): в выпуске от 29 апреля можно найти как новости Английской Премьер-лиги, так и новости Лиги Европы [10].

2) The Times – это качественное издание. Такой вывод можно сделать потому, что газета в первую очередь ориентируется на освещение политических вопросов и вопросов экономики – в выпуске от 30 апреля [11] им было уделено 4 и 8 полос соответственно, не считая раздела “Money” и рубрики “War in Ukraine”. Раздел “News”, в котором представлены колонки на политические и общественные темы, занимает наибольшее место в газете – 26 полос из 70 в выпуске от 30 апреля [11]. Можно предположить, что газета ориентирована на высокоинтеллектуальную аудиторию, заинтересованную в текущей внешнеполитической обстановке.

3) Раздел “Business” [10], в котором внимание уделяется бизнесу и новостям фондового рынка, занимает 4 разворота. Раздел “Money” [10], в котором в основном представлены даже не новости экономики, а узкоспециализированная информация о рынке недвижимости и инвестициях, занимает 14 полос. Это говорит о высокой оценке значения экономической тематики редакцией газеты. Также можно сделать вывод о том, что издание ориентируется на аудиторию, которая хорошо разбирается в вопросах бизнеса и интересуется новостями экономики.

4) Что касается предпочтений целевой аудитории печатной версии газеты The Times, то, представляется, что она интересуется политикой, экономикой и спортом гораздо больше, чем новостями общества, науки, культуры и искусства. Именно поэтому новости спорта печатаются в отдельном разделе и подробно освещаются, при этом разделы “Society”, “Arts&Culture” и “Life&Style” отсутствуют; новости науки не вынесены в отдельный раздел, они присутствуют либо в остальных рубриках, либо во временных разделах.

5) В газете присутствует раздел “Register”, который может выглядеть непривычно для современного читателя, однако он важен для газеты, так как подчеркивает ее консервативную направленность и приверженность традициям. Так, 30 марта [9] в разделе “Register” было опубликовано сообщение о проведении панихиды по принцу Филиппу в Вестминстерском аббатстве. И хотя эта новость уже была известна читателям, опубликовать ее обязывали традиции издания. Можно выдвинуть гипотезу о консервативной направленности газеты, учитывая год ее основания и приверженность этого издания традициям.

Анализ композиционной модели газеты The Washington Post

Анализ композиционной модели газеты The Washington Post позволяет сделать следующие выводы:

1) Композиционная модель газеты The Washington Post характеризуется большим количеством уникальных колонок. Так, например, стоит рассмотреть еженедельную колонку “Five Myths”, обращающую на себя внимание более легким развлекательным форматом подачи информации. Она включает в себя статьи о пяти мифах, связанных с различными актуальными повестками и проблемами (однако, несмотря на это, такие тяжелые темы, как, например, военные действия, в такой колонке, как правило, не представлены скорее, можно встретить темы, связанные с экологией, инфраструктурой национальных парков и семейных проблемах). Наличие подобной развлекательной колонки в качественной прессе можно рассматривать в качестве инструмента «мягкой силы» ведения медиавойн, поскольку

позволяет редакции в шуточной форме навязывать читателям выгодные для неё позиции. Так, например, одной из последних тем стал уход за детьми (child care). Появление такого рода темы в данной колонке связано с тем, что сейчас демократы в Конгрессе работают над соглашением по законопроекту о социальных программах, который, среди прочего, предусматривал бы создание бесплатного универсального дошкольного учреждения для 3-4-летних детей и предоставление субсидий для обеспечения бесплатного или недорогого ухода за детьми для 90 % семей в США. Таким образом, можно сделать вывод о позиционировании газеты как важного игрока сферы принятия политических решений.

2) Несмотря на то, что в газете публикуются и международные новости, The Washington Post остается газетой, ориентированной на события, происходящие непосредственно в Америке или международные события, напрямую связанные с Соединенными Штатами. Так, например, в анализируемом издании [12] американским новостям было посвящено 9 полос газеты, в то время как международным – 4. Кроме того, воскресный выпуск газеты The Washington Post ориентируется, в первую очередь, на национальные и политические новости, они занимают практически все страницы выпуска и включают в себя большое количество аналитических статей, репортажей, а также специфические узконаправленные колонки (например, fact-checker).

3) Анализ композиционной модели газеты свидетельствует об ориентированности газеты на разнообразную аудиторию. Так, в The Washington Post публикуются не только новости и связанные с ними репортажи/аналитические статьи, но и разделы, касающиеся актуальных общественно-социальных проблем, влияющих на частную жизнь читателей. Более того, на последних страницах газеты можно найти некоторые элементы развлекательного формата: sudoku, кроссворды, комиксы с общественно-политическим уклоном (цель использования подобной тематики в развлекательных форматах - еще раз обратить внимание аудитории на актуальную повестку и, соответственно, привлечь публику к активному участию в жизни города, штата, страны и т.д.). Присутствуют и колонки с новостями из мира шоу-бизнеса. Представляется, что это позволяет привлечь аудиторию всех возрастов, занятой в разных профессиональных средах.

Анализ композиционной модели The Guardian

Анализ композиционной модели газеты The Guardian позволяет сделать следующие выводы:

1) Композиционная модель газеты The Guardian состоит из нескольких частей: “The Guardian” (для которого приоритетом являются новости), “G2”, (освещает лайфстайл события), “Journal” (в данной части можно найти различные мнения (в основном касательно политических событий)). Представляется, что подобное четкое деление газеты на три части, различных по своей тематической направленности, свидетельствует об ориентации газеты на различную аудиторию.

2) В газете присутствует четкое разделение между мировыми и региональными (британскими) новостями, представленными в разделах “World” и “National” соответственно. Диахронический анализ показывает тенденцию к увеличению разворотов, посвящённых событиям международной повестки, в частности за счет временных рубрик таких как, например, “Coronavirus”. Тем не менее, четко прослеживается доминирование новостей, посвященных внутренним событиям (например, в анализируемом издании [8] 14 разворотов посвящено событиям в Великобритании и только 4 – международным). Доминирование внутренней повестки также позволяет сделать вывод об ориентированности газеты преимущественно на британскую аудиторию.

3) Для газеты The Guardian характерно большое количество временных рубрик, что свидетельствует о её ориентированности на разнообразную аудиторию, а также возможном желании расширить круг читателей.

Проведенное исследование показало, что на основе анализа композиции газеты можно сделать вывод о ее типе (качественная или бульварная), тематической направленности, международной или региональной ориентации, охарактеризовать целевую аудиторию по

таким параметрам, как национальная принадлежность, уровень образования, сфера интересов. Результаты анализа композиционной модели газеты The Times показали, что это консервативное издание, которое высоко ценит свои традиции и постоянную аудиторию. Тематически газета ориентируется на политическую и экономическую сферу. Можно сделать вывод о том, что её целевая аудитория — это, в первую очередь, образованные люди, обладающие высоким социальным статусом и уровнем дохода, либо стремящиеся к нему. Что касается газеты The Washington Post, то ее композиционная структура позволяет говорить о позиционировании газеты как важного актора публичного диалога, ориентации в большей степени на региональную аудиторию, для которой характерен разброс в сфере интересов. Газета The Guardian ориентирована на внутреннего читателя с различными социокультурными характеристиками; отмечается стремление газеты расширить круг читателей.

Полученные данные могут быть использованы для последующих более детальных исследований композиционной структуры исследуемых изданий.

Список литературы

1. Волокитин Д.Ю. Рубрики и тематические разделы как пространство содержательного развития развернутой журналистской истории // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2019. — № 2 (32). — С. 149-157.
2. Галкина М.Ю. Особенности региональной газетной периодики Финляндии: автореф. ... канд. филол. наук. — Москва, 2008. — 18 с.
3. Гуревич С.М. Номера газеты. — Москва: Аспект Пресс, 2002. — 191 с.
4. Колесниченко А.В. Прикладная журналистика: учеб. пособ. — Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2008. — 192 с.
5. Никонова Е.А. Отражение жанровой структуры газетных текстов в композиционной модели газеты (на примере печатной и электронной версии газеты “The Washington Post”) // Политическая лингвистика. — 2021. — №3 (87). — С. 109-116.
6. Fink C.C. Editorial Section // Strategic Newspaper Management, 1988. —159 p.
7. Harrow T. The newspaper designer’s handbook // McGraw-Hill Education, 2012. — 272 p.
8. The Guardian, December 21st, 2020
9. The Times, March 30th, 2022
10. The Times, April 29, 2022
11. The Times, April 30, 2022
12. The Washington Post, February 30, 2020

10.01.10

**В.И. Антонова д-р филол. наук, Д.А. Бакеева канд. культурологии,
Н.М. Фролова канд. социол. наук**

Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
филологический факультет,
кафедра журналистики,
Саранск, belkich@rambler.ru, bakeeva.di@yandex.ru, nmfrol@mail.ru

РОЛЬ БРЕНДИНГА И МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ В ПРОДВИЖЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В ВУЗЕ

Модернизация высшего образования является естественным процессом, где определяющим фактором становятся требования к уровню компетентности специалистов. Эта тенденция особенно проявляется в журналистике, где деловая практика требует оперативного отслеживания изменений как во внутренней, так и внешней среде. В условиях конкуренции эффективная работа с абитуриентами – залог качественного образования. Систематический и многопрофильный анализ факторов, влияющих на выбор профессии, выходит на проблему формирования системы профориентационной работы для творческих специальностей. Цель статьи – раскрыть палитру медиаобразовательных и брендинговых технологий конкурентноспособности образовательного учреждения на современном информационном рынке и рынке труда.

Ключевые слова: брендинг, медиаобразовательные технологии, фактор, абитуриент, программа, образовательные услуги, рекрутинг, работодатель, качество.

Проблема привлечения достижений медиасферы в социуме ставилась на всем пути формирования информационного общества. Так Пол С. Адамс анализирует пространственную диффузию коммуникационных технологий и силу коммуникационных технологий для определения того, кто принадлежит им [4, с. 54].

Анализ потребностей абитуриентов и факторов, влияющих на выбор образовательного учреждения, как основу маркетинговой стратегии по оказанию образовательных услуг рассматривает С.Г. Корконосенко [2]. Эффективность реализации инновационных подходов в профориентационной деятельности университетов подтверждает исследование, проведенное учеными Нижегородского государственного университета [1, с. 247].

О массмедиа как особом социальном институте эпохи модернизации, о развитии новых информационных технологий и их влиянии на личность и общество в целом размышляют многие отечественные исследователи: Е.Л. Варганова, Б.Н. Головкин А.А. Грабельников, Я.Н. Засурский и др.

В Республике Мордовия создан и успешно апробирован уникальный образовательный кластер «Школа – вуз – Технопарк». В Саранске функционируют семь высших учебных заведений, в том числе МГУ им. Н.П. Огарёва. Кафедра журналистики ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», отслеживая и анализируя актуальные вопросы современной концепции медиаобразования, и в ответ на вызовы времени с 2007 г. организовала и внедрила в практику своей работы «Школу молодого журналиста», отвечающую насущным потребностям заказчиков и потребителей образовательных услуг и служащую экспериментальной площадкой апробации медиаресурсов. Разработана стратегия, в соответствии с которой специалисты кафедры изучают рынок потенциальных потребителей и формируют основные и второстепенные направления работы. В связи с этими задачами можно выделить следующие направления работы и конкретных исследований: профориентационные; маркетинговые; имиджевые; образовательные; зондаж; ресурсные; мониторинговые; информационное сопровождение; помощь в трудоустройстве.

Образовательные ресурсы представлены информационно-коммуникационными и техническими возможностями организации, условиями и программами обучения, компетенциями педагогического и административного состава, общим уровнем комфортности и доступности предоставляемых услуг, наличием баз для прохождения практики, равностороннего диалога между всеми участниками образовательного процесса, возможностями личностного роста и совершенствования, самореализации и саморегуляции, условия перехода на индивидуальный график обучения, компетентного подхода к образованию, информационное и документальное сопровождение трудоустройства и пр.

Ресурсные стратегии включают в себя вопросы обеспеченности разными видами ресурсов: технических, информационных, специализированных, духовных, справочно-библиографических и других, необходимых на каждом этапе обучения.

Мониторинг производится на всем протяжении подготовки и реализации образовательной услуги либо с разбивкой на периоды, либо в частном порядке и имеет целью сигнализировать об изменениях (в любую сторону) заданных индикаторов для своевременного приведения их в соответствие с нормой.

Профориентационные замеры проводятся на постоянной основе (преподаватели кафедры выезжают в районные школы, учреждения других регионов), проводят Дни открытых дверей факультета, налаживают личные контакты с потенциальными абитуриентами и их родителями.

Информационное сопровождение осуществляется на всех этапах работы с потенциальной аудиторией (лично, в социальных сетях, через сайт вуза и факультета, через региональные СМИ, путем создания рекламных и ПР-материалов, распространяя буклеты и видеоролики).

Помощь в трудоустройстве также входит в зону нашего внимания, поскольку заключенные договоры и налаженные связи с профильными учреждениями и организациями в регионе и за его пределами позволяют рекомендовать студентов, успешно завершивших курс обучения и овладевших необходимыми знаниями, умениями и навыками, для самостоятельной трудовой деятельности.

Таким образом, цели и задачи проекта «Школа молодого журналиста»: прогнозировать количество потенциальных абитуриентов в будущем; проинформировать государственные муниципальные органы власти, образования, СМИ, а также профессиональные союзы и организации о потенциальных возможностях проекта и привлечь их к сотрудничеству на разных уровнях; закрепить престиж медиаобразования в регионе; содействовать налаживанию связей и взаимовыгодного сотрудничества с учреждениями среднего образования, училищами и колледжами; формирование положительного имиджа и бренда вуза как образовательной организации; предварительное знакомство старшеклассников со структурой и особенностями учебы и преподавания в вузе; содействовать социально-психологической адаптации старшеклассников к условиям вуза; содействовать трудоустройству выпускников вуза; сформировать базу для ведения профориентационной работы.

11 марта 2022 года был создан телеграм-канал «Привет, абитуриент МГУ им. Н.П. Огарёва» с целью расширения каналов влияния на целевую аудиторию. Необходимость создания канала в Telegram была очевидной: большинство аудитории, а именно школьники в возрасте от 16 до 18 лет наиболее часто пользуются именно этим приложением. Но не только школьники аудитория канала: также на него подписано большое количество родителей этих детей, которые и наиболее активны в комментариях. На данный момент количество подписчиков составляет 1216 человек, среднее число реакций под постами – около 10. Часто задаются вопросы о поступлении, поэтому комментариев под постами довольно много. На канале рассказывают актуальные новости о поступлении и обучении в МГУ им. Н.П. Огарёва. Также особый интерес у абитуриентов вызывает образовательная медиаплатформа на базе кафедры журналистики, размещенная в социальной сети «ВКонтакте» «МедиаДвиж» (по состоянию на 29.09.2022 г. –

106 подписчиков, 104 записи сообщества). Язык постов базируется на трех основных принципах: доверие, краткость и диалог. Авторы не используют сложных конструкций, а применяют простые формы слов и прямой посыл (например, публикация от 05.10.2022 г.: «Осень все увереннее заявляет о себе, а мы продолжаем погружаться в учебный процесс, а для души встретились с писателем, режиссером, автором 25 произведений Андреем Валерьевичем Геласимовым»). Внимание уделяется журналистскому тексту – как печатному (публикация), так и визуальному (изображение, мем, фото, видео, коллажи и др.), также присутствует мультиформатность подачи информации.

Соответственно в медиаобразовании все насущнее становятся вопросы концептуального формирования журналиста как представителя современной массмедийной культуры (общетеоретические аспекты образования). Только комплексный процесс формирует через информационный продукт модель восприятия окружающей действительности, с помощью медиа выявляет одновременно интеллектуальное и нравственное развитие личности, способной ориентироваться в информационной среде, заниматься медиаторством в широком понимании. «В связи с этим информационная картина мира как банк информации позволяет человеку адекватно воспринимать окружающий мир. Она предоставляет информационные ресурсы, классифицирует их соответствующим образом, дает возможность выбора определенной системы ценностей» [3, с. 105].

Список литературы

1. Авралева Н.В., Ефимова И.Н., Маковейчук А.В. Инновационные подходы к развитию системы рекрутинга студентов университета // Интеграция образования. – 2017. – Т. 21, № 2. – С. 247–261.
2. Корконосенко С.Г. Школы журналистики: преодолевая синдром периферийности // Журналистика в 2017 году: творчество. Профессия. Индустрия: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. – М.: Фак. журн. МГУ, 2018. – С. 314–315.
3. Коу Сяохуа. Медиакультура и язык СМИ в информационной картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 6(60): в 3-х ч. Ч. 3. – С. 104–107.
4. Федоров А.В. Медиаобразование и медиаграмотность: учеб. пособие для вузов. – Таганрог: Изд-во Кучма, 2004. – 168 с.

10.01.01

О.В. Дедюхина, К.А. Народова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
филологический факультет,
кафедра русской и зарубежной литературы,
Якутск dedyuhina.olga28@mail.ru, ksndll@gmail.com

ПРОБЛЕМА ПОКОЛЕНИЙ В РОМАНАХ И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ» И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»

В статье осуществляется сравнительный анализ решения проблемы поколений в романах И.С. Тургенева «Отцы и дети» и Ф.М. Достоевского «Подросток». Определяются общие черты «детей», Евгения Базарова и Аркадия Долгорукого: ощущение бездомности, бесприютности, гордость, отношение к окружающим свысока, в финале крушение идеи; а также отличия, главное из которых состоит в том, что герою Достоевского удается обрести себя, осознать необходимость духовной основы бытия человека, почувствовать желание благообразия. Опора на опыт «отцов» в обоих романах предстает как необходимое условие развития общества.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, проблема поколений, проблема воспитания, герой-идеолог, идеологический роман.

Проблема поколений одна из фундаментальных в русской литературе XIX века, определяющей семью, воспитание как основы формирования и личности, и социума, поскольку писатели-классики связывали возможность изменения и обновления общества именно с духовным, нравственным совершенствованием человека. Семья часто предстает в качестве некой модели социальных отношений, характеризующей основные тенденции в жизни общества той или иной исторической эпохи. И И.С. Тургенев, и Ф.М. Достоевский были близки в своем интересе к современности и поиску места человека в ней. Г.М. Ребель справедливо утверждает, что Достоевский, создавая свой идеологический роман, во многом отталкивался от романа Тургенева: «Оглядка на Тургенева, идеологическая и эстетическая полемика с Тургеневым, творческая конкуренция с Тургеневым очень многое определили в творчестве Достоевского, и прежде всего в становлении характерного для него <...> идеологического романа» [8, с.506]. Проблема «отцов и детей», волновавшая обоих художников, осмыслялась ими, с одной стороны, в контексте ведущих общественных тенденций, а с другой, – с точки зрения универсальных законов бытия.

В современном литературоведении предпринимается сопоставительный анализ произведений Тургенева и Достоевского в аспекте типологии героев, особенностей проблематики и поэтики, например, в работах Г.И. Ребель [8], Е.М. Коньшева [5], О.Н. Смысловой [9]. Проблема воспитания, взаимоотношения представителей разных поколений рассматривается в статьях Г.Ю. Карпенко и Л.Б. Карпенко [3], И.А. Киселевой и Е.С. Сахарчук [4], Ф.Х. Махмудовой [6] и др. Однако сравнительного изучения своеобразия звучания проблемы поколений у Тургенева и Достоевского не проводилось, что определяет актуальность настоящего исследования.

Раскрытие проблемы поколений в произведениях Тургенева и Достоевского обуславливается как разностью изображенных общественных эпох, так и мировоззренческими концепциями, характерными для каждого из авторов. Как известно, в романе Тургенева «Отцы и дети» (1862) показано время накануне отмены крепостного права в России, и автор воссоздает в нем идейные споры представителей ведущих идейных течений предреформенного времени, либералов-западников и демократов. Таким образом «вечный» конфликт «отцов» и «детей» трансформируется в идеологический спор, отражая окончательный разрыв между двумя названными политическими лагерями, а образ Базарова становится воплощением героя времени, активного разночинца и нигилиста, пришедшего на

смену передовым людям из дворян. Для Тургенева нигилизм соотносится не только с идеей бунта, стремлением разрушать то, что не соответствует идеалу, но и активным желанием преобразования мира. Однако, с точки зрения автора, позитивные изменения в обществе невозможны без взаимодействия разных поколений, без опоры детей на нравственный, культурный, исторический опыт «отцов».

Роман Достоевского «Подросток» (1875) создавался в несколько иную историческую эпоху. Здесь показано общество пореформенного периода в состоянии «беспорядка», хаоса, отсутствия нравственной опоры, лишённое настоящего «отцовства», руководящей, объединяющей идеи. Разрозненность, разобщённость людей, эгоистичность их настроений выступают как одни из главных, определяющих черт времени. «Скрепляющая идея совсем пропала. Все точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России; все живут только бы с них достало...» [1, с. 66]. Объясняя социально-нравственную суть своего романа, писатель видел причину возникновения «случайных семейств» в несостоятельности «отцов», не имеющих «общей идеи», не способных передать будущему поколению веру в жизнь. К.В. Мочульский связывает идею общественного распада, разрушения всеединства с отпадением от Бога. «Человечество не составляет более единой семьи, все обособилось, братское общение заменилось враждой, гармония – “беспорядком”» [7, с. 474]. Ведущая тема романа – социальная составляющая российского общества и критика человеческих пороков, порожденных новыми тенденциями его трансформации, разлагающе действующими на человека. Однако хотя Достоевский изображает человека в состоянии хаоса, но обычно оставляет перспективу духовного роста. В.В. Зеньковский отмечает, что в Достоевском всегда жила вера «в скрытое, не явленное, но подлинное “совершенство” человеческой природы, – это один из центров его духовного мира» [2, с. 398]. Автор «Подростка» ставит целью показать, как его главный герой Аркадий Долгорукий среди окружающего его хаоса находит нравственную опору, обретает духовную связь и с носителем европейской культуры Версильевым, и с воплощением духовной мудрости и глубинной веры русского народа Макаром Долгоруким.

В обоих романах предстают герои-идеологи, хотя и весьма отличные друг от друга. Евгений Базаров изображается Тургеневым сильным, волевым человеком, «гигантом», самолюбивым, пренебрегающим правилами этикета, независимым, обладающим собственным взглядом на мир и человека. «Всякий человек сам себя воспитать должен...», – утверждает герой [10, с.178]. Предваряя теоретические рассуждения героя Достоевского Раскольников, Базаров тоже предпринимает деление людей на два разряда: «богов», обладающих абсолютной свободой воли, и остальных слабых людей – «олухов». Базаров надменно горд, самолюбив, претендует на роль сверхчеловека, способного управлять даже чувствами. «Нравится тебе женщина, – говаривал он, – старайся добиться толку; а нельзя – ну, не надо, отвернись – земля не клином сошлась» [10, с. 231]. Герой – бунтарь, который своей задачей считает разрушение несовершенного мира, а о том, кто и что будет на расчищенном месте строить, он даже не задумывается. Причем он соотносит свои убеждения с новой эпохой в жизни общества: «В теперешнее время полезнее всего отрицание – мы отрицаем» [10, с. 193]. В романе показано, что полное отрицание существующего, отречение от опыта предыдущих поколений лишает человека духовной опоры, не может способствовать развитию общества, а сам Базаров предстает как трагическое лицо, его идея не выдерживает проверки жизнью.

Аркадий Долгорукий изображен еще совсем молодым человеком, подростком, но и ему свойственна работа ума, дополненная напряженным духовным трудом. Героя отличают искренность, чистота, непосредственность, он обладает чувством собственного достоинства и гордостью. Аркадий выработал свою «ротшильдовскую» идею, которая состоит в том, чтобы, имея много денег, ни от кого не зависеть, получить уединение, «покой», могущество, ничего не делать для других, для человечества. Имея целью стать Ротшильдом, герой предпринимает математический расчет и приходит к выводу, что главное – это упорство и непрерывность в накопительстве. Отличие в идеологических построениях героев Тургенева

и Достоевского выражает особенности отраженных в них общественных эпох. Идея Базарова рациональна, но лишена меркантильной составляющей, во многом связана с утверждением себя как абсолютно свободной личности и недовольством общественными отношениями, а также верой исключительно в опыт. Идеология Аркадия выражает презрение в обществе к этической составляющей бытия человека, культ власти денег. Утверждение нежелания делать что-либо во благо абстрактного человечества роднит Аркадия и Базарова, утверждавшего, что он не желает жить во имя счастья мужика. «Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; ну а дальше?» [10, с. 265]. Единственной ценностью в понимании Аркадия является свобода: «Личная свобода, то есть моя собственная-с, на первом плане, а дальше знать ничего не хочу» [1, т.11, с. 59]. Однако идея героя Достоевского до конца не определена, в ней есть вопросы, еще им не разрешенные. И Тургенев, и Достоевский проводят на страницах романов своеобразный эксперимент с целью проверки идей своих героев жизнью.

С образами Евгения Базарова и Аркадия Долгорукого соотносится библейская история о блудном сыне. Детство обоих героев изображается как скитальческое, что имело безусловное воздействие на формирование их мировоззрения. Например, Базаров – сын военного лекаря, его семья во времена детства героя часто переезжала с места на место. «Мы вели бродячую жизнь; больше всего по городам шлялись» [10, с. 262]. Возможно, поэтому в нем нет потребности в родном гнезде: Евгений долго не был у родителей, но не торопится к ним ехать, а когда наконец приезжает, то выдерживает в родном имении только три дня, в доме родителей ему невыносимо скучно из-за отсутствия движения жизни, праздное, размеренное существование не по душе герою. Базаров не чувствует духовной связи со своими предками, родом, о деде отзывается довольно пренебрежительно: «Секунд-майор какой-то. При Суворове служил и все рассказывал про переход через Альпы. Врал, должно быть» [10, с. 262]. Однако родителей своих Евгений любит, ценит их душевные качества. Независимый характер героя в определенной степени и результат его свободного воспитания, в любви и восхищении.

Аркадий Долгорукий, являясь незаконнорожденным сыном помещика Версилова, с рождения жил у чужих людей, воспитывался вне семьи, отца и мать видел редко, не знал в детстве настоящей заботы, тепла, был вынужден терпеть унижения в пансионе Тушара из-за своего происхождения. Аркадий привык существовать обособленно, не имел настоящих товарищей, смотрел на них свысока и, как он сам определяет, «жил в углу» [1, т. 11, с. 52]. Достоевский в «Подростке» поднимает тему важности для формирования личности детских воспоминаний. Воспоминания о родителях были для героя чем-то светлым и очень значимым. Особенным моментом, связанным с матерью, было таинство крещения. Писатель вводит в эпизод символический образ голубя как олицетворения чистого, божественного мира. Еще одно детское воспоминание о матери связано с тем, как уходя она поклонилась и Тушару, и ему самому ребенку. «Никогда не забуду я этого!» [1, т.11, с. 341]. Тоска по матери часто владела душой Аркадия-ребенка. Образ отца при первой встрече вызвал восхищение мальчика своей красотой, а его игра в образе Чацкого – полный восторг до слез.

Образы «отцов» в романах Тургенева и Достоевского имеют общие черты, они изображаются «лишними людьми», образованными, благородными, но не нашедшими реализации своим силам и способностям. Как Павел Петрович Кирсанов настаивает на значимости исторической роли дворянства, аристократии, так и Андрей Петрович Версильов именуется дворянство «верхним разрядом», с его точки зрения, дворянство «могло бы оставаться высшим сословием, в виде хранителя чести, света, науки и высшей идеи...» [1, т.11, с. 223]. А вот отношение «детей» к «отцам» скорее различно. Базаров ощущает себя значительно выше «отцов», главный его упрек в их сторону в том, что они не способны на настоящий поступок, дело. Жизнь «отцов» видится Евгению во многом праздной и бессодержательной. Евгений часто резок в отношении к «отцам», считая их людьми прошлого. Известно высказывание героя о Николае Петровиче Кирсанове в разговоре с Аркадием: «Твой отец добрый малый, <...> но он человек отставной, его песенка спета»

[10, с. 188]. Аркадием же Долгоруким отец с самого детства воспринимался как «совершенная загадка», «главная загадка» его жизни, он благоговел перед отцом, мечтал о нем. В романе изображается тернистый духовный путь сближения отца и сына, постепенное возникновение между ними взаимопонимания. В конце концов Аркадий оказывается спасителем своего отца, не позволив ему выстрелить в себя. Так в романе показано возможное и благодатное единство поколений в сложном хаотичном мире «случайных» семейств. Кроме того, в романе Достоевского «отцы» представлены, с одной стороны, образом «русского европейца» Версилова, а с другой, – человека из народа Макара Ивановича Долгорукого, являющегося юридическим отцом Аркадия. Если путь сближения с Версильевым для героя долг и нелегко, то чувство симпатии и уважения по отношению к Макару Ивановичу с его голубыми лучистыми глазами, детским смехом, любовью ко всем, чистосердечием, отсутствием самолюбия у него появляется сразу. Макар Долгорукий становится в романе носителем народного духа, культуры, веры. С образом Макара соотносится идея земного рая, позже выраженная в поучениях старца Зосимы. Макар Долгорукий восхищается красотой божьего мира: «красота везде неизреченная!» [1, т.12, с. 18], верит в бесконечную любовь, охватывающую все мироздание: «... я за вас Бога помолю, в сонном видении к вам сойду... все равно и по смерти любовь!» [1, т.12, с. 19]. Осознавая несовершенство современного мира, Макар Иванович считает, что он все-таки прекрасен и полон «всякой радости». Именно общение с Макаром Долгоруким пробуждает в душе подростка желание «благообразия», способствует его отвращению от меркантильной и эгоистической идеи.

Как видим, раскрывая в романах проблему поколений, и Тургенев, и Достоевский изображают современное им общество разьединенным, полным конфликтов. Делая акцент на опасности антагонизма «отцов» и «детей», писатели предлагают идею единства поколений. Центральные герои обоих романов, Евгений Базаров и Аркадий Долгорукий, – герои-идеологи, теоретические измышления которых не выдерживают проверки жизнью. Однако Аркадию удается обрести почву под ногами благодаря духовной связи с «отцами», европейцем Версильевым и носителем христианства Макаром Долгоруким, а трагизм Базарова заключается в его отпадении и от мира, и от Бога.

Список литературы

1. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: В 20 т. – М.: Терра, 1998. – Т. 11. Все дальнейшие ссылки на это собрание даются в тексте с указанием тома и страницы.
2. *Зеньковский В.В.* История русской философии. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001.
3. *Карпенко Г.Ю., Карпенко Л.Б.* Базаров и его родители: причины алекситимии героя (по роману И.С. Тургенева «Отцы и дети») // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2018. – Т. 24. - № 4. – С. 110-117.
4. *Киселева И.А., Сахарчук Е.С.* Идея родственной любви в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» // Проблемы исторической поэтики. – 2021. – Т.19. - № 3. – С. 150-169.
5. *Коньшев Е.М.* Внутренний мир человека в изображении Тургенева и Достоевского // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки и социальные науки. – 2012. - № 4 (48). – С. 129-136.
6. *Махмудова Ф.Х.* Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: тема воспитания. // Вестник науки. – 2021. – Т.2. - № 5 (38). – С. 49-55.
7. *Мочульский К.В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М.: Республика, 1995. – 607 с.
8. *Ребель Г.М.* Тургенев и Достоевский: смена литературных вех в критике и литературоведении Серебряного века // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2020. – Т. 30. – Вып. 3. – С.503-510.
9. *Смылова О.Н.* Рецепция образа Евгения Базарова в романах Ф.М. Достоевского «Идиот» и «Бесы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – Вып. 11. – С.52-56.
10. *Тургенев И.С.* Собрание сочинений: В 12 т. – М., «Художественная литература», 1976. –Т. 3.

10.01.10

А.Н. Зиганшина

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, jurnal-pravo@mail.ru

**ТРАНСФОРМАЦИИ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК
В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ
«ПРАВО И ЖИЗНЬ В ТАТАРСТАНЕ»
В ПЕРИОД 2011-2021 ГОДОВ**

В статье исследуются процессы трансформации типологии журнала «Право и жизнь в Татарстане», основанного в 1998 году как ведомственный журнал Министерства Юстиции Республики Татарстан и продолжатель традиций общественно-правового журнала «Хокук вэ Хяят» 1913-1914 годов. Изучается вопрос о соотношении в журнале начал ведомственных, корпоративных и общественных и динамике развития издания за десятилетие с 2001 по 2021 годы.

Ключевые слова: «Право и жизнь»; «Хокук вэ Хяят»; казанская журналистика; юридические журналы; ведомственные издания.

Типологию журнала «Право и жизнь в «Татарстане» можно характеризовать как симбиотическую. Журнал был основан в 1998 году, как внешний ведомственный журнал Минюста РТ под названием «Право и жизнь» (нынешнее название «Право и жизнь в Татарстане» – с 2011 г.). При этом издание нового специализированного органа прессы объявлялось возобновлением журнала «Хокук вэ Хяят» («Право и жизнь (тат.)), выходявшего в 1913-1914 годах. Также журнала специализированного юридического, однако, неведомственного, но частно-общественного, издававшегося присяжным поверенным Ш.-А. Иманаевым. Уже в начале своего появления и позиционирования в журнале наблюдалась некоторая двойственность: ведомственный специализированный юридический журнал объявил себя продолжателем традиций частно-общественного специализированного издания столетней давности. С 2010 года у издания сменился учредитель, теперь им является ИП Зиганшина А.Н., журнал перестал быть органом единственного ведомства, но стал межведомственным, освещая деятельность различных государственных ведомств правовой сферы в РТ. Ведущую роль среди них стала играть на страницах журнала Прокуратура РТ.

Согласно концепции Л. Агафонова [1] государственные учреждения могут представлять собой в некотором роде единую корпорацию. И в этом смысле, такое межведомственное СМИ, каким является журнал «Право и жизнь в Татарстане», может быть отнесено также и к корпоративным изданиям (что, конечно, требует дополнительных исследований, подтверждающих или опровергающих соответствие журнала этому формату). Другие учёные[2] считают, что термин «корпоративные СМИ» приложим только к изданиям, обслуживающим бизнес-корпорации и относящимся к сфере бизнеса.

Журнал «Право и жизнь в Татарстане» - это издание смешанного типа. Выделить в нём четкие соотношения типов корпоративного, ведомственного, отраслевого или общественного СМИ довольно непросто. «Можно сказать, что к корпоративным относятся все те издания, которые нацелены на интересы конкретных юридических структур, выступающих учредителями. Именно этот признак можно назвать типформирующим. А.А. Мирошниченко[3], давая определение корпоративным СМИ, обращает внимание на то, что их цель – способствовать положительным изменениям в работе компании. Следовательно, выражение интересов учредителя – ключевая характеристика корпоративных изданий. Поддержка интересов компаний в рыночных СМИ реализуется в неявной форме, в

виде социального заказа, тогда как в прессе корпоративной заказ корпорации виден открыто, а воздействие корпорации на редакцию находится в рамках закона и этики. Редактор в данном случае выполняет часть функций специалиста по связям с общественностью».

Таким образом, для того чтобы ответить на вопрос окончательно: является ли издание «Право и жизнь в Татарстане» в полном смысле корпоративным, мы должны определить: в явной или неявной форме (в виде социального заказа) реализуется в журнале поддержка интересов корпорации. Необходимо, также выяснить, какую именно корпорацию представляет журнал в большей мере.

Мы провели типологический разбор нескольких номеров журнала «Право и жизнь в Татарстане» за годы в границах последнего по времени десятилетия (2011 и 2021) из жизни издания по случайной выборке с целью выявления выраженных там типологических характеристик.

По итогам анализа номера 3 (сентябрь) журнала «Право и жизнь в Татарстане» за 2011 год нами выявлено:

Материалов, объёмом в одну страницу и менее: всего 20. Общий объём в журнале таких материалов: 7 полос (не считая рекламы и фото-полос). Материалов, объёмом в 2-3 полосы: 7 (+ 2 рубрики, объёмом в 2 полосы, составленные из маленьких заметок, включенных нами в первую группу). Общий объём: 14-16 полос. Материалов, объёмом в 4 полосы: 4.

Таким образом, можно заключить, что предпочтительный, наиболее частотный объём для материалов журнала 2011 года – это две полосы. Объёмы 4 полосы удостаиваются либо крупные статусные республиканские мероприятия (здесь: заседание Совета при Президенте РТ по противодействию коррупции). Либо интервью с героем с обложки (здесь: интервью с Фоатом Зиннуровым).

В номере представлены различные аспекты деятельности следующих ведомств и организаций: (1) Генеральная прокуратура (3 страницы полностью + ещё 2/3 страницы: рубрика «Прокуратура РТ на страже закона»; 1 страница: фоторепортаж о посещении Генеральным прокурором школы. Задняя страница обложки: фотография за авторством Прокурора РТ Кафиля Амирова. Объём всего: 5 и 2/3 страницы; общее количество материалов: 10 текстовых и 2 фоторубрики). (2) Полиция Татарстана (рубрика: «Полиция Татарстана и мы». Объём: 6 страниц, 2 материала). (3) Таможня РТ: 2 страницы. 1 материал. (4) Академия Наук: 2 страницы. 1 материал. (5) УИС: 2 страницы. 5 заметок. (6) Госэкспертиза Татарстана: 3 страницы. 1 материал. (7) МЧС РТ: 2 материала 3 страницы» [4].

Таким образом, освещению работе различных ведомств в журнале отведено 23 страницы – около половины от общего объёма издания (52 страницы), при этом отметим, что такие ведомства как Академия Наук РТ и Госэкспертиза РТ не являются для журнала профильными. Среди ведомств преимущественным вниманием журнала удостаивается Генеральная прокуратура РТ и полиция РТ.

В номере затрагиваются следующие общественно-значимые темы (проблемы): «О гражданском контроле и легитимном инструменте влияния на власть (Стр. 5. Спикер: М. Фёдоров). (2) Тема коррупции (С. 5. – о гражданском участии в противодействии коррупции); стратегия антикоррупционной политики РТ – С. 12-15). (3) Тема сохранения историко-культурного наследия (С.10). (4) Состояние современной деревни (С. 43 – 48). (5) Развитие спорта в республике (С.11 – 1/3 полосы; С. 39-40)».

Материалы просветительского характера и сохранения наследия занимают в номере объём: 8 страниц.

Итак, подытожим: чуть более 20 страниц в разбиравшемся номере журнала занимают материалы, рассказывающие о работе различных ведомств. 12 – 13 страниц – материалы проблемно-общественные. 8 страниц – материалы просветительского характера, 10 страниц – материалы на татарском языке.

В качестве второго исследуемого номера нами был выбран журнал за май-июнь 2021 года. Это один из современных выпусков журнала в его типичном выражении (например, следующий номер, выложенный в открытый доступ в сети Интернет (сентябрь-ноябрь 2021 года) [5] – вышел в увеличенном формате – 60 страниц, вместо традиционных 52, а номер 2022 года – тематический, посвященный юбилею Российской прокуратуры, и в этом смысле также не может считаться совсем обычным).

Из сохранившихся трендов – мы видим, большое внимание к работе различных ведомств, из которых крупнейшее место в журнале занимают материалы, посвященные прокуратуре. Общий объём этих материалов в журнале: 7+2/3 страницы. Количество материалов: 11. Обратим внимание на то, что в журнале публикуется и информации о новых назначениях в Прокуратуре РТ, то же и в следующем номере (сентябрь – октябрь, 2021 год), из чего можно заключить, что Прокуратура РТ рассматривает издание «Право и жизнь в Татарстане» и как своё внутриведомственное.

Также свои рубрики в журнале за 10 лет сохранили и другие ведомства («Мы из полиции»; «Будни УИС», «Дела и заботы МЧС Татарстана»). Именно эти ведомства остаются приоритетными для журнала. Обращает внимание, что в рубрике «Мы из полиции», как и в журнале 10-летней давности, главным поставщиком новостей является высшее учебное заведение – КЮИ, а материалы, приходящие по линии УИС касаются, как и 10 лет назад, неформальных сторон жизни специалистов ведомства (темы: «фильм», «зелёный фитнес», «конкурс красоты», «героический поступок») и работают больше на положительный имидж ведомства. Среди ведомств, представленных в этом номере, можно отметить также Конституционный суд РТ, Росреестр РТ, Госавтоинспекцию РТ.

Приведём теперь некоторые выводы по анализу номера журнала (май-июнь 2021 года) в цифровом выражении.

Материалы, освещающие жизни ведомств. Общее количество: 22 (уполномоченный по правам человека РТ – рассматривается как отдельное ведомство). Объём в страницах: приблизительно: 21 страница. Из них. Прокуратура РТ: 7 + 2/3 страницы; полиция – 3 страницы; УИС – 3 страницы; Госавтоинспекция – 3 страницы; МЧС – 2 страницы; уполномоченный по правам человека РТ – 1 страница + 1 колонка; Конституционный суд РТ – 1 страница. Росреестр РТ – 1/3 страницы.

Итак, попробуем теперь составить типологическую характеристику журнала «Право и жизнь в Татарстане». Количественные характеристики: тираж: 3000 экз. (в 2011 – 999 экз.). Время выхода: 4 раза в год (в 2011 – 6 раз в год). Учредитель: ИП Зиганшина А.Н. (до 2010 года – Министерство юстиции РТ). Количество страниц – 52 (отдельные номера – 60).

Журнал, в целом, носит открытый межведомственный характер и направлен на улучшение взаимодействия государственных республиканских органов правовой сферы РТ с жителями республики. Материалы о различных аспектах деятельности правовых ведомств Татарстана занимают доминирующее положение в журнале (чаще всего – более 40 % от общей площади журнального номера или более 20 страниц). Из них преимущественное значение в журнале имеют сообщения, связанные с деятельностью Прокуратуры Республики Татарстан (тенденция сохраняется в течение последних 10 лет). Также на регулярной основе представлена деятельность полиции, МЧС РТ, УИС. Если Прокуратура использует журнал для освещения своей прямой деятельности, то УИС – преимущественно, для освещения сопроводительных и имиджевых мероприятий, видимо, предпочитая публиковать материалы по своей непосредственной работе в собственных профильных изданиях, а журнал «Право и жизнь» используя как дополнительный медиа-ресурс.

Журнал преимущественно русскоязычный с небольшими вставками материалов на татарском языке. В журнале сохраняется генетическое преемство с журналом «Хокук вэ һэят» (1913 – 1914), поддерживается особое внимание к сохранению татарского культурного наследия.

Журнал обращён к жителям Республики Татарстан, обращающимся за консультацией и помощью, или по иным причинам вступающим во взаимодействие с различными

ведомствами правовой сферы в Республике Татарстан. Чаще всего это люди, уже обладающие определённым уровнем правовой грамотности, состоявшие в профессии и карьере. Оптимальный возраст, выведенный для потенциальной аудитории журнала – 35+. Журнал рассчитывает на читателя с хорошим уровнем образования и вовлечённости в гражданские правовые аспекты жизни в Татарстане.

Журнал поддерживает государственную политику в Республике Татарстан, и освещает работы ведомств с этих позиций, нацеливаясь на конструктивное взаимодействие органов власти с гражданами Татарстана по широкому кругу вопросов.

Журнал при этом настраивает своих читателей на активную гражданскую позицию, на диалог с властями, вовлечённость и равнодушие к общественным и правовым процессам в республике.

Список литературы

1. *Агафонов Л.С.* Корпоративная пресса: особенности функционирования, типологические характеристики и методика оценки эффективности. Дисс... канд. филол. н. М., 2008.
2. *Горчева А.Ю.* : «...Когда мы говорим о корпоративной печати, то имеем в виду те СМИ, которыми занимается бизнес» (Горчева А.Ю. Корпоративная журналистика. М.: Вест-Консалтинг, 2008. С. 21.
3. *Мирошниченко А.А.* Работа в пресс-службе. Журналистика для пресс-секретарей. М.: МедиаЛайн; Альпина Паблишер, 2012. С. 166.
4. http://www.journal-pravo.ru/images/journal/46_2021_may_iun.pdf
5. http://www.journal-pravo.ru/images/journal/48_2022_ynvar_aprel.pdf

10.01.10

¹А.У. Киньябулатов, ¹Н.Х. Шарафутдинова, ²С.Г. Аксенов, ¹И.У. Ишназаров,
¹А.А. Хазиманова, ³А.А. Илиева, ³И.В. Ульянова, ¹Р.Н. Зигитбаев, ¹М.Н. Нодиров

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Уфа, azatur3@yandex.ru,

²Уфимский государственный авиационный технический университет,

³Бирский филиал Башкирского государственного университета

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВРАЧЕЙ-ЖУРНАЛИСТОВ — ЛАУРЕАТОВ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ АРГАЯШСКОГО РАЙОНА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ 2022 ГОДА

30 сентября 2022 года в Доме культуры с. Кулуево Аргаяшского района Челябинской области были вручены литературные премии имени К.К. Киньябулатовой Аргаяшского района врачам-журналистам Марсу Тимирзяновичу Фазлыахметову (номинация — поэзия) и Азату Урановичу Киньябулатову (номинация — проза), в произведениях которых краеугольным камнем значиться тема — здоровый образ жизни.

Ключевые слова: *Союз журналистов РБ, журналистика, литературная премия К.Киньябулатовой, здоровый образ жизни.*

В 2017 году в канун 100-летия со дня рождения известной поэтессы, почетного гражданина Аргаяшского района Челябинской области Катибы Каримовны Киньябулатовой была учреждена литературная премия ее имени. Инициатором утверждения данной премии выступили районные депутаты и Челябинское областное литературное объединение башкирских и татарских писателей имени Мифтахетдина Акмуллы (председатель – заслуженный работник культуры Республики Башкортостан Камса Давлетбаевич Муртазин). Премия присуждается раз в два года, в 2022 году проводилось в третий раз. В этом году награды удостоились ученый, публицист, врач-нейрохирург, доцент Азат Уранович Киньябулатов из Уфы за книгу «Аргаяшская земля – родина поэтов Киньябулатовых» и писатель, автор стихотворных сборников, гимна Аргаяшского района и песен о родном крае Марс Тимирзянович Фазлыахметов. В обоих произведениях воспеваются уроженцы Аргаяшского района, внесшие значительный вклад в развитие культуры Челябинской области и Республики Башкортостан, необходимо отметить, что поэты Катиба Каримовна и Уран Каримович Киньябулатовы, начинали свою трудовую деятельность именно как журналисты газет. Красота природы Аргаяшского района, где расположены красивейшие озера и Уральские горы, коренные жители и уроженцы района стали основными героями повествований А.У. Киньябулатова и М.Т. Фазлыахметова, которые в своей жизнедеятельности были пропагандистами здорового образа жизни. Применение традиций народной медицины башкир, в сочетании с психологическим комфортом, который обеспечивается у жителей района при физической нагрузке (сенокос, заготовка дров, плавание, катание на лошадях и др.), игра на музыкальных инструментах (курай для профилактики легочных заболеваний, кубыз (варган) для уменьшения кровоточивости десен и правильного прикуса и др.), охота и рыбная ловля (для умиротворения и психического равновесия и др.), которое осуществляется и пропагандируется жителями Аргаяшского района. Описание традиций здорового образа жизни, культурного наследия башкир, использования продуктов животного (кумыс, корот, мед и др.) и растительного происхождения (душица, зверобой и др.), обладающих лекарственными свойствами и воспевание красоты природы родного района — вот краеугольный камень творчества

врачей-журналистов А.У. Киньябулатова и М.Т. Фазлыяхметова. Врач-рентгенолог Марс Тимирзянович Фазлыяхметов после окончания в 1968 году Челябинского автодорожного техникума сотрудничал с районной газетой «Восход». В 1971 году поступил, а в 1978 году окончил лечебный факультет Свердловского государственного медицинского института. В студенческие годы Марс Тимирзянович сотрудничал и печатался в газете «Свердловский медик». После окончания института он вернулся в с.Аргаяш и начал работать хирургом в районной больнице, в последующем рентгенологом. В 1990 году вышла первая книга М.Т. Фазлыяхметова «Мой Аргаяш», в которой делается вывод, что именно работа и отдых в своём районе позволит наиболее полно раскрыться аргаяшцам — при реализации своих творческих и жизненных планов. Сохранение здоровья, активный труд, полноценный отдых с использованием лечебных факторов, которые есть в Аргаяшском районе — залог счастливой жизни. Врач-рентгенолог М.Т. Фазлыяхметов является автором «Гимна Аргаяшского района»:

Теплый дождик прошел проливной,
И над озером радуга встала.
Я люблю Аргаяш мой родной,
Что лежит у подножья Урала.
В небе птицы о чем-то поют,
А вдали поездов перезвоны
Этих улиц тепло и уют
С детских лет мне близки и знакомы».

Очень редкий случай, когда врач-рентгенолог, начавший свою творческую деятельность как журналист в районной газете, стал автором гимна района. Численность населения Аргаяшского района 40 516 человек (2020 г.), башкиры составляют почти 65%. Врачи А.У. Киньябулатов и М.Т. Фазлыяхметов публикуют свои произведения на русском языке с целью большей пропаганды принципов здорового образа жизни.

Член Союза журналистов РФ и РБ А.У. Киньябулатов в своих трудах отмечает, что причинами многих болезней среди башкир объяснялись нарушениями питания, переохлаждением, физическим и психическим перенапряжением, морально-психической травмой [1—4]. В работах врачей А.У. Киньябулатова и М.Т. Фазлыяхметова утверждается, что хорошо применять отдельные минералы и природные вещества [5, 6]. Для сохранения здоровья у сельского населения хорошо помогают народные виды спорта.

Впервые в Аргаяшском районе в 2022 году в Кулуевской Павленковской модельной библиотеке имени поэтессы К.К. Киньябулатовой открылся музей — Литературная гостиная, посвященная творчеству поэтов Катибы Каримовны и Урана Каримовича Киньябулатовых (зал поделен на две экспозиции сестры и брата), в которой представлены труды лауреатов третьей премии имени К.Киньябулатовой 2022 года — врачей-журналистов А.У. Киньябулатова и М.Т. Фазлыяхметова. В истории присуждения данной награды есть одна особенность — впервые два врача-журналиста стали лауреатами литературной премии.

Выводы: 1) Впервые в истории Аргаяшского района Челябинской области врачи-журналисты А.У. Киньябулатов и М.Т. Фазлыяхметова стали лауреатами литературной премии имени К.Киньябулатовой, которые в своем творчестве отразили основные принципы здорового образа жизни с использованием традиций народной медицины башкир среди сельского населения.

Список литературы

1. История медицины Республики Башкортостан: Уч. пос. для самостоятельной внеаудиторной работы студентов / Н.Х. Шарафутдинова, А.У. Киньябулатов, М.Ю. Павлова. – Уфа: Изд-во ГБОУ ВПО БГМУ Минздрава России, 2014 – С.22-25.
2. Киньябулатов А.У., Аксенов С.Г., Сахаутдинова Г.М., Хафизова Л.Ш., Суфияров Р.С., Усманов В.Ф., Сулейманов У.Ф., Якуп Э.Ф., Чистонов В.Д. Принципы написания статей по здоровому образу жизни, физической культуре и спорту в Башкирской энциклопедии. Казанская наука. 2018, №11. – С.36-38.
3. Киньябулатов А.У., Шарафутдинова Н.Х., Хазиманова А.А., Батанин С.А., Абдуллина А.Д., Мухлисов А.Ф., Хисамутдинов К.А., Казалова Д.К., Рахматуллина Д.А. Вклад члена Союза журналистов СССР, доцента В.З. Гумарова в развитие медицинской журналистики Башкортостана (к 90-летию со дня рождения). Казанская наука, 2019, №5. — С.33-35.
4. Киньябулатов А.У., Аксенов С.Г., Зигитбаев Р.Н., Зайцев Д.А., Валиахметова Л.Р., Шаяхметова Э.Р., Рахимова Р.Ф., Селиванова Е.А., Саидова Д.Д. Вклад члена Союза журналистов СССР А.Г. Шамаева в развитие журналистики Башкортостана. Казанская наука. 2019, №8. – С.24-26.
5. Гумаров, Варис Зиякаевич. Мудрость веков о здоровье: [Сб. афоризмов] / Уфим. мед. уч-ще №2; [Сост. В.З. Гумаров и др.]. - Уфа: Изд-во Башк. ин-та развития образования, 2001. - 33 с.
6. Гумаров В.З. Башкирская народная медицина. — Уфа: Изд-во ГОУ ВПО «БГМУ Росздрава», 2007. – 95 с.

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

О.А. Астафьева, И.А. Башкирова, Т.А. Колоскова

ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет»,
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Орехово-Зуево, olga.astafeva.71@mail.ru, ibashkirova82@gmail.com, koloskova_tak@mail.ru

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РАСКРЫТИЯ ВНУТРЕННЕГО МИРА ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

Данная статья посвящена анализу синтаксических конструкций, в структуре предиктивного центра которых присутствуют модальные слова. Исследование проведено на материале эпистолярного романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди». Выявлена преобладающая семантика модальных компонентов: значения желательности, отсутствия возможности, наличия необходимости, волеизъявления. Авторы приходят к выводу, что конструкции с доминирующими модальными компонентами помогают писателю раскрыть внутренний мир героев, показать их нелегкую жизнь.

Ключевые слова: *модальные слова, синтаксические конструкции, предикативный центр, художественный текст, внутренний мир героя.*

Эпистолярный роман «Бедные люди», написанный в 1845 году, принес Ф.М. Достоевскому большую известность. Интерес к этому произведению не ослабевает и в настоящее время [1, 5, 7].

Целью данной статьи является анализ семантики модальных слов (глаголов, прилагательных, наречий), встречающихся в структуре предикативного центра двусоставных и односоставных предложений, установление соотношения выявленных семантических групп.

Новизна исследования заключается в том, что средства выражения предикатной модальности рассматриваются как один из способов представления внутреннего мира героев романа.

Автор обращается к теме «маленького человека» и показывает жизнь такого типа людей на примере главных героев – Макара Девушкина и Варвары Доброселовой. Они находятся в невыносимых жизненных обстоятельствах - тяжелом материальном положении, одиночестве. Кроме того, остро чувствуют несправедливость окружающего мира, но ничего не могут изменить.

Некоторые исследователи называют роман социально-психологическим (В.Н. Майков, М.М. Бахтин). С этим трудно не согласиться: выбранная писателем форма ведения повествования позволяет героям самим рассказывать о своих мыслях, чувствах, переживаниях, отношениях с другими людьми в личной переписке. Ф.М. Достоевский, не обозначая явного авторского присутствия, при помощи языковых средств рисует картину мира своих персонажей. Письменная монологическая речь является способом представления изображаемого героя [4, с. 206].

При внимательном прочтении текста на себя обращают внимание предложения, в структуре предикативного центра которых присутствуют модальные слова, позволяющие говорящему дать оценку своему высказыванию с точки зрения отношения сообщаемого к объективной действительности. Ср., например: *Я могу уехать из города* (есть возможность) – *Я не могу уехать из города* (нет возможности). Речь идёт о предикатной модальности - одном из аспектов единой функционально-семантической категории модальности.

Приводя перечень значений, составляющих сферу предикатной модальности, исследователи называют следующие: возможность, желательность, необходимость, волеизъявление, своевременность и др. [2, 6].

Модальность главного члена может реализовываться в двух разновидностях: «положительной» и «отрицательной» (в терминологии А.В. Петрова), например, необходимость – отсутствие необходимости (*Нужно перечеркивать многие места, заменять сотни слов другими* (положительная модальность) – *Не нужно перечеркивать...* (отрицательная модальность). Отрицательная модальность может маркироваться грамматическими средствами (приставка или частица *не*): *Ему не хочется учиться* и лексическими средствами (семантика слова): *Трудно запомнить весь устав* [2, с. 92].

В соответствии с представленными классификациями проанализируем предложения с модальным компонентом в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди». Следует отметить, что такие конструкции встречаются почти в равной мере как в речи Макара Деушкина, так и в речи Варвары Доброселовой. Согласно проведенному статистическому анализу в художественном пространстве романа - 364 употребления предложений, в составе сказуемого которых (двусоставные конструкции) или главного члена (односоставные конструкции) присутствует модальный компонент. Четко выделяются доминирующие семантические группы. Представим их в таблице.

Таблица – Доминирующая семантика модальных компонентов

Значение	Положительная модальность	Отрицательная модальность
Желательность	92 употребления <i>хотеть, желать, вздумать</i>	19 употреблений <i>не хотеть, не желать</i>
Возможность	38 употреблений <i>мочь, удастся, можно</i>	65 употреблений <i>не мочь, не удастся, не мастер, не в силах</i>
Необходимость	68 употреблений <i>требовать(ся), принужден(а), надо, необходимо</i>	12 употреблений <i>не нужно</i>
Волеизъявление	47 употреблений <i>решить(ся), изволить</i>	20 употреблений <i>приказать, повелевать, рад, готов</i>

Как видим, преобладают четыре типа модальных компонентов:

1) Модальные компоненты со значением наличия желания совершения действия (положительная модальность): *Да ещё хотел вам написать что-нибудь, только вас утруждать боюсь; Я было хотела бежать, но было поздно; Просите вы меня, Макар Алексеевич, прислать продолжение записок моих; желаете, чтоб я их докончила; Бедная Матрёна не понимала, что со мной делается и зачем я вздумала покупать столько книг; Что это вам вздумалось, например, такую квартиру нанять?*

2) Модальный компонент со значением отсутствия возможности (отрицательная модальность): *Я заплакала вдруг, как дитя, зарыдала, сама себя удержать не могла; точно я была в каком-то припадке; Впрочем, не грустите; не удалось, так что ж делать!; Сознаюсь, маточка, не мастер описывать, и знаю, без чужого иного указания и пересмеивания, что если захочу что-нибудь написать позатейливее, так вздору нагорожу; Но это духовное насилие не могло и не в силах было расстроить меня совершенно.*

3) Модальный компонент со значением наличия необходимости (положительная модальность): *А так как разные чины бывают и каждый чин требует совершенно соответственной по чину распеканции, то естественно, что после этого и тон распеканции выходит разночинный, – это в порядке вещей!; Положите так, для карманных денег – все сколько-нибудь требуется – ну сапожишки какие-нибудь, платьишко – много ль останется?; Матушке понездоровилось, Анна Федоровна очень кстати поленилась, так что пришлось все поручения возложить на меня, и я отправилась вместе с Матреной; А между тем я еще дитю принуждена была оставить родные места; Да ведь после такого надо жаловаться, Варенька, формально жаловаться.*

4) Модальный компонент со значением волеизъявления (положительная модальность): *Я долго думала, я много передумала, я мучилась, думая, друг мой, наконец я **решилась**; Вы знаете сами – я больная всегда; я не могу так же, как и вы, работать, хотя бы душой **рада** была, да и работа не всегда бывает; Я отвечаю ему, что **рад** бы душой, да что нет у меня ничего, ровно нет ничего; И последние слова он так жалобно протянул нараспев, что мне показалось, что он заплакать **готов** от досады, зачем книжки хорошие дороги, и что вот сейчас капнет слезинка с его бледных щек на красный нос.*

Гораздо меньшим количеством представлены модальные компоненты со следующими значениями:

1) Значение целесообразности (2 употребления): глагол **стоит** (1): *Мне многого **стоит** беспокоить вас теперь, когда вы в таких обстоятельствах, но на вас одного вся надежда моя!; **не стоило бы**(1): Это бы и ничего, и **писать бы** об этом **не стоило**, но вот какое выходит тут обстоятельство, маточка...*

2) Значение своевременности: **пора** (1 употребление): *Опустите занавеску – значит, **прощайте**, Макар Алексеевич, **спать пора!***

Таким образом, можно предположить, что выбор Ф.М. Достоевским модальных компонентов с преобладающей семантикой не случаен: он созвучен идейно-содержательной стороне художественного произведения и помогает писателю передать мысли, душевные переживания героев, показать их нелёгкую судьбу.

Список литературы

1. Буяновская В.И. «Бедные люди» Ф.М. Достоевского как диалог старого и нового слова // *Studia Litterarum*. - 2018. - Т. 3, № 4. - С. 152-169.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // *Избранные труды. Исследования по русской грамматике*. – М.: Наука, 1975. – С. 53-87.
3. Достоевский Ф.М. Бедные люди: Роман; Двойник: Петербургская поэма. – М.: Советская Россия, 1985. – С. 3 – 116.
4. Кожин А.Н. Введение в теорию художественной речи: учебное пособие. – М.: Изд-во МГОУ, 2007. – С. 206.
5. Мельникова Н.М. Особенности портретных описаний в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» // *Человек, текст, язык в системе социогуманитарного знания: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции (11 апреля 2018 г.)*. – Нижний Тагил, 2018. – С. 159 – 166.
6. Петров А.В. Проект лексико-грамматического словаря безлично-модальных слов и конструкций // *Тенденции в системе номинации и предикации русского языка: межвузовский сборник научных трудов*. – М.: МПУ, 2002. – С. 92.
7. Сочилова М.В. Лексико-стилистические средства речевой типизации персонажей в романе Ф.М. Достоевского "Бедные люди": дис. канд. филол. наук. - М., 2003. - 132 с.

10.02.01

М.Г. Воднева канд. филол. наук, И.В. Уварова канд. филол. наук

Кубанский государственный медицинский университет,
стоматологический факультет,
кафедра лингвистики,
Краснодар, vmg_@mail.ru, mi46@rambler.ru

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ГОРОД» В РАССКАЗЕ ДИНЫ РУБИНОЙ «ИЕРУСАЛИМЦЫ»

В работе представлены результаты анализа концептуализации понятия «город» в индивидуально-авторской картине мира Дины Рубиной (на материале рассказа «Иерусалимцы»). К оригинальным смысловым приращениям, свидетельствующим о значимости концепта в творчестве писательницы, относятся: таинственное живое существо, дракон, партнер человека, вдохновляющее место, просцениум, место с толикой безумия, приемный отец, миф сокровенный, припыленный король городов.

Ключевые слова: *концепт, город, концептуализация, смысловые приращения, Дина Рубина.*

Особенности концептуализации понятия «город» отражают картину мира определенной культуры [1, с. 205], поскольку данный концепт относится к первичным и основным для всей системы [3, с. 105]. Также понятие «город» является центральным в рассказ «Иерусалимцы», который входит в книгу Дины Рубиной «Сквозь сеточку шляпы» и открывает данный сборник [2]. Наименование рассказа определяет его содержание, подчеркивает, какой именно город будет находиться в центре повествования, а также в целом задает тематику всему сборнику произведений.

Уже в первых строках предисловия к сборнику автор определяет город, «чье имя на слуху у человека любой государственной принадлежности», как *имеющий «гения места»*. Такая редко встречающаяся в современной литературе концептуализация восходит к древнеримской мифологии и обозначает духа-покровителя какого-либо места. Расцвет популярности этого латинского выражения пришелся на XVIII век, когда оно оказало значительное влияние не только на литературу, но и на архитектуру и изобразительное искусство.

Для автора рассказа гений места – это душа или дух города, то, что олицетворяет его и делает живым. Таким образом, понятие «город» получает еще одно смысловое приращение: это *таинственное живое существо*, которое вовсе не сродни человеку, хотя имеет язык, позволяющий обращаться к приезжим и обитателям. Город становится не просто особым местом, а превращается в *ирреальные силы*.

При этом Иерусалим как город особенный имеет несколько огнедышащих душ. Этот город концептуализируется как *дракон*, головой которого является душа этого места, вновь отрастающая, если ее срубили.

Особенно подчеркивается связь города и человека. Причем таким человеком может быть как житель, никогда не покидавший родных мест, так и случайный турист. Душа города и душа человека сливаются в едином дуэте или танце. И здесь город получает концептуализацию *партнера человека*.

Зачастую имя города связано с именем знаменитого человека. Это может быть художник, писатель или философ, который здесь родился или жил. У любого обывателя, даже близко не знакомого с творчеством выдающегося жителя города, есть четкая ассоциация *город – известный человек*. Так, реализуется концептуальный признак города как места, *ассоциативно связанного с известной личностью*.

Город – это также территория, где люди встречаются. Такие встречи могут быть неожиданными, случайными или важными и судьбоносными, а город в рассказе получает смысловое приращение *место встреч*.

Еще город – это *любимое место, значимое и ценное* для человека, являющееся его центром притяжения. Сюда стремится человек, сюда зовет его сердце, именно в такой город, который невозможно забыть, возвращаются снова и снова.

Также город *влияет на человека, оживляет* его, но только при условии, что между ними есть особая связь. В рассматриваемом рассказе город *преображает* людей, делает их в чем-то похожими друг на друга, придает им свойственный ему самому колорит.

Однако город в рассказе концептуализируется и как реальное место, с реально существующими районами и улицами, которые можно узнать и по наименованию, и по подробному описанию.

Еще одна концептуализация понятия «город» – это *вдохновляющее* место. Такой признак является индивидуально-авторским, вдохновляется картинами города не только сама писательница, но и многие другие люди искусства, специально для этого сюда приехавшие. Вероятно, такого рода вдохновение дарит не любой город, а именно Иерусалим.

Город в рассказе наводнен разными людьми: это туристы, влюбленные парочки, несколько городских сумасшедших, дети, наперсточники, карманники. Таким образом, город разнообразен сам, как и наполняющие его люди.

Иерусалим не получает в исследуемом тексте привычных и распространенных концептуализаций. Из характерных атрибутов, присущих этому уникальному городу, можно выделить только то, что именно здесь на улице можно встретить чинные религиозные семьи.

Еще одна оригинальная концептуализация – *город-просцениум*, место, где режиссер «гоняет» массовку, репетируя новую пьесу. Такая индивидуально-авторская концептуализация связана с тем, что повествователь черпает вдохновение, наблюдая за сценами, происходящими в центре города, как зритель в первом ряду театрального партера. Причем в роли режиссера выступает сама судьба, причудливо распоряжающаяся жизнями героев и разными путями приводящая их в Иерусалим.

Иногда город напоминает общую *раскаленную сковороду*, на которой «булькает, цкварчит и пенится» речь. Помимо смыслового приращения, соотносимого с прямым значением слова «сковорода» и метафорически ярко и четко передающего колорит города, в данной концептуализации можно увидеть связь с известным выражением – Иерусалим земной и Небесный. И здесь земной город не просто концептуализируется как реальный, населенный обычными людьми, а превращается в место подземное, противопоставленное Небесному, имеющее атрибуты преисподней.

Город в рассказе *наполнен ароматами*: тмином, кардамоном, корицей и ванилью. Таким образом, запахи, витающие в воздухе Иерусалима, тонкие, благородные и характеризующие данное место как *восточное*.

Помимо Иерусалима в рассказе упоминаются и другие города. Появляются они в описании жизни иерусалимцев, которые не были таковыми по рождению, а стали местными по переезде. Но судьба привела их в этот город не случайно. Эти люди гармонично вписались в атмосферу Иерусалима, и город принял их и сделал своей частью, потому что уже был в их крови. Одним из городов, которые раньше были в жизни иерусалимцев, является Ташкент. Он концептуализируется как глубокий тыл во время Великой Отечественной войны, т.е. как место *безопасное*, куда переезжают мирные люди, спасающиеся от сражений и бомбардировок.

Другой город в рассказе – Варшава. Эта европейская столица противопоставлена городкам в Израиле 1958 года и концептуализируется как *комфортное* для проживания место.

Иерусалим также концептуализируется как место, *населенное людьми особыми, творческими*, отличающимися от жителей других городов. Сопряжено это и с творческим началом повествователя, когда подобное видит и притягивает подобное. Среда общения

рассказчика состоит из людей неординарных и творческих, а потому и все население города кажется именно таким. Места, которые посещает повествователь, являются историческими или связаны с культурой, например, Яффские ворота, Дом художника.

Каждый город имеет свой колорит. Особая черта Иерусалима, которую можно рассматривать как индивидуально-авторское приращение, это присущая ему толика *безумия*. Эта характеристика города проявляется в том, какие люди его населяют и поддерживают. Так, в День Иерусалима разношерстная толпа, вышедшая выразить солидарность городу, состоит из причудливых людей, безумных и пестрых, и напоминает парад-алле на арене цирка.

Город также концептуализируется как место, куда *путешествуют*. Прежде всего, это прекрасные города Европы, которые также обладают собственным духом, являясь местами историческим и значимыми. Так, в рассказе появляются Помпеи, но акцент смещен с самого города на поведение иерусалимцев в нем.

В тексте появляются Москва и Ленинград – города, в которых когда-то жили иерусалимцы. Это места рождения или временного нахождения в них будущих жителей Иерусалима. Таким образом, некоторые города, значимые для представителей определенной культуры, получившие в ней глубокое осмысление и концептуализированные как в общей языковой, так и во многих индивидуально-авторских картинах мира, могут получать смысловое приращение всего лишь *фона*, на котором разворачивались в прошлом события в жизни нынешних иерусалимцев.

В конце рассказа появляются три города, которые повествователь концептуализирует следующим образом: *огромный, имперской славы* (Лондон), *чарующий, волшебный* (Париж); *гудящий Вавилон, законодатель мод* (Нью-Йорк).

Однако до «сакральных высот мифа» вознесся именно Иерусалим. Он получает смысловое приращение города *непонятного, громкого, слишком яркого, испепеляющего*. Такой город приручает к себе людей, он выступает как *приемный отец*, новыми детьми которого становятся переехавшие в него люди, которые «припали» к нему, невзирая на его недостатки, и полюбили любовью драгоценной, а теперь делятся этим чувством с вновь прибывшими. Этот город – *царственный дервиш, припыленный король городов, миф сокровенный, пребывающий вечно, поставленный на горе*.

Таким образом, главным городом в тексте является Иерусалим, и именно его смысловые приращения ложатся в основу индивидуально-авторской концептуализации понятия «город». Но концептуально осмысляются в рассказе и другие города, которые могут выступать в роли незначительного фона или являться накопленными человечеством земными сокровищами, однако всегда уступая мифу сокровенному – Иерусалиму.

Список литературы

1. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М., 1996.
2. Рубина Д. Сквозь сеточку шляпы / Д. Рубина. – М., 2017.
3. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М., 1997.

*10.02.01***Е.В. Дишкант, Ся Юйлян**

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
филологический факультет,
кафедра русского языка как иностранного,
Якутск, dishkant74@mail.ru, yuliang@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО СТИЛЯ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ: К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу научного стиля в русском и китайском языках. Представлены языковые и стилистические признаки научных текстов, выявлены проблемы, связанные с осуществлением перевода. Особое внимание уделяется научной терминологии. Рассмотрены наиболее частотные ошибки при переводе с китайского языка на русский, даны рекомендации.

Ключевые слова: *русский язык, китайский язык, научный стиль, термин, перевод текста.*

В современном мире глобализации и межкультурной коммуникации большое значение играет развитие науки и техники, обмен научно-технической информацией, а также развитие торговых, финансовых и экономических связей между странами. Важной составляющей взаимоотношений между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией является развитие торгово-экономических связей. В этом отношении возрастает востребованность в профессии переводчика, способного осуществлять качественный перевод научно-технических текстов, выполнять совместные исследования в области гражданской и военной инфраструктуры. Он должен владеть активной и пассивной лексикой русского и китайского языка, уметь резюмировать научный текст, переводить термины и специальную лексику.

Актуальность темы исследования подтверждается необходимостью создания эквивалентного, адекватного, информативного, логичного и четкого перевода научных текстов. Эти положения отражены в работах современных авторов Н.Э. Петровой [8], Л.А. Ордян [6], М.В. Софронова [10], Лу Юнчан [5] и др. Данная статья посвящена сопоставлению лингвистических особенностей научного стиля в русском и китайском языках, с указанием трудностей и путей устранения речевых и стилистических ошибок при переводах.

Научному стилю в русском языке соответствует научно-технический стиль в китайском языке, который относится к письменно-книжной группе и используется при характеристике естественнонаучных явлений и социально-политических процессов. Научные тексты в русском и китайском языках характеризуются общими внелингвистическими признаками: точностью и объективностью, обобщенностью и отвлеченностью лексики, логичностью и последовательностью изложения, исключением субъективности и эмоциональности, доказательным и аргументированным изложением речи [4, с. 280]. Логичность и последовательность научной речи в русском языке осуществляется с помощью сложноподчиненных предложений, в которых выражаются причинно-следственные связи: *необходимо подчеркнуть, что; это свидетельствует о том, что; таким образом нам удалось доказать, что*. Авторы научных текстов в устной и письменной речи широко употребляют вводные слова и конструкции: *наконец, таким образом, итак, следовательно, во-первых*. В китайском языке также характерно употребление вводных слов: 来 - *во-первых*, 除此...以外 - *за исключением* и лексических штампов: 严格地说 - *строго говоря*, 换句话说 - *другими словами* и др.

В качестве доказательной базы научного стиля автор текста, использующий цитаты или перефразирования мыслей других авторов, обязательно делает на них ссылку. При обращении к мнению другого исследователя чаще всего употребляются фразы: *по мнению, как утверждает, согласно теории*. В китайском языке есть сочетание *如前所述*, означающее «как отмечалось ранее».

Синтаксическими особенностями текстов научного стиля как в русском, так и в китайском языках является употребление сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. При характеристике сложных предложений в китайском языке необходимо отметить и строгую роль порядка слов в предложении: подлежащее – сказуемое – дополнение – определение – обстоятельство [9, с. 394].

В процессе перевода научных текстов переводчик сталкивается с определёнными сложностями. Построение фразы на китайском языке отличается тем, что ее следует переводить с конца. Осуществляя устный перевод текста научного стиля, переводчик должен предугадать мысль рассказчика, чтобы правильно ее перевести на русский язык [10, с. 87]. Необходимо заранее изучить тему текста, познакомиться с тезисами выступления, изучить терминологию доклада, активный вокабулярий, поскольку устный перевод не предполагает обращение к словарям и справочным материалам [3, с. 121]. При выполнении письменного перевода следует учитывать отсутствие словоизменительных категорий в китайском языке, а также особенности порядка слов.

В русском научном стиле встречаются фразы и словосочетания, которые отсутствуют в других языках, поэтому не всегда понятны носителям иной культуры. В частности, к ним относится использование речевых клише: *в качестве примера можно привести, исходя из следующих фактов, нельзя не отметить, нашло отражение*. Кроме этого, в научных текстах русского языка широко используются многозначные слова, которые обозначают одно из потенциально возможных значений: лексема «помогать» может обозначать «способствует», «создает условия для осуществления» [7, с. 45].

Основной проблемой перевода терминов является несоответствие термина реалиям иностранного языка. Например, словосочетание *覆盖层* (покровный слой). В китайском языке отсутствует формальный числовой признак, поэтому переводчику необходимо понимать контекст, чтобы указать какое количество защитных покровных слоев имеет в виду автор [1, с. 74]. Термин «покупательная способность денег» в китайском языке объединяет в себе три подходящих по смыслу лексем *《货币购买力》*, что означает «валюта, закупать, сила» [11, с. 511]. При анализе терминов нефтяной промышленности в китайском и русском языках возникает проблема метафоризации терминов. В качестве примера М.С. Янчак приводит понятие *《采油树》* (*фонтанная аппаратура*), которое при дословном переводе означает «дерево для добычи масла» или «елка» [12, с. 232].

Русский и китайский языки отличаются и структурными показателями. Русский язык – язык флективного типа, а китайский язык – язык аналитического типа, в котором отсутствуют словоизменительные категории. Это находит отражение и в текстах научного стиля [3, с. 78]. Так, лексема *钻* в переводе на русский язык может обозначать предмет (*сверло*), действие (*сверлить*) и признак (*бриллиантовый*). Указание на форму единственного или множественного числа в китайском языке происходит в процессе усвоения контекста.

Лексические и грамматические ошибки связаны с употреблением слов в несвойственных значениях, искажением морфемной структуры слова, нарушением правил согласования. Например, *它是一棵千年古树, 它只能由10个人围着* («Данное дерево растет 1000 лет, и только 10 человек смогут его обхватить»). Одной из ошибок при переводе может быть опущение числа субъектов действия: «Этому дереву 1000 лет, лишь немногие смогут его обхватить».

Большую трудность представляет перевод имен собственных в китайском языке, поскольку переводчикам могут быть не знакомы имена и фамилии, употребляемые в тексте. В русском языке имена собственные выделяются на письме, а в китайском языке их поиск затруднен. В предложении 《成龙、李连杰第一次在银幕上演巅峰对决》 («Чэн Лун и Ли Ляньцзе впервые встретятся на экране») имена собственные на письме графически не выделяются. Названия учебных заведений также могут содержать неточности в тексте перевода: 中国社科院 «Китайская академия общественных наук» (перевод с ошибкой «Китайский общественно-научный институт»).

Частотны и ошибки, связанные с нарушением лексической сочетаемости слов в предложении: 中俄两国领导人就一些关键的人类福祉问题进行会晤 («Лидеры стран Китая и России встретились и обсудили ключевые вопросы благосостояния людей»). Неверным будет следующий вариант: «Лидеры стран Китая и России связаны ключевым вопросом благосостояния людей» [2, с. 146]. При переводе предложений с китайского на русский язык каждому значению многозначного слова должна соответствовать лексема на языке перевода. Если многозначность при переводе не снимается, значит лексическая сочетаемость предложения нарушена: 行星围绕太阳运动 («Движение планет вокруг Солнца»). Неточный перевод может быть представлен следующим вариантом: «Планеты движутся по окружности вокруг Солнца»).

Морфологические ошибки при переводе текстов с китайского языка на русский встречаются значительно реже, если переводчик владеет нормами русского языка. Однако могут быть ошибки, связанные с употреблением единственного и множественного числа, правил написания и словоизменения имен числительных и др.

Синтаксические ошибки чаще всего допускают при нарушении структурных границ предложения: 1949年, 新中国成立 «В 1949 году был основан новый Китай» («1949 год, основание нового Китая»). В процессе перевода может быть нарушена и видовременная соотнесенность: 也就是说经过几代人的努力, 我们的出口结构得到很大的提升 «Если несколько поколений смогут приложить усилия, то структура экспорта может быть улучшена» («Это означает, что после нескольких поколений наша экспортная структура значительно улучшилась»).

Итак, научному стилю в русском языке соответствует научно-технический стиль в китайском языке. В процессе перевода научного текста могут возникнуть трудности, связанные с особенностями и структурными показателями языков, а также со сложностью перевода терминологии на иностранный язык. Правильный перевод терминов и понятий на китайский язык может быть осуществлен только с учетом лексических и грамматических особенностей текстов научного стиля.

Список литературы

1. Бехтева Н.Н., Дегтярева Е.В. Основные проблемы перевода научно-технических текстов металлургической тематики // Филологические науки в России и за рубежом: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.). - СПб.: Свое издательство, 2016. - С. 74-76.
2. Дубкова О.В. К вопросу о типологии переводческих ошибок (на материале переводов с китайского языка на русский) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. Т. 8. 2009. № 4. С. 144-149.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода. - М.: Высшая школа, 1990. -253 с.
4. Крапивник Л.Ф., Джонг Бёл Научный стиль речи русского языка в иноязычной аудитории // Проблемы высшего образования. Хабаровск: ТОГУ, 2019. № 1. С. 279-282.
5. Лу Юнчан Общий курс художественного перевода с русского языка на китайский. - Шанхай: Шанхай вайюй цзяюе чубаньшэ, 2007. - 19 с.
6. Ордян Л.А. Типичные проблемы и особенности перевода научного текста // Молодой ученый. 2018. № 48 (234). С. 423-426.
7. Основы научной речи: Учеб. пособие для студ. нефилол. высш. учеб. заведений / Н.А. Буре, М.В. Быстрых, С.А. Вишнякова и др.; Под ред. В.В. Химика, Л.Б. Волковой. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003. - 272 с.
8. Петрова Н.Э. Функционально-стилистические особенности русского и китайского языков // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 3 (28).
9. Син Юйсы Стилевые и грамматические особенности научного стиля в современном китайском языке // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 9. С. 392-397.
10. Софронов М.В. Китайский язык и китайская письменность. Курс лекций. - М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. - 638 с.
11. Федощенко Н.С. Особенности перевода экономических терминов в китайском языке // Молодой ученый. 2016. № 18 (122). С. 511-513.
12. Янчак М.С. Сложность перевода терминов нефтяной промышленности в китайском языке // Молодой ученый. 2018. № 4 (190). С. 232-234.

10.02.01

А.Н. Ерёмин д-р филол. наук

Калужский государственный университет,
Институт филологии и массмедиа,
Кафедра русского языка,
Калуга, eremin.an55@yandex.ru

О МЕХАНИЗМАХ РАЗВИТИЯ НОВОГО ЗНАЧЕНИЯ У СЛОВА

В статье в опоре на положения современных отечественных и зарубежных ученых рассматривается общий механизм развития вторичных значений у производных и производных слов, а также семантические проекции, по которым трансформируется базовое значение.

Ключевые слова: *вторичные значения, ассоциации по сходству и смежности.*

Вопросам становления нового значения у слов посвящены самые интересные научные исследования отечественных и зарубежных ученых.

Ю.Д. Апресян отмечал: «... всякое лексическое значение обладает определенной синтаксической структурой [1, с.7].

Г.И. Кустова пишет: «Полисемия – это и есть способ осмысления нового через данное... распространение уже существующих знаков на другие объекты и ситуации и приспособление (модификации, «аккомодации») исходной семантической структуры для описания и осмысления новых типов объектов и ситуаций... Источником значений является та концептуальная структура, которую... условно мы называем ситуаций...» [4, с. 396 и след].

«Образ-схема (image schema): картинка, позволяющая, по предположению, когнитивно адекватным образом представить как значение слова, так и структуру его многозначности: разные значения «выбирают» (профилируют, выдвигают на первый план) разные части схемы в качестве центральных, оставляя прочие за пределами поля зрения или на его периферии... (М. Джонсон, Дж. Лакофф, Л. Талми, Р. Лангакер, Л. Янда и др.)» [3, с. 35].

С нашей точки зрения, большинство слов (непроизводных и производных) как модели толкования — потенциально открытые семантико-синтаксические структуры.

Заметим, что носитель языка может видеть и разные интерпретации значения: как формально-производное значение, как метафорическое значение.

Вальтер, Мокиенко: **ПАРАШНИК**. *Шк. Пренебр.* Отстающий ученик, двоечник. <шутливая ретимологизация жаргонизма **парашик** ‘притесняемый, унижаемый всеми заключенный’, ‘лгун, обманщик’ > (БСЖ, 420 – 421) на основе ложной ассоциации со **шк. пара** – двойка [2, с.419].

В школьном жаргоне есть слово **параша** ‘двойка’.

Отсюда: **ПАРАШНИК**: а) производное: ‘тот, кто получает **параши**’; б) метафора к углу. **ПАРАШНИК**.

Итак, если мы правильно понимаем позицию современных лингвистов, развитие вторичного значения к исходному (которое и само может быть не только прямым, но и вторичным), – это следствие переосмысления семантико-синтаксической структуры базового значения.

Переосмысление и расширение смыслового пространства слова происходит по следующим семантическим проекциям:

а) ассоциации по сходству (антисходству);

а1) ассоциации в опоре на коннотации (стереотипные представления);

б) ассоциации по смежности;

б1) ассоциации по смежности в пределах гиперо-гипонимических групп в неграмотной речи;

б2) ассоциации по смежности в пределах понятий «целое – часть».

Отмеченные виды проекций становления нового значения могут осложняться гиперболой или литотой, фонетической мимикрией и др.

Приведем примеры:

а) метафора.

Зрительные ассоциации: (**зебра** 'вид дорожной разметки в виде чередующихся полос, которая указывает на пешеходный переход').

Осязательные ассоциации: Обо мне... говорят, что я **жесткий** человек [Н. Трофимова. Третье желание // «Звезда», 2003].

Обонятельные ассоциации: **Аромат** успеха. Сборная России выиграла шахматную Олимпиаду [Л. Народицкий... // «Известия», 2002.11.10].

РР: Не **воняй** тут 'помолчи'.

Вкусовые ассоциации: **кислое** настроение, **сладкие** мечты...

Слуховые ассоциации: В 1770-х годах в Ярославле было **громкое** дело об исправнике Безобразове, который очень любил бить прохожих... [И. А. Забежинский... // Православие и мир (pravmir.ru), 2015].

Болевые ассоциации: Такая газета должна жить и **болеть** интересами нации [Цитата // «Витрина читающей России», 2002.10.25].

Температурные ассоциации: А саму Лилю до исступления любил Маяковский — да только она после недолгого романа к нему **остыла**. [Д. КОРСАКОВ... // Комсомольская правда, 2013.07].

Рациональные ассоциации: (...я не знал, что под пенсне вашей горничной скрыта трагедия какого-то женского **Дон-Жуана**, который, однако, любит, чтобы на нём женились... [Г. А. Газданов. Вечер у Клэр].

Комплексные ассоциации (например, визуальные и тактильные):

Удавка в арго 'галстук'.

Сходство может опираться на *эмоциональное впечатление*: - **Ужас** какой журнал... [Письма читателей // «Трамвай», 1991].

Антисходство:

РР: **Геракл** о 'тщедушном человеке'. **Цыган** 'о белобрысом человеке'.

Синкретизм метафоры и гиперболы:

Я выпил **бочку** вина и водки. Я съел всю хамсу Одессы. [Эдуард Лимонов. Книга воды (2002)].

Синкретизм метафоры и литоты:

В обществе и на вечеринке... с Прометеем делается такое превращение, какого и Овидий не выдумает: **муха**, меньше даже мухи, уничтожился в **песчинку!** (Гоголь. Мертвые души).

а1) Метафоры, опирающиеся на коннотации (или стереотипы):

БАРА'Н. 'перен.: о тех, кто, не имея собственного мнения, слепо следует за кем-чем-н.; разг. пренебр.'.

В польском языке: **FLADRA** 1. зоол. камбала; 2. разг. пренебр. неряха, ж, растрёпа.

В разных языках у одного слова могут быть похожие коннотации:

Ты **свинья** (русский язык) - sən **donuzsan** (азербайджанский язык);

jesteś świnia (польский язык); tu es un **cochon** (французский язык).

В разных языках общая коннотация может быть у разных слов:

'Подлого и коварного человека' греки называют **собакой** (**σκύλος**), немцы **гадюкой** (**Viper**), англичане – **грачом** (**rook**).

У метафоры слова "**собака**" в русском языке совмещаются отрицательные (жестокий, злой, бессердечный и др.) и положительные (преданный) коннотации.

б) ассоциации по смежности:

б1) смежность автономных объектов:

... **талия** занижена, то до такой степени, что брюки должны буквально сползать... // [Известия, 2005.06];

б2) смежность в пределах причинно-следственной обусловленности:

Смелое решение... именно оно дарует книге невероятное обаяние. [Артем Липатов...// Известия, 2013.04];

2) смежность целого и части:

Он ничего не пил, ел **клубнику** в сиропе.... [Никита Михалков запал на Юлию Бордовских // Комсомольская правда, 2002.01];

б1) смежность в пределах гиперо-гипонимических групп в нелитературной речи:

... ямщику наказал следить за Тимофеем, чтобы тот **«вина не пил»**. [Олег Усенко. Повесть о капитане Кобылкине // «Родина», 2007].

Иван Семенович... давая четвертак, приговаривал: «Да ты у меня смотри, береги **копейку** на черный день! [С.Щ. Противоречия (1847)].

Гиперо-гипонимические смещения значений по смежности можно отметить и в структуре сложных слов: **столяр, кашевар**....

Таблица – Некоторые различия метафоры и метонимии

МЕТАФОРА	МЕТОНИМИЯ
Зебра ‘пешеходный переход’ Иная денотативная зона	Зебра ‘мясо зебры’ Фрагмент той же денот. зоны
Горе давит человека Иная денотативная зона	Иван давит вино Та же денотативная зона
Все метафоры – факт ирреальной модальности. Золотые волосы. Лень – мать всех пороков	Все метонимии, в том числе номинативно-оценочные, – факт реальной модальности. У команды сильное нападение . САЛАМ , Шк. Фам. Прозв. узбека

При становлении значений можно отметить некоторые правила:

1. Правило размытой границы перехода количества признака в иное качество.

Так, **глупый человек** и клинический **идиот** в словаре даются отдельными значениями.

2. Правило семантического обособления наиболее частотного значения, фиксирующего денотат в ряду однородных:

ИГЛА', -ы, мн. иглы, игл, иглам, ж.

1. Швейная принадлежность... 2. Вообще предмет такой формы....

3. Острый шпиль здания. Адмиралтейская и.

2 словарное значение слова **игла** покрывает и первое, и третье. Однако согласно правилу 1 и 3 значения в словаре даны отдельно.

Список литературы

1. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды, т. 1. Лексическая семантика. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Школа: «Языки русской культуры»: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. — 472 с.

2. *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Большой словарь русских прозвищ. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. — 704 с.

3. *Зализняк Анна А.* Многозначность и способы ее представления. — М.: Языки славянских культур. 2006. — 672 с. — (Studia philologica).

4. *Кустова Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. — М.: Языки славянской культуры, 2004. - 472 с. — (Studia philologica).

10.02.01

Ли Ся

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского,
филологический факультет,
кафедра русского языка,
Калуга, xiali4722@gmail.com

ОБРАТНАЯ АКТАНТНАЯ МЕТОНИМИЯ В ТЕКСТАХ Л.Н. ТОЛСТОГО

В работе рассматривается обратная актантная метонимия, зафиксированная прозаических текстах Л.Н. Толстого.

Наблюдение показывает, что в текстах Л.Н. Толстого представлены разные модели обратной актантной метонимии. Однако нам не встретились примеры развития обратной актантной метонимии у имен лиц, хотя в текстах XIX века такая модель отмечалась.

*Сравни у Ф.М. Достоевского: *Завтра, после Шатова, я продиктую ему записку, что причина смерти Шатова он.* (Достоевский Ф. М., Бесы, 1872)*

Ключевые слова: *метонимия, обратная актантная метонимия, модели переноса.*

Явление обратной актантной метонимии отмечалось уже в работах Г. Пауля, М.М. Покровского.

Ср. размышления Г. Пауля: «Гораздо реже встречается обратное явление, когда название вещи становится названием процесса» [4: 121].

Пример М.М. Покровского: «Например, на охотничьем языке *поле* означает как место охоты, так и самое охоту...: *поздравляю с полем* (т.е. с началом охоты); каково было вчерашнее *поле* ваше? (т.е. охота) [5: 43]

Обратно направленную актантную метонимию описывает Е.Л. Гинзбург [1: 223], хотя и не использует термин «обратная актантная метонимия».

Использование термина «обратная актантная метонимия» свойственно работам О.П. Ермаковой и А.Н. Еремина, О.О. Петровой [3: 118-127].

Рассмотрим такие модели обратно направленной метонимии в прозе Л.Н. Толстого:

1. Место действия → действие.

1. Прямое значение:

Пришел из **бани** (Толстой Лев Николаевич, Том 50, Дневники и записные книжки 1888-1889, Полное собрание сочинений)

2. Метонимическое значение:

Худое, истощенное, желтоватое лицо его было всё покрыто крупными морщинами, которые всегда казались так чисто плотно и старательно промыты, как кончики пальцев после **бани**. (Л. Н. Толстой. Война и мир. Том первый (1867-1869))

2. Субъект действия → действие.

1. Прямое значение:

На первом месте, между двух Александров — Беклешова и Нарышкина, что тоже имело значение по отношению к имени государя, посадили Багратиона: 300 человек разместились в столовой по чинам и важности, кто поважнее, — поближе к чествуемому гостю: так же естественно, как **вода** разливается туда глубже, где местность ниже.

2. Метонимическое значение:

После обеда Онисим. В мешочке борода. Что делать? Простить? Как вы скажете. Ссора вышла из-за **воды**. Иван прорыл канаву, спускал на двор к Он[исиму]. Потом в сарай пустил. — Яшуткин малый внук стал перечить. Лопату сломал. Старик вышел: «тебя то мне и надо». Скуло болит, всю неделю хлеба не ел. (Л. Н. Толстой. Дневник 1881 г)

3. Орудие действия → действие.

1. Прямое значение:

Предание показывает человеку, что все мудрецы мира всегда учили тому, что человечество должно от разделения переходить к единению, как говорил пророк, что все люди должны быть научены богом, копья и **мечи** перекованы на серпы и плуги, и, как говорил Христос, чтобы все были едины, как я один с отцом. (Л. Н. Толстой. Христианское учение)

2. Метонимическое значение:

И спросили они у него: — Когда же будет такой храм? ... И, увидев это, Иисус сказал Петру: — Вложи меч в ножны. Все взявшие меч от **меча** погибнут. (Л.Н. Толстой. Учение Христа, изложенное для детей)

4. Средство действия → действие.

1. Прямое значение:

Г-ну Гексли в невинности его души, очевидно, кажется, что в теперешнем английском обществе с его Ирландией, нищетой народа, безумной роскошью богачей, с его торговлей **опиумом** и водкой, с его казнями, с его побоищами, истреблениями народов для выгод торговли и политики, скрытым развратом и лицемерием. (Л. Н. Толстой. Религия и нравственность. 1893 г)

2. Метонимическое значение:

Только в редкие минуты, когда **опиум** заставлял его на мгновение забыть от непрерывных страданий, он в полусне иногда говорил то, что сильнее, чем у всех других, было в его душе: «Ах, хоть бы один конец!» Или: «Когда это кончится!» (Толстой Л.Н., Анна Каренина, 1877)

5. Объект действия → действие.

1. Прямое значение:

Поступать на место было не к чему, скоро надо было родить, и она поселилась у деревенской вдовы-повитухи, торговавшей **вином**. (Толстой Л. Н., Воскресение, 1899)

2. Метонимическое значение:

На масленице шестого года жизни Сергия в затворе из соседнего города, после блинов с **вином**, собралась веселая компания богатых людей, мужчин и женщин, кататься на тройках. Компания состояла из двух адвокатов, одного богатого помещика, офицера и четырех женщин. Одна была жена офицера, другая — помещика, третья была девица, сестра помещика, и четвертая была разводная жена, красавица, богачка и чудачка, удивлявшая и мутившая город своими выходками. (Толстой Л. Н., Отец Сергий, 1898)

6. Время действия → действие. (Замечу, что различие понятий “действие”, “событие” в этой работе не будет учитываться).

1. Прямое значение:

В этот **вечер** к Нестеру приехали кумовья и, прогоняя табун мимо дворовых изб, он заметил телегу с лошадью, привязанную к его крыльцу. (Толстой Л. Н., Холстомер, 1885)

2. Метонимическое значение:

Вспоминая вчерашний **вечер**, проведенный у Корчагиных, богатых и знаменитых людей, на дочери которых предполагалось всеми, что он должен жениться, он вздохнул и, бросив выкуренную папироску, хотел достать из серебряного портсигара другую, но раздумал и, спустив с кровати гладкие белые ноги, нашел ими туфли, накинул на полные плечи шелковый халат и, быстро и тяжело ступая, пошел в соседнюю с спальней уборную, всю пропитанную искусственным. (Толстой Л. Н., Воскресение, 1899)

В текстах Л.Н. Толстого нам не встретились конструкции с предлогами *через*, *после*, *из-за*... в сочетании с именами лиц (*через мужа, после Петрова, из-за министра*.)

Список литературы

1. Гинзбург Е.Л. Конструкции полисемии в русском языке: Таксономия и метонимия. М.: Наука, 1985. — 223 с.
2. Еремин А.Н. Субстантивная метонимия в современном русском языке (теоретические основания и модели реализации) : учебно-методическое пособие / А. Н. Еремин, О. О. Петрова. - 2-е изд., стер. - Москва : ФЛИНТА, 2018.
3. Ермакова О.П. ZBORNİK RADOVA Osamnaesta međunarodna naučna konferencija Komisije za tvorbu riječi Međunarodnog komiteta slavista Univerbacija/Univerbizacija u slavenskim jezicima Sarajevo, 4–7. aprila 2017. Urednica AMELA ŠENOVIĆ Slavistički komitet Sarajevo, 2018. - С. 118-127.
4. Paul H. Principien der Sprachgeschichte., 1880 (10 издание: Tübingen, Niemeyer, 2002 — ISBN 3-484-22005-8) // русский перевод: Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960.
5. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию / М. М. Покровский. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 378 с. — (Антология мысли)

10.02.01

Е.А. Луговая

Ставропольский государственный педагогический институт,
педагогический факультет,
кафедра русского, родных языков и лингводидактики,
Ставрополь, ek.lugovaya@yandex.ru

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ РЕГИОНАЛЬНОГО ТОПОНИМИКОНА КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ ЭТНОСА

Статья посвящена исследованию русской топонимии Ставропольского края как отражения этнических и ментальных установок в концептуальной картине мира ее имядателей. Целью нашей статьи является изучение топонимии как своеобразного языкового текста, насквозь антропоцентричного и позволяющего формировать лингвокультурную характеристику анализируемого феномена в целом.

Ключевые слова: *топонимикон, антропоцентризм, язык и культура, ментальность.*

В современной лингвистике, базирующейся на коммуникативно-прагматическом направлении, большое внимание уделяется национально-культурному компоненту, духовным ценностям народа, ментальности, которые репрезентированы в слове, что нашло отражение в работах Н.И. Толстого, Ю.С. Степанова, А.Ф. Лосева, В.Г. Костомарова и других.

Региональная топонимическая система имеет двойственный характер, ей свойственна функциональная неоднородность и различная степень произвольности номинаций, в основе которой, по мнению Н.Д. Голева и Л.М. Дмитриевой, находится «набор базовых стереотипов, которые связывают единицы всех классов имён и уровней языка между собой и со сферой внеязыкового опыта, внутренне организуют элементы топонимических систем» [1], среди которых авторы выделяют антропоцентрический, временной, пространственный и стереотип отражения внутренней структуры.

Антропоцентрический стереотип, по нашему мнению, придает топониму экспрессивность, оценочность, эмоциональность и является значимым только в условиях определенной этнической культуры, это свернутый текст. В региональном топонимиконе Ставропольского края он эксплицируется через языкотворчество и высвечивается в понятиях «своего» и «чужого», «чистого» и «нечистого»: опасность для русского этноса исходила от природных объектов, поэтому на карте Ставропольского края можно встретить такие названия лесов, как Темный, Воровской, Татарский и т.д.; горы Гремучая, Волчьи Ворота, Недреманная, что, безусловно, отражает народные номинации.

Стереотип временного соположения проявляется в именовании топообъектов, поскольку реки сохраняли исконные именованья, ведь традиционно читалось, что смена названия приводит к «уходу» воды: Сухая и Мокрая Буйвола, Калаус, Кума, Томузловка и прочие, полиэтничны по своему происхождению, они отражают историю заселяемых территорий и особенности ландшафта.

Стереотип пространственного соположения объясняет появление и функционирование не одной, а двух и более топонимических систем на многонациональной территории, что проявляется на территории Ставропольского края в дву- и многоязычии на бытовом уровне: города Пятигорск и Ессентуки, реки Кубань и Ташла (Чла), горы Дремучая и Стрижамент, села Грачевка и Бешпагир. Топонимические системы исконно русская и тюркская действуют друг на друга, взаимно переkreщиваются, создавая диалог культур.

Стереотип отражения внутренней структуры проявляется в народной этимологии, через легенды и сказания. Предание о реке Томузловке связано с ангелами Добра и Зла. Ангел Зла планировал подчинить себе земли Прикалаусской возвышенности, однако ангел Добра победил с трудном поединке. На месте сражения появилась река, именуемая Томузловка («тому назло»). Позже, когда люди начали осваивать и заселять эти земли, они заметили, что по той стороне, где отступал ангел Зла, сохранились лишь «оголенные камни, песок и сжатые под его тяжелыми ногами складки горных пород» [3].

Формирование топонимической картины мира является актуальной задачей современной лингвистики, поскольку топоним обладает безусловной этнокультурной значимостью и интегративным статусом, а топонимическая система в вербализованном виде отражает историко-социальные, языковые и этнокультурные особенности этноса. Топоним выступает идентификатором географического объекта, при этом «само наречение преследует, в конечном счёте, описание мира, а не только обозначение всего сущего» [3, с. 327].

По мнению В.В. Молчановского, топоним является вместилищем знаний о стране, хранителем и трансформатором историко-культурной информации об этносе: «Национально-культурный компонент семантики топонимов отличается особой страноведческой репрезентативностью, богатством культурно-исторических ассоциаций» [4, с. 5]. Ономастический материал обладает огромным культуроведческим потенциалом, декларирует факт культурно-исторической ценности географического наименования.

Изучение имени собственного требует привлечения обширных экстралингвистических сведений (историко-этимологических, мифологических и т. п.). По мнению исследователей, топонимия – это уникальная подсистема языка, «часть культурной среды народа, его мироощущение, миропонимание и мироконструирование» [3, с. 7]. Топонимия любого региона содержит сведения о важнейших этапах истории материальной и духовной культуры народа, сформировавшего ее.

Безусловно, топоним отличает строгая региональная принадлежность. С одной стороны, географическое наименование передает значимую информацию экстралингвистического характера, а с другой – делает эту же информацию закрытой для «непосвященных», не владеющих необходимыми фоновыми знаниями, которые концентрируются в ономастической лексике. Образная номинация, заключенная в топониме, «всегда национально специфична в том смысле, что закрепляет в себе исторически сложившуюся в сознании народа – субъекта номинации картину мира» [2, с. 218].

Топонимы определенного региона составляют его ономастическое пространство. С точки зрения национально-этнической и исторической специфики ономастических представлений термин «ономастическое пространство», как правило, используют в двух смыслах:

1) как общелингвистическую категорию, то есть систему ономастических единиц, служащих для специального (более конкретного, индивидуализированного) выделения предметов действительности;

2) как категорию определенного языка в тот или иной период его истории [5, с. 67].

Мировосприятие нации в целом определяется не только рационально-логическим осмыслением мира, но и созерцанием, чувствованием, осмыслением и оценкой мира, которые реализуются в наименовании топонимов, в силу чего можно утверждать, что они играют важную роль в культурно-философском восприятии жизни нации. Географические наименования по праву можно отнести к лингвокультурологическим феноменам, функционирующим в коммуникативном пространстве языковой личности, образующим и несущим своеобразный национальный колорит. Связь между топонимом и обозначаемым объектом сложна, она не прямая, а опосредованная. Значение топонима – это не столько отношение к самому обозначаемому объекту, сколько к его образу в сознании индивида. Ономастическое пространство определяется моделью мира, существующей в представлениях данного народа в конкретное время.

Мир души русского человека, черты его национального характера, смысловые доминанты топонимикона – все это средства выявления духовной культуры этноса, вошедшей в контакт с ментальностью кочевых и полукочевых народов.

Топонимы возникают в результате сознательного наречения объектов, специального создания названий. Топоним, как и любое имя собственное, является «свернутым символом, сложным образом соотносимым с природой индивида» [6, с. 205].

В целом, топонимическая система Ставропольского края позволяет описать прошлое земли, прошлое тех, кто в сложных условиях осваивал землю, на которой предстояло жить детям и внукам. Информация, которую несет каждое топонимическое название, это либо смешные моменты (Голопузровка – района города Светлогорода, Сиротское), либо место гуляния (Центр, Бродвей, Стрелка) оценочные подразделения (река Томузловка, Шангала, Куцай). Закодированная информация может содержать:

- 1) языковую принадлежность;
- 2) местоположение объекта и его соотношенность с другими объектами;
- 3) различного рода коннотативные признаки, причем коннотации могут входить в семантику исходного апеллятива, но могут и не содержаться в ней;
- 4) названия, отражающие связь объекта с определенным субъектом.

Список литературы

1. Голев Н.Д., Дмитриева Л.М. Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблеме когнитивной топонимики) // Вопросы общей и региональной ономастики. 2003. № 1.
2. Горбаневский М.В. Русская городская топонимия. М.: ОЛРС, 1996. 354 с.
3. Ефанова Л.П. Ономастикон Ставропольского края (синхрония и диахрония). Ставрополь, 2009. С. 142.
4. Молчановский В.В. Лингвострановедческий потенциал топонимической лексики русского языка и его учебно-лексикографическая интерпретация: Дис. . канд. пед. наук. М., 1984. 201с.
5. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2010. 172 с.
6. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. 367 с.

10.02.01

О.О. Петрова канд. филол. наук

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского,
филологический факультет,
кафедра русского языка,
Калуга, poks1990@yandex.ru

ЛЕКСИЧЕСКАЯ МЕТОНИМИЯ ↔ СМЕЖНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

В статье рассматриваются прежде всего такие категории, как лексическая метонимия и смежность представления предметов, свойств и действий, а также некоторые вопросы, связанные с ними и обусловленные ими: модальность лексемы, предсказуемость/непредсказуемость развития диалога с учетом возможной смежности.

Ключевые слова: *лексическая метонимия, смежность представления предметов, свойств и действий, концептуальная метонимия, сценарная метонимия, метафора, семантическое пространство.*

Лексическая, и не только, метонимия сегодня является актуальной проблемой изучения как в отечественной, так и в зарубежной, особенно когнитивной, лингвистике [5; 6; 9; 10].

Метонимию следует рассматривать наряду с пограничными языковыми явлениями.

В качестве основы разграничения метонимии и метафоры А.Н. Ерёмин отмечает, что метафора всегда мыслится как категория в нереальной модальности (т.е. мыслимая «как если бы»), а метонимия как категория в реальной модальности (т.е. мыслимая как «то же, но с другого ракурса») [2, с. 65].

Метафора: И сел Олег княжить в Киеве, и сказал Олег: «Да будет это *мать* городам русским».

Метафора *мать* характеризует город «как если бы он был матерью по отношению к остальным русским городам».

Метонимия: «обозначение лица → обозначение его поведения».

Между супругами возник конфликт из-за *матери* одного из них (Во Франции гая-молодожена отправили в тюрьму за избиение партнера // Lenta.ru, 2013.09).

Сопоставляя метафору и референциальную метонимию, Б. Варрен выявляет семантические, синтаксические и функциональные различия [10]. И.А. Солодилова вслед за исследователем комментирует, развивает и дополняет выдвинутые положения, отмечая, что метафора в отличие от метонимии гипотетична, а также представляет собой семантическую операцию (по перенесению некоторых качеств), а метонимия – синтаксическую (по стяжению начала и конца пропозиции в усеченную форму) [7, с. 55].

Однако следуют разграничивать не только метонимию и метафору. Соглашаясь со многими интересными наблюдениями и теоретически значимыми выводами лингвистов, прежде всего когнитивного направления, мы полагаем, что следует различать лексическую метонимию и смежность представления объектов, свойств и действий. В последнем случае при наличии смежности не рождается собственно метонимическое значение.

Иногда может возникать неоднозначность вследствие нескольких возможных аспектов метонимического членения действительности.

В предложении *Это тигр* у лексемы *тигр* могут быть реализованы разные метонимические значения: а) ‘изображение тигра’; б) ‘звуки, издаваемые тигром’; в) ‘следы, оставленные тигром’ и т. д.

Или: *Он ушел от нас*: а) ‘уволился’; б) ‘ушел из семьи’.

Выделяют метонимию на уровне предложения – «концептуальную метонимию» [1, с. 11–14; 6, с. 5–10], или «сценарную метонимию» [4, с. 6–9]. Сравни: «*Мне надо сходить в поликлинику ... буквально называет лишь перемещение, метонимически обозначает комплекс действий: попасть на прием к врачу, получить консультацию либо взять справку, возможно, обследоваться, получить назначения и т.д.*» [4, с. 11].

Е.А. Козловой как пример такого рода метонимии рассматривается обозначение в высказывании комплексного события через репрезентацию его части (the hammers mashed the window – ‘молоток разбил окно’ [5, с. 11].

Здесь, и в материалах подобного рода, авторы видят метонимию, пусть и концептуальную. Мы полагаем, что в таких случаях можно усмотреть смежность, но никак не метонимическое значение. С другой стороны, наблюдения лингвистов когнитивного направления в области фреймов, ИКМ, концептов весьма полезны для обучения русскому языку иностранцев, поскольку эти наблюдения фиксируют предсказуемость кооперации в общении и в опоре на корреляцию части и целого. В подобных примерах речь идет не о метонимии как вторичном значении, а о смежных фрагментах некоего события. Вследствие этого мы склонны видеть здесь способность человека не только прямо в плане содержания и формы фиксировать окружающий мир, но и косвенно, учитывая свои интересы и эмоциональное состояние, опираясь на смежность составляющих некоего единого семантического фрагмента отраженной действительности.

Возьмем семантическое пространство слова *учительница*, или даже *училка*. Семантическое пространство (в других терминах: концепт, фрейм, ИКМ) слова *учительница* многопланово, оно задается профессиональной этикой, сложившимися негласными правилами и стереотипами, отношениями с учениками.

Быть учительницей – это «вести какой-то предмет», «помогать отстающим детям», «уметь настраивать их на получение знаний», «радоваться успехам учеников», «успевать на работе», «задерживаться на работе», «получать небольшую зарплату», «быть, как правило, женщиной», «быть в фарватере политической идеологии», «проводить линию государственной идеологии», «иметь профессиональный праздник День Учителя», «строго/бедно одеваться», «нередко быть незамужней», использовать учительский жаргон...

Вот это семантическое пространство и определяет содержание, прогнозируемость ответных реплик, формальную вариативность темы в коммуникации [3] (о вариативности ответных реплик).

Рассмотрим общение с молодой учительницей Машей:

- Маша, вы в ночь в школу? – У меня сегодня занятия вечером.
- Маша, как дела? – Дети плохо/хорошо сдали ЕГЭ.
- Маша, ты не заболела? – Я провела 6 уроков.
- Маша, вы всегда такая правильная? – Я учитель.
- Маша, почему вы ездите на «жигулях»? – Я учительница.
- Маша, почему ты пошла в педагогический? – Большинство наших девочек из класса пошли на учителя.
- Маша, вы всегда поддерживаете официальную линию правительства? – Я учитель.
- Маша, куда такая нарядная? – Сегодня День учителя.
- Маша, вы не замужем? – Я до ночи в школе.
- Маша, у вас блузки всегда закрытые? – Я училка (добавляется эмоциональное недовольство).

Отметим примеры жаргонизмов:

- Наша Маша – *амеба* ‘преподает зоологию’ (жаргон школьников).
- Маша, как учится Таня? – Она наша *звездочка* (жаргон учителей).

Сравни в связи со сказанным: «Собирательный портрет нынешней Марьиванны – замученная бытом и безденежьем женщина старше средних лет. Издерганная. Вечно усталая. У Марьиванны: а) старомодное платье; б) маленькая зарплата; в) проблемы в личной жизни...» [8, с. 270].

Подводя итоги, отметим: метонимия опирается на представление о смежности, однако качество смежности характеризуется неоднородностью. Границы метонимии размыты, как и само понятие смежности. Например, в основе некоторых метонимических значений лежит смежность (плечо человека – *плечо* пиджака), а другие метонимические значения (синекдоха) сформированы на основе отношения часть → целое (*голова* как единица счёта скота), и смежность в этом случае не усматривается. Описание действия в полном объеме и репрезентация этого действия через фрагмент могут пониматься не как метонимия, а как смежность представления объектов, свойств и действий.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Концептуальная метонимия на разных уровнях языка: система и реализация // Форма, значение и функции единиц языка и речи: матер. Докл.Междунар. науч. конф. Минск, 2002. Ч. 1. С. 11–14.
2. Ерёмин А.Н. Семантическая деривация в терминах словообразования (изоморфизм в сознании) // Языковое сознание. Речевая коммуникация. Заочная международная научная конференция, посвященная памяти профессора Валентина Евсеевича Гольдина. г. Саратов, 14–16 октября 2020 г. С.64 – 69.
3. Ермакова О.П. Косвенные ответы в естественном разговорном диалоге // Жанры речи. 2021. № 3 (31). С. 181–189.
4. Илюхина Н.А. Сценарная метонимия: механизм образования и некоторые разновидности // Вестник Самарского государственного университета. 2015. №11 (133). С. 9–16.
5. Козлова Е.А. Метонимия как концептуальная основа функциональной категоризации английского глагола: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2001. – 22 с.
6. Рахманкулова С.Е. Концептуальная метонимия на уровне структуры высказывания (на материале английского языка) //Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2018. № 1. С. 5–10.
7. Солодилова И.А. Метонимия: границы феномена. Вестник Оренбургского государственного университета 2017 № 1. С. 53–57.
8. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: (Учеб. пособие). –М.: Слово/ Slovo, 2008. – 344 с.
9. Barcelona A. Clarifying and applying the notions of metaphor and metonymy within cognitive linguistics: An update / A. Barcelona // Driven, R., Pörings, R. (eds.): Metaphor and metonymy in comparison and contrast. – Berlin: Mouton de Gruyter. – 2002. P. 209–277.
10. Warren B. An alternative account of the interpretation of referential metonymy and metaphor / B. Warren // Metaphor and metonymy in comparison and contrast: Dirven, R., Pörings, R. (eds.). – Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2002. P. 113–130.

10.02.01

Р.М. Светлова канд. филол. наук, Л.Г. Ибрагимова канд. филол. наук

ФГБОУ ВО Казанский ГМУ Минздрава России,
кафедра русского и татарского языков,
Казань, habibi.rozana@mail.ru, leysan-mam@yandex.ru

РЕЦЕПЦИЯ ЛЕКСИКИ АРАБСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РОМАНЕ А.ТОЛСТОГО «ПЁТР ПЕРВЫЙ»)

Статья посвящена актуальной в русском языке теме заимствования и освоения иноязычных элементов. В работе предпринимается попытка выявить и семантически проанализировать лексемы с арабским прототипом в художественном произведении А.Толстого «Петр Первый».

Ключевые слова: *заимствование, лексема, русский язык, арабизм, арабский язык.*

Язык - явление живое. Он постоянно изменяется, обогащается, сокращается. Одним из способов обогащения и трансформации языка является процесс заимствования. Данным термином мы обозначаем различные иноязычные элементы, переходящие из одного языка в другой прямо или опосредовано. Л.П.Крысин называет заимствованием лексические звенья, при вхождении «которых происходит подчинение их тем или иным грамматическим категориям» [5, с.19]. При анализе лексических единиц русского языка мы обратились в своем исследовании к произведениям художественной литературы и выделили около 300 лексем арабского происхождения (*магазин, жираф, зенит, халат, алхимия, шифр, ислам, цифра, нашатырь, алгебра, закат, гарем, минарет, мечеть, мумиё* и др.).

Целью нашей работы является выявление и анализ лексики арабского происхождения в произведении А.Толстого «Петр Первый».

Задачи исследования:

- найти лексемы арабского происхождения в литературном произведении А.Толстого «Петр Первый»
- выявить язык происхождения лексемы при помощи этимологического анализа, а также определить значения данной языковой единицы в языках прототипа и реципиента.
- на основе полученных данных проанализировать трансформацию семантического поля произошедшую в процессе заимствования и освоения в языке.

В произведении «Петр I» нами выделены следующие арабизмы: *кабала, набат, фитиль, кандалы, аманат, халат, султан, цифири, минарет, каланча, саван, кофе, Аллах, мечеть, атлас, бурнус*. Все эти лексемы мы условно разделили на две группы. Первая группа включает в себя лексику военной тематики, вторая – религиозную лексику.

Такие лексемы как *кабала, набат, фитиль, кандалы, аманат, каланча* относятся к военной тематике и встречаются в главах, описывающих подготовку к военным действиям, либо сам военный поход.

Лексема **фитиль**, которую автор использует, описывая военные события романа, заимствована из арабского языка *fatil* через турецкий *fitil*. Как показывает словарь иностранных слов, в русском языке данная лексема имеет значения: 1. Веревка используемая для осветительных и нагревательных приборов; 2. В военном деле – запал для зарядов, с целью взрыва на расстоянии [3, с. 745]. Арабский прототип **فتيل** [*fatil*] обозначает: 1. Скрученный, свитый; 2. Фитиль; зажигательный шнур, запал; 3. Тампон; 4. Нить для накала лампы; 5. Флакон, бутылочка. [1, с.581]. Данная лексема **فتيل** образована от глагола **فتل**, обозначающего «скручивать, вить». Анализируя данную лексему, мы приходим к выводу, что в процессе заимствования произошло сужение семантического поля. Многозначный арабский прототип в русском языке имеет только два значения. В романе писатель использует данную лексему в значении зажигательный шнур для военных зарядов.

Арабизм «набат» вошел в русский язык при посредстве турецкого *naubat* из арабского *nauba* (النُّوبَة). В языке-источнике данная лексема *النُّوبَة* обозначает «бедствие». По данным современного словаря иностранных слов лексема **набат** в русском языке имеет два значения – 1. Звук во время опасности, «подаваемый ударами колокола в случае бедствия»; 2. Большой музыкальный инструмент в виде барабана в Древней Руси [3, с.457]. В художественном произведении **набат** встречается 12 раз. Кроме того, автор использует производное прилагательное «набатный», что говорит о полной ассимиляции под нормы русского языка. В художественном тексте данное слово введено автором неслучайно. Данный историзм используется в прямом значении для передачи исторического колорита картины, описываемой в сцене военных действий, а также в переносном - для описания чувства нарастающей тревоги и ощущения надвигающейся опасности персонажей. А.Толстой, используя побудительные междометия, передающие звук набата, описывает нарастающее чувство страха в человеке, ожидание неизбежного конца.

Лексема «**каланча**» заимствована из арабского языка *kal'a* – «крепость» через посредство тюркского *kalasa*. В русском языке имеет значение – большая конструкция для наблюдения в пожарной части [3, с.297]. В Толковом словаре С.И.Ожегова к этому значению добавляется стилистическая помета *разг. шутл.*, может использоваться как *перен.* говоря об очень высоком человеке [6, с.266]. Арабский прототип *قلعة* в языке-источнике обозначает оборонительное сооружение, установленное на возвышенности, использовавшееся для наблюдения или военных действий. Таким образом, мы фиксируем трансформацию значения в процессе заимствования и адаптации. Однако в художественном произведении «Петр I» данная лексема используется в описании сцены военных действий и обозначает вышку для обороны.

Лексема арабского происхождения «**кандалы**» в русском языке имеет следующие значения: 1. Железные кольца, скрепленные между собой цепями, для надевания на ноги и руки заключенным; 2. *перен.* То, что связывает человека, лишает его воли [3, с.302]. Прототипом данного арабизма является арабское слово *القيدان*, обозначающее в языке-источнике шнур, которым удерживают животных, надев на ногу. В русском языке слово приобретает дополнительное переносное значение.

Самые частотные по употреблению лексемы «кабальный, раскабалить» производные от слова «**кабала**». Лексическая единица заимствована при посредстве турецкого *cabala*, из арабского *qabala* "قبالة". В русском языке обозначает: «1. Долговое обязательство <...>; 2. *перен.* Полная, крайне тяжелая экономическая зависимость» [3, с.294]. В языке-источнике *qabala* имеет значение «договор» [1, с.192].

В произведении автор активно использует данные лексемы арабского происхождения, отсюда можно сделать вывод, что они вошли в русский язык раньше петровской эпохи, описываемой в романе.

Вторая группа заимствованных лексем *мечеть, султан, Аллах, минарет, саван* встречаются в главах, описывающих жизнь и быт восточных народов, приверженцев ислама.

Проанализировав лексемы этой группы, мы выделили единицы, которые в процессе адаптации и проникновения в русский язык не изменили своего семантического значения. Например, *мечеть* и *Аллах*.

В тексте представлена лексема **минарет**, заимствованная из арабского языка *minaga* – «маяк», через французский *minaret* и турецкий *minaret*. В русском языке данной лексемой обозначают «башню при мечети, с которой муэдзины призывают мусульман на молитву» [3, с.438]. В языке-источнике прототипом является арабское слово *منارة* [minara], обозначающее: 1. Сооружение с источником света; 2. Минарет при мечети. [1, с.296]. Отметим, что произошло семантическое сужение, после чего слово функционирует в русском языке только в одном значении. Другими словами, произошло упрощение прототипической семантической структуры.

Арабизм **саван**, заимствованный через греческий *sabanon* от арабского *savan* (название местности возле Багдада) по информации из словаря иностранных слов лексема, имеет в русском языке два значения: 1. Одевание белого цвета для погребения умершего; 2. *перен.* Покрывало, завеса (снега, тумана и др.) [3, с.612]. В арабском языке источником является лексема, которая *الكفن* имеет одно значение – белое покрывало, которые использовали для умерших людей. Мы видим, что в процессе заимствования и ассимиляции произошло расширение семантического поля.

Проведенный анализ группы выделенных арабизмов показал, что использование А.Толстым религиозной лексики в романе репрезентирует авторскую религиозную картину мира через пространственно-временную характеристику описанных в тексте реалий посредством выше проанализированных лексических единиц.

Отдельно можно выделить группу заимствованных слов, от которых образованы производные, например, «кабала» – *кабальный*, *раскабалить*, «набат» – *набатный*, «фитиль» – *фитилёк*, «атлас» – *атласный*, «султан» – *султанский*. Это является показателем того, что заимствованная лексика активно осваивается в русском языке.

В результате проведенного исследования лексики арабского происхождения в романе А.Толстого «Петр Первый» мы пришли к следующему заключению. Выявив в художественном произведении лексику в арабском прототипом с помощью данных этимологических словарей, а также словаря арабского языка, мы обнаружили различия в семантических значениях у группы лексем. Из этого следует, что в процессе заимствования произошла закономерная трансформация, когда иноязычный элемент, попадая в новую языковую среду, подстраивается под нормы принимающего языка.

Список литературы

1. *Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. Ок. 42000 слов. – М.: Русский язык, 1989. – 928 с.
2. Большой словарь иностранных слов / Сост. А.Ю.Московин. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф: ООО «Полнос», 2003. – 816 с.
3. *Булыко А.Н.* Современный словарь иностранных слов. Более 25000 слов и словосочетаний. – М.: «Мартин», 2004. – 848 с.
4. *Комлев Н.Г.* Словарь иностранных слов. – М.: 2006
5. *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке / Л.П. Крысин. – М.: Наука, 1968. – 208 с.
6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – Азъ LTd, 1992. – 960 с.
7. *Толстой А.Н.* Петр Первый. – М., изд-во «Детская литература», 1960

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

Д.Д. Аристова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет,
кафедра английского языкознания,
Москва, daria.aristova@yandex.ru

**БРИТАНСКИЙ ВАРИАНТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
В СВЕТЕ НОВЫХ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ**

В статье проводится сопоставительный анализ сверхсегментных и сегментных характеристик двух конкурирующих вариантов современного британского произношения – обновленного южно-английского произносительного стандарта (SSB) и ранее установленного эталона Received Pronunciation (RP). Рассмотрение фонетических характеристик проводится в соответствии с принципами когнитивной синтагматики и особенностями функционирования английского слога. Проведенный анализ свидетельствует о том, что инновационные тенденции, распространенные в англоязычном сообществе, преимущественно зависят от общей установки на фоностилистическую сниженность высказывания и речевое поведение молодых пользователей языка, почему русскоговорящим специалистам следует взвешенно относиться к их использованию в собственной речи.

Ключевые слова: *произносительный стандарт; RP; SSB; когнитивная синтагматика.*

Настоящая статья посвящена вопросу о сегментных и сверхсегментных характеристиках современного британского произношения, которые более не вписываются в рамки ранее принятого произносительного эталона и могут претендовать на статус нового стандарта. Изучение этого материала представляется актуальным, поскольку знание о произносительных тенденциях является одним из основных требований для филологов, призванных следовать нормативным и в то же время соответствующим веяниям времени образцам речи.

Дело в том, что в настоящее время прежние стереотипы речевого поведения все чаще подвергаются переосмыслению с учетом вкусов современного поколения пользователей языка [4]. Молодежное общение характеризуется послаблениями в выборе лексико-фразеологических, грамматических и фоностилистических средств. В этой связи возникает вопрос, насколько допустимым является включение произносительных инноваций в речевой арсенал изучающих английский язык в специальных целях и принадлежащих к иному лингвокультурному сообществу.

В университетском филологическом образовании под эталонным произношением обычно понимается нейтральная, неторопливая и внятная манера изглашения [6], которая ассоциируется с хорошим образованием и высоким социальным положением говорящего. В российском научном общении за образец чаще всего принимается стандартное британское произношение (Received Pronunciation), которое послужило основой для создания просодического минимума научного стиля речи в нашей стране.

Тем не менее в наши дни в английском обществе отношение к RP как к социальной норме претерпевает трансформации. Появляются различные метаязыковые эквиваленты этого понятия, лишённые классовых ассоциаций, и предлагается более широкое и современное его понимание, такое как, например, Standard Southern British English [13, с. 3].

При сопоставительном анализе особенностей SSB и RP нам представляется целесообразным обратиться к понятию слога и теории слогового стереотипа [9]. Именно в слоге как в особой динамической единице речи отражаются любые модификации, происходящие на сегментном и сверхсегментном уровнях английского языка [2]. Что касается британского слогового стереотипа, для него характерен сильный тип примыкания согласного к предшествующему гласному, т.е. слог отличается усеченностью [5].

С учетом сказанного перейдем к рассмотрению произносительных особенностей двух вариантов британского произношения и начнем со сверхсегментных характеристик речи, поскольку именно они в первую очередь привлекают внимание собеседника в процессе языкового общения. Просодические параметры *классического RP* хорошо изучены [1; 6; 10; 11], поэтому ограничимся лишь самыми общими замечаниями:

- основной интонационный контур в официальном и неофициальном стиле произношения характеризуется расположением ударных слогов полнозначных слов по Нисходящей шкале с использованием Низкого нисходящего тона в терминальной части высказывания;

- нетерминальные синтагмы оформляются при помощи Низкого восходящего тона;
- ритм является тактосчитающим (между ударными слогами полнозначных слов устанавливаются примерно равные по времени интервалы);
- средняя скорость изглашения составляет $\approx 130-140$ слов/мин. (или ≈ 3 слога/сек.) в официальном стиле произношения; в неофициальном стиле темп речи может возрастать до $\approx 160-170$ слов/мин. (или $\approx 3,5$ слогов/сек.).

В отличие от классического RP *обновленный южно-английский произносительный стандарт* характеризуется следующими сверхсегментными особенностями [15; 16]:

- более широкое использование **Высокого нисходящего тона** вместо Низкого нисходящего тона в терминальных синтагмах;
- использование **Нисходяще-восходящего** или **Низкого восходящего тона** (upspeak) на фоне сокращения паузы между предложениями;
- использование **Нисходяще-восходящего тона** и **Среднего ровного тона** для оформления нетерминальных синтагм в неофициальном стиле;
- **осложненная** ритмическая организация речи, находящаяся на стыке традиционного британского тактосчитающего и типичного для романских языков слогосчитающего ритма;
- значительное **увеличение темпа** речи как в официальном (170-180 слов/мин. или ≈ 4 слога/сек.), так и неофициальном (200-220 слов/мин. или $\approx 4,5$ слога/сек.) стилях произношения.

Сопоставление просодических характеристик RP и SSB позволяет прийти к выводу, что наиболее существенным изменениям подвергается мелодическое оформление терминальных синтагм, а также темпоральные характеристики речи. В отношении же остальных просодических параметров процесс трансформации представляется менее драматичным, о чем свидетельствует преобладание случаев просодического оформления речи, приемлемого только в *фоностилистически обусловленных ситуациях*.

Таким образом, происходящие изменения в произносительном стандарте обуславливаются преимущественно молодежной культурой речи и установкой на фоностилистическую сниженность изглашения, которая позволяет придать коммуникации более непринужденный характер. Тем не менее для изучающих английский язык отмеченные тенденции носят, скорее, рекомендательный характер и зависят от профессиональных устремлений говорящего и ситуации общения.

При рассмотрении изменений на сегментном уровне следует учитывать, что в классическом RP в соответствии с артикуляционным укладом семиологически релевантной для согласных фонем является оппозиция по силе и слабости артикуляции, а для гласных фонем по напряженности-ненапряженности произношения [11, с. 150]. Интересно, что согласные звуки в SSB практически не подверглись изменениям и прослеживается лишь небольшое количество фонетических инноваций:

- использование гортанной смычки [ʔ] вместо сильного взрывного в конце слога, что прежде являлось признаком неразборчивости речи [13, с. 67];
- озвончение сильного взрывного [t] (t-voicing), который произносится как слабый согласный [d] [16, с. 69];
- сращение в сочетаниях [t]+[j] и [d]+[j] > [tʃ] и [dʒ] (yod-coalescence) [10, с. 212];
- использование [r] на стыке слов или в интервокальной позиции в рамках одного слова (intrusive [r]) [13, с. 65].

Такого рода произносительные инновации не являются однозначно повсеместными, и их использование ограничено ситуацией общения и фонетическим стилем:

- усиление [p], [t], [k] с помощью гортанной смычки является стилистически маркированным и не рекомендуется к использованию в официальном стиле произношения [17, с. 346];
- явление t-voicing свойственно разговорному стилю [8, с. 178; 16, с. 69]; в полном стиле произношения оно может встречаться при произнесении некоторых частотных слов (*British, pretty, matter*) и односложных служебных слов, но не является обязательным [12, с. 92-95];
- явление yod-coalescence между слогами перед безударной гласной (*educate* ['edʒukeɪt]) встречается только в неофициальном фонетическом стиле, преимущественно в речи молодежи, а использовать сращение перед ударной гласной (*Tuesday* ['tʃu:zdeɪ]) не рекомендуется как в неофициальном, так и в официальном стиле произношения [16, с. 60];
- использование вставного [r] в полном стиле произношения возможно только в позиции после [ə] и [ɪə] [18];
- использование вставного [r] внутри слова (*withdrawal* [wɪð'drɔ:ɪrəl]), а также после напряженной гласной [ɔ:] недопустимо в образованной речи [13, с. 65].

При переходе к фонетическим изменениям в системе гласных фонем важно подчеркнуть, что в обновленном британском произносительном стандарте они гораздо более многочисленны и повсеместны, а именно:

- протяженное (или напряженное) произнесение полностью безударного в классическом RP конечного слога [-pi] (happy-tensing) [16, с. 32];
- понижение передних гласных фонем [æ] и [e] (vowel lowering) [19];
- передняя и расслабленная (ненапряженная) артикуляция гласных звуков [a:], [ɔ], [u:] (vowel fronting), также глайдовый характер [u:] > [u^w] (diphthongization) [7; 14];
- трансформационные преобразования центрирующих дифтонгов [ɪə], [eə], [ʊə] в напряженные монофтонги [i:], [ɛ:], [ɔ:] [12, с. 92-95]

Изучение произносительных характеристик SSB на сегментном уровне позволяет прийти к выводу о том, что изменениям подвергается в первую очередь система гласных фонем. Она значительно отличается от традиционного распределения фонем по напряженности-ненапряженности артикуляции и модернизируется в соответствии с американским вариантом английского языка или же теми британскими диалектами, которые имеют с ним общие черты [3].

В заключение важно подчеркнуть, что преобразования на сегментном уровне во многом связаны со значительным ускорением темпа современной английской речи на фоне общего снижения фонетического стиля и перехода от полного к разговорному стилю. Поскольку для изучающих английский язык в специальных целях на первый план выходит разборчивость речи, обеспечиваемая средним темпом изложения и четкостью артикуляции, русскоговорящим филологам в первую очередь следует руководствоваться требованиями ситуации речевого общения и продуманно относиться к любым инновационным тенденциям в произносительном стандарте.

Список литературы

1. Боянус С.К. Постановка английского произношения. – Л.: Современник, 1926. 87 с.
2. Дечева С.В. Слогоделение в английской речи (когнитивная силлабика): дис. докт. филол. наук. М., 1995. 380 с.
3. Ильина К.А. Фонетическая интерференция в национальных новостных программах BBC // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №. 4-1 (70). – С. 112-118.
4. Копанева А.В. Акцентуационное оформление новостных программ BBC в свете аффертивной силлабики // *Litera*. – 2022. – №. 2. – С. 16-26.
5. Потапова Р.К. Слоговая фонетика германских языков. – М.: Высшая школа, 1986. 144 с.
6. Юрышева Н.Г. Просодический минимум научного регистра речи: дис. канд. филол. наук. М., 1982. 165 с.
7. Cheshire J. Contact, the feature pool and the speech community: The emergence of Multicultural London English // *Journal of Sociolinguistics*. – 2011. – Vol. 15, №. 2. – P. 151-196.
8. Cruttenden A. *Gimson's Pronunciation of English*, Routledge, 2014. 410 p.
9. Decheva S.V. Cognitive syllabics // *Folia Anglistica*. – 1997. – Vol. 10, №. 2. – P. 89-107.
10. Gardner-Chloros P. *Code-switching*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 233 p.
11. Gimson A.S. *An Introduction to the Pronunciation of English*. Cambridge, 1989. 384 p.
12. Hannisdal B.R. *Variability and change in Received Pronunciation*. Bergen: University of Bergen, 2006. 261 p.
13. Hughes A., Trudgill P., Watt D. *English accents and dialects: An introduction to social and regional varieties of English in the British Isles*. Routledge, 2012. 224 p.
14. Kerswill P. *Mobility, meritocracy and dialect levelling: the fading (and phasing) out of Received Pronunciation*. Tartu: University of Tartu, 2001. P. 45-58.
15. Li W. British English-Speaking Speed 2020 // *Academic Journal of Humanities & Social Sciences*. – 2021. – Vol. 4, №. 5. – P. 93-100.
16. Lindsey G. *English after RP: Standard British pronunciation today*. – Springer, 2019. 169 p.
17. *Longman Pronunciation Dictionary by J. Wells*. Third Edition. Pearson: Longman, 2008. 9998 p.
18. Mompeán P., Mompeán J. A. Intrusive /r/ usage in RP: The case of BBC newsreaders // V International Conference of the Spanish Cognitive Linguistics. Murcia, Spain. – 2006.
19. Upton C., Hickey R. An evolving standard British English pronunciation model // *Standards of English: Codified varieties around the world*. – 2012. – P. 55-71.

10.02.04

¹Н.С. Барбина д-р филол. наук,
²В.Е. Глызина канд. филол. наук, ³А.В. Федорюк канд. филол. наук

¹ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения»,
кафедра «Иностранные языки»,

²ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
кафедра иностранных языков,

³ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,

Иркутск, Svirel23@rambler.ru, vecotd@yandex.ru, Fedoryuk@rambler.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНТЕНСИФИЦИРУЮЩЕГО ЗНАЧЕНИЯ

В статье проанализированы подходы к изучению значения фразеологических интенсификаторов. Представлены различные точки зрения на данную проблему. Делается вывод о недостатках традиционных определений фразеологического значения. Указывается на необходимость изучения категориальных и знаковых характеристик фразеологических интенсификаторов с позиции концептуальной организации знаний в языке.

Ключевые слова: *фразеологическое значение, фразеологический интенсификатор, сема, денотат.*

Актуальным на сегодняшний день в лингвистике остаётся изучение механизмов и способов формирования фразеологического значения. Это связано с тем, что среди фразеологов нет единого понимания относительно определения фразеологического значения. Понятие “фразеологическое значение” было предложено В.Л. Архангельским и А.В. Куниным в 1964 году. В. Л. Архангельский предположил, «поскольку в философии, логике, семиотике и лингвистике наметился перспективный путь решения проблемы значения знака через определенные системы отношений, в которых знак находится, представляется возможным определить значение ФЕ в терминах лингвистических и экстралингвистических отношений, само значение ФЕ не должно выступать в качестве члена этих отношений» [1: 216-217].

Ученый подчёркивает, что лингвистические отношения, в которых находятся знаки, следует описывать с помощью таких понятий, как: денотат (предметы внешнего мира и все предметы одного класса), денотатор (материальная оболочка ФЕ в ее отношении к денотату), десигнатор (материальная оболочка ФЕ относительно десигната), и десигнат (предмет относительно внутреннего мира, т.е. всё то, что имеет содержание и может быть поделено на высказывания) [1]. В своей работе В.Л. Архангельский особое внимание уделяет экстралингвистическим отношениям: денотативным (отношения, имеющие постоянную комбинацию словесных знаков к предметам внешнего мира) и десигнативным (отношения, имеющие постоянную комбинацию словесных знаков к предметам внутреннего мира) отношениям. Исходя из этого, всё то, что происходит вокруг, переходит в иную знаковую информацию, отличающуюся от того, что представляет собой внутренний мир человека. По мнению ученого, данная концепция напрямую относится к ФЕ, поскольку это знак с особым значением. Учёный также предположил, что фразеологическое значение – это некая лингвистическая категория, которая отличается от лексического значения. Данную точку зрения поддержали многие отечественные фразеологи.

Некоторые фразеологи школы В.В.Виноградова, считают, что существует разница между свободным сочетанием слов и переосмысленным, которую следует рассматривать как значение [2]. Сопоставляя смысловое содержание, падающее на долю слов (компонентов

идиом) и значения слов (компонентов свободного сочетания слов), ученые приходят к выводу, что содержание идиом зависит от того, как этими компонентами манипулируют. Другими словами, можно говорить о переходе свободного сочетания в несвободное.

Один из последователей В.В. Виноградова, исследователь В.П.Жуков, разработал аппликативную модель фразеологического значения, суть которой заключалась в наложении дефиниции идиомы на её буквальное значение [4]. Такое сопоставление позволяло определить теряют или не теряют компоненты ФЕ категориальные свойства слова. Этот метод перекликается с компонентным анализом значения, разработанным для лексикологии и пришедшим во фразеологию из структурных методов анализа. В.Н.Телия считает, что данный подход к исследованию фразеологического значения, является упрощенным и не даёт четкого представления специфики значения [10].

Позднее А.В. Кунин, исследуя специфику фразеологического значения, пришёл к выводу о том, что фразеологизмам свойственно некое противоречие между целостностью значения и раздельнооформленностью этих единиц, связанных с наличием у ФЕ различных видов асимметрии, что несвойственно словам [5]. Фразеологическое значение в целом и идиоматическое в частности, по А.В.Кунину, представляет собой инвариант информации. Во втором случае этот инвариант выражен раздельнооформленными единицами языка с полностью или частично переосмысленными значениями. Также, учёный указывает на двойственный характер фразеологического значения. Так, «если в значении мотивированных ФЕ присутствуют признаки первого и второго денотатов, то немотивированные ФЕ характеризуются спаянностью значения, поскольку их компоненты абстрагированы от своих лексических и грамматических значений» [6:187].

Многие фразеологи, анализируя фразеологическое значение, выделяют в нем микроэлементы-семы, которые содержат в себе реальные или воображаемые признаки денотатов. Так, В.Г.Гак полагает, что ФЕ состоят из целого комплекса сем, связанных между собой определенными отношениями. Учёный выделяет архисемы (общие семы родового значения), дифференциальные семы видового значения и потенциальные семы, которые содержат косвенные характеристики обозначаемого объекта [3]. И.А.Стернин, исследуя данную проблему, предложил выделять в значении лексических единиц ядерную и периферийную семы [9]. Интенсивность традиционно считали компонентом пропозициональной семантики слова, следовательно, согласно классификации И.А.Стернина, ядерной семой в значении усилительных лексических единиц является сема интенсивности

Несмотря на то, что классификация сем, описанная выше, является универсальной, она имеет ряд недостатков, поскольку в большей степени связана с мнением человека, нежели с языком. По мнению Р.М.Фрумкиной, семы или атомы смысла, суть не наблюдаемые, а постулируемые сущности [11]. Кроме того, чтобы семное представление значения не было простой процедурой исчисления смыслов, необходимо эксплицитировать категорию значимости для семантических элементов в значении слова или ФЕ.

Ряд исследователей указывают на то, что семное представление структуры значения выявляет только парадигматические связи, тогда как доминирующими в сознании носителя языка являются связи синтагматические [2], [7], [8].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что в представленных выше традиционных подходах к определению значения фразеологических интенсификаторов, выявлен ряд недостатков, устранить которые предлагает когнитивная семантика. Если компонентный анализ, традиционный метод анализа значения в структурализме имел дело с разграничением дифференциальных сем, то с переходом на новую когнитивную парадигму в изучении значения он преобразовался из таксономического исчисления “сем” в ряд блоков, концептуальные структуры, несущие различные типы знаний, которые “обрабатываются” различными когнитивными процедурами. В связи с этим важным представляется вопрос о новых механизмах, способах формирования значения ФИ как определенным образом категоризованной информации.

В качестве примера такого подхода к исследованию сопряжения знания и значения можно привести теорию концептуального моделирования актуального значения идиом, в основе которой лежит фреймовое описание значения ФЕ.

Список литературы

1. *Архангельский В.Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке / В.Л.Архангельский. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ГУ, 1964. – 315 с.
2. *Боброва Е.А.* Концептуальная метафора как средство категоризации окружающей действительности на примере метафоры движения в пути / Известия Иркутской государственной экономической академии. – Иркутск: изд-во Байкальского государственного университета, 2013, №3. – С. 28.
3. *Гак В.Г.* К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. – М.:Наука, 1972. – С.367 – 395.
4. *Жуков В.П.* Способы фразеологической аппликации и классификация фразеологического материала / В.П.Жуков // Системность русского языка. – Новгород, 1973. – С. 125- 137.
5. *Кунин А.В.* Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – Москва, МГПИИЯ, 1964. – 48 с.
6. *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. Для ин-тов и фак. Иностр. яз. – 2-е изд., перераб./ А.В.Кунин. – М.: Высшая школа, Дубна: Изд. Центр “Феникс”, 1996. – 381 с.
7. *Паульзен Н.С., Шереметьева А.А.* Метафорические образы концепта Verantwortung / Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – Иркутск: изд-во Байкальского государственного университета, 2014, №4. – С. 32.
8. *Паюнена М.В.* Язык как фактор социальных перемен / Известия Иркутской государственной экономической академии. – Иркутск: изд-во Байкальского государственного университета, 2014, №4. – С. 31.
9. *Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи / И.А.Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1985. – 175 с.
10. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н.Телия. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. – 288 с.
11. *Фрумкина Р.М.* Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) / Р.М.Фрумкина // НТИ, Сер.2. – 1992. –№ 3. – С. 1– 8.

10.02.04

Е.В. Бутенко, Г.А. Циммерман

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения,
факультет экранных искусств,
кафедра иностранных языков,
Санкт-Петербург, elena.butenko.54@mail.ru, galazimmer@list.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК ФУНДИРУЮЩЕЕ СРЕДСТВО ДВОЙНОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ В КИНОДИСКУРСЕ

*В работе представлен механизм реализации двойной актуализации значений, рассматриваемый в свете общенаучной теории расслоения множеств, что составляет научную новизну в исследовании дискурсивного пространства. Актуальность изучения данных конструктов обусловлена высокой степенью их применения в художественном языке, о чем, в частности, свидетельствуют высказывания персонажей анимационного фильма «Король Лев. Акуна Матамата»/ *The Lion King. Nakuna Matata*». Адекватная интерпретация семантико-стилистических свойств нетривиального объекта — фразеологизма и сосуществующего свободного словосочетания — задает в языке перевода тот импульс, который получает воображение зрителя.*

Ключевые слова: *расслоение, двойственность, фразеологизм.*

Художественный язык кинодискурса отличается широкой употребительностью фразеологических единиц, что объяснимо присущими им характеристиками. В частности, семантически целостным фразеологическим единствам свойственна ясная образность, которая обуславливает эмоционально-стилистическую окраску всего высказывания. Кроме того, они по определению И. В. Арнольд, «имеют не только назывную, но и оценочную функцию, выражая отношение говорящего к предмету речи» [1, с. 202].

В. П. Жуков указывал на двойственную природу фразеологизмов: «В акте переосмысления первично-номинативное значение как бы сливается с потенциально переносным», при этом их семантический объем не тождественен, поскольку воспроизводимое вновь и вновь фразеологическое значение выделяется «степенью интенсивности проявления признака» [3, с. 20]. Осознаваемое сопresутствие значений, переносного и мерцающего за ним прямого, лежит в основе реализации приема их двойной актуализации, эффективного средства выдвижения смыслов и экспрессии в кинотексте. Изучение специфики данного приема, являющееся целью исследования, может осуществляться через призму междисциплинарной теории расслоения, применимой в лингвостилистическом изучении кинодиалога для более точного описания дискурсивного явления.

Так, в конденсированной дискурсивной среде — высказывании “I want to be where we don't have to dig tunnels and live with our heads stuck in the sand” (Я хочу быть там, где не надо рыть тоннели и жить, спрятав голову в песок) идиомой закладывается двойная актуализация значений. В качестве объекта изучения рассматривается прежде всего ее узуальная форма — “to bury/ hide one's head in the sand” (уклоняться, прятаться от опасности), сопоставимая с омонимичным словосочетанием в буквальном значении: в условиях опасности страус якобы прячет голову в песок. Подобно этому, сурикаты спасаются от хищных гиен в песчаных тоннелях. Исследование фразеологического единства, «параметризованного» ключевыми точками базы расслоения прямой номинации, подтверждает гомоморфность слоев.

Окказиональные преобразования в речи персонажа расшатывают устойчивость конвенционального, способствуя созданию двуплановости содержания. Во-первых, закрепленный языковой традицией глагольный элемент идиомы “bury/ hide” замещен более резким “stick” и транспонирован в финитную форму, причастие II. Во-вторых, присутствие

прямой номинации “tunnels”, вступающей как гипоним в метонимические отношения с гиперонимом “sand”, сужает объем ситуации, четко и конкретно указывая на среду обитания и вынужденное занятие сурикатов — копание защитительных тоннелей. Таким образом, прогнозируя посредством аффинных преобразований прямое значение, контекст разрушает фразеологическую слитность и непроницаемость. В результате, зритель сталкивается с выбором — это «размороженный» лексико-морфологической трансформацией фразеологизм, означающий трусливый, «страусиный» подход к положению дел или прямое описание ситуации. Амбивалентностью, порожденной двойной актуализацией значений, зритель вовлекается в когнитивный процесс идентификации и интерпретации дискурсивного выражения, видоизмененного в речевом пространстве без утраты формы и узнаваемости.

В поликодовом тексте расслоение может задаваться изображением, что иллюстрирует сформированное фразеологическим единством “see eye to eye” высказывание “We see eye to eye” (Мы сходимся во взглядах). Целостность содержания идиомы и ее устойчивость обеспечивается сжатой односложностью и лексико-фонологической спаянностью элементов, повтор которых создает ассонанс гласных /i:/i:/ai/ai/, более ощутимый в целой фразе. Двуслойность порождена соположением гетерогенных составляющих — вербального и иконического, то есть содержание фразы полностью переходит в изображение: Тимон выразительно заглядывает в глаза Пумбы. Изобразительный компонент, относящийся к другой семиотической системе, восстанавливает внутреннюю форму фразеологизма, семантизирует его. Прогнозируемый таким образом прямой смысл взаимодействует с переносным, фразеологическим, формируя двойную актуализацию значений.

Комплексирование, создаваемое бинарной оппозицией разнородных составляющих, предполагает существование третьего замыкающего элемента, который объясняет семантические связи этой кинематической пары. Действительно, иконический компонент запечатлел тот значимый и трогательный момент, когда Тимон осознает, что приобрел друга, и фраза “We see eye to eye” является намного более существенной, чем просто речевой стереотип, вполне уместный в описываемой ситуации общения. В данном случае линейная упорядоченность и симметрия вербального и отображенного невербального элементов демонстрируют способность открытой системы к нелинейному результату, при котором семантико-стилистический объем значительно превышает последовательное механическое суммирование составляющих.

Языковые преобразования в кинодискурсе формируют нелинейные свойства и задают широкий спектр семантических флуктуаций. Например, появлению изречения “Life is a tunnel we are digging through” (Жизнь — это тоннель, который копаем мы сами) способствовала контекстная трансформация идиомы “light at the end of the tunnel”. По утверждению В. М. Савицкого, этот вид фразеологических единиц «с аллегорической и символической образностью», обладает «конкретно-наглядной образной основой, но абстрактным и широким значением» [4, с.178], что обеспечивает двойное видение объекта. Таким образом происходит семантическое сближение абстрактной номинации “life” и метафорически переосмысленной лексемы “tunnel”, имеющей конкретное значение: для сурикатов жизненное пространство — это тоннели, выкапывание которых буквально сохраняет им жизнь.

Однако в уплотненной текстовой конфигурации “tunnel”, аллегория жизненного пути, оказывается тем единственным элементом, смысловой константой отображаемой идиомы, которая способствует именно переносному восприятию при двойной актуализации значений. Эмерджентный для данного контекста элемент “we”, тем не менее, не случаен: инклюзия, новый актант участвует в построении расслоенного векторизованного пространства, расставляя смысловые акценты иначе — сурикаты могут сами изменить положение дел, не ожидая пассивно «света в конце тоннеля». Высказывание сентенциозно — в нем имплицировано поучение, основанное на рациональной и эмоциональной оценке ситуации. Предлагаемый вариант перевода не учитывает каузированную стохастическим вкраплением “we” актантную трансформацию, которая привела к бифуркации (ветвлению) в языке

оригинала. Русскоязычному зрителю предложен соответствующий его эмоциональному восприятию афористичный эквивалент «Рыть тоннели – наш удел», неоптимистичность которого связана с неопределенностью, неизвестностью, потенциальной опасностью.

Как показывают результаты лингвостилистического исследования, послойный анализ компонентов дискурсивного объекта позволяет выявить определенные закономерности их взаимосвязи и взаимодействия. В частности, семантическая двуслойность неполностью мотивированных фразеологических единств обусловлена их возникновением из свободных словосочетаний, которые продолжают функционировать как дискретные номинативные единицы. Фразеологически связанные компоненты являются производными по отношению к исходным, они семантически компликативны, но, тем не менее, соотносимы по значению.

Далее, встраиваемые в матрицу кинодиалога и претерпевающие некоторые речевые трансформации, устойчивые формы лишаются определенной степени спаянности компонентов, сближаясь со свободным выражением. Эта способность к «дефразеологизации» эффективно используется художественным языком для создания двойной актуализации значений. Интеграция слоев обновляет фразеологизм — типизированное языковое средство, что является эмфатическим приемом «репродуцированного употребления» [5], раздвигающим границы бытования клишированных выражений в кинодискурсе. Сложные и вместе с тем лаконичные людические формы, по наблюдениям Э. М. Береговской, позволяют «выводить импликатуры дискурса», допускающие разные осмысления, «которые все имеются в виду» [2, с. 182], противопоставляя при этом сходство и тождество смыслов. Дальнейшее исследование двойной актуализации значений и, в частности, трансформационной специфики фразеологизмов перспективно; оно имеет прикладное значение, поскольку именно речевыми, контекстно-ситуативными преобразованиями — идентификация которых необходима — осуществляется реализация данного приема.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. 3-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2014. – 376 с
2. Береговская Э.М. Стилистика однофразового текста: на материале русского, французского, английского и немецкого языков. М.: Ленанд, 2015. – 334 с.
3. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. 2-е изд., доп. М.: Ленанд, 2019. – 160 с.
4. Савицкий В.М. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. – 208 с.
5. Циммерман Г.А., Бутенко Е.В. Узуально-стилистическая значимость речевых штампов в кинодиалоге. Журнал интегративных исследований культуры, 2021 т. 3 №1 (iik-journal.ru).

10.02.04

М.В. Грушина

Государственный гуманитарно-технологический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра английского языка,
Орехово-Зуево, pronyakina_margo@mail.ru

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ У. ШЕКСПИРА. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Данная статья посвящена проблеме гендерного анализа женских образов в произведениях У. Шекспира. Цель настоящего исследования заключается в переосмыслении роли и назначении женских образов в произведениях литературы и в восстановлении баланса мужского и женского. Научная новизна состоит в том, что нами была предпринята попытка доказать, что женские образы У. Шекспира являются яркими, самостоятельными и независимыми элементами в произведении.

Ключевые слова: *гендерные исследования, женские образы в литературе, гендерные роли.*

Женские образы в произведениях художественной литературы всегда привлекали особое внимание читателей. Поэты и прославленные писатели различных эпох изображали женский образ как символ определенного времени и социального устоя. Авторский замысел, отраженный в характере той или иной героини литературного произведения, служит воплощением современности, моральных ценностей, социальных ролей и общественных трансформаций. Эффект, который производит на читателя литература, позволяет задуматься о проблемах собственной идентичности.

В настоящее время, исследования художественного текста ведутся в различных направлениях: лингвистика, гендерология, социология, лингвокультурология и многие другие. Комплексный подход к изучению художественного текста связан прежде всего с тем, что художественный текст является сложным и многогранным единством, в котором не только отражается языковая и национальная картины мира автора, но и различные культуры, традиции, образ жизни, разность мышления и развития, а также эпохи. [2, с. 70]

Наряду со сложностью комплексного анализа художественного текста в рамках междисциплинарного подхода, особый интерес для исследования представляет попытка рассмотрения женского образа с позиции гендерных исследований. [1, с. 85]

Актуальность нашего исследования заключается в том, что У. Шекспир является ярким представителем своей эпохи. Произведения, написанные этим великим автором, занимают одно из главных мест в мировой литературе. Несмотря на разность эпох мы не можем не отметить, что женские образы, сотворенные автором, и их неоднозначность являются интересным объектом для гендерных исследований сегодня, что позволяет по-новому взглянуть на социальную роль женщины в период эпохи Возрождения.

Гендерные исследования являются одним из ведущих направлений современной науки. Первоначально считалось, что гендерные роли, отведённые обществом мужчинам и женщинам, являлись нормой именно благодаря половой принадлежности к определенному роду. Позднее, кросс-культурные исследования гендерной идентичности продемонстрировали, что гендерные роли могут варьироваться в разных культурах и в зависимости от условий внешней среды, не принимая во внимание биологическую принадлежность к мужскому, либо женскому полу. [5, с.252]

Гендерно-ориентированное направление в литературоведении и в филологии придерживается мнения о том, что не бывает чисто человеческого отношения к изображаемому. Действительность представлена либо мужским, либо женским. Таким образом действительность или реальность воспринимая женщиной, отличается от

реальности воспринимаемой мужчиной. Каждый читатель видит совершенно иной смысл в прочитанном, и задача данного направления состоит в переосмыслении роли и назначения женских образов в произведениях литературы и в восстановлении баланса мужского и женского.

В научном мире уже были предприняты попытки анализа гендерной идентичности женщины и ее социальной роли в эпоху позднего Возрождения. Шекспироведы утверждают, что автор был достаточно близок к народу и часто писал свои произведения основываясь на реальных историях или исторических хрониках. Таким образом, его персонажи наделены всеми атрибутами общественной жизни Англии того периода.

Более ранние попытки описания гендерной роли женщины в произведениях У. Шекспира выявили, что автор отводит женским персонажам второстепенное место несмотря на то, что они могут исполнять одну из ведущих ролей. Например, исследования показали, что все женские персонажи в начале пьесы перечисляются автором после мужских ролей. Мужские роли представлены в порядке иерархии начиная от самого высокостоящего мужчины по статусу и заканчивая мальчишками-слугами, что вполне характерно для эпохи, в которую жил писатель. [4, с. 202]

В период эпохи Возрождения человеку отводится центральное место. Основной концепцией мироустройства считается человеческий разум и способность преодолевать любые преграды. Культура и общество данного периода сосредоточено на возможностях человека раскрыть весь свой потенциал и определить свою роль в социуме. Спасение души и подготовка к переходу из мира земного в мир небесный не столько важны в период Возрождения по сравнению со Средневековьем.

Женский образ эпохи Возрождения в отличие от Средневековья приобретает более выраженные и идеальные черты. Выдающие писатели этого периода предпочитают избегать упоминаний о низком социальном статусе женщины в обществе, воспевая ее красоту, добродетель и нравственность. Одной из основных тем литературы эпохи Позднего Средневековья и Возрождения является любовь и возвышенные чувства к женщине. Таким образом, героини У. Шекспира: Офелия, Джульетта, Изольда, Беатриче предстают перед читателем в качестве недостижимого идеала женской красоты и добродетели. [3, с.613]

Неоднозначность женских образов У. Шекспира вызывает особый интерес с точки зрения гендерных исследований. С одной стороны, автор отводит женщинам второстепенные роли и следует социальным стереотипам той эпохи о роли женщины в обществе. Например,

«How hard it is for women to keep counsel!» [12]

«Как трудно тайну женщине хранить!» [6]

«Her voice was ever soft, Gentle and low, an excellent thing in women» [15]

«Ах, у нее был нежный голосок, что так прекрасно в женщине» [8]

«She has brown hair and speaks small like a woman» [14]

«У нее каштановые волосы, и говорит она так тонко-тонко, ну, как все женщины.» [10]

С другой стороны, женские образы У. Шекспира отличаются не только красотой и нравственностью, но и смелостью, независимостью и невероятной силой духа.

Согласно классификации, Л. Е. Пинского героини У. Шекспира подразделяются на три основные категории: «Жертвы», «Протагонисты» и «Приспособленцы».

К категории «Жертва» Л.Е. Пинский относит женские персонажи, наделенные такими характерными чертами как замкнутость, ранимость и чувственность. Такого рода персонажи по мнению исследователя не способны бросить вызов обществу и бороться с обстоятельствами. В качестве ярких представителей данной категории можно привести Офелию и Дездемону. Некоторые исследователи-шекспироведы, следуя данной классификации добавляют еще образ Гертруды. [4, с.215]

Неоднозначность этого женского образа вызывает массу противоречий среди ученых-филологов и литераторов. С одной стороны, У. Шекспир изображает этот второстепенный женский персонаж как жертву обстоятельств, способную лишь примириться с окружающей ее действительностью, но с другой стороны, сам автор описывает ее как:

«... Так ревниво

Любивший мать, что ветрам не давал
Дышать в лицо ей...» [9]

«...so loving to my mother

That he might not beteem the winds of heaven
Visit her face too roughly...» [11]

Приведенный пример демонстрирует образ женщины, ради любви к которой можно пойти на преступление. Возможная ее причастность к дворцовому перевороту и узурпаторству власти вызывает у Гамлета противоречивые чувства. Он любит и почитает свою мать, но в то же время презирает.

«Вы сделали такое,

Что угашает искренность и стыд,
...И превращает брачные обеты в торг
игроков.» [9]

«Such an act

That blurs the grace and blush of modesty,
And sets a blister there, makes marriage-
vows

As false as dicers' oaths» [11]

«О женщины, вам имя – вероломство!» [9]

«Let me not think on't—Frailty, thy name is
woman!» [11]

В приведенных примерах мы можем видеть отношение главного героя к ситуации, в которой оказалась его мать. В первом отрывке Гамлет обвиняет Гертруду в нарушении брачных обетов, в несоблюдении добродетели и норм общественной морали. Последний пример является свидетельством того, что главный мужской персонаж приходит к заключению, что женщины – вероломные создания. Рассмотрим еще пример:

«Ты знаешь сам, что я скорей умру,
Чем соглашусь предать тебя.» [9]

«Be thou assured, if words be made of breath,
And breath of life, I have no life to breathe
What thou hast said to me.» [11]

Таким образом мы можем сделать вывод о том, что возможно Гертруда с одной стороны является жертвой обстоятельств, а с другой – пытается приспособиться к новым условиям и, по возможности, защитить жизнь своего сына.

Другой не менее интересный женский персонаж произведений У. Шекспира это Леди Макбет. В трагедии «Макбет» обозначено всего три женских персонажа, одним из которых является жена родственника короля. Несмотря на то, что главному герою Макбету предрекли царствование, именно его жена, Леди Макбет, является движущей силой всех действий, совершаемых в трагедии. Таким образом, мы можем говорить о том, что данный женский персонаж относится к категории «Приспособленцы», поскольку автор трагедии изображает героиню как предприимчивую и сильную женщину, готовую добиваться поставленной цели любыми средствами. Рассмотрим несколько примеров:

«Спеши домой! Я неотступно в уши
Начну тебе о мужестве трубить
И языком разрушу все преграды
Между тобой и золотым венцом...» [7]

«Hie thee hither,
That I may pour my spirits in thine ear,
And chastise with the valour of my tongue
All that impedes thee from the golden
round...» [13]

«Настройся поотважнее, и мы не
промахнемся.» [7]

«We fail?
But screw your courage to the sticking-place,
And we'll not fail...» [13]

Приведенные примеры являются доказательством того, что именно Леди Макбет является тем инициатором, что стоит во главе всей истории. Главный герой, ее супруг, честолюбив, но мы не можем с уверенностью утверждать, что он смог бы добиться власти.

Подводя итог, мы можем сделать вывод о том, что У. Шекспир создал яркие, сильные и неоднозначные женские персонажи. Каждая отдельная героиня представляет собой сложный и многогранный образ. Особый интерес вызывают женские персонажи трагедий, поскольку в именно в этом жанре автор может отразить все грани человеческой природы: сложность выбора, следование моральным устоям и силы духа. Героини У. Шекспира – сильные, но в то же время тонкие и нежные создания, которые еще долгое время будут вызывать восторг и противоречивые мнения лингвистов и литературоведов.

Список литературы

1. *Грушина М.В.* Гендерная асимметрия в языке и способы минимизации лингвистической и социальной дискриминации // *Казанская наука*. – 2019. - №2. – С.84-86
2. *Грушина М.В.* Социолингвистический аспект изучения языковых особенностей и гендерной репрезентации на примере телешоу «Однажды в сказке»// *Казанская наука*. – 2021. - №3. – С.70-72
3. *Исмаилова Ф.Е.* Эволюция социального статуса женщины в мировой литературе // *Современные исследования социальных проблем*. – 2010. - №4. 1(04) – С.612-616
4. *Пинский Л.Е.* Шекспир. Основные начала драматургии. — М.: Художественная литература, 1971. – 605 с.
5. *Пронякина М.В.* Феномен языковой маскулинизации женской речи как новый гендерный стереотип// *Европейский журнал социальных наук*. – 2014. - №10-1(49). – С.250-254
6. *Шекспир У.* Юлий цезарь [Электронный ресурс]/ В. Шекспир в пер. М.А. Зенкевича. – Режим доступа: Юлий Цезарь (пер. Михаил Александрович Зенкевич) - ТрагедииШекспир Уильям (William Shakespeare) | Предание.ру - православный портал (predanie.ru), свободный (дата обращения 30.09.2022)
7. *Шекспир У.* Макбет [Электронный ресурс]/ В. Шекспир в пер. Ю.Б. Корнеев – Режим доступа: Макбет (пер. Юрий Борисович Корнеев) - ТрагедииШекспир Уильям (William Shakespeare) | Предание.ру - православный портал (predanie.ru), свободный (дата обращения 30.09.2022)
8. *Шекспир У.* Король Лир [Электронный ресурс]/ В. Шекспир в пер. Г.М. Кружкова. – Режим доступа: <https://predanie.ru/book/218125-korol-lir-per-grigoriy-mihaylovich-kruzhkov/#/toc2> , свободный (дата обращения 30.09.2022)
9. *Шекспир У.* Гамлет [Электронный ресурс]/ В. Шекспир в пер. М.Л. Лозинский – Режим доступа: <https://predanie.ru/book/218128-gamlet-per-mihail-leonidovich-lozinskiy/>, свободный (дата обращения 30.09.2022)
10. *Шекспир У.* Виндзорские насмешницы [Электронный ресурс]/ В. Шекспир в пер. М. Морозова, стихи С. Маршак. – Режим доступа: Виндзорские насмешницы (Шекспир) — читать онлайн (xn----7sbb5adknde1cb0dyd.xn--p1ai), свободный (дата обращения 30.09.2022)
11. *Shakespeare W.* Hamlet [Digital resource]/ Shakespeare W. – Mode of access:<https://shakespeare.folger.edu/shakespeares-works/hamlet/entire-play/>
12. *Shakespeare W.* Julius Caesar [Digital resource]/ Shakespeare W. – Mode of access: <https://www.gutenberg.org/files/1522/1522-h/1522-h.htm>
13. *Shakespeare W.* Macbeth [Digital resource]/ Shakespeare W. – Mode of access: <https://shakespeare.folger.edu/shakespeares-works/macbeth/entire-play/>
14. *Shakespeare W.* The merry wives of Windsor [Digital resource]/ Shakespeare W. – Mode of access: <https://shakespeare.folger.edu/shakespeares-works/the-merry-wives-of-windsor/entire-play/>
15. *Shakespeare W.* King Lear [Digital resource]/ Shakespeare W. – Mode of access: <https://shakespeare.folger.edu/shakespeares-works/the-merry-wives-of-windsor/entire-play/>

10.02.04

М.А. Егорова

Байкальский государственный университет,
Кафедра теоретической и прикладной лингвистики,
Иркутск, archermarina1@yandex.ru

ОМОНИМИЧНЫЕ АББРЕВИАТУРЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе представлены результаты комплексного исследования омонимичных аббревиатур в английском языке на материале словарей экономических, юридических и военных сокращений, выявлены два основных типа омонимичных аббревиатур, которые основываются на принципе схожести с уже существующими словами и те, которые имеют внутриаббревиатурный характер.

Ключевые слова: *аббревиация, омонимия, омофоны, омографы, омонимичные аббревиатуры.*

На протяжении последних десятилетий количество аббревиатур увеличивается, а также возрастает частота их употребления. Созданию аббревиатур способствует быстрый темп развития новых технологий и необходимость передавать новые понятия, выраженные сложными терминами, более компактно.

Важную роль в решении проблемы аббревиации, занимает единство формы и содержания. Аббревиатура вторична и указывает на наличие несокращенной, полной единицы в языке. В. П. Волошин утверждает, что связь единства формы и содержания заключается в том, что за каждым компонентом аббревиатуры, графемой, звуком или звукосочетанием, закрепляется значение исходного словосочетания. В результате этой связи понятие аббревиатуры можно только благодаря расшифровке [1].

Говоря об аббревиации, необходимо сказать о существующей некоей путанице между понятиями «омонимия» и «полисемия» (многозначность слова). И. В. Арнольд объясняет различие между этими понятиями тем, что, когда несколько связанных друг с другом значений ассоциируются с одной и той же группой звуков в рамках одной части речи, слово называется многозначным, когда два и более слов не связаны друг с другом значениями, а только одной формой — такие слова называют омонимами [2], т. е. омонимия — это случайное совпадение слов.

Количество омонимов зависит от длины слова. Средняя длина слова в языке обратно пропорциональна количеству омонимов. В синтетических языках наблюдается меньшее количество омонимов, так как средняя длина слов данных языков больше. В аналитических языках, таком как английский, наблюдается преобладание коротких словоформ, соответственно количество омонимов в них будет большим [3].

Существование омонимов в английском языке, показывает то, что этот язык на протяжении своей истории подвергался сильным фонетическим и лексическим изменениям. Омонимы появились в результате заимствований, конверсии, фонетических изменений в ходе истории английского языка, сокращений, аффиксации и словосложения [4].

Еще одним источником омонимии является распад полисемии в результате дивергентного семантического развития, т. е. когда происходит разрыв первоначально единой семантики многозначного слова [5]. Например, в современном английском языке слово *board* имеет следующие значения: 1) доска; 2) совет, коллегия; 3) питание.

Они рассматриваются как омонимы. Между ними нет никакой смысловой связи. Но есть устаревшее слово *board* в значении *table*, которое когда-то связывало все приведённые выше значения между собой. После того как в английском языке появилось заимствованное слово *table* оно вытеснило слово *board*, вследствие чего и потерялась семантическая связь.

Исходя из этого, можно выделить три основных источника появления омонимов: лексические заимствования, фонетические изменения в периоды развития английского языка и конверсия.

Существуют различные определения омонимии, основанные на расхождениях в вопросе о понимании языковой формы. Ряд исследователей ограничивает ее звуковой оболочкой слова, другие ученые расширяют понятие формы, включая в него и графическое представление; таким образом, омонимическими могут называться все возможные совпадения единиц в плане выражения. Этим объясняется существование различных классификаций омонимов, учитывающих различия по форме, как общие, так и по словоформам, степень совпадения формы, а также принадлежность омонимов к одной и той же или разным частям речи.

Например, известный американский лингвист Джон Лайонз разделяет омонимы на абсолютные и частичные. Для включения в группу абсолютных омонимов необходимо выполнение трех условий:

- 1) они должны быть не связаны по значению;
- 2) все их формы должны быть идентичны;
- 3) идентичные формы должны быть грамматически эквивалентны. Выполнение только одного из трех условий дает основание для включения данных слов в группу частичных омонимов [6].

И. В. Арнольд выделяет три основных группы омонимов: собственно омонимы, омофоны и омографы, но, для более полной классификации собственно омонимов, она предлагает деление их на 9 классов: 1) частичные омонимы, имеющие одинаковую исходную графическую форму, но разные парадигмы (*light*, сущ., свет — *light*, прил., легкий); 2) частичные омонимы, которые имеют разные исходные формы, но совпадают по отдельным словоформам (*might*, сущ., сила, власть — *might*, гл., прош. вр. от *may*); 3) слова, относящиеся к одной и той же части речи, различные в своей исходной форме, но совпадающие в некоторой другой форме. Этот случай достаточно редкий. (*axe* — *axes* / топор — топоры, *axis* — *axes* / ось — оси); 4) различное лексическое значение при одинаковой исходной форме, одинаковое грамматическое значение при различных парадигмах (*lie* — *lay* — *lain* и *lie* — *lied* — *lied*); 5) слова, различные по лексическому и грамматическому значению, но не по парадигме, так как являются неизменяемыми служебными словами (*for* — предл. и *for* — союз); 6) наиболее типичный вид полной омонимии — слова относятся к одной части речи, но имеют различное лексическое значение (*spring* — прыжок, *spring* — родник); 7) наличие общего компонента в лексическом значении омонимов (*before* — предлог, *before* — наречие, *before* — союз); 8) омонимы, полученные путем конверсии (*eye*, сущ. — *eye*, глагол). О значении производного слова можно догадаться, если известно значение исходного слова; 9) немногочисленная группа слов, состоящая в основном из существительных, имеющих двойное множественное число, слегка различающиеся по значению (*brother* — *brothers*, *brother* — *brethren*) [2].

Омонимическими могут называться все возможные совпадения единиц в плане выражения [7].

Главной проблемой исследования аббревиатур является увеличение числа лексических омонимов среди аббревиатур. Омонимы появляются как результат совпадения вновь образованной аббревиатуры с существующим в языке полнозначным словом. «Собственно, в таких случаях можно говорить об омофонах, т. к. написание аббревиатур отличается от написания ранее известных слов. Их графическое разграничение не случайно: вводя в язык слова, омонимичные уже известным, необходимо придать им иную графическую форму, используя прописные буквы, чтобы избежать смешения этих слов в письменной речи» [8, с. 158].

Вследствие продуктивности процесса аббревиации и постоянного увеличения количества сокращений в языке в сфере аббревиатур развивается омонимия. При этом следует различать два типа омонимов:

1) омонимия сокращений с существующими в языке словами;

2) омонимия различных сокращений.

Обратимся к характеристике первого типа омонимии. Это результат совпадения сокращения с общеупотребительным словом разных частей речи. В настоящее время этот вид омонимии возрождается, так как такие лексемы встречаются все чаще. Это происходит потому, что большинство сокращений современного английского языка становится консонантным. Например, совпадение аббревиатур происходит со следующими частями речи:

1) с существительными: ADO — Air Defense Officer (ado — суета) и CAP — Civil Air Patrol (cap — кепка);

2) с местоимениями: WE — World Education (we — личное местоимение первого лица множественного числа), MINE — Management In The Network Economy (mine — притяжательное местоимение) и US — United States (us — личное местоимение);

3) со служебными частями речи: AN — Air Natural (an — неопределенный артикль), AND — Allow Natural Death (and — соединительный союз) и OF — Operating Force (of — предлог);

4) с междометиями: BOO — build, own, operate (boo — пугательный восклик), OH — overhead expenses (oh — понимание) и UM — unconsummated marriage (um — пауза или скептическое отношение к чему-то).

Второй тип омонимии (омонимия различных сокращений) носит «внутриаббревиатурный» характер. Такой тип омонимии представляет собой графическое совпадение различных аббревиатур, например:

- BBC — British Broadcasting Corporation;
- BBC — Business To Business To Consumer;
- FC — Football Club;
- FC — Fighter Command.

Таким образом, в современном английском языке активно пополняются старые группы сокращений и образуются новые. Увеличение числа аббревиатур приводит к развитию омонимии. Оманимичные аббревиатуры касаются всех объектов социокультурной жизни. Заметным явлением в английском языке стало появление омонимии аббревиатур с однозначными лексемами и омонимия сокращений, что ведет к своеобразной языковой игре в современной речи.

Список литературы

1. Кубышко И.Н. Аббревиация и проблема связи звучания и значения / И. Н. Кубышко // Омские социально-гуманитарные чтения: материалы IX международной научно-практической конференции (Омск, 19-21 апреля 2016 г.). – Омск : ОГТУ, 2016. – С. 382-385.
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка : учебник для вузов / И. В. Арнольд. – Москва : Наука, 2012. – 383 с.
3. Губанова И.Р. Зависимость между омонимией и длиной слова в современном английском языке / И. Р. Губанова // Вестник поморского университета. Серия: гуманитарных и социальных наук. – 2010. – № 2. – С. 66–69.
4. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – Москва : Наука, 2003. – 344 с.
5. Кузьмина Р.В. Оманимизация как результат аббревиации / Р. В. Кузьмина // Известия высших учебных заведений. Серия: гуманитарные науки. – 2011. – Т. 2, № 3. – С. 215–218.
6. Лайонз Д. Лингвистическая семантика. Введение : перевод с английского В. В. Морзова, И. Б. Шатуновского. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
7. Виноградов В.С. Введение в переводоведение / В. С. Виноградов. – Москва : КДУ, 2004. – 224 с.
8. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Телегкова. – Москва : Просвещение, 1985. – 399 с.

10.02.04

К.В. Костина, И.В. Солдатенко

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
Кафедра иностранных языков № 1,
Иркутск, ksenia_kostina84@mail.ru

ИМАГОЛОГИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ИНОЯЗЫЧНОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматриваются основные инструменты манипулирования общественным сознанием в медиапространстве. Имагологическими инструментами воздействия в массмедиа являются стереотипизация и мифологизация. Данные инструменты применяются в любом виде медиадискурса, но в иноязычном они выражены наиболее ярко, так как дихотомия «свой – чужой» характерна в большей мере для межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: *имагология, медиапространство, стереотипизация, мифологизация.*

Воздействие на общественное мнение – одна из ведущих функций современного медиадискурса. Манипулирование общественным мнением в большинстве случаев основывается на использовании стереотипов, на базе которых создается определенный образ. Стереотипизация, т.е. психологическое воздействие с помощью создания иллюзорных стереотипов, — один из главных методов воздействия. Создание и использование стереотипов мы считаем имагологическим инструментом манипулирования сознанием в современных СМИ, которые внедряют в сознание людей ценности в виде системы стереотипов. Большинство исследователей указывает на связь стереотипов в сознании людей с гигантским влиянием средств массовой информации, формирующих отношение к миру; на поведение, воспроизводящее поступки «героев» печати, радио, телевидения; на привязку определенных принципов поведения к тем местам жизнедеятельности человека, на которые указывают средства коммуникации [3]. Термин «стереотип», как считает Т.Г. Добросклонская, обычно используется для обозначения устойчивого распространенного представления о предмете или явлении действительности, обладающего выраженной эмоционально-оценочной окраской, обусловленной социокультурными факторами. Стереотипы оказывают влияние на систему ценностей и отношений, на идеологическую подоснову, что, в свою очередь неизбежно влияет на восприятие окружающей действительности [2].

С лингвистической точки зрения дает определение исследуемому понятию В. Красных: «Стереотип есть некоторая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ-представление феномена, стоящего за данной единицей, в его национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей» [5]. Как видно из определения, автор сопоставляет образ и стереотип, причем стереотип представлен шире, а образ является его составляющей. У. Липпман же считает данные понятия равнозначными. Стереотип по У. Липпману – это всегда редуцированный образ реальности, поскольку только благодаря редукции он открывает возможность справиться со слишком сложной для отдельного человека реальностью. Стереотип содержит, как правило, оценочный момент [7].

О том, что стереотип присущ массовому сознанию, упоминает в своих работах Е. Бартминский. Он описывает стереотипы как устойчивые, то есть повторяющиеся, а не возникающие случайно сочетания (семантических и / или формальных элементов),

закрепленные в коллективной памяти на уровне конкретики, соответствующей лексемам [1]. В когнитивной лингвистике термин стереотип относится к содержательной стороне языка и культуры. Такое понимание стереотипа встречается в работах Е. Бартминьского и его школы; языковая картина мира и языковой стереотип соотносятся у него как часть и целое, при этом языковой стереотип понимается как суждение или несколько суждений, относящихся к определенному объекту внеязыкового мира, субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности, в рамках социально выработанных познавательных моделей. Таким образом, Е. Бартминьский называет языковым стереотипом то, что В. Красных определяет как стереотип-представление: они видят в стереотипе языковую реализацию определенных ассоциаций, связанных с конкретным народом.

Человек усваивает стереотипы из различных источников. Особо стоит отметить средства массовой информации, которые имеют практически неограниченные возможности для формирования стереотипов. Мнения, распространяемые СМИ, вытесняют индивидуальные установки, если они есть, и становятся мнением людей, заменяя им опыт личного общения. Такое сильное влияние объясняется тем, что многие люди воспринимают информацию, распространяемую СМИ, как истинно верную и неоспоримую [4].

Наряду со стереотипизацией в современных масс-медиа присутствует и такой имагологический инструмент воздействия как мифологизация. Миф и стереотип имеют много общего в своей структуре. Основное их сходство состоит в том, что они связаны с ментальной деятельностью, они формируются в сознании и для их закрепления в сознании требуется время. Однако, и различия между этими двумя понятиями значительны. Следует подчеркнуть, что миф – это вымысел, выдумка, а стереотип – устойчивое отношение к какому-либо объекту, событию или ситуации. А.А. Потемня понимает миф как акт сознательной мысли, акт познания, объяснения «Х» посредством совокупности прежде данных признаков, объединенных и доведенных до сознания словом и образом. Для Потемни миф — это прежде всего специфическое слово; миф рождается как результат двойной мыслительной процедуры [6]. Следовательно, мифологической можно назвать информацию, при подаче которой субъективный образ, предназначенный для описания действительности, имеет статус объективного. Данная тенденция четко прослеживается в современном медиадискурсе.

По этому поводу Д. Трунов пишет: «Присутствие субъективности и объективности имплицитно предполагает существование как минимум двух персонажей, с точки зрения которых рассматривается миф: сам носитель мифа и сторонний наблюдатель. Для нас это очень важно, поскольку миф не зарождается сам собой в сознании изолированного индивида, а порождается в акте коммуникации. Миф — это неосознаваемые особенности мировосприятия» [8]. Таким образом, в медиaprостранстве понятия носителя и наблюдателя мифа видоизменяются — медийное пространство является не только носителем, но и распространителем мифа; коммуникатор — его транслятором, а реципиент – не сторонним наблюдателем, а его активным «потребителем» (взято в кавычки нами).

Нельзя не согласиться с Е.И. Шейгал, которая считает, что миф является способом интерпретации актуальных явлений, вызывающих интерес или беспокойство; под мифом подразумевается некритически воспринятое воззрение [9]. Но необходимо отметить, что прежде чем дойти до адресата, информация «перерабатывается», интерпретируется адресантом, что способствует возникновению мифа. М.Н. Володина подтверждает, что мифологизация – это процесс, характерный для современных СМИ: «Представляя особое средство интерпретации действительности, СМИ создают свою мифологическую реальность. В известном смысле - это организации такого мира, в котором, что бы ни случилось, все понятно и имеет смысл. Кроме того, «взламывая обыденность» миф «озаряет привычные будни фейерверком ярких красок» [10]».

Согласно Т.Г. Добросклонской миф является одной из трех видов медиапрезентаций (наряду с отражением и реконструкцией), используемых при моделировании механизма отображения реальных событий средствами массовой информации. Третий тип медиапрезентации «миф» представляет собой целенаправленно созданный, часто весьма отдаленный от реальной действительности, образ события. Основной чертой медиамифа является его «заданность», направленная на оказание определённого идеологического воздействия, на достижение тех или иных политических целей [2]. Таким образом, нужно отметить, что миф содержится в большинстве медиасобытий и является предпосылкой к возникновению скрытого манипулирования сознанием получателя информации.

Таким образом, приходим к выводу, стереотипизация и мифологизация – это имагологические инструменты воздействия в медиaprостранстве, они являются обязательными составляющими современных медиатекстов. В СМИ активно создаются и используются новые и давно укоренившиеся стереотипы и мифы с целью создания необходимого образа у реципиента, а также с целью воздействия на его сознание и мышление.

Список литературы

1. *Бартминьский Е.* Базовые стереотипы и их профилирование [Текст] / Е. Бартминьский // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: сборник статей. М., 2009. 600 с.(с.13)
2. *Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ [Текст] / Т. Г. Добросклонская. – М. : Едиториал УРСС, 2008. – 202с.
3. *Костина К.В.* Аксиологический аспект языковой репрезентации образа России в современном немецком медиадискурсе [Текст]:дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 – Иркутск, 2011. – 171 с.
4. *Косяков В.А.* Стереотип как когнитивно-языковой феномен: образ Ирака в современной англоязычной периодической литературе [Текст] / В.А. Косяков // Вестник ИГЛУ. 2008. № 1. С. 101-109.
5. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В. В. Красных. – М. : ИТДК Гнозис, 2003. – 375с.
6. *Потебня А.А.* Слово и миф [Текст] / А. А. Потебня. – М. : Правда, 1989. – 240с.
7. Стереотипы в языке, коммуникации и культуре [Текст] : сборник статей / сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. – М.: РГГУ, 2009. – 598с.
8. *Трунов Д.* Миф как экстраконцепция (формальное определение мифа) [Текст] / Д. Трунов // Формирование гуманитарной среды; внеучебная работа в вузе, техникуме, школе: Материалы VIII научно-практической конференции. Том I. Пермь : ПГТУ, 2000. С. 119-122.
9. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса [Текст] : монография / Е. И. Шейгал. – Институт языкознания РАН; ВГПУ. – Волгоград : Перемена, 2000. – 368с.
10. Язык средств массовой информации [Текст] : учеб. пособие для вузов / Под ред. М. Н. Володиной. – М. : Академический Проект, 2008. – 760 с

10.02.04

М.А. Луканичева, Н.Ю. Степанова канд. филол. наук

Государственный социально-гуманитарный университет,
факультет иностранных языков,
кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации,
Коломна, class1217@mail.ru, stepanovany@yandex.ru

КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОР-ОЛИЦЕТВОРЕНИЙ СО СФЕРОЙ-МИШЕНЬЮ «СТРАХ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СТИВЕНА КИНГА

Данная работа представляет собой анализ метафорических парадигм, лежащих в основе метафор-олицетворений со сферой-мишенью «страх» в произведениях Стивена Кинга. Предпринимается попытка диахронического корпусного анализа семантической структуры данных метафор с помощью корпуса СОНА с целью выявления закономерностей использования метафор со сферой-мишенью «страх» в творчестве Стивена Кинга.

Ключевые слова: *метафора, олицетворение, сфера-мишень, страх, репрезентация.*

Стилистические средства выразительности являются важной частью создания литературного образа произведений, формируя их атмосферу. Жанровая специфика «романа ужасов» связана с необходимостью заставить читателя представить, описываемые события, воссоздать их ретроспективу. Без яркой иллюстративности и передачи эмоционального фона произведения языковыми средствами сама суть «романа ужасов» как литературного явления будет утеряна, в связи с полным отсутствием эмоциональной связи писателя и читателя. Метафора, будучи одним из самых используемых стилистических приемов, широко эксплуатируется в романах данного жанра.

Целью нашей работы является анализ метафор-олицетворений со сферой-мишенью «страх» в романе Стивена Кинга «Цикл оборотня» с целью выявления частотности использования метафор или их концептуальных образов в произведениях Стивена Кинга.

Сферой-мишенью анализируемых метафор является «страх» как человеческая реакция, страх как социальное явление, страх как защитный механизм. Мы рассмотрим образы, лежащие в основе метафор С. Кинга, и попытаемся найти закономерности использования метафор в произведениях автора. Предпринятый нами корпусный анализ, используемый в ходе изучения семантической структуры метафоры, противопоставлен интуитивному изучению языковых средств.

Согласно когнитивной теории, метафоры имеют в своей основе ту или иную парадигму. В одном тексте можно найти несколько метафор, выстроенных по одной и той же парадигме. Когнитивные метафорические парадигмы состоят из двух или нескольких понятийных полей, между которыми существуют устойчивые отношения образной аналогии. Эти отношения реализуются базовыми концептами: они объединяют в метафорической структуре понятия различных понятийных полей, составляющих ту или иную парадигму [1, с.121].

Каждый базовый концепт реализуется как своеобразная модель образного смысла на основании типичного характера актуализируемых образных ассоциаций. Восприятие данных моделей является обязательным условием понимания смысла текста. Они определяют направление дальнейшего развития коннотационных нюансов художественного образа текста. На уровне текста метафорическая парадигма представлена развернутым базовым метафорическим концептом, который получает воплощение в контексте [2, с. 29 – 36].

Метафора является ярким способом создать незабываемый образ в сознании читателя, чем на протяжении многих веков пользовались разные авторы, пробуждая в сознании читателей широкий диапазон эмоций. Мастерски использует этот троп и Стивен Кинг, который,

несмотря на очевидную коммерческую ориентацию своих работ, имеет достаточно узнаваемый и интересный авторский стиль, построенный, не в последнюю очередь, на метафорах, в основе которых олицетворение природных явлений, наделение их нетипичными свойствами.

Проанализируем метафоры, используемые Стивеном Кингом в произведении «Цикл оборотня», состоящем из нескольких частей [6]. В истории восемь частей, объединенных протагонистом. Всего в произведении нами обнаружена 41 метафора (из которых 32 метафоры относятся прямым образом к мишени «страх», 4 метафоры относятся к быту героев, 5 метафор – к внешности героев). Сконцентрируем внимание на метафорах «страха».

Действие романа происходит в городе Такерз Миллз. Задачей Стивена Кинга было создание образа мистического поселения, в котором могло появиться сверхъестественное существо. Произведение можно отнести к жанру готической литературы, в котором описание природы играет большую роль в создании образности. “*Somewhere, high above, the moon shines down, fat and full - but here, in Tarker's Mills, a January blizzard has choked the sky with snow*” [6, с.13]. Основой метафоры *a blizzard has choked the sky with snow* является сопоставление природных явлений и живого организма. Основываясь на классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона, данная метафора относится к ориентационным, что помогает создать эффект пространственной оппозиции (*high above – shines down*). Воспользуемся корпусом *Corpus of Historical American English* (COHA) [3], чтобы проанализировать диахронически частоту употребления слова ‘*blizzard*’ и выявить степень оригинальности метафоры Кинга. Статистика употребления этого слова в литературных источниках ведется с 1860 года, когда оно было употреблено в произведении «*Wild Western Scenes*» Б. Джонсона. В дальнейших 1723 проанализированных примерах употребления слова “*blizzard*”, 137 раз оно используется в различных метафорах, 92 раза в качестве сравнения, 23 раза в других тропах. 9 упоминаний относятся к произведениям Стивена Кинга «Цикл оборотня» [6], «Мизери» [5], «Сияние» [3]. Наибольшее количество упоминаний относится к роману «Мизери», в остальных произведениях по два упоминания, что может свидетельствовать о некоей периодичности использования метафорической парадигмы “*a blizzard is a beast*”. В романе «Мизери» это явление природы наделяется некоей мистической и фатальной силой (*a blizzard of despair swipes away all hopes*) [5]. Метафоры с основой *blizzard* показывают сильное эмоциональное состояние (*blizzard of love*) [6].

Эффект, производимый метафорами, в основе которых лежат явления природы, способствует введению читателя в экспозицию путем описания обыденных событий, и в то же время – нагнетанию внутреннего состояния за счет контраста нейтральной лексики с напряженностью описываемой ситуации. Дважды С. Кинг использует фразу “*the wind rises*”. Кажущееся привычным для русскоязычного читателя словосочетание, упоминается в американской литературе по данным корпуса COHA, не так часто. Впервые оно зафиксировано в 1820 году, наивысшая частотность упоминания данного словосочетания зафиксирована в 1960 году, а в 1950 и 1980 годах корпусом был зафиксирован результат всего одного упоминания данного выражения за десятилетие. Из 57 случаев употребления данного словосочетания около 32 относятся к произведениям жанра ужасов, что позволяет сделать вывод о восприятии ветра в англоязычной культуре как мистической сущности, типичного компонента произведений, в которых важна атмосфера саспенса [3].

В анализируемом произведении фраза становится частью олицетворения и приобретает совсем иное звучание, поскольку репрезентирует метафорическую парадигму “*the wind is a screaming beast*”: «*Outside the wind rises to a shrill scream*» [6, с.13]. Сочетание лексических и фонетических стилистических средств помогает автору создать атмосферу нагнетаемого ужаса. Слово “*shrill*” упоминается в корпусе 134 раза, рост частотности зафиксирован с 1860 по 1880, а также в 1970, 2010 годах (преимущественно в мистических произведениях), что, вероятно, связано с популярностью и распространением произведений жанра ужасов – Э.А. По, Б. Стокера, Г.Ф. Лавкрафта, С. Кинга. Слово «*scream*» в творчестве Кинга, по

данным корпусом, эксплуатируется широко и часто: из 8406 упоминаний [3] данного слова, начиная с 1820 года, авторству С. Кинга принадлежит 17 упоминаний: 7 из которых являются тропами (5 олицетворений, 1 метафора, 1 метонимия), что свидетельствует о том, что “*scream*” неотъемлемая лексема как жанра ужасов в целом, так и произведений С. Кинга в частности.

Еще одна метафорическая парадигма, которую обыгрывает С. Кинг, - “*the Moon is a dangerous creature*”. В «Цикле оборотня» Луна выступает в романе жестокого убийцы, помогающего оборотню, а не человеку: «*He (Alfie Knopfler) is trying to scream, and white moonlight, summer moonlight, floods in through the windows and dazzles his eyes*» [6, с.56]. В произведении “*The Ballad of the Flexible Bullet*” С. Кинг также олицетворяет Луну, которая играет с облаками в кошки-мышки: «*It brings a rack of clouds from the north and for a while the moon plays tag with this clouds, ducking in and out of them, turning their edges to beaten silver*» [4, с. 98].

Сам образ луны в дискурсе ужасов является не новым. Еще у Э.А. По в рассказе «Падение дома Ашеров» используется образ «*Red moon*». Слова “*moon*” либо производное от него “*moonlight*”, начиная с 1820 года используется более 10 300 раз (слово «*moonlight*» - порядка 2065 раз). Словосочетание “*white moonlight*” используется всего 3 раза, примечательно, что данное словосочетание СОНА фиксирует только у Стивена Кинга: дважды в «Цикле оборотня» и один раз в «Детях Кукурузы», что позволяет сделать вывод как минимум, о характерности данного словосочетания для данного автора. Чаще всего лексема “*moon*” в художественной литературе используется с такими прилагательными как “*yellow*”, “*lonely*”. Еще одно выражение, используемое в романе, - “*dazzles his eyes*” Глагол “*dazzle*” зафиксирован в художественных произведениях 6 раз, из которых только 3 раза в словосочетании “*dazzles his eyes*”, что показывает высокую сочетаемость глагола “*dazzle*” с существительным «eyes» [3].

Яркие развернутые метафоры, описывающие превращение человека в оборотня, тоже следуют заданной автором модели олицетворения. Однако в данном случае олицетворяются уже не явления природы, а предметы одежды и части тела, которые производят действия как бы сами собой, независимо от воли человека. «*His customer, someone he sees every day, someone everyone in Tarker's Mills sees every day, is changing. The customer's face is somehow shifting, melting, thickening, broadening. The customer's cotton shirt is stretching, stretching... and suddenly the shirt's seams begin to pull apart. The customer's pleasant, unremarkable face is becoming something bestial. The customer's mild brown eyes have lightened; have become a terrible gold-green. The customer screams... but the scream breaks apart, drops like an elevator through registers of sound, and becomes a bellowing growl of rage. It-the thing, the Beast, werewolf*» [4, с. 26]. В данной развернутой метафоре состояние страха поддерживается лексическими единицами с отрицательной оценочной коннотацией: “*shrill, shriek, savage, bestial, terrible, bellowing growl of rage*”.

Подводя итоги, стоит отметить, что создание ярких образов, нацеленных на мишень «страх», в произведениях Стивена Кинга достигается путем использования метафор-олицетворений, которые, с одной стороны, апеллируют к популярной и этнической культуре, а с другой стороны конфликтуют с ней, создавая эффект «обманутого ожидания». Сведения, полученные в ходе исследования дают нам возможность сделать вывод о необыкновенном своеобразии и вариативности метафор, используемых Стивеном Кингом. Умелое владение литературным языком и четкое знание жанровой специфики позволяют читателю проникнуться атмосферой жанра ужасов, созданной по средствам как традиционных метафорических парадигм, так и необычных новаторских образов, некоторые из которых автор использует в своем творчестве не единожды, понимая всю успешность и сюжетную состоятельность применения данной технологии.

Список литературы

1. *Степанова Н.Ю.* Контраст как средство создания комического эффекта (лингвостилистический аспект): диссертация ... кандидата филол. наук : 10.02.04. - Москва, 2010. - 213 с.
2. *Толочин И.В.* Системность поэтической метафоры и ее эволюция: На материале англ.-амер. поэзии XX в.: Дис.... доктора филол. наук / Санкт-Петербургский ун-т. Санкт-Петербург, 1997.
3. Corpus of Historical American English. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.english-corpora.org/coha/> (дата обращения 23.09.2022).
4. *King S.* The Ballad of the Flexible Bullet [Print] / Pocket Books, a division of Simon&Schuster, Inc. New York, NY, 2001. - 431p.
5. *King S.* Misery. [Print] / Pocket Books, a division of Simon&Schuster, Inc. – New York, NY, 1987. - 435 p.
6. *King S.* Cycle of the Werewolf. – New York: Gallery 13, 2019. - 128 p.
7. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. - 201 p.

10.02.04

О.Н. Поддубская, С.Г. Ларина, А.В. Сахарова

Государственный гуманитарно-технологический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра английского языка,
Орехово-Зуево, olgapoddubskaya@mail.ru

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ОДЕЖДА»
КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА**

Статья посвящена исследованию лексико-семантического поля «Одежда» и его вербализации с помощью лексико-семантических групп как отражение картины мира героини романа «Тайный мир шопоголика» С. Кинселлы.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле; картина мира; лексико-семантическая группа: микрополе; ядро; периферия.

Современная лингвистика утверждает, что картина мира человека представлена лексико-семантическими полями, в которых отражены его знания, жизненный опыт, умения и впечатления. По мнению Х.Х. Эгамназарова, лексико-семантическое поле (далее ЛСП) – это совокупность лексем, обозначающих определённое понятие в широком смысле этого слова, включающих в свой состав слова различных частей речи [3, с 185]. Основу лексико-семантического поля составляют лексико-семантические группы слов - микрополя, лексические единицы которых связаны общим признаком, выраженным ядерной лексемой.

Рассмотрим ЛСП на примере романа С. Кинселлы «Тайный мир шопоголика» (Confessions of a Shopaholic) [2]. Наш выбор пал на этот роман не случайно, во-первых, одним из ее главных героев выступает не человек, а одежда, которой уделяется пристальное внимание на протяжении всей истории Ребекки Блумвуд, во-вторых, писатель настолько подробно вербализовала предметы женского гардероба, что предоставила нам возможность составить ЛСП по теме и, следовательно, увидеть картину мира глазами шопоголика.

Софи Кинселла (англ. Sophie Kinsella), настоящее имя Маделин Уикхем — британская писательница романов в жанре чиклит. Героиня романа Ребекка Блумвуд — современная женщина около тридцати лет, финансовая журналистка, которая живет в большом городе и стремится построить карьеру. Сюжет романа развивается вокруг пристрастия Ребекки к вещам, которая живет по принципу известной цитаты Ив Сен-Лорана «Гардероб – это образ жизни» [1]. Читая роман, мы ощущаем эмоциональное состояние Ребекки, которое доказывает её одержимость к покупкам: “Господи, это же сон наяву, я застываю”, “ничто не учащает мой пульс сильнее, чем вывеска «скидка 50%»”, “дрожу от предвкушения”, “от удовольствия мне даже хочется зажмуриться”, “вот оно, мгновение счастья”, “это любовь с первого вдоха” и т.д.

Для того, чтобы составить ЛСП «Одежда» на основе романа «Тайный мир шопоголика» нами был разработан следующий план:

1. Сделать выборку названий одежды в романе и распределить их по следующим микрополям с убывающим порядком единиц:

- повседневная одежда - (jeans, sweater, shirt) как самая большая группа в лексико-семантическом поле «Одежда», поскольку она удобна и комфортна в ношении, и люди не тратят время на то, чтобы продумывать свой образ.

- аксессуары (hairband, purse, sunglasses, tie), как важная составляющая любого образа. Для мужчин идеально подойдут классические наручные часы. В случае с женщинами это различная бижутерия - серьги, кольца, броши, браслеты, заколки для волос и пр. – в нашем случае, самый часто используемый аксессуар героини - это сумка (bag).

- обувь (trainers, sneakers, moccasins). Как утверждал Джорджио Армани, «Дешевая пара обуви – плохая экономия. Не экономьте на главном: обувь – основа вашего гардероба» [1].

- нижнее бельё (bra, nightie, briefs);
- ювелирные украшения (necklace, chain, bracelet);
- верхняя одежда (Anorak, Raincoat, jacket);
- официальная одежда (a full suit, tail-coat, evening dress);
- головные уборы (hat, cap, bandana).

Указанные микрополя позволили составить лексико-семантическое поле «Одежда» романа «Тайный мир шоппоголика» (Confessions of a Shopaholic) [4]

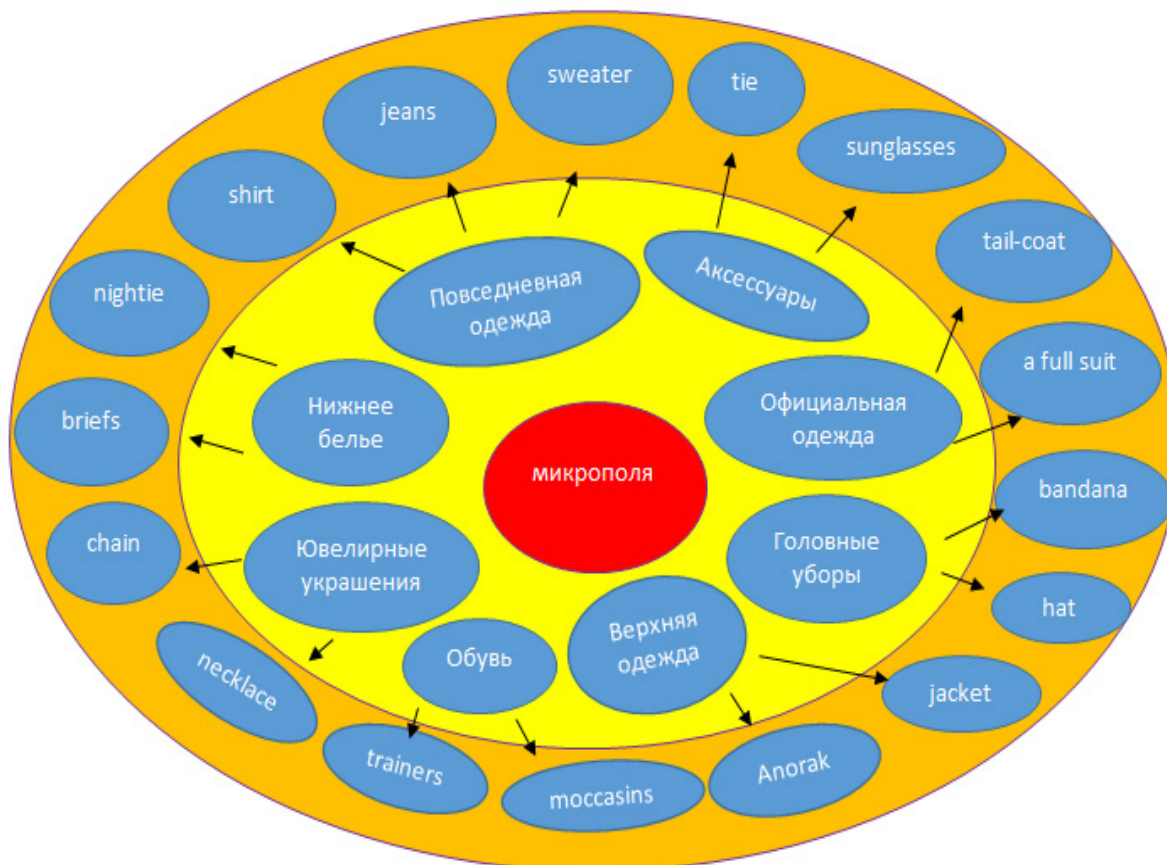

Схема 1 – ЛСП «Одежда» романа «Тайный мир шоппоголика» (Confessions of a Shopaholic)

В данной схеме ядром лексико-семантического поля «Одежда» являются микрополя видов одежды, в периферии приведены примеры основных наиболее употребляемых единиц, таких как «jeans, tie, nightie, bandana, trainers» и др.

2. Следующим пунктом изучения романа «Тайный мир шоппоголика» по выбранной теме было определение наиболее употребляемых брендов предметов гардероба героини:

Таблица 1 – Бренды предметов гардероба героини в романе «Тайный мир шоппоголика»

Предмет гардероба	Бренд
Пальто	«Whistles», «fashion House of Fraser»
Обувь (туфли, сапоги, босоножки)	"Pied-aterre", "Hobbs", "Ravel", "Dolce and Gabana", "Stefan Keliana", "Prada", "Russell and Bromley", "Balenciaga»
Футболки, топы, кардиганы, кофты, блузки, рубашки, жакеты	"Chelsea Girl", "Nickerbox", "Marks and Spencer", "Agnes b", "Benetton", "Ellie Smith", "River island", "Moschino»
Джинсы/брюки	Top Shop, Jigsaw, Gucci, Banana Republic, Earl Jeans, Windsmoor»
Шарфы	"Danny and George»
Сумки	«Prada»
Юбки	"The French Connection", "Barneys»
Костюмы	«DKNY», «Karen Millen»

3. Следуя намеченному плану, далее были выявлены имена дизайнеров гардероба шопоголика, такие как Ralph Lauren, Armani, Christian Dior, Jimmy Shue, Jasper Conran, Calvin Klein, Philip Treacy, Vera Wang, Paul Smith, Helmut Lang, Jill Zander, Michael Kors, Issey Miyaki.

4. Затем мы определили предпочтения цветовой палитры героини: это тёмные (черный и синий), светлые и яркие тона (серый, белый, голубой, розовый, лиловый, кремовый, красный).

5. В заключение исследования мы составили список эмоционально окрашенных прилагательных, которые употребляет Ребекка Блумвуд для описания одежды. Говоря про платье, она восклицает: «*It's a work of art.*». Или «*...a fabulous dress*». Про шарфик говорит: «*It's the most beautiful thing I've ever seen*». Про обувь Бекки думает: «*...these are gorgeous. Gorgeous*» или «*oh God, they're fantastic*». Про кардиган: «*The most perfect, soft, dove-gray angora cardigan...*» Итак, наиболее употребляемыми определениями, которые Ребекка использует при описании одежды, являются: *fabulous, nice, gorgeous, fantastic, beautiful*.

Проанализировав вышесказанное, мы составили лексико-семантическое поле «Одежда» романа «Тайный мир шопоголика» (*Confessions of a Shopaholic*) Софи Кинселлы, которое, на наш взгляд, отражает картину мира Ребекки Блумвуд и включает в себя предметы гардероба, цветовую палитру, внушительное количество имен дизайнеров, известные бренды одежды и эмоции героини:

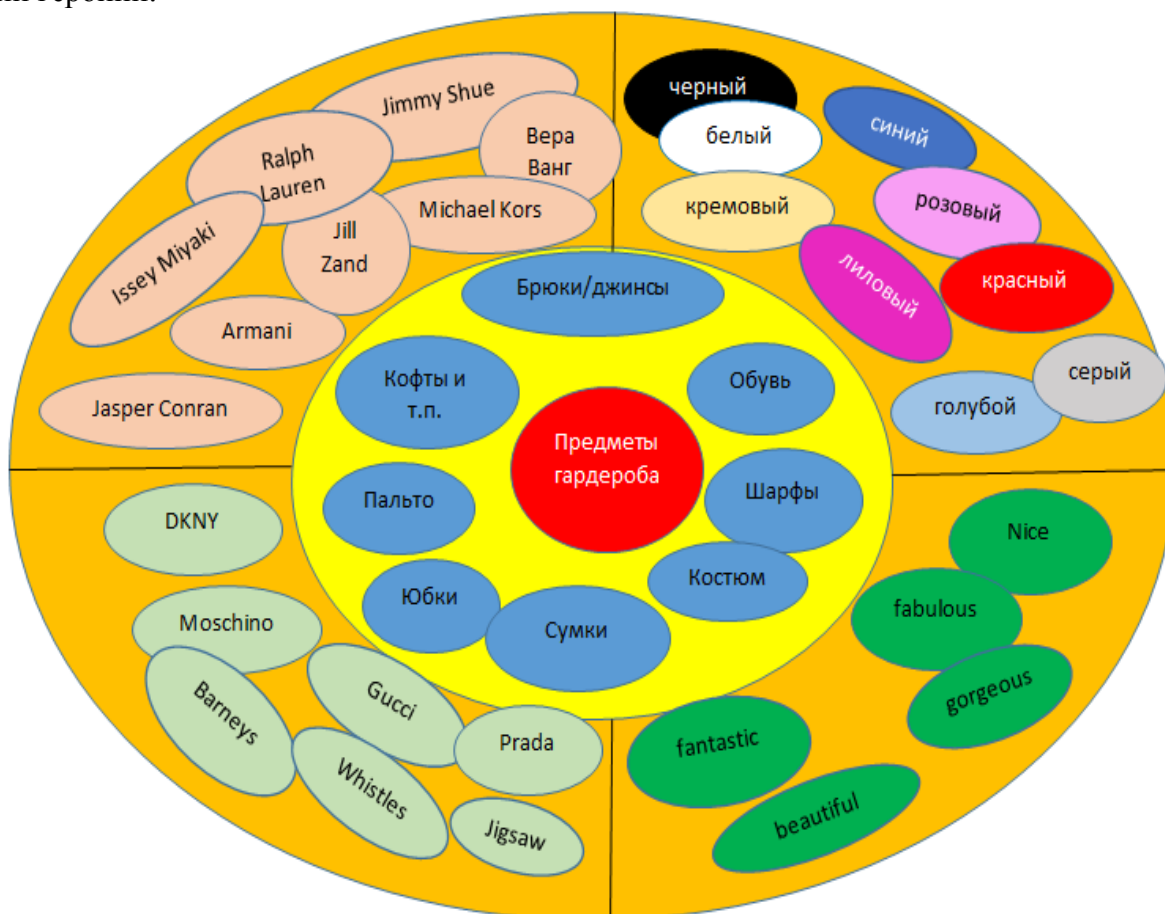

Схема 2 – Лексико-семантическое поле «Одежда» как отражение картины мира героини романа «Тайный мир шопоголика» (*Confessions of a Shopaholic*)

Таким образом, в данной статье был рассмотрен роман «Тайный мир шопоголика» (*Confessions of a Shopaholic*) Софи Кинселлы на русском и английском языках, на материале которого было составлено лексико-семантическое поле «Одежда», состоящее из микрополей языковых единиц, разных и одинаковых частей речи, объединенных между собой общим лексико-семантическим признаком и отражающих картину мира шопоголика.

Список литературы

1. Ив Сен-Лоран: 15 цитат великого кутюрье о стиле и о женщинах [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/lady4lady/iv-senloran-15-citat-velikogo-kutiure-o-stile-i-o-jenscinah--5ab52cf100b3dd7b19aec1a7> (дата обращения: 25.08.2022).
2. Кинселла С. Тайный мир шопоголика. [Электронный ресурс]. URL: <https://knigogid.com/books/love-/sovremennye-ljubovnye-romany/2787-sofi-kinsella-tainyi-mir-shopogolika.html> (дата обращения: 5.07.2022).
3. Эгамназаров Х.Х. О понятии лексико-семантического поля в лингвистике // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – 2018. – № 1. – С. 185-189.
4. Kinsella S. Confessions of a Shopaholic. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/Kinsella_Sophie/Confessions_of_a_Shopaholic.html (дата обращения: 15.07.2022).

10.02.04

Н.А. Сигачева, А.Н. Махмутова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
кафедра иностранных языков,
Казань, nsigacheva@mail.ru, Alsu.03@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНВЕРСИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

В исследовании рассматриваются и анализируются главные функции инверсий в научных текстах на английском языке, выявлены причины и цели их использования, определена роль исследуемых языковых средств, представлены рекомендации для их корректного употребления с целью полноценного понимания научных трудов.

Ключевые слова: *английский язык, инверсия, научный стиль, порядок слов, грамматический строй.*

Английский язык является международным средством общения в научной сфере, при этом растет потребность в корректном восприятии языка для анализа и изучения исследовательской литературы и в высоком уровне владения им для участия и выступлений на научных форумах. В то же время нельзя не отметить важность средств усиления экспрессивности высказывания для эффективной реализации поставленной задачи.

Степень изученности данного вопроса современной наукой достаточно глубока и привлекает внимание многих лингвистов, в том числе И.В. Арнольд, Л.С. Бархударова, И.Р. Гальперина, Г.Б. Поспеловой, А.И. Смирницкого [1; 2; 3; 4; 5]. Однако существуют некоторые аспекты использования средств усиления экспрессивности в научных текстах, исследованные в недостаточной степени. В процессе исследования использовались методы анализа и синтеза исследовательской литературы, классификации и систематизации описания примеров.

Вопрос о порядке слов в английском языке является важным. Структура данного языка, его типология, грамматические правила и традиции, сформированные и развивающиеся в процессе истории определяют порядок слов. Английский язык характеризуется аналитическим способом связи слов в предложениях, то есть язык отличается грамматическим строем, при этом слова связаны между собой с помощью определенного порядка слов в предложении [2]. Известно, что прямой порядок слов употребляется чаще чем инверсия в письменной и разговорной речи английского языка.

Учёными рассматриваются разные подходы к определению термина инверсия. И.В. Арнольд определяет инверсию как изменение нормативного порядка слов в предложениях. Как результат, по мнению ученого, выделенный элемент приобретает особую эмоциональность и экспрессивность [1]. А.И. Смирницкий согласен с утверждением И.В. Арнольд, что инверсия проявляется как отклонение от прямого порядка слов, и вносит наиболее яркий эмоциональный окрас высказыванию [5]. Ученый выделяет несколько случаев использования инверсии и утверждает, что различные типы инверсии могут привносить тот или иной эмоциональный и стилистический оттенок в предложении и изменять смысловую нагрузку. Лингвисты считают, что изменять порядок слов невозможно случайным образом, существуют определенные правила по возможному размещению слов. Рассмотрим некоторые функции и причины использования инверсии в монографии Дэвида Кристала «Язык и Интернет» [6].

Инверсия помогает связать части, добавляет логичность, даёт сразу пояснить нужную информацию. *With such an enormous range of topic and purpose, the chief linguistic issues here*

must be whether the Web can be said to have any coherence, as a linguistic variety, and whether it is possible to make useful or valid generalizations about its use of language at all. (При таком огромном разнообразии тем и целей главные лингвистические вопросы здесь должны заключаться в том, можно ли сказать, что Веб обладает какой-либо связностью как лингвистическое разнообразие, и можно ли вообще делать полезные или обоснованные обобщения об использовании им языка).

Инверсия делает акцент на нужной части, создает вопросительную интонацию для привлечения внимания. *How many of these developments will become a permanent feature of the language it is impossible to say.* (Сколько из этих разработок станут постоянной особенностью языка, сказать невозможно).

Инверсия выделяет подчиненный статус одной части, предопределенность следующей. *Because of the way packets of information are sent electronically through different global routes, between sender and receiver, it is even possible for turn-taking reversals to take place, and all kinds of unpredictable overlaps.* (Из-за того, что пакеты информации передаются электронным способом по различным глобальным маршрутам между отправителем и получателем, возможны даже развороты по очереди и всевозможные непредсказуемые совпадения).

Инверсия с использованием герундия акцентирует внимание на условии действия. *Disregarding the differences between Internet situations, in Tables 2.3 and 2.4, and looking solely at the cells in terms of 'yes', 'variable', and 'no', it is plain that Netspeak has far more properties linking it to writing than to speech.* (Игнорируя различия между ситуациями в Интернете в таблицах 2.3 и 2.4 и рассматривая ячейки исключительно с точки зрения "да", "переменная" и "нет", становится ясно, что Netspeak обладает гораздо большим количеством свойств, связывающих его с письмом, чем с речью).

Инверсия акцентирует читателя на частотности действия. *Often have these users examined differences between...* (Часто эти пользователи исследовали различия между ...). Инверсия используется для связи двух частей и создания контраста между ними. *The first electronic media appeared in the early 20th century, but not until the end of 20th century did we realize the importance of them.* (Первые электронные носители информации появились в начале 20 века, но только в конце 20 века мы осознали их важность).

Инверсия служит для усиления путем использования риторического вопроса для привлечения внимания. *How do people express textually the emotion they feel? Obviously, in virtual worlds, there are commands which allow people to express textually the emotion they feel.* (Как люди выражают эмоции в письменном виде, которые они испытывают? Очевидно, что в виртуальных мирах существуют команды, которые позволяют людям выражать текстуально эмоции, которые они испытывают).

В следующем случае исследуем такой тип инверсии, который встречается чаще всего и на первое место ставится обстоятельство. Такая инверсия указывает на связь, говорит о непрерывности и логичности высказываний, способствует удержанию внимания читателя. Этого эффекта можно достигнуть, разбивая подлежащее и сказуемое. Кроме того, вводится поясняющая информация. *Really, writing in the electronic medium, people often adopt conventions of oral and written discourse to their own, individual communicative needs.* (Действительно, в процессе написания текста в электронной среде, люди приспособляют условности устного и письменного дискурса к своим собственным, индивидуальным коммуникативным потребностям).

В некоторых случаях акцент делается на предикат, так как он стоит перед подлежащим. Несмотря на точку в конце предложения, инверсия образует вопросительную интонацию. Плавность высказывания нарушена противоречием между порядком слов и вопросительной интонацией, обращая внимание читателя обратить на смысл текста. *In such ways, and by making such assumptions, will people make sense of all kinds of superficially bizarre contributions to conversations.* (Таким образом и делая такие предположения, смогут ли люди понять все виды внешне причудливых высказываний в разговорах).

Инверсия может использоваться также в сложных предложениях, при этом на первое место ставится придаточная часть. Таким способом выделяется подчиненный статус придаточного предложения и предопределяется следующая часть. Данная инверсия чаще характерна для причинно-следственных предложений. *Given the speed of technological change, doubtless new situational variables will emerge which will make any attempt at classification quickly outdated.* (Учитывая скорость технологических изменений, несомненно, появятся новые ситуационные переменные, которые быстро сделают любую попытку классификации устаревшей).

Дальнейший анализ исследуемого текста показал, что инверсия, являясь характерной чертой художественного текста, также используется авторами научных исследований с различными целями. Выявлено 186 случаев использования инверсии автором монографии, при этом наиболее часто встречаются случаи частичной инверсии при построении вопросительного предложения – 52 случая (28%); инверсия с определительным уточняющим словом, ограничительной или отрицательной частицей – 48 случаев (25,8); инверсия когда более значимые слова ставятся на первое место – 36 случаев (19,4), инверсия, когда на первое ставятся обстоятельства – 27 случаев (14,5); инверсия с устоявшимися оборотами – 14 (7,5) и 9 (4,8) случаев инверсии для устранения дисбаланса между сказуемым и подлежащим.

Таким образом, инверсия как эмфатическая конструкция играет значительную роль в научном языке, усиливая экспрессивность в научных текстах и способствует точной передаче информации исследователям, положительно влияя на его восприятие. При этом, важно корректно использовать данную языковую конструкцию учитывая правила её употребления.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник / И. В. Арнольд. — 13-е изд., стер. — Москва: ФЛИНТА, 2016. — 384 с. — ISBN 978-5-89349-363-4. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/84578> (дата обращения: 16.09.2022). — Режим доступа: для авториз. пользователей.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода Изд. 6. URSS. 2021. 240 с. ISBN 978-5-9519-2112-3.
3. Гальперин И.Р. // Galperin I.R. Стилистика английского языка: Учебник // English Stylistics. (In English) Изд. стереотип. URSS. 2018. 336 с. ISBN 978-5-397-06237-4.
4. Поспелова Г.Б. Характеристики научного стиля в английском языке // Иностранные языки: теория и практика. – 2012.– №2.– С. 8-14.
5. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М.: Едиториал УРСС, 2019. – 294 с. Серия: Из лингвистического наследия А.И.Смирницкого
6. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge University Press. – 2012. –URL//<https://www.cambridge.org/core/books/language-and-the-internet/25A063BB182BF1582C6876B83DDCEE7A> (дата обращения: 23.09.2022)

10.02.04

С.Н. Степура канд. филол. наук

Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Школа Базовой Инженерной Подготовки,
Отделение иностранных языков,
Томск, stepura@tpu.ru

АВТОРСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ КАК МАРКЕРЫ ИДИОСТИЛЯ ДЖ. ДЖОЙСА В РОМАНЕ «ULYSSES»

В статье рассматриваются эстетически маркированные лексические единицы в модернистском романе Дж. Джойса «Улисс». Актуализированные средства создания текста, формирующие идиостиль писателя, представлены по классификации А.Я. Флоря. Выделены маркеры индивидуального стиля Джойса – новообразованные слова-композиции.

Ключевые слова: *Дж. Джойс, «Улисс», идиостиль, маркеры, авторские новообразования, слова-композиции.*

Лингвокреативная деятельность ирландского писателя Дж. Джойса по своим масштабам превосходит творчество большинства писателей первой половины XX в. Его модернистский роман «Улисс» (1922) обладает специфическими чертами произведений постмодернизма, благодаря чему способен демонстрировать все соответствующие им средства текстообразования разных уровней языка: лексико-семантических, графических, фонетических, культурно-значимых и др. Наличие базовых характеристик постмодернизма, таких, как смешение жанров и стилей; игровое освоение культурного наследия; стилизация, монтаж и мн. др. неизбежно ведет к поиску новых художественных средств, результат которого зависит от языковой личности, создавшей текст, его вербальных ассоциаций и мировоззрения. Процесс «реализации различных системных элементов индивидуального языка в литературном тексте» базируется «на сознательном выборе стилистических инструментов речевого выражения», являющихся составной частью идиостиля [1, с. 27], который понимается нами как совокупность формальных и содержательных лингвистических характеристик [5]. При их изучении следует обращать внимание на те базовые позиции, которые актуализированы автором в конкретном произведении. Идиостиль охватывает много аспектов, но в рамках данного исследования рассматриваются языковые средства, которые часто предстают как отклонения от языковой нормы. Они определяются как новообразования или неологизмы, т.к. являются «стилистически маркированными словами <...>, употребление которых сопровождается эффектом новизны» [4]. Их также называют окказионализмами, авторскими аномалиями (А.Г. Лыков, О.А. Габинская, Н.Г. Горбунова) и предлагают их разные интерпретации. Однако наиболее полная классификация новых слов представлена А.Я. Флоря: *собственно потенциализмы; потенциальные слова, имеющие номинальных авторов; авторские неологизмы; авторские новообразования; системные окказионализмы; собственно окказионализмы и «заумные» лексемы и квази-лексемы* [6, 2]. Использование данной классификации при описании новообразований Джойса определяет научную новизну исследования. При этом *потенциализмы* (создаются по продуктивным моделям) и *потенциальные слова* (авторы легко устанавливаются) не рассматриваются.

Авторские неологизмы формируются с помощью продуктивных моделей, характеризуется сходством с общезыковым неологизмами. Отличие: вводятся частными лицами (н-р, писателями): **Meatfaced** woman [7, p. 30], noun+adj. (мяснолицей зазнобы) [3 с. 35]; **Goldskinned** men [7, p. 31], noun+adj. (златокожие люди) [3, с. 37]; **Shellcocoacolooured** [7, p. 42], noun+noun+adj. (цвета шелухи от бобов какао) [3, с. 50]; **Blackspectacled** face [7, p. 113], noun / adj. + adj. (в темных очках лицо) [3, с. 133]; **nuchtreaured** [7, p. 300],

adv.+past part. (древняя и бесценная) [3, с. 358]; **glittereyed** [7, p.165] (Блескоглазый, святоокий) [3, с. 196]. Приведенные выше примеры состоят из двух и более лексем, сформированы по языковой модели, уже существующей в языке – с помощью суффикса **-ed** они образуют причастие пр.вр. (также по форме соответствуют прилагательным). **Loudlatinlaughing** [7, p. 39], adj.+adj./noun+pres.part. (громопокатываясь с латиносмеху) [3, с. 46]; **thickplotting** [7, p. 31], adj.+pres. part. (зреют замыслы) [3, с. 37]; **peacocktwittering lashes** [7, p. 45], noun+pres. participle (павлиньих подрагиванье ресниц) [3, с. 54]. Представленные композиты принимают форму причастия настоящего времени; сформированы с помощью суффикса **-ing**.

«The boys **sixeyed** Father Conmee and laughed» [7, p. 197], verb form: numeral/noun+verb-**ed** («Мальчуганы, шестиглазая на отца Конми, засмеялись») [3, с. 235]. «He <...> **welshcombed** his hair» [7, p. 113], verb form: adj./noun+ verb-**ed** («Он <...> причесался по валлийскому способу») [3, с. 133]. Слова-композиты, состоящие из числительных и существительных или глаголов, не являются языковой нормой, но по желанию автора принимают форму глагола прошедшего времени. В следующих примерах сложные слова, состоящие из двух существительных, при необходимости принимают форму существительного мн.ч. (**-s**), что уже входит в само понятие продуктивной языковой модели: «his old **plumeyes** rolling about» [7, p. 299], noun+noun («глаза <...>, что сливы») [3, с. 357]; «Her **wolfeyes** shining» [7, p. 397], noun/adj.+noun. («ее волчьи глаза горят») [3, с. 477].

Авторские новообразования ближе к окказионализмам; придуманы художниками слова по продуктивным моделям для определенного контекста. Требуют немного фантазии, не противоречат системе языка: «**A sudden-at-the-moment-though-from-lingering-illness-often-previously-expectorated-demise**» [7, p. 127] – «Внезапная-в-тот-миг-хотя-и-от-продолжительной-болезни-нередко-заранее-предполагаемая-кончина» [3, с. 150]. Голофрастическая конструкция – слово, сформированное из крупных синтаксических отрезков. Подобные словарные единицы создают возможности для переосмысливания той информации, что заключена в них через «нарушение первичного течения текста» благодаря эффекту неожиданности. **Secondhand** – **secondleg** [7, p. 6] (купили с рук – с ног) [3, с. 8]. Продуктивная модель **secondhand** (подержанный, из вторых рук): adj.+noun – second+hand. С её помощью формируется другое слово, которое не противоречит системе, понятно носителю языка – **secondleg** (вторая нога): adj.+noun – second+leg (речь идет о подержанных брюках, «с чужой ноги»).

Системные окказионализмы образованы по малопродуктивным моделям (каламбур и обратное словообразование), но вполне прогнозируемы, например: «*A concave mirror at the side presents to him lovelorn longlost **lugubru Booloohoom***» [7, p. 391] (Вогнутое зеркало сбоку являет ему любвенесчастливого забропокинутого **угугугрюмого Буфлуффума** [3, с. 471]). **Lugubru** – сокращение от прилагательного **lugubrious** (мрачный, печальный, траурный). Использованное в пятнадцатом эпизоде, оно переняло логику словообразования или, скорее, искажения, от другой формы прилагательного, которое впервые появилось в одиннадцатом эпизоде: **Lugugubrious** [7, p. 255] (**Угугугрюмые** [3, с. 304]). Ситуация с именем героя аналогична: в данном примере это **Booloohoom**, четырьмя эпизодами ранее – **Bloowho** [7, p. 231] (**Блукто** [3, с. 276]). Придумывание новых слов расширяет их выразительные движения или трансформации. **Lugubru** является примером обратного словообразования, **Booloohoom** и **Bloowho** – каламбуром.

Собственно окказионализмы мало предсказуемы, создаются писателем «по случаю», не входят в общенациональный язык, например: слово из пятнадцатого эпизода – **philirenist**: «Struggle for life is the law of existence but human philirenists, notably the tsar and the king of England, have invented arbitration» [7, p. 507] (Борьба за жизнь есть закон существования, но теперешние **филиренисты**, в особенности царь и английский король, придумали третейский суд [3, с. 578]). Данная лексическая единица состоит из двух греческих слов: **philo-** (любитель/поклонник/друг) и **eirene** (мир), образовалось существительное со значением *сторонник мира/миролюбивый*.

«Заумные» лексемы или квази-лексемы: «What proposal did Bloom, **diambulist**, father of Milly, somnambulist, make to Stephen, noctambulist?» [7, с. 600] (Какое предложение сделал ноктамбулическому Ствену диамболический Блум, отец сомнамбулической Милли?) [3, с. 681]. **Diambulist** – существительное, обозначающее человека, который гуляет днем в противоположность словам *noctambulist* (лунатик, ночной бродяга) и *somnambulist* (сомнамбула). Или другой пример: «Horseness is the whatness of all-horse» [7, p. 166] (Лошадность – это чтойность вселoшади) [3, с. 197]. Квази-лексемы демонстрируют роль грамматической формы в языке, обладают игровой функцией.

Так, классификация А.Я. Флоря охватывает почти все разновидности новообразований Джойса. Однако у автора «Улисса», как и у любого другого писателя, есть свои «эстетические предпочтения» [5] – слова-компози́ты. В самом романе эта категория лексических единиц находится в преобладающем большинстве, в ней заложена многозначность и невозможность передать понятие, мысль или образ в одном слове. Создание новых слов как яркий маркер творчества Джойса выходит на «область» бесконечно усложняющихся значений [2], когда смысл каждого отдельного слова выходит за его пределы. Маркерами идиости́ля Джойса являются его новообразованные слова-компози́ты.

Список литературы

1. Богданова Е.В. Идиолект Мигеля Делибеса в его произведениях дневникового жанра: опыт лингвистического исследования: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2015. – 207 с.
2. Горбунова Н.Г. Языкотворчество Дж. Джойса: словообразовательный аспект: На примере романа «Улисс»: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2005. – 204 с.
3. Джойс Д. Улисс. Пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. – СПб.: Азбука-классика, 2009. – 992 с.
4. Попова Т.В. Русская неология и неография. Учебное электронное текстовое издание. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ–УПИ, 2005. – 96 с.
5. Самарская Т.Б., Поздеева Т.В. Языковые средства создания идиости́ля. Научный журнал КубГАУ. № 116 (02). 2016. – С. 1-10.
6. Флоря А.В. К вопросу о русской неологии. Вестник Оренбургского государственного университета. № 2. 2000. – С. 4-8.
7. Joyce J. Ulysses. Wordsworth Editions Limited. 2010. – 682 p.

10.02.04

Л.Ю. Хафизова, Е.Е. Царева

ФГБОУ ВО Казанский национальный исследовательский технологический университет,
Казань, leis22@mail.ru, cetinas@mail.ru

ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ АДВЕРБИАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ МЕСТА И ЦЕЛИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена решению вопроса определения обстоятельственных адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках со значением места и цели. В работе предпринята попытка решения проблемы определения критериев выделения обстоятельственных адвербиальных фразеологических единиц места и цели, что в свою очередь поможет внести значительный вклад в создании двуязычных и многоязычных словарей. Актуальность работы заключается в недостаточном научном освещении определения адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках. Проведен анализ примеров определения изучаемых фразеологических единиц.

Ключевые слова: обстоятельственные адвербиальные фразеологические единицы, обстоятельственные места и цели, семантика, сравнительный анализ, фразеологизмы.

Как отмечает А.В.Кунин, данные фразеологические единицы «... не характеризуют действие с качественной стороны, а обозначают обстоятельства, условия, в которых совершается действие, т.е. нечто внешнее по отношению к действию» [1,2,4,5]. Обстоятельственные ФЕ достаточно разнообразны по своей семантике, однако их можно распределить по следующим основным группам: ФЕ со значением причины, времени, места, цели и обстоятельства совершения действия.

Адвербиальные ФЕ со значением места (13% в английском и 11% в русском языке) выполняют в предложении функцию обстоятельства места и обозначают пространственные признаки. Данная группа фразеологизмов достаточно полно представлена в обоих языках: «here, there and everywhere» - «повсюду», «in /under/ the shadow of smth» - «вблизи чего-либо, поблизости от чего-либо», «on the kerb» - «на улице, под открытым небом (о сделках, которые совершаются не в здании биржи)», «over there» - «в Европе; в Европу», «up hill and down dale» - «по горам по долам, повсюду», «from John o’Groat’s to Land’s End /from Land’s End to John o’Groat’s/» - «с севера до юга (или с юга до севера) Англии, с одного конца страны до другого», «at the end of the earth /at the end of the world, at world’s end» - «на краю света», «у черта на куличках /на рогах/» - «очень далеко, в отдаленных, глухих местах (быть, жить, селиться и т.п.)», «там и сям» - «в разных местах, во многих местах, повсюду», «то там, то тут» - «то в одном, то в другом месте», «на лоне природы» - «вне города, в лесу, в поле и т.п.», «куда Макар телят не гонял» - «очень далеко, в самые отдаленные места (выслать, загнать, попасть и т.п.)».

You had them all the time -- you trailed me round -- you bloody filthy lying bastard -- you poked my head into every shit-bin in Bristol -- you led me up hill and down dale till my feet were dropping off -- you made me steal some people's boat (Gate-crashing the dream party. Leonard, Alison)

You can give' em three thousand a year to er in total to anybody you've got all the exemptions like two hundred and fifty pound in any one gift erm and you've got things like five thousand pounds on marriage of a child that you can give, and all these add up little cumulative bits here there and everywhere which helps you to dispose of an estate. (British National Corpus)

Серые замшелые ущелья. Бедные и грязноватые домишки горцев, слепившиеся, как птичьи гнёзда. Но всё-таки — горы?! . Там и тут теснятся их жёлтые от солнца вершины. Горы. Горы. Который год бередит ему сердце их величавость, немая торжественность — но что, собственно, красота их хотела ему сказать? зачем окликала? (Владимир Маканин. Кавказский пленный)

Сейчас его нам приведут побритого, помытого, постриженного, в новом костюме с галстуком, и повезём мы его в крейковский ресторан. — Он засмеялся. — Действительно, чёрт знает, где это ещё может быть? (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей)

На основе анализа примеров, делаем вывод о том, что в английском языке имеется ограниченное количество адвербиальных ФЕ, характеризующихся национально-культурной спецификой и детализирующих конкретное географическое положение («в Европе», «с севера до юга или с юга до севера Англии»- from Land's End to John o'Groat's и т.д.).

Адвербиальные ФЕ со значением цели (7% в английском и 5% в русском языке) также имеют широкую семантику, поскольку номинируют различные понятия: «for kicks» - «ради удовольствия; для забавы; = из любви к искусству», «on purpose» - «с целью, нарочно», «on the off-chance» - «в надежде, на всякий случай», «для отвода глаз» - «чтобы отвлечь внимание от чего-либо, ввести в заблуждение, обмануть», «для очистки совести» - «в оправдание себя, своих поступков, чтобы потом не жалеть о чем-либо, не раскаиваться в чем-либо», «на счастье» - «чтобы повезло кому-либо».

The great spread of drug-taking among the young during this time can also be seen either as 'doing it for kicks' or looking for a road out of materialistic culture. (Enemy territory: the Christian struggle for the modern world. Walker, Andrew.)

I sat there with my elbows on the table. Fancy hitting me with this. After the day I'd had at work. You'd almost think she did it on purpose. (Nudists may be encountered. Scott, Mary.)

Для очистки совести я спросил, не знает ли она, когда Сонька собиралась вернуться, но она, как и следовало ожидать, только руками развела. (Вера Белоусова. Второй выстрел)

Тогда его именовали заводом пластмасс и, видимо, чтобы ввести в заблуждение шпионов, для отвода глаз выпускали пластмассовую игрушку-неваляшку. (Н. В. Радулова. Неваляшка с секретом)

Просто так получилось, что у нас обеих проблемы, и твоя проблема — это я. (Андрей Геласимов. Ты можешь)

Таким образом, адвербиальные фразеологизмы в большинстве своем являются яркими и выразительными языковыми единицами как в английском, так и в русском языке. Для них характерны общность выражаемых понятий, в обоих языках выделены одинаковые группы обстоятельственных ФЕ места и цели и выделены критерии их определения. Уникальность адвербиальных фразеологических единиц, неповторимых по образу и выражению определяет специфику и уникальность двух языков [3,6,7,8].

Список литературы

1. Зиннатуллина Л.М. Безэквивалентные адвербиальные фразеологические единицы в английском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5-1 (59). С. 82-85.
2. Зиннатуллина Л.М., Хафизова Л.Ю., Царева Е.Е. Комбинированное варьирование адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском // Казанская наука. 2021. № 9. С. 74-77.
3. Зиннатуллина Л.М. Национально-культурная специфика адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках // Litera. 2020. № 8. С. 72-79.
4. Зиннатуллина Л.М., Сунцова М.С. Механизм создания расширенной метафоры с адвербиальными фразеологическими единицами // Казанская наука. 2020. № 6. С. 57-59.
5. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка /А.В.Кунин. – М.: Высшая школа, Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381с
6. Фахретдинова Г.Н., Дулалаева Л.П., Зиннатуллина Л.М., Царева Е.Е., Важность развития трансверсальных компетенций в системе высшего образования стран Евросоюза / Тенденции развития науки и образования. 2020, т.58, в.8, с.30-33.
7. Tsareva E.E., Fakhretdinova G.N., Zinnatullina L.M., Dulalaeva L.P. Competences in Engineering Education in the European Union Педагогические науки. 2020. Т. 2. С. 15.
8. Юздова Л.П. Адвербиальные качественные фразеологизмы как средство отражения русской языковой картины мира /Л.П.Юздова // Вестник Челябинского гос. ун-та. – Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2009. - № 17 (155). Филология. Искусствоведение. Вып. 32. – С. 119-123.

10.02.04

Л.И. Шадаева

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
кафедра иностранных языков №1,
shadaeva@mail.ru

ОСНОВОПОЛАЮЩАЯ МЕТАФОРА В АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ А. ЛИНКОЛЬНА

В работе анализируется аргументативный дискурс А. Линкольна как логический тип аргументации, который направлен на интерпретацию тезиса в рамках вновь созданной ценности в картине мира адресата. Для изучения дискурса А. Линкольна мы рассмотрели трансформации библейских метафор, которые определили в дальнейшем политику США.

Ключевые слова: *аргументация, логический, метафора, прагматический, ценность.*

Коммуникация, несомненно, является социальным процессом, поскольку обязательной составляющей является взаимодействие собеседников. Так, Е.Ф. Тарасов отмечает, что «речевые действия совершаются в структуре специфической деятельности – в структуре социального взаимодействия» [3, с.144]. В политической жизни с ее реальной борьбой за власть, манипуляцией фактами и мнениями, столкновением интересов, можно наблюдать целый спектр речевых стратегий. Изучение дедуктивных умозаключений в политическом дискурсе в рамках когнитивной парадигмы позволяет понять не только то, ЧТО говорят политики, но и то, КАК они это делают.

В отличие от логической схемы аргументации, где аргумент – это демонстрация истинности логического вывода, в рамках когнитивного подхода аргумент – это текст/дискурс, изменяющий модель мира реципиента таким образом, чтобы повлиять на процесс принятия им решений. «Аргументативный дискурс является формой социальной практики в социальнокультурном контексте, поскольку она направлена на другого человека или других людей» [1, с. 84].

Одним из механизмов изменения модели мира человека А. Н. Баранов и В. М. Сергеев (1988) признают ценностные категории, через которые происходит онтологизация знания в аргументативном способе организации дискурса. В этом случае основное правило аргументирования сводится к следующему: обсуждаемый тезис трансформируется таким образом, чтобы степень его соответствия / несоответствия актуализированной ценности становилась совершенно очевидной. Последнее позволяет слушающему произвести оценку тезиса говорящего. С другой стороны, трансформирование обсуждаемого утверждения в сторону его соответствия ценностным представлениям (одному или нескольким) дает возможность говорящему выдвинуть в процессе аргументации собственный тезис.

Указанные А. Н. Барановым и В. М. Сергеевым правила аргументации легли в основу типологии аргументации. Авторы выделяют логическую, или рассудочную аргументацию, диалектическую, порождающую и эмоциональную аргументации. Все выделенные типы аргументации непосредственно связаны с онтологизацией нового знания, однако характер этой связи меняется при переходе от одного типа аргументирования к другому. Логическая аргументация направлена на переинтерпретацию тезиса в рамках заданной ценности. Диалектическая аргументация предполагает использование актуализованных ценностных концептов и их иерархий. В этом случае онтологизация нового знания предшествует актуализации уже имеющегося знания. Порождающий тип аргументации предусматривает создание в сознании адресата новых ценностных категорий и их иерархий. Мы не рассматриваем эмоциональный тип аргументации, поскольку он требует специального детального исследования.

Для того, чтобы показать роль метафоры в аргументативном дискурсе А. Линкольна, возьмем фрагмент его высказывания из ежегодного отчета о проделанной работе в Конгрессе от 1 декабря 1862 года:

“We say we are for the Union. The world will not forget that we say this. We know how to save the Union. The world knows we do know how to save it. We — even here — hold the power, and bear the responsibility. In giving freedom to the slave, we assure freedom to the free - honorable alike in what we give, and what we preserve. We shall nobly save, or meanly lose, the last best hope of earth. Other means may succeed; this could not fail. The way is plain, peaceful, generous, just - a way which, if followed, the world will forever applaud, and God must forever bless” [4, p. 415].

Метафора *the last best hope of earth* является библейской, приведем контекст Библии для понимания данной метафоры: “For we are saved by hope: but hope that is seen is not hope: for what a man seeth, why doth he yet hope for?” [Romans 8, 24]. Данная метафора в контексте Библии олицетворяет собой такую ценность, как вера в Господа Бога на пути к спасению человечества. В контексте высказывания А. Линкольна метафора ‘*the last best hope*’ определяет американскую нацию как надежду на спасение всего человечества. Прилагательные ‘*last*’ и ‘*best*’ апеллируют к таким понятиям в картине мира языковой личности А. Линкольна, как избранность и исключительность американского народа.

Эпоха развития американского общества в 19 веке характеризуется приверженностью моральным принципам протестантизма, где вера в Господа Бога являлась основополагающей ценностью в картине мира рядового члена американского общества. В приведенном фрагменте А. Линкольн использует данное метафорическое высказывание в определении американской нации в качестве заключения к тезису ‘*We know how to save the Union*’. Он тем самым не только изменяет ценностную иерархию в картине мира адресата, но и создает в сознании американского народа новую ценностную категорию – его исключительную роль в мировой истории. Тем самым, А. Линкольн определяет этическую значимость американского народа для всего человечества. По определению О. Н. Алешиной, мы имеем метакатегориальный метафорический перенос $H \rightarrow O$, результатом которого стал переход неодушевленного существительного ‘*hope*’ в разряд одушевленного существительного – ‘*nation*’.

Мы можем наблюдать в дискурсе А. Линкольна наличие черт как диалектического, так и порождающего типов аргументации, что не противоречит избранному подходу изучения аргументации. Использование диалектической и порождающей аргументации, как отмечают А. Н. Баранов и В. М. Сергеев, предполагает обращение к логической аргументации. С одной стороны, диалектическая и порождающая аргументация обеспечивают необходимое согласование структур ценностей участников аргументативного дискурса и тем самым готовят почву для логической аргументации, а с другой – именно логическая аргументация непосредственно имеет влияние на процесс принятия решений [2, с. 30].

Так, если мы обратимся к логической схеме аргументации, то мы получим следующую структуру.

Данными в высказывании являются: *We say we are for the Union. The world will not forget that we say this. We know how to save the Union. The world knows we do know how to save it.* Основанием (аргументом): *We – even here – hold the power, and bear the responsibility. In giving freedom to the slave, we assure freedom to the free – honorable alike in what we give, and what we preserve.* Заключение: *We shall nobly save, or meanly lose, the last best hope of earth. Other means may succeed; this could not fail. The way is plain, peaceful, generous, just – a way which, if followed, the world forever applauds, and God must forever bless.”*

Как мы уже отмечали, логическая аргументация направлена на переинтерпретацию тезиса: ‘*We know how to save Union*’ в рамках заданной ценности. Этот тип аргументации предполагает моделирование ряда ментальных процедур прагматического характера: 1) установление соответствия между структурами ценностей участников; 2) сравнение обсуждаемого тезиса с актуализованным ценностным концептом; 3) оценка степени соответствия тезиса представлению о ценности; 4) экспликация значимости отстаиваемого тезиса.

Ментальные процедуры прагматического характера позволяют нам определить, во-первых, как происходит обеспечение интеграции нового знания в модель мира адресата, и во-вторых, как обеспечивается согласование “онтологизируемого знания” с уже имеющимися представлениями адресата о действительности [2, с. 21].

А. Линкольн, используя библейскую метафору ‘the last best hope of earth’ в качестве заключения, устанавливает тем самым соответствие между структурой ценностей своей картины мира и структурой ценностей в картине мира американского народа. Так как одним из основополагающих категорий общей картины мира эпохи А. Линкольна является вера в богоизбранность американской нации, процедура сравнения и оценка степени соответствия с актуализованным ценностным концептом завершается экспликацией значимости американского народа для всего человечества, а также получения им навечно благословения Господа Бога.

Таким образом, А. Линкольн переинтерпретировал тезис ‘We know how to save the Union’ в рамках ценности веры в богоизбранность американского народа, что соответствует процедурам логической аргументации. А. Линкольн отметил уникальность демократической системы своей страны для всего мира, заложив основополагающую метафору ‘the last best hope of earth’ в доктрине политики США.

Список литературы

1. *Баранов А.Н.* Аргументация в процессе принятия решений // Методы искусственного интеллекта в моделировании политического мышления. – М.: МГУ, 1990. – с. 84.
2. *Баранов А.Н., Сергеев В.М.* Когнитивные механизмы онтологизации знания в зеркале языка // Труды по искусственному интеллекту. – Тарту: ТГУ, 1988. – Вып. 793. – с. 21 – 39.
3. *Тарасов Е.Ф.* Статус и структура теории речевой коммуникации // Проблемы психолингвистики. – М., 1975. – с. 139 – 150.
4. *Lincoln A.* Annual Message to Congress. Speeches and Writings 1859-1865. – N-Y.: The library of America. – 1989. –Т. II: Speeches, Letters, and Miscellaneous Writings. Presidential Messages and Proclamations. – p. 393 – 416.

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

¹Р.С. Барсукова, ¹И.М. Габдулхакова, ²З.А. Мухаева, ³Л.Р. Исламова

¹Казанский государственный аграрный университет,
кафедра философии и права,

Казань, ramziy_kazan@mail.ru, ilsiar75@mail.ru,

²Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Лысьвенский филиал,

Лысьва, muhaeva@lf.pstu.ru,

³Казанский государственный аграрный университет,
кафедра иностранных языков,

Казань, liliyarustamovna@mail.ru

**МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ТАТАРСКИХ ГОВОРАХ
(НА ПРИМЕРЕ ГОВОРОВ СИБИРСКИХ ТАТАР)**

В данной статье рассматриваются особенности употребления мифологической лексики в татарских говорах, в частности в говорах сибирских татар. Мифологическая лексика в татарских говорах представлена множеством разнообразных наименований и их форм и фонетических вариантов. В исследовании приводятся описание данной семантической группы и сравнительный анализ с другими говорами татарского языка и некоторыми тюркскими языками.

Ключевые слова: тюркские языки, татарские говоры, говоры сибирских татар, духовная культура, лексика, связанная с мифологией, сравнительный анализ.

Как известно, в языке находят отражение все те социально-культурные, исторические процессы и явления, происходящие в ходе формирования народа. Особенно лексика языка выступает как показатель важнейших социально-исторических процессов. В то же время, с изменением социально-культурных условий жизни, лексические особенности претерпевает значительные изменения. Это выражается в выходе из употребления определенной части лексем и возникновении одновременно новых названий. В данной статье остановимся на одной из лексико-семантических групп, связанной с духовной культурой татарского народа. Мифология, мифологические персонажи, образы и явления, разные верования, старые народные поверья во все времена занимали особое место в жизни народа. Соответственно, эти факты не могли не найти отражение в языке, особенно богато представлены они в языке местного населения, проживающих в деревнях и селах. Нужно отметить, что мифологическая лексика в татарских диалектах и говорах представлена совокупностью разнообразных наименований и их форм и фонетических вариантов. На примере говоров сибирских татар остановимся на некоторые понятия и наименования мифологических персонажей. Само понятие «злой дух, черт, привидение, нечистая сила» передается несколькими названиями: *йел*, *йел-қус*, *йел-сәхмәт* (<*йел* - ветер + *сәхмәт* - злой дух), *теге қавым* (< *теге* тот + *қавым* – род, племя), *пәре*, *шайтан*, *чен*. Название *аурах* употребляется в двух значениях: 1) призрак, привидение; 2) душа, призрак живого человека, который якобы появляется в белом одеянии, т.е. с головы до ног покрытый покрывалом. Белое покрывало на призраке называют *пәргәнцег*. *Пәргәнцегкә төшигән геҗе* – так говорят о человеке, у которого душа появляется в белом одеянии (т.е. в образе призрака).

В других говорах татарского языка слово *бөркәнчек* обозначает головное покрывало (кас., заказ., приур., крш.), платок (тюм.). По поверьям местного населения, явление человеку призрака в белом покрывале предвещает скорую кончину кого-л. Слово *аурах* в разных фонетических вариантах встречается во многих говорах и языках: тат., башк. *өрәк*, чув. *ерех* – душа тела, душа умершего, тат., башк. *эрвах*, *арбак*, *әүрәк*, *эрүәк* – душа умершего, которая требует от живых внимания и жертвоприношений для себя (из ар. *эрвах* < мн.ч. слова *рух* – душа; душевный настрой) [1: 36, 37]. *Аурах йырту* – снять или сорвать покрывало с призрака. Когда срывают покрывало, якобы узнают лицо хозяина призрака и приговаривают такие слова: *йөс йәшә* – сто лет живи, *үсөң теләгенче йәшә* – живи, сколько хочешь и т.п. По поверьям, если удастся разорвать белое покрывало, то якобы этот человек будет долго жить. Название *цыпцых* – птица-невидимка (его узнают по пению или чириканью), которая предвещает, по поверьям, о скорой смерти кого-нибудь из членов семьи. Выражение *йән сахлавыц / йән сахлауыц* (< диал. *йән* - душа, дух + *сахлавыц* – хранитель) – душа, дух, хозяин человека, который якобы иногда покидает его, т.е. человек раздваивается, появляется в своем же образе. Например: *Игенче пулмәгә цыхсам, тахын ул ултрат* – Икенче бүлмәгә чыксам, тагын ул утыра – Захожу во вторую комнату, опять он сидит. Название *йерсуя* (< диал. *йер* – земля + *су* – вода + *йа* < *ия* – хозяин) – дух, хозяин земли, воды. Детям вечером запрещают шумно играть, бегать, чтобы не беспокоить хозяина земли, якобы не разбудить его. Слово *пәре* – тат. литер. *пәри* – безобразный на вид злой дух; черт, кикимора. Ср.: тадж., перс. *пари* – летающий дух женского пола. Ср.: удм. *пери* – чёрт, мар. *парий* – нечистая сила. См. также: [1: 40; 2]. *Соу пәре* (< *соу* - вода + *пәре* - черт) – злой дух реки, озера или черт, который обитает в воде. Если якобы его разозлить, разбудить при купании в реке или купаться ночью, он может унести человека под воду. В татарском языке известен образ *су анасы* – водяная. Название *атсыс мамы* (<диал. *атсыс* - без имени + *мамай* - тетя) – злой дух в образе женщины с седыми длинными распущенными волосами, который якобы живет в доме. По верованиям местных жителей *атсыс мамы* может иметь семью, детей. Название *алвасты* или *алпасты* употребляется в значении «злое крупное существо высокого роста женского пола». Ср.: тат., башк., чув., каз., ккалп., куман. *албасты*, ног., кум. *албаслы*, тркм. *албассы*, узб., уйг. *алваста* – домовый, ночной кошмар; дух, причиняющий боль при родах, рус. *албастый* – леший, мар. *алваста*, удм. *албасты* – существо огромного роста женского пола [1, 1981: 16; 2: 216]. Название *мәцгәй / мәцкәй* – оборотень, женщина-людоед, обжора. Такое существо якобы глазами высасывает из человека кровь. Ср.: тат. *мәчкәй*, башк. *мәскәй* – баба-яга, обжора [5:475]. *Пицен* – кикимора, черт в безобразном виде. Ср.: тат. *бичен*, *мичен* – баба-яга, общетюрк. *печин*, *мечин*, др.-тюрк. *bicin* – обезьяна, монг. *бич*, *мэч* – обезьяна.

По мнению исследователей, тат., башк. *мәчкәй*, *мәскәй* и др., как и *бичура*, *писура*, однокоренные с *бичен*, *мичен*, образованы от основы *мэч*, *мэс* / *бич*, *мич*, т.е. от монгольского варианта [Ахметьянов, 1981: 22]. Следующее наименование *асраил* употребляется в значении «ангел в образе мужчины», который якобы является человеку перед смертью, чтобы забрать его душу. Употребляется во всех татарских говорах. Ср.: тат. *газраил*, *азраил* – ангел смерти (заимствовано из Корана), мар. *азырен* – смерть (мифологическое существо), чув. *эсрел* – смерть (как существо в сказках). *Ут* – небольшой огненный шар в виде костра, который появляется в темноте и может гнаться за людьми. По верованиям, в образе огня может скрываться любая нечистая сила, и кто повстречается с ней, может погибнуть. Подобное существо известно в башк. *йалагай* – крылатый огненный змей [5: 83]. Словосочетание *сөрхөвәт йел* употребляется в значении «огромный огненный шар, злой дух». Кто попадает на него, тот через некоторое время якобы заболевает и скоропостижно умирает. Ср.: миш. д. *сурәбәт* – леший, кикимора, чув. *сурт* – домовый, кирг., алт. *сур*, башк. *һөр* – дух, душа (в мифологическом значении) [1: 41], сиб. д. *сөргөбәт* – полярное сияние, свечение зимой; дух огня [7: 191]. *Йелтигә / йелтигән* (<диал. *йел* – ветер + *тигә* – женщина) – баба-яга, оборотень женского пола. Ср.: алт. *желбәгән*, хак. *чилбиген* – чудовище-богатырь, крылатый богатырь, к.-балк. *эмеген* – чудовище женского пола, др. тюрк. *jäl* – злой дух [5]. Слово *пәрештә* (тат. фәрештә) – ангел с крыльями в образе птицы. По верованиям, чтобы не

обидеть ангелов, по пятницам (священный день мусульман) нельзя стирать, мыть полы, в раннее утро женщинам без платка заходить в туалет (т.к. ангелы пролетают по утрам). В противном случае *пәрештә* может сломать крыло, упасть и превратиться в *эштәхә* – дракона. Ср.: тат., башк. *фәрештә*, чув. *пиреште*, мар. *перешта* – ангел, перс. *паришта* – ангел; летящий дух (от глагола *паридан* – лететь) [1: 46]. Слово *пүче* – черт, нечистая сила, кикимора (на языке детей). *Кыйәмәт көн* – судный день. Образовано от ар. *кыйәмәт* – воскресение (судный день), светопреставление, день страшного суда. Ср.: чув. *хаямат*, мар. *киамат* – 1) день страшного суда; 2) посаженные отец или мать; кирг. *кыямат* – судный день. Данное слово бытует у кряшен в составе терминов родства по браку: *қыйаматлық* – посаженная мать, у мордвы-каратаев *кыйаматлык ән'у* – посаженная мать, *кыйаматлык әт'у* – посаженный отец.

Таким образом, описание и сравнительный анализ наименований, связанных с мифологией, показали, в первую очередь, что данная семантическая группа представлена большим количеством разнообразных наименований и их форм и фонетических вариантов; есть пласт лексики, которая характерна для всех говоров татарского языка; некоторые слова восходят к древнетюркскому языку; имеется ряд слов, общих для многих тюркских языков; а также выявлено большое количество специфичных диалектизмов, характерных только для говоров сибирских татар.

Список литературы

1. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.
2. Барсукова Р.С. Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении. Казань, 2004. 160 с.
3. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
4. Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар. Казань, 1996. 239 с.
5. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. Казан, 2009, 839 б.
6. Татар халык сөйләшләре. Икенче китап. Казан, 2008, 495 б.
7. Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992. 256 с.

*10.02.19***Д.В. Бобков, Г.Ф. Мратхузина, Э.А. Хабибуллина**

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра востоковедения, африканистики и исламоведения,
кафедра иностранных языков в сфере международных отношений,
Казань, gmratkhuzina@gmail.com

ПРАКТИКА СОСТАВЛЕНИЯ СБОРНИКА УПРАЖНЕНИЙ НА ЯЗЫКЕ ХИНДИ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ТАТАРСТАНСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА

В данном исследовании рассматриваются принципы составления сборника упражнений по курсу языка хинди, показаны возможность и необходимость регулярного иноязычного профессионально-ориентированного чтения в рамках учебного курса по хинди как средства повышения профессиональной компетенции будущего востоковеда-филолога. Рассматриваются задания, которые развивают и совершенствуют иноязычные коммуникативные навыки и умения студентов Казанского федерального университета с привлечением татарстанского регионального историко-культурного компонента.

Вследствие расширения связей с зарубежными странами в сфере экономики, политики, образования, перед руководством высших учебных заведений стоит задача подготовить специалистов, не только компетентных в своей профессиональной деятельности, но и достаточно грамотных в сфере иноязычного общения. В настоящее время одним из важных критериев оценки работы вуза является умение выпускников общаться на иностранном языке в профессиональном контексте, участвовать в интервью, международных конференциях, переговорах.

Ключевые слова: сборник упражнений на языке хинди, татарстанский региональный компонент, практика Казанского федерального университета.

Несмотря на очевидность необходимости профессионально-ориентированного иноязычного чтения в рамках курса, это требование по-прежнему трудно осуществимо из-за отсутствия соответствующих источников. Сборников упражнений, формирующих систему знаний, навыков и умений человека, обеспечивающих целесообразное использование языка хинди в целях общения, на сегодняшний день явно мало. Упражнения в учебниках, во-первых, немногочисленны, а во-вторых, далеко не в полной мере отражают возрастающие потребности общества, направленные на повышение профессиональной и коммуникативной компетенции. Решению данной проблемы может способствовать создание сборника упражнений по курсу языка хинди, который позволяет формировать у студентов как лингвистическую, так и коммуникативную компетенцию. При разработке материала для пособия авторы опирались на опыт составления аналогичных пособий, на работу учителей и методистов, отраженную ими в различных публикациях.

Важной проблемой теоретического и практического плана является проблема отбора и организации компонентов – они должны быть сгруппированы по разделам таким образом, чтобы облегчить студентам усвоение учебного материала, а преподавателям – организацию учебного процесса и самостоятельной работы. Безусловно, большинство упражнений построено на региональном материале. Например, монолог-топик по следующим темам: путешествие (туристические маршруты по Республике Татарстан и штатам Индии); праздники (Дивали, Холи, Сабантуй); страны (Россия, Индия); известные люди (Тагор, Джалиль); кино (история индийской и татарской киноиндустрии). Например, текст-диалог по темам: политика (индо-татарстанские интеграционные процессы); культура (индская цивилизация, русско-татаро-индийские параллели); языки (языковые заимствования и коммуникации в татарском и санскрите); искусство (взаимные влияния Поволжья и

Индостана); религия (православие и индуизм); кухня (татарская и индийская национальная еда); международные отношения (российско-татарстано-индийские контакты). [1, 2, 3, 4]

Следует отметить также, что в выборе отрывков имеется всегда известная доля произвола и субъективности составителя. Во избежание случайности и субъективности при составлении сборника упражнений следует строго придерживаться определенных принципов, среди наиболее важных принципов составления сборника упражнений по курсу хинди в системе профессиональной подготовки будущего востоковеда можно выделить следующие:

1. Принцип соответствия материалов, включаемых в сборник упражнений, целям и задачам обучения данному учебному предмету в данном типе учебного заведения или для самообразования.

2. Принцип профессионально-информативной значимости и новизны. Студента как профессионально-ориентированного читателя будет интересовать не вся информация в читаемых им материалах, а лишь та, которая будет обладать «потребительской ценностью».

3. Принцип учета межпредметных связей вытекает из принципов информативности и новизны. Курс языка хинди позволяет интегрировать и обобщить знания, полученные по различным дисциплинам, изучаемым в процессе подготовки востоковедов-филологов («Введение в языкознание», «История языкознания», «Общее языкознание», «История языка и введение в спецфилологию», «Стилистика», «Теоретическая грамматика», «Теоретическая фонетика», «Введение в теорию межкультурной коммуникации», «Лексикология», «Теория языка»).

4. Принцип функциональности заключается в том, что для составления сборника упражнений по языку хинди рекомендуются тексты, которые могут служить материальной основой для решения мыслительных и коммуникативных задач, предусмотренных учебной программой. Эти задачи соотносятся с функциями чтения как самостоятельного вида речевой деятельности (познавательной, ценностно-ориентационной, регулятивной и этикетной).

5. Принцип учета их коммуникативной/прагматической направленности, который заключается в акцентировании внимания на стилистической определенности текстов.

6. Принцип жанровой репрезентативности и видовой достаточности текстов с учетом того, какую функцию они выполняют: информативную, активизирующую, разъясняющую, контактивную.

7. Принцип от простого к сложному. 8. Принцип от общего к частному.

9. Принцип связи обучения с жизнью, теории с практикой, т.е. обеспечение демонстрации того, как изучаемый грамматический материал может быть использован в реальных условиях общения.

10. Принцип научности, т.е. пособие выполняется по структуре составления сборников.

11. Принцип преемственности, последовательности и систематичности обучения.

12. Принцип прочности результатов обучения: организация циклического усвоения грамматического материала, в процессе чего в каждом последующем цикле грамматический материал усложняется; обеспечение многообразия упражнений.

13. Принцип наглядности: использование образцов выполнения заданий, способствующего повышению мотивации учащихся в выполнении упражнения.

14. Принцип соответствия обучения возрастным и индивидуальным особенностям обучаемых студентов: учёт уровня знаний обучаемых.

15. Принцип доступности обучения при достаточном уровне его трудности: лексический материал, на основе которого строится грамматическое упражнение, должен быть усвоен учащимися и не создавать дополнительных трудностей при его выполнении. [5, 6]

Собранный материал, входящий в состав сборника упражнений по языку хинди, охватывает основные правила овладения хинди. Приведенные задания помогают студентам расширять активный словарный запас, грамотно формулировать свои мысли на языке хинди, развивать навыки монологической речи, участвовать в обсуждении поднимаемых проблем,

находить дополнительную информацию в справочных изданиях, специализированных журналах. На последующих этапах обучения это помогает им принимать активное участие в публикациях в российских и иностранных издательствах, повышать свою компетентность в профессиональной деятельности.

Список литературы

1. *Mratkuzin D., Mratkuzina G., Khabibullina E., Bobkov D.* «Historical context of classification of multi-language structures in the modern Indian area», *Applied Linguistics Research Journal*, vol. 5, № 1, pp. 199-205, 2021.
2. *Mratkuzin D., Saidasheva E.* «Hinglish as spoken English in India (Historical and Linguistic Aspects)», *Modern Journal of language teaching methods (ISSN: 2251-6204)*, vol. 7, № 9, pp. 62-65, 2017.
3. *Mratkuzina G., Valeev R., Bobkov D.* «Sanskrit Studies at the Kazan University: Origins and Prospects of Revival», *Man in India*, vol. 97, № 8, pp. 249-257, 2017.
4. *Khairutdinov R., Nalimova G.* «Information competence development on the basis of professional-oriented video materials», *European Research Studies Journal*, vol. 20, № 1, pp. 136-144, 2017.
5. *Khayrutdinov R., Karimov I.* «Development of science in the Republic of Tatarstan», *Journal of Sustainable Development*, vol. 8, № 7, pp. 99-106, 2015.
6. *Mrathuzina G.* «Russian Indology: Periodization, Science and Education Organization, Problematics and Specialization», *Journal of Sustainable Development*, vol. 8, № 4, pp. 15-24, 2015.

10.02.19

Н.И. Винокурова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
nadyavinokurova@mail.ru

ЧАСТНЫЙ ПАДЕЖ В ДОЛГАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматривается употребление частного падежа в долганском языке в сопоставлении с близкородственным якутским языком. Будет показано, что сфера употребления частного падежа в долганском языке шире, чем в якутском языке.

Ключевые слова: долганский язык, якутский язык, частный падеж, повелительное наклонение, императив.

Из всех тюркских языков частный падеж получил развитие только в долганском, якутском и тофаларском языках. Согласно мнению Убрятовой, в якутском языке частный падеж образовался из древнетюркского местного падежа. Возможность такого переосмысления падежной формы была подготовлена употреблением местного падежа в функции исходного в языке Орхонских надписей: например, ...*кабанта бәдизчи кәлүртим, бәдизтим* 'от [китайского] императора привел мастеров и поручил им выполнить резьбу'. Из данных Орхонских надписей известно, что суффикс местного падежа *-та* в значении исходного употреблялся с косвенным дополнением, но неизвестно, мог ли он оформлять прямое дополнение. Тем не менее Убрятова полагает, что поскольку исходный падеж сам по себе является одной из форм прямого дополнения, обозначающим часть от целого, а местный падеж выполнял многие функции исходного падежа, то такой путь развития представляется вполне вероятным [7, 126]. Что касается тофаларского языка, то Рассадин считает, что частный падеж в этом языке образовался из древнетюркского местно-исходного падежа с маркером *-да* [6, 190]. В современном тофаларском языке частный падеж в основном используется в повелительном наклонении. Имеется также местно-временной падеж, и суффиксы частного и местно-временного падежей совпадают: *-да, -та, -дэ, -тэ* [6, 123-125]. В языке долганского народа, сложившемся в результате взаимодействия разных этнических групп, также сохранился частный падеж, употребление которого будет рассматриваться далее в статье.

В отношении частного падежа в долганском языке можно отметить: во-первых, наличие простого и притяжательного склонений, что также характерно для якутского языка; во-вторых, глагольное сказуемое, объект которого выступает в частнопaдежной форме, может иметь не только форму императива, что является отличием долганского от якутского, поскольку в последнем частный падеж в основном ограничен рамками повелительного наклонения; в-третьих, существительное в частном падеже в притяжательном склонении обладает большей определенностью, чем в якутском языке. В якутском языке даже в притяжательном склонении прямое дополнение в частном падеже всегда остается неопределенным, тогда как в долганском языке такое дополнение носит лично-предназначительный характер и в силу признака принадлежности является определенным [1, 23, 61-62].

В первом примере [1, 63] показаны две первые особенности употребления частного падежа в долганском. Во всех примерах, приводимых в статье, будут использованы Лейпцигские правила глоссирования в их переложении на материал якутского языка [2]. Как видно, глагольное сказуемое не стоит в повелительном наклонении, а в форме будущего и настоящего-будущего времени.

(1) а. Үс **һырга-та** оңор-уок-пут.
три сани-част делать-буд-1мн

‘Сделаем трое саней.’

б. Икки ат **һырга-ты-на** биэр-э-бин.
два конь сани-3ед-част давать-наст-1ед

‘Даю двое саней (конных).’

В притяжательном склонении частный падеж в якутском языке употребляется очень редко и, в основном, в третьем лице, оформляя второе существительное изафетного словосочетания, [4, 144; 5, 25; 3, 83]. В долганском, наоборот, притяжательный частный падеж встречается довольно часто во всех трех лицах [1, 58].

(2) **Ап-пыт-ына** аһат-ыаг-ың. [1, 58]

конь-1мн-част кормить-имп-1мн

‘Давайте покормим коня (предназначенного нам).’

(3) **Чаай-гыт-ына** бэрс-ээр-иң. [1, 58]

чай-2мн-част поделиться-буд-имп.2мн

‘Чая (предназначенного вам)дадите потом.’

(4) Һир үс холотуой **от-у-на** бул. [1, 58]

земля три золотой **цветок-3ед-част** находить-имп.2ед

‘Найди три золотых цветка земли.’

Как отмечает Убрятова, тот факт, что частный падеж в лично-притяжательном склонении обладает лично-предназначительным значением, а также то, что прямое дополнение в частном падеже стоит при формах глагола, которые выражают предполагаемое действие, указывает на близость частного падежа в долганском языке винительно-назначительному падежу эвенкийского языка [7, 129]. Это мнение поддерживается и Артемьевым [1, 23].

Лично-предназначительное значение частного падежа особенно четко проявляется в примерах из языка норильских долган, приведенных в работе Убрятовой [7, 129].

(5) а. болоп-п-уна оңор
меч-1ед-част делать-имп.2ед

‘сделай меч для меня’

*‘сделай меч-мой’

б. танас-к-ына тигиэм
одежду-2ед-част шить-буд-1ед

‘сошью одежду для тебя’

*‘сошью одежду-твою’

Из форм глагола, которые выражают предполагаемое действие, можно также отметить условное наклонение, где также возможно появление частного падежа [1, 62-63].

(6) Өлбөт мөнө уу-та бул-лар...
бессмертный вечный вода-част найти-усл.3ед

‘Если бы нашел живой воды...’

Довольно редко частный падеж может сочетаться с глагольными формами, выражающими совершенное действие [1, 64].

(7) Таһаараттан **мас-та** киллэр-дэ.
с.улицы дрова-част занести-прош.3ед

‘Занес с улицы дров.’

Еще одним существенным отличием долганского языка от якутского является то, что частный падеж может выражать временное значение [1, 58].

(8) Үлэлээ-бит-им кыһыл чуум-ңа үс **дьыл-ла**.
работать-прош-1ед красный чум-дат три год-част

‘Проработала в красном чуме три года.’

(9) Үс **дьыл-ла** утуй.
три год-част спать-имп.2ед

‘Усни на три года.’

Таким образом, можно сделать вывод, что хотя имеются существенные отличия в употреблении частного падежа в долганском и якутском языках, основное значение части от целого, а также основная сфера употребления в повелительном наклонении, остается неизменным.

Список сокращений

1, 2, 3: первое, второе, третье лицо; буд: будущее время; дат: дательный падеж; ед: единственное число; имп: повелительное наклонение; мн: множественное число; наст: настоящее-будущее время; прош: прошедшее время; усл: условное наклонение; част: частный падеж

Список литературы

1. *Артемьев Н.М.* Категория падежа: системный анализ (на материале долганского и якутского языков): Монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 1994. – 142 с.
2. *Винокурова Н.И.* Глоссирование как метод репрезентации текстов в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – № 4 (17). – С. 85-99.
3. *Винокурова Н.И.* Употребление частного падежа в олонхо // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Изд-во «Грамота», 2017. – №10 (76). – С. 83-86.
4. Грамматика современного якутского литературного языка: в 2-х т. – М.: Наука, 1982. – Т. 1. – Фонетика и морфология. – 496 с.
5. Грамматика современного якутского литературного языка: в 2-х т. – Новосибирск: Наука, 1995. – Т. 2. – Синтаксис. – 336 с.
6. *Рассадин В.И.* Современный тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. – Элиста: Изд-во Калмыцкого университета, 2014. – 218 с.
7. *Убрятова Е.И.* Исследования по синтаксису якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2006. – 603 с.

*10.02.19***Е.В. Волкова**

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
факультет социотехнических систем,
кафедра иностранных языков в профессиональной коммуникации,
Казань, wolfkova@mail.ru

ФЕМИНИЗМЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ЯЗЫКА

В работе представлены результаты изучения лексики по теме феминизма. Показано социальное воздействие на развитие языка, формирование сознания и культуры индивида. Обозначено, что язык несет определенную социальную нагрузку, через язык загружаются определенные идеологические аспекты феминистского движения. Доказано, что новые витки в развитии указанного движения связаны с конкретными языками европейских стран. Предложен новый вектор в рассмотрении языка с точки зрения социальных процессов и общественных движений. Выявлена взаимозависимость между языком и идеологией и всплески феминизма под влиянием этой идеологии в определенных странах.

Ключевые слова: *гендерная флюидность, андрогинные феминистки, харассмент, мизогиния и бодишейминг, системная мизогония, амбивалентные отношения.*

21 век отличается тем, что в современном мире, повсеместно, идет борьба за переформатирование основных базисных духовно-нравственных ценностей. Появляется много разных радикальных общественных движений, отстаивающих права определенных групп. В данном исследовании мы хотим проанализировать толкование новых слов по мере развития феминистского движения, их происхождение, и их влияние на развитие общества и изменение языковой картины мира в целом. Феминистское движение возникло в Европе еще в 19 веке, а в наш век, похоже, находится на пике популярности. Социальные изменения во всем мире, бесспорно, ведут к изменениям в языках и появлению новых слов. [2] Эти изменения влияют на культуру человека, изменяют его языковую личность, подсознательно влияют на речевое поведение и расстановку жизненных приоритетов. [3] Анализ литературы по теме исследования выявил следующие изменения, которые происходят сегодня в языках мира. Вопросы актуализации феминистского движения и определения феминизма как явления в обществе рассматриваются в исследованиях Гидденса и Филиппа Сатона, где дается их оценка и актуализация понятия. Далее, вопросам истории феминизма посвящено исследование Таби Джексона и Джиб Фрейи Роуз, в котором встречается много незнакомых слов, требующих объяснения и относящихся к теме феминизма [4,13]. Вопросы восприятия человеком языковых единиц и его реакции на слово на когнитивном уровне рассматриваются в работах американского ученого Марвина Минского.[9] Сетевое распространение феминизмов можно проследить, если применять к этой идеи теорию Мэтью Джексона о человеческих сетях. Российская школа представлена работами таких ученых как Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И., Телия В.И., Уфимцева А.Н., Карасик В.И, Кулинич М.А. и Фахретдинова Г.Н. в части формирования языковой картины мира, взаимопроникновения языков и развития языковой личности [6,7,8,12,13] . Феминитивы – любопытнейшее направление в части изучения русского языка и им посвящены работы преимущественно отечественных исследователей, таких как Беркутова В. В. , Дмитриева О.Л., Розенталь Д.Э [1,5,11] . Эти ученые исследуют историю феминитивов со времен древнерусского языка до наших дней, проводят анализ стилистических, семантических, словообразовательных особенностей, моделей образования феминитивов.

Наше исследование посвящено словам – «феминизмам», так мы их условно обозначим. Под которыми, мы понимаем термины иностранного происхождения, отражающими, психические, психологические и социальные процессы, происходящие в обществе при определении характера движения за права женщин. Все эти слова связаны с определенными

периодами развития женского движения в обществе, и самое основное, с происхождением этих слов из разных языков. То есть гипотезой нашего исследования может послужить предположение, что определенный язык вносит новую волну феминизма с появлением новых слов и дает новый толчок его развития. То есть феминизмы разных языковых групп – это новые этапы и события в женском движении. А, теперь, рассмотрим основные из них.

Французская писательница и идеолог феминистского направления Симона Де Бовуар, «заложила основу для обсуждения вопроса о правах женщин, но одновременно показала куда менее жесткое понимание женственности, которое и сегодня присутствует в представлениях о гендерной флюидности».[14,С.10] По которой мы понимаем многогранное изменение половой ориентации при одновременном сохранении основной гендерной идентичности. Этот вопрос рассматривается в контексте квир-теории. Само слово «квир-теория» происходит от английского словосочетания “queer theory”. Эта социологическая теория об основах гендерной природы, зародившаяся в конце прошлого столетия. Основоположники этой теории считают, что гендерная ориентация человека зависит больше от воспитания и социокультурного окружения и его воздействия на личность. Стоит обратить внимание на тот факт, что все эти иностранные слова английского происхождения. А теперь внимательно присмотритесь к переводу этих слов “gender”– категория пола, “queer”– человек нетрадиционной ориентации, темная личность, “fluid”– жидкость, текучая среда. Сами слова словно размывают идею половой принадлежности в обществе. А теперь вдумайтесь, как молодые люди, вступающие в жизнь, могут отреагировать на это новшество. Ответ, вряд ли, будет однозначным.

В истории феминистского движения выделяют четыре волны и, именно, во второй волне развития употребляется такой термин как «андрогинные» феминистки. Кто это и что это за люди? Лексический анализ слова означает радикальные взгляды такого типа женщин. Слово «андрогинность» греческого происхождения, означает как мужчину, так и женщину, поэтому и трактуется это прилагательное как сочетание мужских и женских начал. Психосоматические основы в определении андрогинности заложила в своих работах американский психолог Сандра Бем, делая акцент в определении на психосоциальные характеристики андрогинности. Исходя из этого, мы понимаем термин «андрогинные феминистки» как радикально настроенных женщин, защищающих свои права и проповедующих более скептический образ для женщин в одежде, макияже и общении.

Казалось, феминизм стал настолько популярен, что сама идея подавления женщин мужчинами потеряла смысл. Но молодые девушки начали обсуждать в интернете сексуальный харассмент, мизогонию и бодишейминг. Что означают эти слова? “Harassment” в переводе с английского означает агрессия, притеснение, оскорбление, то есть поведение человека рассматривается в таком ключе. Под мизогинией молодежь понимает ненависть или неприязнь по отношению к лицам женского пола. Мизогинист, мизогин — производные этого слова, обозначающие человека, которому свойственно ненавистничество. Эта языковая единица греческого происхождения, означающая «ненависть» и «женщину», то есть в совокупности, женоненавистничество, которое может проявляться в форме дискриминации и насилия по отношению к женщинам. Еще очень модное сложное иностранное слово, которым оперируют молодежь – это бодишейминг. Слово произошло от двух английских слов «body»– тело и «shaming»- от глагола стыдить, срамить, осуждать. Поэтому в нынешних реалиях значение этого слова приобретает негативное значение и подразумевает осуждение людей, имеющих физические отклонения. Все это стало возможным благодаря появлению интернета и социальных сетей, где навязываются ложные представления и ценности и порой устраивают в буквальном смысле травлю на человека, если индивид не подходит под так называемые стандарты красоты. И стало ясно, что начинается новый, второй этап «роста самосознания» женщин, когда женщины получили возможность общаться между собой, и поднялась новая волна феминизма. [14, С. 14]

В отличие от многих других враждующих групп, мужчины и женщины нуждаются друг в друге. Поэтому, вынуждены искать способы сосуществования даже при сохранении

дисбаланса сил. И это, как считают американские психологи и авторы различных методик Питер Глик и Сьюзен Фиске, еще одна причина размывания враждебности и формирования амбивалентных отношений. Само понятие «амбивалентность» латинского происхождения от слов *ambo* — «оба» и «*valentia*» — «сила». Фактически, оно означает двойственное отношение к чему-либо. А в частности, двойственные переживания противоположных чувств по отношению к друг другу. Например, как враждебность, так и доброжелательность в партнерских отношениях. А ведь есть доказанная связь между подавлением эмоций и высоким уровнем стресса – и даже сердечными приступами.

Викторианская Англия, где превосходство белых мужчин, системная мизогония и открытое лицемерие по поводу женской привлекательности (одновременно с тайной склонностью к насилию) считались обычным делом, нанесла этим идеям ответный удар. К счастью, для женского пола, против такого положения дел выступили суфражистки. До сегодняшнего дня, мы полагаем, многие обыватели и не знали этого слова. «Суфражистки» происходят от французского слова “*suffrage*”, что в переводе с французского языка означает избирательное право. То есть суфражистка – это женщина, отстаивающая избирательную активность и права участниц движения за предоставление им избирательных прав и защиты против дискриминации женщин. Суфражистки организовывали различные кампании в защиту прав голоса и представительства женщин в различных институтах власти.

Критика представителей женского пола за непристойное поведение доносится до молодежи через «слатшейминг», что в переводе с английского означает “*slut*” — шлюха, “*shaming*” — стыдить, и употребляется для критики женщин с целью установить самоконтроль над своей привлекательностью.

Словом мы живем в мире, где женщина без партнера – это непривычно, но нормально. Общество требует от женщин определенного поведения, но и на мужчин оно давит не меньше. Новым направлением в феминизме стало признание мужчин-феминистов. Это определение было впервые использовано Полом Смитом и Элис Джардин в 1987 году. Оно фактически разделило мужчин на две группы по их проявлению маскулинности в различных обстоятельствах. Само определение маскулинности происходит от латинского слова *masculinus* или мужской. В переводе на русский язык под этим феноменом мы понимаем набор мужских телесных признаков и поведенческих особенностей, которые внешне отличают мужчину от женщины. В русском языке это слово никак не ассоциируется с определением мужественности, а скорее означает мужеподобность, а не стойкость характера. Поэтому в русском языке противоположностью маскулинности является женственность, которая характеризуется такими качествами, как чувствительность, нежность, сострадательность, заботливость.

Любопытен тот факт, что феминитивы в русском языке четко определяют роль мужчины и женщины посредством суффиксов. Тогда как в словах английского происхождения это разделение отсутствует на языковом уровне.

Человеческая жизнь меняется всё быстрее и быстрее, и задуматься стоит уже о другом: как создаваемые нами технологии отражаются на нашем повседневном опыте и что о нас говорят эти технологии. Речь уже не о том, что мы смотрим по телевизору, а о том, как устройства и программы, которыми мы пользуемся в быту, формируют окружающий мир. Как они меняют его – в лучшую или в худшую сторону? [10]

Но на платформах для знакомств все чаще встречаются такие вещи, как «гостинг» (когда один пользователь резко перестает общаться с другим) и «неггинг» (когда один пользователь задевает самооценку другого). Так что происходит как раз обратное: онлайн-платформы скорее поощряют худшие формы человеческих отношений [14, С.47].

Современная и цифровая культура породила новое поколение миллениалов, цифровых людей, появившееся на свет в конце 90-х начале 2000х годов. Этим людей объединяет знание цифрового коммуникативного пространства и владение технологиями. Про них говорят, что ни родились уже с гаджетом в руке.

В поколении этих людей зарождаются и новые направления в философской мысли

феминистского сообщества такие как киберфеминизм, которое появилось совсем недавно в начале 1990-х годов. Само слово было введено в оборот в 1994 году Сэди Планта, британским философом. И опять мы вынуждены подчеркнуть, что само слово английского происхождения, означающее ориентацию в информационном коммуникативном пространстве и использование информационных технологий с позиций сетевого феминизма. Киберпространство рассматривается как зона, свободная от социальных конструктов, таких как гендерные различия. Цифровые технологии рассматриваются в качестве инструментов для ликвидации понятий пола и гендера, а также для совершенствования человеческих возможностей в духе постгуманизма. Наша позиция заключается в том, что киберфеминизм, фактически, это еще один инструмент для установления контроля над человеком и манипулирования им.

Таким образом, анализ терминологии по теме исследования выявил следующие моменты:

1. Феминизмы - это слова – термины, отражающие психические, психологические и социальные процессы, происходящие в обществе, с точки зрения борьбы за права женщин.
2. Языки европейских стран принесли в русский язык новые слова, а вместе с ними и новые вектора в развитии феминистского движения.
3. Выявлено, что разнообразие русского языка предполагает четкие границы между мужским и женским родом, а введение иностранных слов – феминизмов ассоциируется и с новыми событиями или текущими моментами в общественном движении за права женщин.
4. Вхождение новых слов-феминизмов в языковую среду происходит из других западных языков, и они, бесспорно, несут определенную смысловую нагрузку, оказывая новое влияние на личность человека в плане восприятия новых нравственных ориентиров. Важно отслеживать такие моменты с тем, чтобы предвидеть вектора развития социокультурного окружения и феминистского общественного движения.

Список литературы

1. Беркутова В.В. Феминативы в русском языке: исторический аспект // Филологический аспект. 2018. № 11 (43). С. 6–22.
2. Волкова Е.В. Иностранные языки: формирование вторичной языковой личности. Научное обозрение: гуманитарные исследования.- 2017.- №10-11.- С. 54-62
3. Волкова Е.В. Феномен языковой личности в отечественной литературе. Казанский педагогический журнал.- 2017.-№6.- С.99-101
4. Волкова Е.В. Территория языка. Казанская наука.- 2022.- №8.- С. 96-99
5. Дмитриева О.Л. «Женский вопрос» в наименованиях профессий //Русская речь. 1986. №1. С.74-79.
6. Карасик В.И. Язык социального статуса. М: «Гнозис», 2002
7. Карасик В.И. Мой гений, мой язык. – Москва: Изд-во «Знание», 1991.
8. Кулинич М.А. Социальная власть английского языка в российском национальном сознании. Эссе о социальной власти языка (коллективная монография). Воронеж, 2001.– С.90-93.
9. Минский, Марвин. Сообщество разума/ Марвин Минский; [пер. с англ. В. Желнинова].– Москва: Издательство АСТ, 2018.– 592 с.– (Наука: открытия и первооткрыватели).
10. Перчаткина В.Г. Особенности преподавания иностранных языков в техническом вузе// Глобальный научный потенциал.– 2021.– № 4(121) – С.180-183
11. Розенталь Д.Э. А как лучше сказать? - М.: Просвещение, 1979 - С.37-38.
12. Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И., Телия В.И., Уфимцева А.Н. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира: Коллективная монография.– Москва: Изд-во «Наука», 1988.– С.4–8, 81, 83.
13. Царева Е.Е., Фахретдинова Г.Н., Зиннатуллина Л.М., Дулалаева Л.П. Компетенции в инженерном образовании в странах Евросоюза / Научное обозрение. Педагогические науки. – 2020. – № 2. – С. 15-19.
14. Что бы сказали знаменитые феминистки. Как Вирджиния Вульф, Симона де Бовуар и Роза Люксембург решали бы проблемы современных женщин/ Таби Джексон Джиб Фрейя Роуз; пер. с англ.– М.: Альпина Паблишерс 2021.– 192 с. – (Серия «Что бы сказал...?»).

10.02.19

Г.К. Гизатова, Н.И. Багманова, Т.Е. Калегина

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
кафедра европейских языков и культур,
Казань guzelgizatova@hotmail.com, Nargis_bagmanova@mail.ru, kalegina@inbox.ru

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Статья посвящена одной из актуальных проблем лингвистики – исследованию фразеологизмов в синхронии и диахронии. Объектом анализа являются фразеологизмы английского, русского и татарского языков. Предмет исследования – коммуникативная функция фразеологических единиц (ФЕ). В работе представлен новый эмпирический материал и новое осмысление изучения функций фразеологизмов исследуемых языков в связи с их бесспорным влиянием на язык и культуру народов.

Ключевые слова: *синхрония, диахрония, фразеология, функции языка.*

Коммуникативная функция языка – это его важнейшая функция, являющаяся средством общения и орудием передачи информации между участниками коммуникации, а также отражением связей между ними. Коммуникативная функция языка выступает в ряде аспектов.

Люди, посредством знаний о своей природе, жизни могут общаться друг с другом, обмениваться опытом, передавать какое-то представление, информацию о культуре, менталитете, образе жизни, родной природе своего народа, чего у других национальных коллективов, например, нет. Индусы могут с гордостью говорить о слонах, а другие народы знают о них, лишь побывав в цирке, зоопарке, боясь даже подойти к ним. Это один аспект коммуникативной функции языка, а именно, люди обмениваются знаниями об окружающей природе, о своей жизни, нерешенных проблемах.

Коммуникативная функция фразеологизмов сложна по своей структуре. Ее можно рассматривать, условно говоря, в горизонтальной (синхронии) и вертикальной (диахронии) плоскостях [1; 3].

В горизонтальной плоскости – это рождение тех или иных фразеологических единиц (ФЕ) или аналогий, а также их сходных вариантов у разных народов, в разных странах как бы одновременно, в одно и то же историческое время. Или же – путем заимствования того или иного фразеологизма одних народов другими народами. Рождение таких (схожих по смыслу) ФЕ (в состав которых авторы включают также пословицы и поговорки) путем взаимовлияния народов, возможно, скорее всего в том случае, когда они соседствуют друг с другом, существуют в одном ареале, в каком-то одном географическом пространстве, имея при этом определенное общение.

Например, в татарском языке существует такая пословица, как *дус кара көндә беленер* «настоящий друг познается в лихолетье». В фонде русской фразеологии имеется сходная по форме (изложения) и эквивалентная по значению пословица: *друг познается в беде*.

Известно, что русский и татарский народы на протяжении многих веков, живя в одном пространном регионе (Поволжье, Урал, Сибирь), общались друг с другом, перенимая друг у друга различного рода духовные ценности, в том числе и некоторые фразеологизмы, правда, трансформируя их на свой национальный лад. Однако трудно сказать, который из этих народов первым сформулировал пословицу о достоинствах настоящего друга, а который из них перенял ее у соседствующего народа. Однако не в этом суть. Можно безошибочно утверждать лишь то, что приведенные пословицы в татарском и русском языках правдивы в смысле выражения свойств подлинного друга, и потому они могли родиться на основе самой

действительности, самого реального бытия этих двух народов. А главное: мы не имеем основания для какого-то заключения о одновременности рождения этих пословиц в русском и татарском языках. Следовательно, мы можем судить о них в смысле их возникновения, относя их не к диахроническому аспекту, а как бы к единовременному, синхронному аспекту. Об этом свидетельствует и существование такой пословицы у англичан, как *a friend in need is a friend indeed*, букв.: «друг в нужде – это настоящий друг», в том же значении, что и у пословиц русского и татарского языков: «друг познается в беде».

Ниже приводятся ФЕ исследуемых языков, представляющих опять-таки синхронный аспект коммуникативной функции языка:

рус.: *долг платежом красен*, в знач.: «долги нужно возвращать»;

тат.: *ала белсән, бирә дә бел*, букв.: «умеешь брать, умей и отдавать», в знач.: «долги нужно возвращать»;

англ.: *one good turn deserves another*, букв.: «одна хорошая услуга заслуживает другой», в знач.: «долги нужно возвращать».

Рассмотрим еще один пример:

рус.: *водой не разольешь*, в знач.: «закадычные друзья»;

тат.: *араларыннан эңил дә үтми*, букв.: «между ними даже ветер не пройдет», в знач.: «закадычные друзья»;

англ.: *as thick as thieves*, букв.: «близки как воры», в знач.: «закадычные друзья».

В вертикальной плоскости рассмотрения коммуникативной функции языка фразеологизмы выражают как бы одновременность, связывая прошлое с настоящим и настоящее с будущим.

В языке каждого народа сохранилось много ФЕ, связанных с его историей. Например, в татарском языке есть поговорка: *эби патша заманында* «во времена бабушки-императрицы», т.е. Екатерины II, в значении: «в давние времена; во времена оно». Что касается давних времен, в русском языке имеется аналогичная по значению ФЕ *при царе Горохе*, а в английском: *since Adam was a boy*, букв.: «когда Адам еще был ребенком».

В английском языке также немало фразеологизмов, обращенных к прошлому или родившихся в далеком прошлом, но употребляемых на современном этапе. Например: *one hand washes the other*, букв.: «рука руку моет» или *you scratch my back and I'll scratch yours*, букв.: «почеши мою спину, а я почешу твою», в знач.: «если ты поможешь мне, то я помогу тебе».

Чтобы понять значение последней ФЕ, надо дать пояснение. Пословица уходит корнями в историю английского морского флота. В XVII – XVIII вв. порядки на английском флоте были очень жесткими, и наказания за непослушание были весьма суровыми. Было в порядке вещей привязывать провинившегося члена экипажа к мачте и стегать его. Стегали моряков тонкой верёвкой, которая состояла из тугих узлов. Эти наказания обычно производились на виду у всей команды одним из товарищей по службе. Но порой этот «товарищ» сам мог стать такой же жертвой в процессе службы, поэтому он был очень снисходителен при наказании и вместо ударов он как бы только «почёсывал» спину провинившегося. В следующий раз, если он станет жертвой, к нему так же снисходительно отнесутся и всего-навсего только «почешут» спину товарищи по службе на корабле (перевод наш – Г.Г., Н.Б., Т.К.) [2, с.78].

В татарском языке в этом же значении употребляется ФЕ *кул кулны юа*, букв. «рука руку моет» (о взаимопомощи обычно о предосудительных поступках).

Фразеология каждого языка хранит единицы, имеющие в своём составе компоненты, связанные со старыми обычаями, традициями и другими явлениями из жизни общества, вышедшими из употребления.

Рассмотрим некоторые архаичные ФЕ татарского языка, например: *базар кычкыру*, букв.: «кричать на базаре» – в прежние времена базар был одним из основных мест, где народ оповещался о последних новостях и важных событиях. Объявления делались людьми, которые должны были громко кричать для того, чтобы все люди их услышали. Приведем еще две ФЕ: *тәңкале кыз* «девушка с монетами» – о богатой девушке, которая имела

дорогие украшения; *кэжэ билеты бирү* «дать козлийный билет» – в царской России человеку выдавался документ о его политической ненадёжности, вследствие чего ему не было допуска к работе в государственных учреждениях и к учебе в университетах. В русском языке в аналогичном значении употреблялась ФЕ: *волчий билет*.

Представляют интерес художественные произведения, в которых события переносятся в будущее, где последнее рисуется в представляемых авторами этих произведений картинах. Н.Г. Чернышевский в своем романе «Что делать?» описал жизнь «новых людей» в предстоящем социалистическом обществе. В романе главные герои Кирсанов, Вера Павловна, Рахметов живут на основе новых принципов, однако говорят на том же русском языке, что и в историческом прошлом, т.е. во времена самого автора. То же самое происходит в повести «Фатхулла Хазрэт» татарского писателя Ф. Амирхана, который своих героев переносит на период 42 года спустя (повесть написана в 1908 году, а события в этой повести происходят в 1950 году). Эти события свидетельствуют о новой (в сравнении с 1908 годом) жизни в татарском обществе, однако герои повести, как бы не отдавая отчета словам и выражениям, говорят на современном автору языке (1908 год!) со всеми его арабизмами, употребляемыми в интеллектуальной среде татар начала XX века.

О чем же это свидетельствует? Пожалуй, о том, что автор повести (в данном случае классик татарской литературы Ф. Амирхан), представив себе преобразованное (через 42 года) общество татар, никак не мог представить себе каким будет татарское общество, язык народа этого общества. И в этом нет вины писателя, ибо предсказать трансформацию языка, в его конкретном виде, никому не дано. А говорит ли это о том, что в языке, в частности в национальной фразеологии народа, связи между настоящим и будущим просто не существует?.. Отнюдь нет, ибо язык со всем его лексическим составом и фразеологический фонд того же народа – далеко не одно и то же. Лексический состав языка более динамичен, чем фразеологический состав того же языка. И то, что фразеологический фонд народа передается из поколения в поколение в почти неизменном виде как раз и свидетельствует о том, что связь прошлого и настоящего, настоящего и будущего национальной фразеологии весьма и весьма прочна и стабильна.

Список литературы

1. Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации): материалы Международной научно-практической конференции (г. Кострома, 24–25 сентября 2020 г.) / под науч. ред. И. Ю. Третьяковой. – Кострома: Костромской государственный университет, 2020. – 202 с.
3. *Flavell L. & R.* Dictionary of Proverbs and Their Origins. – London: Kyle Cathie Ltd., 2004. – 324 p.
3. Synchrony and diachrony: a dynamic interface, A. Ramat, C. Mauri, P. Molinelli (eds). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2013. – 450 p.

10.02.19

¹Н.В. Егоршина, ²С.А. Жуйкова¹Военный Университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ,
кафедра языкознания и литературы,²Российский университет дружбы народов,
Институт иностранных языков,
egorshina.n@mail.ru, 1032212232@pfur.ru

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО КОНВЕРГЕНТНОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ КОПИРАЙТИНГА)

Исследование посвящено тенденции к геймификации текстов копирайтинга как развитию конвергенции и креолизации текстов. Авторы анализируют примеры интеграции элементов игры в продвигающие тексты в отечественной практике. Также привлечен материал англоязычных текстов копирайтинга. Доказано, что наблюдаемая в последние годы тенденция к креолизации текстов нуждается в уточнении: наряду с интеграцией в текст изображений присутствует также интеграция элементов интерактивных игр и конкурсов.

Ключевые слова: *геймификация, копирайтинг, креолизация текстов, конвергенция.*

Тенденция к геймификации является ведущим вектором развития современных текстов. В научных исследованиях отечественных ученых подробно рассматривается вопрос о геймификации в образовании [4], рекламном дискурсе [9] и организации трудовой деятельности [7]. Вопрос о геймификации как элементе текстов копирайтинга ранее не рассматривался, что обуславливает актуальность обращения к данной теме.

Понятие «копирайтинг» является дискуссионным в практике филологического анализа. Так, в исследовании А.В. Глаголевой, Ю.Н. Земской, И.Ю. Качесовой и Е.А. Кузнецовой копирайтинг определяется как «часть механизма управления, в котором действуют внутренние процессы свертывания и развертывания дискурсивного содержания» [6, с. 70]. А.В. Жилина отмечает, что «копирайтинг вбирает в себя все виды текстов, предназначенных для внешней и внутренней аудиторий организации. С нашей точки зрения, наилучшим образом демонстрирует область применения копирайтинга термин «продвигающий текст» [8]. Тексты копирайтинга также анализируются в аспекте использования их в ходе занятий русским и иностранным языком [10].

Опираясь на понятие текста копирайтинга как «продвигающего текста», рассмотрим распространение в таких текстах элементов геймификации. Продвигающий определенные товары или услуги текст отходит от формата информирования (текст вида «в магазине А продается товар Б») в пользу формата квеста, поиска, игры. Авторы текстов исходят из посылки, что читателю – потенциальному потребителю – скучно просто читать текст в информативном регистре, интерес вызывает интерактивный формат.

Так, например, на развлекательном портале rikabu.ru публикации рекламного и продвигающего характера организованы как игры-квесты с поиском информации: например, продвигающий текст банка Tinkoff выглядит следующим образом: «Какая у вас память? Проверяем на богатырях и мишках.

Сыграем в мемори! Задача – найти все пары карт за 40 секунд. А мы вам за это дадим награду в профиль на Пикабу. По рукам?

Кстати, если оформите дебетовую карту Tinkoff Black до 16 октября, то ее обслуживание будет бесплатным навсегда. А еще у новых карт лимитированный дизайн с шедеврами Третьяковки, которые вы точно знаете. Глаз не оторвать!

Начать игру.» [1]

Текст содержит в себе графическое выделение: заголовок выделен полужирным шрифтом, слова «лимитированный дизайн» - желтым цветом (остальной текст набран белым шрифтом на черном фоне). Синтаксически текст содержит различные средства диалогизации: обращаясь к читателю, ему предлагают «проверить», «сыграть», к нему обращаются с вопросами. Интерактивная кнопка «Начать игру» ведет к игре мемори онлайн. На развлекательном портале rikabu.ru к процитированному выше тексту ведет ссылка со словами «Персики есть. Ищем девочку», что отсылает к известной картине «Девочка с персиками». Также есть и другие рекламные ссылки, ведущие к тому же самому тексту: например, представлена известная картина «Три богатыря», на которой руки Алеши Поповича закрыты черным прямоугольником и задается вопрос: «А вы помните, что в руках у Алеши Поповича?».

Цель текста – очевидно «продвигающая», по сути он является рекламой банка и его дебетовой карты. При этом информационная часть, представляющая собой сообщение о действующей акции, встроена в игровой контекст: читателю предлагается принять участие в игре онлайн. Так текст креолизируется не только с изображением, но и с игрой.

Другие креолизованные тексты копирайтинга также включают в себя элементы игры – так, например, маркетинговые исследования отмечают, что «под геймификацией подразумевается способ продвижения бренда или товара, использующий игровые механики. Это могут быть разные конкурсы, посты, побуждающие к действию, игровые элементы. Обязательным элементом такой маркетинговой деятельности могут стать призы, «ачивки», признание заслуг участниками сообщества» [9]. С филологической точки зрения внедрение элементов игры в текст копирайтинга подразумевает появление нового типа конвергенции и креолизации текста: помимо соединения текста с изображениями, возникает интегрирование в текст интерактивных элементов.

Геймификация как инструмент рекламы ранее была распространена в формате различных конкурсов и квестов, акций по сбору определенного количества этикеток / крышек и пр., с тем чтобы направить их представителям бренда и выиграть определенные призы. В таком формате был представлен элемент случая: победитель определялся случайным образом, и не выигравшие потребители могли испытывать негативные эмоции, предполагая, что призы достались знакомым и родственникам организаторов розыгрыша.

Геймификация в ее формате интеграции в текст копирайтинга, как правило, предполагает интеллектуальную игру-квест, участие в которой само по себе является целью: читатель заинтересован в том, чтобы пройти игру, показать определенный результат, увидеть свой уровень, позицию в рейтинге и пр.

Соответственно, рекламный контент в данном случае позиционируется как вторичный: на первом месте – вовлечение в игровой контекст, прохождение квеста и пр. Реклама в данном случае является эксплицитной, не завуалированной, но не позиционируется как основная часть текста. В приведенном выше примере игры мемори с использованием картин Третьяковской галереи акцентировано именно содержание игры, внимание к классическим произведениям отечественной живописи, а отсылка к рекламному сообщению вторична.

В период восприятия рекламы как «белого шума», усталости от рекламного контента как такового и установки на рекреативную функцию текстов интеграция элементов геймификации в тексты копирайтинга и рекламы является, на наш взгляд, перспективной тенденцией. Следует прогнозировать расширение креолизации с интерактивными играми и внедрение игровых элементов не только в продвигающие, но и в другие типы текстов, в частности, например, в тексты публицистического и научного стиля.

Наблюдение над англоязычной практикой [2] показывает успешность подобных рекламных текстов и их высокую конверсию: покупки товаров и услуг по результатам прочтения такого текста выше по сравнению с использованием обычного информирующего текста.

Элементы игры внедряются в научно-популярную и художественную литературу. Так, например, на сайте Б.Акунина akunin.ru наряду с текстами произведений как таковых присутствуют игры-квесты, связанные с тематикой нескольких произведений. Читателю предлагается пройти «тест леди Эстер» (персонаж романа «Азазель», глава сети «эстернатов», где обучаются одаренные дети), «добыть пару одинаковых погон» (по роману «Турецкий гамбит»), «вывести породу бульдога» (по роману «Пелагия и белый бульдог») и пр. Элементы квестов внедряются и в другие произведения этого автора: романы «Ф.М.» и «Квест» подразумевают взаимодействие с читателем, причем в первом случае на кону был реальный приз, который необходимо было найти, ориентируясь на подсказки, размещенные в тексте (однако никто из читателей с этим не справился).

Соответственно, тенденция к креолизации текста, отмечаемая в современных текстах всех форм и жанров, нуждается в уточнении и корректировке: наряду с интегрированием в тексты элементов изображений и видеофайлов возникает интеграция в текст элементов интерактивной игры: квеста, аркады, онлайн-варианта настольной игры. Эффективность подобных приемов в текстах копирайтинга сопровождается интегрированием элементов игры и в другие виды текстов.

Список литературы

1. Pikabu. Спецпроект. // URL: https://special.pikabu.ru/tinkoff_black/memory
2. Prossack A. How Gamification Is Changing Advertising // URL: <https://www.forbes.com/sites/ashiraprossack1/2021/05/27/how-gamification-is-changing-advertising/> (дата обращения 20.09.2022)
3. Борис Акунин. Сочинения // URL: <http://akunin.ru/> (дата обращения 20.09.2022)
4. Брусенцова Т.П., Кишкурно Т.В. Привлечение аудитории к цифровым продуктам с помощью элементов геймификации // Информационные технологии. Минск, 2022. С. 121-125.
5. Быков Е. Геймификация научных исследований // Логос. 2015. Т. 25. № 1 (103). С. 180-213.
6. Глаголева А.В., Земская Ю.Н., Качесова И.Ю., Кузнецова Е.А. Копирайтинг как форма репрезентации механизма управления речевыми коммуникациями // Филология и человек. 2020. № 2. С. 58-71.
7. Горшков Н.А., Лысенко Е.В. Геймификация как инструмент повышения мотивации сотрудников: «лучшие практики» российских и зарубежных компаний // Весенние дни науки. Сборник докладов. Екатеринбург, 2022. С. 1008-1012.
8. Жилина А.В. К вопросу о понятии копирайтинг и его видах // Медиаскоп. 2020. № 2. // URL: <http://www.mediascope.ru/2627> (дата обращения 20.09.2022)
9. Казаков А. Геймификация в маркетинге // URL: <https://vc.ru/marketing/104509-geymifikaciya-v-marketinge> (дата обращения 20.09.2022)
10. Шуйская Ю.В., Дроздова Е.А., Мультиановская Д.В., Кокорина М.В. Методика анализа текстов копирайтинга на занятиях: русскоязычный и англоязычный опыт // Филология: научные исследования. 2022. № 7. С. 1-9. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.7.38452 // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38452 (дата обращения 20.09.2022)

*10.02.19***А.Е. Зельдин**

Управление Государственной службы,
Тель-Авив, Израиль, anatolyz@moia.gov.il, anatolyz1963@gmail.com

МЕТАТЕЗА СЕМИТСКОГО КОРНЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Явление метатезы в семитских и других языках афразийской макросемьи с изменением корневой семантики давно отмечено и подробно описано, но удовлетворительной теории, объясняющей как возникновение этого явления, так и его развитие, пока не выдвинуто. В настоящей работе предлагается теория генезиса трехконсонантных афразийских корней (на примере древнееврейского языка) из биконсонантных со смысловым переносом в рамках одного семантического поля. Фонологическая парадигма складывается посредством дифференциации фонем из примордиальных нерасчлененных звуков.

Ключевые слова: *семитский корень, биконсонантизм, триконсонантизм, метатеза, прото-афразийский язык.*

Не будет преувеличением сказать, что вопрос эволюции человеческого языка уступает по сложности только проблеме возникновения языка. Датировка этапов хронологической шкалы происхождения и эволюции языка, материальные свидетельства антропологического и археологического характера, а также доказательства из области эволюционной биологии, остаются предметом дискуссий специалистов [1], [5], [18], [28], и, по всей видимости, едва ли когда-нибудь будет достигнут консенсус научного сообщества по данному вопросу.

В качестве аргументов в дискуссии по этим проблемам рассматриваются такие явления и артефакты, как черепа гоминидов, остатки доисторических стоянок и мест охоты, свидетельства перехода акваторий, материальные свидетельства мышления символами, поиски «генов языка», так называемый «материнский язык», создание пиджинов и знаковых систем, при этом “Inferences about language evolution need to be grounded in accurate data or empirical assumptions about phenomena that are well understood” [5, 104].

В качестве аргументации крайне редко приводятся данные живых языков и даже предположения относительно proto-language, его фонологической структуре и синтаксисе, носят самый общий характер. Можно отметить работу, посвященную прото-этимологиям [4], но авторы не принимают во внимание ни фонетическую эрозию, ни семантическую изменчивость – таким образом, неудивительно, что работа получила много критических отзывов. Хронологические рамки, позволяющие с большей или меньшей уверенностью восстанавливать архаичные формы лексем и морфем, составляют порядка 5-10 тыс. лет, что составляет незначительный отрезок на диахронической шкале истории человеческого языка ab ovo (оценки периода возникновения языка также значительно разнятся – от 100 тыс. до более миллиона лет).

Вместе с тем, прогресс достигнутый в описании протоязыков и протосемей, а также прото-макросемей [3], [21], [30], позволяет выдвинуть предположения из области экстраполяции относительно переходного этапа от proto-language к ранней стадии полноценного языка. Также выдвигались гипотезы относительно фонетической стороны языка на заре Homo Sapiens sapiens [9], [13], но и они не базируются на фонетике существующих языков.

Среди характерных черт человеческого языка, отличающих его от коммуникационных систем животного царства можно назвать открытость фонемного множества. Даже животными с весьма развитыми когнитивными способностями, такие как высшие приматы и ряд китообразных, прежде всего, дельфины), овладевшие так называемым «синтаксическим

языком» в широком смысле слова, тем не менее, пользуются ограниченным фонетическим инвентарем. Напротив, отдельные языки используют фонемы, отсутствующие в других языках мира – клики в койсанских языках [32], ‘bilabial thrilled affricate’ (/t͡b/) и ‘voiced lateralized apical-alveolar/sublaminal-labial double flap’ (/l̥/) или /l̥/) в бразильском языке пираха [10], ‘voiceless velar lateral fricative’ (/ɬ/ /h/) в меляпа (Папуа-Новая Гвинея) [25], целых четыре фонемы, уникальных для языка тлингит (семья на-дене или, возможно, изолят) (glottalized velar, uvular fricative, labialized and non-labialized, uvular fricative, labialized and non-labialized) обозначаемых на письме, соответственно, x', x'w, x', x'w [8], даже в таких языках, которые принято считать «цивилизованными» есть крайне редкие фонемы - ‘voiceless postalveolar-velar fricative’ в шведском (/ɣ/ SJ-sound), или rolled post-alveolar fricative’ (/r/) в чешском, обозначаемом в орфографии буквой ř. Каждый человек с неповрежденным речевым аппаратом может спонтанно изобрести звук, которого нет ни в одной фонологической системе мира.

Таким образом, фонологические системы характеризуются как ригидностью, то есть ограничением количества фонем данного языка в синхроническом разрезе, так и открытостью, что предполагает изменение фонологического инвентаря на протяжении истории конкретного, и произвольностью, что определяется индивидуальными способностями говорящего и слушающего.

Комбинаторные изменения звуков в диахронической лингвистике считаются маргинальным явлением, поскольку из-за произвольности артикуляции указать их влияние на исторические чередования фонем едва ли представляется возможным. Так, среди комбинаторных изменений явление метатезы носит спорадический и во многом случайный характер. Метатезы можно классифицировать по смежности – перестановка соседних фонем, либо фонем, между которыми есть одна или несколько фонем или даже слогов. Это явление можно рассматривать в синхроническом и диахроническом аспекте, а также применительно к детскому языку (*лошадка > салатка, ласатка*). Это явление в целом хорошо описывается теорией оптимальности – в том, что касается установления более и менее строгих ограничений, накладываемых фонетической системой языка [22]; на фонологическом уровне предлагались объяснения акустического порядка, связанные с обструкцией исходящего из ротовой полости во время речевого акта воздушного потока [16]. Предсказать появление метатезы весьма сложно, если вообще возможно [17].

Явление метатезы, как и других комбинаторных изменений звуков (ассимиляция, диссимиляция, гаплогогия, эпентеза) может приводить к модификации фонем с образованием аллофонных вариантов. При этом меняется просодия лексемы, но семантика остается неизменной. Поэтому особый интерес представляют случаи непосредственного влияния на лексикон.

Особое место метатеза занимает в морфологии семитских языков. Так, она может наблюдаться в пределах одной именной парадигмы (пример из тунисско-арабского языка): *mlək* ‘he possessed’ - *malk* ‘property’; *fhəm* ‘he understood’ - *fəhm* ‘understanding’; *ħrəm* ‘he forbade’ - *ħarm* ‘prohibition’ [7, 9].

Метатеза трехсогласного корня семитского корня, хотя и давно привлекала внимание лингвистов, но так и не получило исчерпывающего объяснения [12], [15], [23], [27], [31]. Трехсогласный семитский корень произошел из двухсогласного афразийского корня, вероятно, в натуфийскую эпоху, в период, последовавший за сельскохозяйственной революцией и коренных изменений в образе жизни обитателей Леванта с VI-V тыс. до н.э. [29]. В частности, появилась потребность в выражении абстрактных понятий. Такую возможность предоставило приращение корня третьей согласной. Другим способом стала метатеза. Израильский писатель А. Мегед приводит пример √ŠKH ‘забывание’, ‘забывать’ < √ḤŠK ‘тьма’. Рассмотрим примеры, как перестановка согласных корня меняла смысл, но лексемы остаются в рамках одно семантического поля или, по крайней мере, смежных полей. Перестановка корневых согласных и полугласных диахронически происходила позже приращения двухсогласного корня третьей и продолжалась и после заката натуфийской

культуры: $\sqrt{B\text{S}R}$ ‘собирать (виноград)’ > \sqrt{SBR} ‘накапливать’; $\sqrt{GR?}$ ‘уменьшать’ > $\sqrt{RG?}$ ‘мгновение’; $\sqrt{?DR}$ ‘мотыжить’, ‘вскапывать’ > $\sqrt{?RD}$ ‘разрыхлять’.

В предыдущей работе уже упоминались свойства семитского корня – триконсонантизм; наличие биконсонантного смыслового ядра; гомологичность [29], которая и выражается метатезой. Но одной метатезой это явление объяснить не удастся из-за ограниченности количества согласных фонем и фонетических правил, делающих невозможным сочетания двух определенных фонем по причине больших энергетических затрат при артикуляции. Кроме того, действуют свойственные семитским языкам фонологические ограничения сочетаемости согласных [14].

Рассмотрим корень \sqrt{DPK} ‘стучать’, ‘ударять’ и близкий ему $\sqrt{D\text{H}P}$ ‘толкать’. Можно предположить наличие двухсогласного смыслового ядра со значением ‘прикладывать усилия к объекту’ - в данном случае пара $\sqrt{DP*}$. Но у корня $\sqrt{D\text{H}P}$ есть и гомологичный ему корень $\sqrt{D\text{H}Q}$ ‘давить’, ‘теснить’, и в роли смыслового ядра выступает пара $\sqrt{D\text{H}*}$ со значением, близким $\sqrt{DP*}$. Гомологичный ряд будет выглядеть следующим образом: \sqrt{DPQ} - $\sqrt{D\text{H}P}$ - $\sqrt{D\text{H}Q}$. Легко убедиться, что первый и последний член объединяет пара $\sqrt{D*Q}$, и таким образом ряд замыкается сам на себя:

$$\begin{array}{ccc} \sqrt{DPQ} & \text{---} & \sqrt{D\text{H}P} \\ & \backslash & / \\ & \sqrt{D\text{H}Q} & \end{array}$$

Кроме явления метатезы при построении этих корней, очевидно, происходила фонетическая ассимиляция, облегчавшая произношение.

К данной схеме можно добавить еще несколько смежных гомологичных корней, при этом ряд удлиняется, разветвляется, его можно даже представить объемным.

$$\begin{array}{ccccccc} \sqrt{RPD} & \text{-----} & \sqrt{DPS} & & & & 5 & \text{-----} & 6 \\ / & | & & / & | & & / & | & / & | \\ \sqrt{DPQ} & \text{-----} & \sqrt{D\text{H}P} & | & & & 1 & \text{-----} & 2 & | \\ | & \sqrt{DQR} & \text{---} & | & \text{---} & \sqrt{DRS} & | & 7 & \text{---} & | & \text{---} & 8 \\ | & / & & | & / & & | & / & | & / \\ \sqrt{D\text{H}Q} & \text{---} & \sqrt{D\text{H}S} & & & & 3 & \text{-----} & 4 \end{array}$$

Значения корней: 1. Стучать, ударять; 2. Толкать; 3. Давить; 4. Сжимать; 5. Обивать (тканью); 6. Прессовать; 7. Пронзать; 8. Растаптывать;

Представленный на схеме “куб” значений (объединенных семантикой – приложение усилий или механического воздействия к объекту или поверхности, преимущественно твердой) можно расширить, добавляя лексемы/корни смежных семантических полей. Напр.: \sqrt{DRS} ‘сжимать’- \sqrt{HRS} ‘разрушать’; \sqrt{DRS} ‘сжимать’- \sqrt{DRK} ‘топтать’ - \sqrt{DKH} ‘подавлять’ - $\sqrt{DK\zeta}$ ‘подавлять’, ‘угнетать’ - \sqrt{DQQ} ‘растирать в порошок’; \sqrt{DPS} ‘прессовать’- \sqrt{DPN} ‘прижимать к стене, перегородке’

При рассмотрении корней прото-АА языка-основы можно найти отдельные этимологии (PAA *da/uk ‘to beat’, ‘to pound’ > Psem *duk id.; PAA *dab- ‘to trample’ > Psem *dVbdVb id.; pAA *daḥ-/ *diḥ- ‘to push’, ‘to fall’ > Psem *dVḥ ‘to push’, ‘to throw’ [24]), но в целом каждый корень возвести к прото-АА не удастся. Еще сложнее объяснить метатезой и ассимиляцией столь радикальные перестановки с изменением значения в рамках одного семантического поля.

Попытаемся предложить объяснение этому феномену. Рассмотрим группу корней \sqrt{QLT} ‘впитывать’, ‘поглощать’ - \sqrt{PLT} ‘исторгать’. Данные корни с антонимичным значением объединяет смысловое ядро $\sqrt{*LT}$ с вероятным значением в языке-основе (прото-семитском или прото-АА в эпоху диалектного распада) ‘держаться’, ‘осуществлять (руками) энергичное действие’. При эволюции данного корня производные дали противоположные значения (аналогично: русск. *вонь*, чешск. *viňe* ‘аромат’ < прото-слав. *vonqti* ‘пахнуть’). В иврите отмечен корень \sqrt{TWL} ‘кидать’, метать со слабой согласной W, в императиве (*tol!*) исчезающей. Гомологичный корень \sqrt{TLL} ‘покрывать’. С метатезой корня имеем форму \sqrt{LWT} ‘заворачивать’. Разницу можно объяснить диалектными различиями, возможно, оба

корня произошли от неустановленной прото-АА формы, из которой позднее выделились две корональные согласные, близкие по месту образования – обе альвеолярные.

Итак, феномен образования древа семитских корней, который сложно объяснить фонологическими процессами метатезы, ассимиляция, *slips of tongue*, а также происхождением от различных корней и диалектными различиями, можно рассматривать эволюционно – корни происходят от форм афразийского языка-основы, представлявших собой еще недифференцированные комплексы фонем – дифтонги и трифтонги, из которых впоследствии, по-видимому, в натуфийскую эпоху, выделились отдельные согласные фонемы.

Как отмечает С. Майзель: “На известном этапе языкового развития чередовавшиеся звуки еще не были фонемами, и их произношение не было строго определенным. Находясь еще в некотором диффузоидном состоянии, эти звуки не успели выкристаллизоваться настолько, чтобы дифференцировать смысл слов: в таком состоянии они почти не отличались друг от друга, как краски в полумраке, и незаметно переходили друг в друга, как цвета в радуге. Описанная...четырёхрядная раздельность согласных звуков семитских языков была с этой точки зрения уже значительным шагом вперед, ибо еще раньше язык состоял из цельных, монолитных слов, из которых отдельные звуки не вычленились с достаточной отчетливостью” [31, 121-122]. Со ссылкой на этнографов конца XIX – начала XX века автор приводит ряд примеров подобной фонологической нерасчлененности. Так, в «хиленском языке» (мапуче или арауканский - А.3.) языке понятия ‘ряд’ и ‘вереница’ одинаково передается словами *huif, huiv, huib* (с чередованием губные f/v/b); ‘кирпич, черепица’ - *chollof, chollov, chollob* (f/v/b); ‘дом’, ‘жилище’ – *ruca, duca, suca* (r/d/s); ‘дурной’, ‘плохой’ - *huera, hueda, huesa* (r/d/s), ‘зеленый, незрелый’ – *carù, cadù, casù* (r/d/s) и т.п. Также приводятся примеры из американских языков со смешением фонем d и n/r/l; в австралийских языках - смешение b/p, d/t, g/k и др. В языках многих племен, не затронутых цивилизацией смешиваются b/p/m, f/v, s/š и др. [11], [26]. Если рассматривать современные исследования, можно сослаться на автора, изучавшего язык, этнографию и культуру конголезских пигмеев, говорящих на языке Mbendjele (семья банту C10): “The most intimate and limited style of speech is called “*ya miso minai*” - “speech of four eyes” This type of speech is the preferred style for communicating sensitive, secret, personal, and profound subjects. It only occurs between two people...As the subject becomes more and more personal or sensitive speakers *tend to omit consonants* (выделено мной - АЗ), leaving only tone and vowels with multiple possible meanings...” [20, 241]. Можно сделать осторожное предположение о том, что в лингвогенезе гласные звуки предшествовали согласным в качестве носителей смысла.

Выдвигалась теория, согласно которой консонантизм семитских корней с антонимичной семантикой при одинаковой фонологии может свидетельствовать о тенденциях происхождения и развития человеческого языка [2]. В целом, изучение семитского корня как *per se*, так и его диахронической эволюции от афразийского корня позволяет понять ряд процессов лингвогенеза как с фонологической, так и психологической точки зрения. Данное явление характерно для семитских, берберских, чадских языков, но не ограничивается афразийской макросемьей – так, корневая метатеза как парадигма отмечена в юманьских языках Калифорнии [19].

Список литературы

1. *Aitchison J.* The seeds of speech. Language origin and evolution. Cambridge: Cambridge University Press. 1996. P. 281.
2. *Aphek E., Tobin Y.* Semantic polarity and the origin of language. In W. von Raffler-Engel, J. Wind, A. Jonker (Eds.). Studies in Language origins. Vol. 2.- Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.- 1991.- P. 263-284.
3. *Bengston J.* The “Greater Austric” Hypothesis <http://jdbengt.net/articles/Austric.pdf>
4. *Bengston J., Ruhlen M.* Global Etymologies. In M.Ruhlen (ed.) On the Origin of Languages: Studies in Linguistic Taxonomy – Stanford: Stanford University Press, 1994. – P. 277–336.
5. *Bickerton D.* Language & Species. Chicago: University of Chicago Press. 1990. P. 297.
6. *Botha R.* Theoretical underpinnings of inferences about language evolution: the syntax used at Blombos Cave. In R.Botha, Knight Ch. (Eds.). The Cradle of Language – Oxford: Oxford University Press, 2009. – P. 93-111.
7. *Buckley E.* Metathesis. In M. van Oostendorp, C. Ewen, E. Hume, K. Rice (Eds.). The Blackwell Companion to Phonology, Blackwell Publishing. Blackwell Reference Online.- 2011.- P. 20.
8. *Dauenhauer R., Dauenhauer N.M.* Sneaky Sounds: A Non-Threatening Introduction to Tlingit Sounds and Spelling. Sealaska Heritage Institute. Juneau, AL. – 2006.- P. 62.
9. *Dediu D., Levenson S.* On the antiquity of language: the reinterpretation of Neandertal linguistic capacities and its consequences // *Frontiers in Psychology*. – 2013. - № 4(397). – P.1-17.
10. *Everett D.* Phonetic Rarities in Pirahã // *Journal of International Phonetic Association*.- 1982.- 12(2) – P. 94-96.
11. *Gabelentz G.* Die Sprachwissenschaft: : ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse. Leiptzig: T.O. Weigel. – 1891. – P. 502.
12. *Goldenberg G.* Semitic Triradicalism and the Biradical Question. In G. Khan (Ed.). Semitic Studies in Honour of Edward Ullendorf. - Leiden: Brill, 2005.- P. 7-26.
13. *Greenlee M., Ohala J.* Phonetically Motivated Parallels between Child Phonology and Historical Sound Change // *Language Sciences*.- 1980.- #2(2)- P.283-308.
14. *Greenberg J.* The Patterning of Root Morphemes in Semitic // *Word*.- 1950.- № 6 (2) - P. 162-181.
15. *Hecker B.* The Biradical Origin of Semitic Roots. PhD dissertation. Austin: University of Texas Press.- 2007. - P 254.
16. *Hume E.* Metathesis: Formal and Functional Considerations. In N. Smith & J. van de Weijer (Eds.). Surface Syllable Structure and Segment Sequencing, HIL Occasional Papers – Leiden: HIL, 2001.- P.1-25.
17. *Kiparsky P., O’Neil W.* The phonology of Old English inflections // *Linguistic Inquiry*.-1976.- №. 7.- P. 527-557.
18. *Knight Ch.* Introduction: perspectives on the evolution of language in Africa. In R.Botha, Knight Ch. (Eds.). The Cradle of Language – Oxford: Oxford University Press, 2009. – P. 1-15.
19. *Langdon M.* Metathesis in Yuman Languages // *Language*.- 1976. - №52 (4) – P. 866-883.
20. *Lewis J.* As well as words: Congo Pygmy hunting, mimicry and play. In R.Botha, Knight Ch. (Eds.). The Cradle of Language – Oxford: Oxford University Press, 2009. – P. 236-256.
21. *Matteson E., Wheeler A., Jackson F., Waltz N., Christian D.* Comparative Studies in Amerindian Languages. The Hague, Paris: Mouton, 1972.- P.251.
22. *Prince A., Smolensky P.* Optimality Theory: Constraint Interaction in Generative Grammar - Malden (MA) & Oxford: Blackwell.- 2004.- P. 262.
23. *Šimron Y.* Keitsad hithavta ha-sapa u-keitsad ha-ivrit? Tel-Aviv: Hotsaat Čerikover.- 2000.- P. 320.
24. *Starostin G., Starostin S.* The Afroasiatic Etymologies Database . – 1998-2013.- www.starling.rinet.ru
25. *Stucky A., Stucky D., Ruby J.* Melpa Phonology. SIL Language and Culture Archives. - 1990.- P.43.

26. *Tylor E.* Primitive Culture. researches into the development of mythology, philosophy, religion, language, art, and custom. Vol. 1., L: J. Murray. - 1903.- P. 526.
27. *Zaborsky A.* 1991. Biconsonantal roots and triconsonantal root variation in Semitic: Solutions and prospects. In M. Alhawary & S. Ben-Mamoun (Eds.). Perspectives on Arabic Linguistics XVII-XVIII.- Amsterdam: John Benjamins.- 1991.- P.85-116.
28. *Бурлак С.* Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Альпина-нон фикшн. 2020. 608 с.
29. *Зельдин А.* Эволюция семитского корня (культурно-исторический аспект) // Ученые записки Казанского университета. - 2020.- №1.- С.47-66.
30. *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). М.: "Наука", 1971.- 412 с.
31. *Майзель С.* Пути развития корневого фонда семитских языков. М: Наука. 1983. 308 с.
32. *Старостин Г.* Лабиальные кликсы в койсанских языках. // Аспекты компаративистики II. Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности, XI. М.: изд. РГГУ. – 2007.- С. 353–374.

10.02.19

Н.В. Зененко, Л.П. Сон

Военный университет министерства обороны Российской Федерации,
факультет иностранных языков,
кафедра романских языков,
Москва, zenenko@mail.ru, luciason@mail.ru

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗОНА АНТРОПОНИМОВ И ГРУППА ПРОНОМИНАЛЬНЫХ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ: БИПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД
(НА МАТЕРИАЛЕ ИБЕРО-РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ)**

Статья посвящена исследованию семантики иберо-романских антропонимов и прономинальных существительных на материале современных иберо-романских языков. Учитывая общественную природу языка и используя бипарадигмальный подход в своем анализе, авторы предприняли попытку локализовать данные единицы в системно-структурном устройстве языка. Фамилии и имена собственные наделены социальностью, т.е. отражают определенные условия жизни человека и указывают на его принадлежность к конкретному социальному слою общества.

Ключевые слова: *антропонимы, прономинальные существительные, социальность, бипарадигмальный подход.*

Актуальность изучаемой нами тематики обуславливается популярностью антропоцентрического направления в лингвистических исследованиях XXI века, которое неотрывно связано с системно-структурной парадигмой языкового анализа. В данном исследовании авторов интересует семантика иберо-романских антропонимов и прономинальных существительных с целью локализации их в системно-структурном устройстве языка. Понятия языковой структурности и системности закономерно соотнесены, а современное состояние лингвистики убедительно доказывает необходимость в применении бипарадигмального подхода в исследовании некоторых лингвистических тем, среди которых, как нам представляется, заслуживает внимания – семантика антропонимов и прономинальных существительных. Этот тезис подтверждается тем, что современные научные исследования выходят за рамки одной научной парадигмы и совмещают в себе параметры двух или более парадигм.

В. фон Гумбольдт, который тесно увязывал внутреннее состояние языка с тем или иным характером реализуемых языковых функций, заложил основы системного подхода к изучению языка. Позднее Ф. де Соссюр, который видел сущностное начало языка в его структурном аспекте, изменил трактовку соотношения аспектов структуры и функции в научном понимании языка.

Современный этап развития лингвистики, с одной стороны, подталкивает нас к анализу взаимодействия системы и структуры, к рассмотрению структурированности системы языка, к изучению тех явлений, которые происходят в ходе эволюции любого языка (Зененко. Диссертация), а с другой стороны, человек и его социальная деятельность становятся предметом научных изысканий. В данном контексте важно отметить, что с середины XX века наблюдается положительная динамика накопления человеком знаний, которая приводит в интерпретации и модификации ключевых позиций в гуманитарных науках, в том числе и в лингвистике.

Применяя бипарадигмальный подход в нашем исследовании, нам удастся определить семантику антропонимов и прономинальных существительных, что, в свою очередь, позволит локализовать их в системно-структурном устройстве иберо-романских языков.

«Антропоним (др.- греч. ἄνθρωπος – человек и ὄνομα – имя) – единичное имя собственное или совокупность имен собственных, идентифицирующих человека. В более широком смысле это имя любой персоны: вымышленной или реальной» (Словари и энциклопедии на Академикe).

Язык, функционируя в общественной среде, реализует различного рода контакты между членами определенного этноса, а познавательная деятельность индивида неизбежно проявляется в естественном языке. Лингвистика XXI в. тесным образом сотрудничает со всеми гуманитарными науками, которые изучают человека внутри этносоциума. Нам близка позиция А.Д. Швейцера, российского лингвиста, занимавшегося проблемами социолингвистики, который утверждал, что любая лингвистическая наука в своем анализе должна учитывать «общественную природу языка» (1978). Методологически для нас очень важна концепция отечественного лингвиста, основанная на том, что целью социолингвистики является изучение комплекса проблем, связанных с социальной обусловленностью языка, с функционированием языка в социальной среде, с влиянием социальных факторов на языковое развитие.

Язык, погруженный в социальную среду, реализует различного рода отношения между членами определенной общности. Во всех развитых современных языках имеются лексические единицы, детерминирующие конкретные социальные связи и контакты. Некоторые взаимоотношения могут реализовываться в установленной иерархической структуре общества – в профессиональной группе, дружеском коллективе, семье и т.д. Подобная форма отношений называется институциональной. Есть и другая форма взаимоотношений – интерперсональная, т.е. между обществом и личностью.

Формирование семантики социальности у иберо-романских антропонимов и прономинальных существительных прошло многовековой путь, который шел вместе с историей народа, впитывая в себя эволюцию социума, отражая отношения в определенном этнообществе.

Семантическая зона антропонимов формируется именами собственными, указывающими имена и фамилии людей, а также их прозвища и псевдонимы. Традиционные иберо-романские грамматики трактуют их как группу имен собственных, входящих в лексико-грамматический класс существительного.

В период античности были сделаны первые попытки классификации антропонимов, а также были определены их основные отличия от имен нарицательных. Антропонимика, как одна из отраслей лингвистики, начала формироваться в XIX-XX вв.

Проблемы антропонимики в XX в. привлекли внимание известного португальского лингвиста Ж.Л. де Васконселуша (J.L. Vasconcellos). Большое значение в данном исследовании имеет социальный аспект, т.к. он тесно связан с общественным сознанием, т.е. с национальной ментальностью, а также с историей народа, говорящего на иберо-романских языках.

В процессе эволюции выработалась только данному народу свойственная система имен. Следует отметить, что в каждом из испаноговорящих и португалоговорящих регионов (Европа, страны Латинской Америки, Африка, Азия) есть свои особенности в антропонимах и семантике прономинальных существительных, которые до сих пор не исследовались. Антропологическая модель в испанском, португальском, каталанском и галисийском языках формируется из собственно личного имени и фамилии.

Антропологические модели иберо-романских языков насчитывают разное количество компонентов:

1) два компонента *Miguel Gomez* (исп.) / *Antonio Ferro* (порт.) / *Ana Garcia* (катал.) / *Roi Serrano* (галис.);

2) три компонента *Miguel Angel Garson* (исп.) / *Ricardo Espirito Santo* (порт.) / *Joan Manuel Lopez* (катал.) / *Maria Xiana Fernandez* (галис.);

а) два личных имени и одна фамилия: *Maria Carmela de la Cruz* / *Ana Maria Brita* (порт.) / *Marc Josep Gonsales* (катал.) / *Anna Luar Gomez* (галис.);

б) одно личное имя и две фамилии: *Blanca Martínez Suárez* (исп.) / *Isabel Hub Faria* (порт.) / *Jaume Fernandez Santo* (катал.) / *Xacobe Carballo García* (галис.);

в) несколько личных и фамильных имен: *Miguel Joaquín Diego del Carmen Serrano* (исп.) / *António José Dias Mourão Mosqueira* (порт.) / *Maria Laila Rodriguez Gonzalez* (катал.) / *Suevia Catuxa Fernandez Serrano* (галис.).

Как правило, реально используется одно имя и одна фамилия. Количество компонентов данной модели указывает на социальную значимость лица. Модель их двух компонентов характерна для низших слоев общества, в то время как сложная указывает на принадлежность лица к высшим слоям общества.

По происхождению антропонимов португальский лингвист Ж.Ж. Нунеш (G.G. Nunes) выделяет следующие группы личных имен: латинского происхождения: *António, Constantino, Celestino, Vergílio, Emília, Júlia, Úrsula, etc.*; греческого происхождения: *Atanásio, Jorge, Jerónimo, André, etc.*; древнееврейского (библейского) происхождения: *Adão, José, João, Maria, Manuel, Rafael, etc.*; германского происхождения: *Afonso, Bernardo, Carlos, Henrique, Luís, Roberto* [8].

В антропонимической системе Иберийского полуострова прослеживаются дороманские истоки. Как, например, имя *Vasco –Belasco*, что соответствует баскскому *beltz* – «черный», *bela/e* – «ворон» [1, 11-17].

С приходом христианства в Европе и, соответственно, в Испании и Португалии утверждаются древнееврейские имена.

Закрепление в языке имен имеет социальную окраску и отпечаток той эпохи, во время которой оно вошло в употребление. Так, например, имена *Filipe, Henrique, Raimundo* вошли в португальский язык в период становления португальского графства, а позднее, и королевства. Имя *Filipe* в Португалии появилось в 1115 г. и в течение долгого времени использовалось только среди аристократов.

На рубеже второго тысячелетия в португальском языке широкое употребление получают такие имена как *Bernardo, Guilhermo, Hugo, Otão*. Имена *Luís, Manuel* также появляются в это время и имеют церковное происхождение [9, 389-391]. Имена *João, Maria* и *Pedro* принадлежат к периоду раннего христианства и вплоть до сегодняшнего дня являются самыми распространенными, являясь, своего рода, символом нации.

С развитием общества и утверждением социальных институтов появляется необходимость в более точном именовании личности. Фамильное наименование формируется с X-XVI вв. Для обозначения данного понятия в языке имеются два слова – *sobrenome e apelido*.

Ж. Лейте де Вашконселуш (J.L. Vasconcellos) трактует эти лексемы следующим образом: *sobrenome* – это имена, которые непосредственно присоединяются к собственно личным именам; *apelido* – собственно фамильное имя, передающееся от поколения к поколению. Сначала появляются фамилии, которые относятся к первой группе. В лузитанских надписях обнаруживается тенденция присоединения имени отца к имени лица в генитиве.

Для образования патронимов употреблялись суффиксы *-as, -es, -is*, которые присоединялись к имени отца. Также для образования патронимов, к имени отца присоединялись латинские существительные *filins, prolis* – сын, или арабское существительное *iben* с аналогичным значением. Кроме того, существовали более простые случаи, когда имя отца присоединялось к имени лица. Имеется мнение об иберийском и баскском истоках образования патронимов [6, 163-165].

Учеными выделяются четыре основных способа образования фамилий: 1) фамилии, которые произошли от топонимов; 2) фамилии, которые произошли от названия профессий, рода занятий; 3) патронимического происхождения; 4) апеллятивного происхождения [7, 93].

Португальские лингвисты Э. Эштрела [5, 132] и Ж. А. Каштру [4, 10-11]; Ж. де Азаведу Феррейра [3, 91] указывают на факт происхождения фамилий от древних прозвищ (араб. *Al-cunha, alcunha*).

По мнению Ж.Л. де Вашконселуша прозвища сформировали лексико-грамматический класс современных фамилий. Э. Эштрела дает их следующую классификацию: от *professий*: *General, Carpinteiro*; от названий животных: *Leão, Lobo, Rato, Coelho, Falcão*; от названий титулов: *Príncipe, Conde, Duque, Marquês*; от названий предметов и явлений: *Campos, Sales, Prado, Luz*; от топонимов: *Braga, Bragança, Sintra*; национальной принадлежности: *Francês, Inglês, Alemão*; индивидуальной характеристики личности: *Louro, Gordo, Alto*.

Фамилии, как и собственные личные имена, наделенные социальностью, возникают в эпоху позднего средневековья, отражая жизнь и социальные условия того времени. Фамилия указывает на принадлежность лица к определенному социальному слою общества. Предлог *de* в испанском и португальском языках не обязательно указывает на знатное происхождение, как это имеет место во французском языке, а является всего лишь одним из компонентов антропонимической модели.

Во всех иберо-романских языках есть языковые единицы или словосочетания, которые состоят из двух частей речи: притяжательного местоимения и существительного. Наибольшее количество таких языковых единиц содержится в португальском языке. Данную группу слов мы называем «прономинальные существительные», обладающей семантикой указания на конкретное лицо-участника в коммуникации. Прономинальные существительные образуют группу слов, которая входит в семантическое поле персональности (личное местоимение) в зону партисипантности (2-е лицо). Имя существительное, переходя в зону партисипантности 2-го лица, утрачивает значение предметности и приобретает обобщенно-личное значение личного субъектного местоимения. Такие слова, как правило, при переводе на иностранный язык, не имеющий данной группы слов, в том числе и на русский, переводятся как «ты» или «вы». Таким образом, при переводе указание на социальную градацию общества, заложенное в семантике этих слов, утрачивается, а обобщенно-личное значение личного субъектного местоимения остается.

Компоненты этой группы прономинальных существительных располагают грамматическими категориями рода и числа. В этой группе можно выделить несколько подгрупп языковых единиц отражающих семантику особой вежливости. Так, *Vuestra alteza* (исп.) / *Vossa alteza* (порт.) / *La vostra Alteza* (кат.) / *A Vossa Alteza* (галис.) – употребляются в отношении лиц, занимающих самое высокое положение в обществе. Лексемы, которые указывают на принадлежность к духовенству: *Vuestra Eminencia, Vuestra Reverencia* (исп.) / *Vossa Eminência, Vossa Reverência* (порт.) / *A vostra Eminencia, La vostra Reverência* (кат.) / *A Vossa Eminencia, A vosa Reverencia* (галис.). При обращении к государственным чиновникам, высокообразованным лицам используются *Vuestra Señoría* (исп.) / *Vossa Senhoria* (порт.). А языковые единицы *señor Doctor, senhor Ministro, señor Ingeniero, / o senhor Doutor, o senhor Ministro, o senhor Engenheiro / señor Doctor, senyor Metge, senyor Enginyer / o senhor Doutor, señor Ministro, señor Enxeñeiro* употребляются в отношении лиц, имеющих высокие профессиональные должности.

В португальском языке можно встретить такие обращения как *o doutor Curto; o engenheiro Silva*. В Бразилии, например, в разговорном узусе, при обращении к военному чину, можно наблюдать комбинацию воинского звания и фамилии: *O Tenente Barroso, o Major Ferreira*. А родственные связи отмечаются следующими формами: *o pai já comprou o livro? A mãe já preparou a comida?* На русский язык эти обращения переводятся при помощи личных партисипантных местоимений 2-го и 3-го лица единственного числа (ты, Вы): *papa, ты купил книгу? Мама, ты приготовила обед?*

В португальском языке особое место в парадигме прономинальных существительных, занимает лексема *gente* (люди), которая употребляется как синоним личного местоимения *nós* (мы). Это слово характеризуется категорией рода (ж.р.) и числа (ед.), локализуется в семантическом поле предметности, хотя и располагает семантикой собирательности. Число реализуется в коммуникации посредством предиката *A gente estuda = a gente estudamos* (Мы учимся).

Проминальные существительные, как правило, употребляются в устной речи, придавая дополнительную социальную коннотацию языковой единице.

Итак, изучая семантику иберо-романских антропонимов и проминальных существительных, которая содержит в себе указания на характер интерперсональных отношений человека и общества, мы пришли к выводу, что система языка представлена многими аспектами семантических значений, которые отражают все особенности социальной жизни каждой нации в ее языке, и одним из важнейших аспектов является социальный.

Список литературы

1. *Зеликов М.А.* Баскско-кельтские параллели в свете иберо-баскской основы *bel/bal* языка и культуры кельтов. – СПб, 1999. – С. 11-17.
2. *Зененко Н.В.* Диалектика структурных доминант: грамматика и дискурс (на материале иберо-романских языков). Диссер. на соиск. уч.ст. доктора филол. наук. – М.: Военный университет. 2010. – 407 с.
3. *Azevedo Ferreira J.* O papel da História da Língua na aula de Português / *Diactrica*. – Braga 1989, N3-4. – P. 91.
4. *Castro J.* A investigação antroponímica em Portugal // *Dictionnaire historique de noms de famille romans. Actes du I Colloque. Trèves / 10-13 décembre 1987.* – P.10-11.
5. *Estela E.* Dúvidas do Falar Português. V.II Lisboa, 1986. P. 132.
6. *Gray L.H.* L'origine de la terminaison hispano-portugaise. *Bulletin de la société de Linguistique de Paris*, 1935. T36 107. – P. 163-165.
7. *Mulon M.* / *Tipologie des nomes de français // Dictionnaire historique de noms de famille romans. Actes du I Colloque. Trèves / 10-13 décembre 1987.* P. 93.
8. *Nunes G.G.* *Compêndio de Gramática Histórica Portuguesa.* – Lisboa, 1956. – P. 202.
9. *Vasconcellos J.* *Classes de nomes pessoais. Lições de Filologia Portuguesa.* – Rio de Janeiro, 1966. – P. 389-391.

10.02.19

Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево, ayakafedra@ggtu.ru

СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА

Данная статья посвящена вопросу специфики использования фразеологизмов в произведениях Ч. Диккенса. В статье рассматриваются конкретные структурно-семантические и стилистические типы фразеологизмов, анализируются причины их употребления в художественном тексте.

Ключевые слова: *фразеология, фразеологизм, устойчивое сочетание, стиль, фразеологическое сращение, фразеологическое единство.*

Изучение фразеологии и анализ фразеологизмов всегда остаются актуальными задачами, так как словарный фонд любого языка активно пополняется. Фразеологизмы в художественных произведениях отражают индивидуальный стиль автора, зачастую национально, исторически и культурно обусловлены, поскольку культура каждого народа уникальна, отсюда существование различных языковых картин мира [5, с. 5].

By term phraseology we understand on the one hand a branch of linguistics which is concerned with set expressions, on the other hand the whole stock of set expressions in the language [4, с. 38]. Фразеологизм – это устойчивое по составу и структуре, лексически неделимое и целостное по значению словосочетание или предложение, выполняющее функцию отдельной лексемы [1].

Фразеологизмы придают речи и языку экспрессивность и помогают лучше отобразить эмоциональную окраску. В литературных произведениях необходимо особенно тщательно отбирать устойчивые сочетания, так как именно с помощью текста можно передать характер персонажа, и фразеологизмы показывают образ мыслей конкретного персонажа, его остроту ума и личное отношение к какой-либо ситуации. Художественному стилю свойственно употребление фразеологизмов, и по сравнению с другими стилями именно в нем их использование наиболее уместно.

Ч. Диккенс является одним из выдающихся британских писателей своего века. Лингвисты всецело признают его мировым классиком и величайшим прозаиком девятнадцатого века. Творчество данного писателя ценится большей частью ученых, так как его произведения очень точно и подробно передают весь колорит Англии XIX века. Помимо этого, автор внес значительный вклад именно в языковой фонд своими фразеологическими выражениями. Употребление фразеологизмов помогало дополнить общую картину и передать всю образность и экспрессивность языковой картины.

Рассмотрим часть фразеологических оборотов из некоторых произведений Ч. Диккенса [3]. По семантической классификации В.В. Виноградова мы обнаружили примеры фразеологических сращений [2]:

1. to have half a mind to do smth (намереваться сделать-либо / желать претворить что-либо в жизнь); оборот осложняется частицей “half”, что придает выражению усилительный тон и тем самым экспрессивность и эмоциональность фразы становится более конкретной.

2. to make no more impression (не произвести ни малейшего впечатления); фразеологизм из романа “David Copperfield”, фразеологизм вновь осложнен оборотом “no more”, и этот компонент подчеркивает отрицательную окраску фразы.

3. to be a very dragon at something (знать что-либо на зубок/ знать что-либо в идеале); фразеологизм из романа “David Copperfield”. Дополнительный компонент «very» служит в качестве усилителя и подчеркивает совершенство владения знаниями.

Также, в произведениях Ч. Диккенса можно найти фразеологические единства. Например:

1. to be born on the Queen's (King's) highway (быть рожденным на большой дороге); фразеологический оборот из произведения "Doctor Marigold's Prescriptions. Значение этого фразеологизма заключается в принадлежности к криминалу или другой какой-либо противозаконной деятельности. Добавочный компонент Queen's (King's) придает выражению комический оттенок, так как эти существительные передают образ благородства и величия, и сложно представить, как они могут стоять во фразеологизме со обозначением криминальной деятельности. Именно этим и достигается юмористический образ, и на самом деле компонент Queen's (King's) лишь усиливает иронию фразеологического оборота.

2. a very idiot of a kettle (болван/ глупец); фразеологическое выражение из произведения «the Cricket on the Hearth». В отрывке, где используется данный фразеологизм идет речь о чайнике, который невозможно было правильно установить, так как он постоянно переворачивался и вода выливалась. Компонент "a very idiot" снова придает выражению дополнительную комичность и образность.

В проанализированных произведениях Ч. Диккенса по большей части используются фразеологические сращения (40%), а также фразеологические единства (45%). Фразеологические выражения и сочетания употребляются автором неумеренно. Также, можно проследить тенденцию добавления автором вспомогательных компонентов, которые помогают придать тексту выразительность, категоричность и усилительный оттенок, а в некоторых случаях и иронический характер.

Проанализировав структурно-семантические особенности в некоторых работах писателя, стоит уделить внимание и стилистическим особенностям. В силу того, что у автора в его произведениях немало шутливых и иронических элементов, фразеологические обороты примерно поровну относятся к разговорному типу и книжному.

К разговорным фразеологическим оборотам можно отнести следующие выражения:

1. bony skeletons of clocks (костлявый / хрупкий каркас часов); фразеологизм из произведения "the Cricket on the Hearth". Достаточно нелегкой задачей является понять, что же хотел передать автор этим выражением, но смысл заключается именно в том, что часы были настолько шумными, что гремели подобно костям и пугали главного героя. Благодаря такому подбору слов мы понимаем фразеологизм в двух значениях. В первом случае, что каркас часов громко шумел при ходьбе стрелок, а во втором случае, что именно этим шумом, подобном «грохоту костей» он пугал рассказчика.

2. we are Cheap Jacks and they are Dear Jacks (фразеологизм из произведения "Doctor Marigold's Prescriptions"). В данном фразеологическом обороте прослеживается игра слов с прилагательным "cheap" и "dear". В своем произведении Ч. Диккенс описывает читателю два вида торговцев: первый – политики-торговцы, а второй абсолютно обычные. Фразеологический оборот "Cheap Jacks" уже имеет значение «кочующие торговцы/коробейники», но так как автор акцентировал внимание на том, что "Cheap Jacks" это именно политики-торговцы, фразеологизм приобретает следующее значение: «мы продаем задешево, а они по высокой цене». Такой прием придал выражению наибольшую стилистическую окраску и экспрессивность.

Переходя к фразеологическим оборотам книжного стиля, рассмотрим и проанализируем следующие выражения:

1. a heart of oak and men of straw (фразеологизм представлен в произведении "Doctor Marigold's Prescriptions"). В данном случае прослеживается некий параллелизм между первой и второй половиной фразеологизма. Оборот "a heart of oak" является эквивалентом уже устоявшегося "heart of stone", и тогда мы видим сходства, что в обоих случаях говорится о «равнодушной / бессердечной человеческой натуре. Во второй же части оборот "men of straw" приобретает значение людской слабости / трусости. Так значение фразеологизма приобретает отрицательную и оскорбительную окраску.

2. to live in a little cracked nutshell of a wooden house (фразеологизм из произведения "the Cricket on the Hearth"). Уже устоявшееся выражение "to live in a nutshell" Ч. Диккенс

дополняет компонентами “little”, “cracked” и «wooden house» и тогда фразеологизм «жить в ореховой скорлупке» становится более метафоричным и наиболее полно и колоритно показывает картину «хлипкий, старый домишко / избушка».

Таким образом, в своих произведениях Ч. Диккенс придерживается книжного (45%), и разговорного стиля (45%) фразеологических оборотов, для сохранения возможности выразить и иронические и шуточные высказывания, и при этом сохранить строгость и правильность языковых норм. Что касается семантических особенностей, слог автора больше тяготеет к фразеологическим сращениям и фразеологическим единствам. Ч. Диккенс в полной мере использует их, и оттого речь главных героев и само повествование текста получается необычайно ярким и выразительным.

На основе полученных нами результатов исследования мы можем сделать вывод о том, что количество фразеологизмов в английском языке огромно. Благодаря писателям и поэтам, английский фразеологический фонд непрерывно и активно пополнялся и пополняется новыми фразеологическими оборотами и устойчивыми словосочетаниями, тем самым развивая и обогащая язык. Фразеологизмы, которые встречаются в художественной литературе, вносят свой особый вклад в текст и общую концепцию произведения.

Список литературы

1. *Валентина Х.* Витамины речи и изюминки языка, или снова о фразеологизмах [Электронный ресурс]. – URL: <https://blog.tutoronline.ru/frazeologizmy> (дата обращения: 04.10.2022).
2. *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – 238 с.
3. *Диккенс Ч.* Малое собрание сочинений: Романы, повести, рассказы. – М., Азбука, 2016. – 960 с.
4. *Кириллова А.В.* Учебное пособие по лексикологии английского языка. – Орехово-Зуево: ГГТУ, 2016. – 111 с.
5. *Лесниковская И.В., Кириллова А.В., Остапенко О.Г., Широглазова Н.С., Писарихина А.С., Шурупова М.В., Меренкова Д.Е., Иванова Н.Г.* Специальные аспекты теории и практики перевода: учеб. пособие. – Орехово-Зуево: ГГТУ, 2014. – 308 с.

10.02.19

^{1,2}А.Л. Коляго канд. педагог. наук, ²Г.Л. Соколова канд. филол. наук,

¹Марийский государственный университет,
факультет иностранных языков,
кафедра иноязычной речевой коммуникации,
²Марийский государственный университет,
институт национальной культуры и межкультурной коммуникации,
кафедра межкультурной коммуникации,
kolyago@yandex.ru, askgalinasokol@gmail.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе представлены краткие результаты исследования в рамках проекта РФФИ 19-412-120002 р_а «Стилистический синтаксис сложных предложений в марийском языке». Выводы, полученные в ходе выполнения проекта, наглядно показывают, что сложные предложения в марийском языке, несмотря на их сравнительно молодую традицию использования в языке, обладают большим стилистическим потенциалом. Многочисленные стилистические средства и приемы, а также синтаксические фигуры, входящие в состав сложных предложений, создают эмоциональность, выразительность и образность письменной речи марийского языка.

Ключевые слова: *марийский язык, сложное предложение, экспрессивность.*

В 2019-2021 гг в рамках проекта РФФИ 19-412-120002 р_а было проведено исследование на тему «Стилистический синтаксис сложных предложений в марийском языке». Цель проекта состояла в комплексном исследовании стилистических возможностей сложных предложений в марийском языке. Конкретная задача в рамках проблемы, на решение которой было направлено исследование - выявление стилистических возможностей сложных предложений, стилистическая оценка используемых синтаксических средств, их закреплённость в языке книжной речи. Проект выполнялся на стыке двух разделов лингвистики - стилистики и синтаксиса. Впервые в марийском языкознании проводился системный анализ стилистико-синтаксических средств марийского языка.

Структура сложных предложений, их полнота и завершенность, эмоциональная и образная содержательность присущая им, отличает их от простых предложений. В сложных предложениях для предания речи яркости и выразительности используют стилистические средства выразительности и синтаксические фигуры речи. В марийском языке, имеющем сравнительно молодую письменную традицию, сферой использования сложных предложений является преимущественно книжная речь, которая строится согласно нормам, принятым в языке [1].

Как показало исследование, сложносочиненные предложения встречаются большей частью в языке художественной литературы. Сложноподчиненные предложения при выборе того или иного вида подчинительных отношений учитывают, как логическую сторону текста, так и его эстетическую составляющую. Исходя из этого, в нашем исследовании мы пришли к выводу о том, что в разных функциональных стилях речи, данный тип предложений распределен следующим образом: публицистический стиль представлен придаточными предложениями цели, образа действия и условными; в научном стиле преобладают сложноподчиненные предложения с причинными, условными, следствия и реже придаточными предложениями времени. Синтаксические традиции, сложившиеся в марийском языке, позволяют нам говорить о том, что из всех типов сложных предложений бессоюзные сложные предложения в большей степени близки структуре марийского языка,

так как для выражения сложной мысли в языке использовались простые предложения, следующие одно за другим. Было установлено, что в письменной речи бессоюзные предложения встречаются чаще в публицистическом, научном стиле и в языке художественной литературы. Отсутствие союзов в сложном предложении является уже само по себе элементом экспрессивности и выразительности. Бессоюзие придает повествованию характер непринужденности, динамизма, а иногда даже напряженности.

Одним из эффективных средств в выражении экспрессивности в сложных предложениях в марийском языке можно считать предложения с намеренным включением элементов разговорной речи. К таким элементам, как показал анализ примеров, по праву можно отнести в марийском языке союзы, частицы, послелого, междометия, звукоподражательные слова и различные виды повторов [2; 4].

В качестве экспрессивного элемента синтаксиса нами были изучены сложные предложения с эллипсисом в главной части и было установлено, что эллипс в марийском сложном предложении является заимствованием из русского языка и представляет, по нашему мнению, синтаксическую кальку из русского языка. Эллипс, служащий в современном языке целям экономии речи, создает экспрессивный оттенок разговорности и дает возможность охарактеризовать героев повествования, с другой стороны, позволяет кратко и ёмко дать определение явлениям и фактам действительности, что встречается чаще в языке публицистики.

Проанализировав случаи инверсии в сложных предложениях, мы смогли установить, что инверсия в марийском языке встречается преимущественно в поэтической речи и является наглядным примером того, что благодаря инверсии создается эффект экспрессивности, при помощи которого автор дает свою оценку происходящего и расставляет акценты на наиболее ценном и значимом для него.

К следующим значимым и стилистически окрашенным средствам, используемым сложными предложениями, можно отнести формы чужой речи, все её виды придают художественным произведениям образность и своеобразие. Несобственно-прямая речь в марийском языке имеет большее распространение, в отличие от прямой и косвенной речи. В данном виде чужой речи образность, эмоциональность и окрашенность включают в себя средства, используемые как прямой, так и косвенной речью. Словам *маньин, маньын, манмыла, манишыла* в придании образности и экспрессивности отводится особое место [5].

В современном марийском языке к продуктивным синтаксическим средствам экспрессивности относятся также фигуры речи. К одной из таких фигур можно отнести сложные предложения с однородностью частей. Однородность создает экспрессивность, сочетаясь с такими фигурами как повтор, период и параллелизм, которые встречаются практически в каждом из приведенных примеров.

В качестве признака экспрессивности может выступать сложная синтаксическая конструкция, представленная разными типами предложений, что уже само по себе создает экспрессию. Нами было установлено, что в построениях смешанного типа ведущая роль принадлежит сложносочиненным и бессоюзным сложным предложениям, в связи с их большей свободой, в отличие от сложноподчиненных предложений с их значением подчинения. Экспрессивные возможности сложных предложений смешанного типа в марийском языке многогранны, так как позволяют выразить и усилить оттенки значения всех предложений, входящих в их состав.

Среди всех синтаксических фигур, представленных в сложном предложении, большую экспрессию и эмоциональность речи придает лексико-синтаксическое средство повтора. Повтор, как фигура речи в марийском языке, представлен анафорой, эпифорой, нюансно-вариативным повтором и повтором подхватом [3].

Следующей по значимости и частоте употребления синтаксической фигурой можно считать фигуру периода, которая представлена в письменной речи в марийском языке в разных типах сложных предложений. От других синтаксических фигур речи период отличает эмоциональная насыщенность, лиричность, экспрессивность и возвышенность. Период в

марийском языке используют все типы сложных предложений. Однако, следует отметить, что период в составе сложного предложения в марийском языке представлен меньшим количеством компонентов, чем в русском языке. Это особенность объясняется тем фактом, что в марийском языке для выражения сложной мысли возможно прибегать к простым предложениям, следующим друг за другом, а придаточные предложения, почти все, как это замечают исследователи марийского языка, «...могут быть заменены причастными и деепричастными оборотами или же одиночными причастиями и деепричастиями, входящими в состав простого распространенного предложения, без ущерба для смысла высказывания» [1; 97].

Результаты, полученные в ходе выполнения проекта позволяют нам сделать выводы о том, что сложные предложения в марийском языке, несмотря на их сравнительно молодую традицию использования в языке, обладают большим стилистическим потенциалом. Многочисленные стилистические средства и приемы, а также синтаксические фигуры, входящие в состав сложных предложений, создают эмоциональность, выразительность и образность письменной речи марийского языка. Основные положения проекта были вынесены на обсуждение на международных, российских и региональных конференциях и были опубликованы в соответствующих изданиях. Полученные в ходе реализации проекта результаты легли в основу монографии «Стилистический синтаксис сложных предложений в марийском языке».

Список литературы

1. Современный марийский язык. Синтаксис сложного предложения. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961. – 150 с.
2. Соколова Г.Л., Коляго А.Л. Сложные предложения в марийском языке. Материалы IV Международной научно-практической конференция «Современные тенденции и инновации в области гуманитарных наук». 2019. – С. 107-112.
3. Соколова Г.Л., Коляго А.Л. Повтор как стилистическая фигура экспрессивности речи в сложном предложении в марийском языке. Казанская наука, № 9. 2020. – С. 107-111.
4. Galina L. Sokolova, Anna L. Kolyago. Complex Sentences in the Mari Language. Proceedings of ADVED 2019- 5th International Conference on Advances in Education and Social Sciences 21-23 October 2019- Istanbul, Turkey. – Pp. 291-294.
5. Galina L. Sokolova, Anna L. Kolyago. Expressive ways of reporting other person' speech in the Mari language. Proceedings of INTCESS 2020- 7th International Conference on Education and Social Sciences 20-22 January, 2020 - DUBAI (UAE). – Pp. 51-54

10.02.19

¹Н.В. Кулабухов канд. филол. наук, ²М.Л. Васильева канд. филол. наук

¹Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
Институт лингвистики и мировых языков,
кафедра лингвистики и иностранных языков,

²Калужская международная школа,
Калуга, kulabukhoff.nikita@yandex.ru, vml1412@mail.ru

К ОСОБЕННОСТЯМ РЕТРОАКТИВНОГО АСПЕКТА КООПЕРАТИВНОГО ОБЩЕНИЯ

Статья посвящена анализу коммуникативного взаимодействия субъектов конфликтного общения. Принципиальная стратегия действий виновника конфликта рассматривается как принесение извинения. Охарактеризованы параметры извинения взятого в респонсивном и нереспонсивном типах коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: *коммуникативное взаимодействие, субъект, конфликтная ситуация, извинение, апология.*

Ретроактивный принцип общения подчинен важной социо-психологической установке коммуникантов на гладкое, бесконфликтное протекание речевого и иного взаимодействия [1]. Обычно потребность такого протекания возникает не сама по себе, а в результате реального или прогнозируемого наличия угрозы кооперативного общения.

Помимо этих двух составляющих можно, на наш взгляд, выделить ситуации *post-hoc*, в которых угроза общению уже состоялась, но «выяснение отношений» еще не обрело статус облигаторного, хотя и требуется в соответствии с нормами и уложениями в данном конкретном социуме и даже в продуктивном человеческом общении в принципе. К подобным ситуациям относится ситуация извинения, к составляющим которой можно отнести деятельностные и субъектные.

Первые зарубежные специальные исследования по Извинению (далее в случае терминологического использования этого слова мы даем его с заглавной буквы) касались общих характеристик этого коммуникативного феномена, которое приносили субъекты-индивиды ('personal apologia'), обвиняемые в каком-либо проступке (см.: [4; 5; 7; 8; 9] и др.). Позднее в рамках этого РЖ стали исследоваться извинения групповых/коллективных субъектов ('corporate apologia') (см.: [2; 6] и др.).

Наблюдения этих авторов, которые не являются собственно языковедческими, хотя и, безусловно, связаны с общей и социумно-ориентированной коммуникативистикой, имеют, думается, прямое отношение и к теоретической лингвистике – в частности, к разделам 'прагматика речевого общения' и 'социолингвистика'. Именно с этой точки зрения и рассматривается в рамках данной статьи феномен Извинения.

Уточнение характеристик речевого жанра Извинение как варианта ретроактивного общения можно проводить двумя способами.

Первый способ – дедуктивно-умозрительный, когда выдвигается некоторая гипотеза относительно существа Извинения, а затем подбираются аргументы для ее обоснования.

Второй способ – индуктивный, предполагающий, например, изучение достижений в сфере установления существенных характеристик Извинения, критическое их осмысление и выбор определенного числа параметров в соответствии с реальной или прогнозируемой спецификой коммуникативно-речевой ситуации, в которой реализуется названный жанр.

В настоящей статье мы пойдем по второму пути и затронем вопрос о существенных параметрах Извинения, имея в виду их собственно лингвистическое рассмотрение.

В риторической теории и практике речевой жанр Извинение издавна имеет значение 'речи самозащиты'. Англоязычный же термин *apologia* появляется в 1533 г. в значении

“The pleading off from a charge or imputation, whether ex-pressed, implied, or only conceived as possible; defense of a person, or vindication of an institution, etc., from accusation or aspersion” (см. издания Oxford dictionary разных лет). Как глагол этот термин регистрируется в конце XVI в. уже с добавлением значения ‘принесение извинения’ (*making excuses*).

Согласно [3, с. 81], значение ‘защита’ несколько выбивается из общей канвы узуса рассматриваемого термина, однако до сих пор сохраняется в научном и религиозном контекстах. Данный термин, как несложно предположить, имеет свои семантические особенности, связанные, в частности, с его этимологией.

Изначально термин *απολογία* (от др.-греч *απολογος* – ‘повествование’) вообще принадлежал поэтике и относился к ямбическому трехстопному строению стиха.

В ранней (5 в. до н.э.) софистике, например, у Исократы ‘апология’ рассматривается как один из четырех основных типов речей (в современном понимании – речевых жанров) наряду с ‘обвинением’, ‘панегириком’ и ‘наставлением’.

Гермагор рассматривал этот речевой жанр в контексте своей концепции *стазисов*, и для достижения успеха жанр *απολογία* должен быть максимально ориентирован на обвинительные *стазисы* факта (для него следует приводить отрицание действия), дефиниции (отрицание признаков Проступка в признаваемом факте действия), качества (указывая на незначительность Проступка) и юрисдикции (неправомочность рассмотрения обвинения-категории в конкретных обстоятельствах).

У Платона дискурсивный феномен ‘апология’ означал один из двух риторических жанров в рамках своеобразной дискурсивной пары с ‘Обвинением’ (*κατέυορία*).

У Аристотеля он осмысливался безотносительно к терминологическому разделению названной оппозиции жанров, но в строго системном отношении, т. е. именно как компонент этой пары [10].

Исходя из соображений, высказанных этими выдающимися мыслителями, мы предлагаем различать:

(1) речевой жанр Апологию как респонсивно-зависимое монологическое событие, реализующееся рядом коммуникативных стратегий (например, собственно извинение, оправдание и т.п. – см.: состоящее из ходов, осуществляемых сторонами в диалоге;

(2) речевой жанр Извинение как коммуникативное действие – монологическое формально независимое речевое событие принесения извинения от виновной стороны. Имеется в виду, что хотя Извинение и реализуется ретроактивно, т.е. в ответ на некоторое действие, но это действие может быть представлено двояко.

В случае Апологии – это респонсивное Извинение, которое вызывается предшествующим дискурсом-Категорией в платоновом смысле, т.е. ретроактивность здесь имеет дискурсивный характер. Иначе говоря, при Апологии имеет место вербальный эксплицитный запрос на принесение Извинения.

В случае же Извинения эксплицитный запрос вербального характера отсутствует, и извинение приносится в инициативном порядке, так что стимулом здесь являются, во-первых, совершенный проступок, во-вторых, принесение страданий обиженному, в-третьих, стремление наладить поврежденный социумный гомеостаз.

В связи с таким разделением можно ожидать при построении извинения-Извинения большей свободы выражения и собственно разнообразия, нежели в случае извинения-Апологии, где протагонист извинения вынужден опираться на те конкретные моменты обвинения, которые были эксплицитно высказаны в его адрес.

Таким образом, поставленные в статье вопросы имеют выход в целый ряд областей, в которых сам феномен ретроактивности еще ждет своего осмысления. Находясь в общепарадигмальном пространстве принципа Вежливости, рассмотренный дискурсивный феномен Извинение одновременно располагается на его периферии, потому что связан не только с проблемой разрешения конфликта, но и с вопросами самопрезентации, вербальной обороны, проблемами социокультурного и гендерного планов. Проблема подробного освещения этих ракурсов Извинения еще ждет своего лингвистического решения.

Список литературы

1. *Васильев Л.Г.* Проблема речевого воздействия: отечественные и зарубежные подходы. Калуга: Калужский гос. ун-т, 2016. 152 с.
2. *Benoit W.L.* Sears' Repair of Its Auto Service Image: Image Restoration Discourse in the Corporate Sector // *Communication Studies*. 1995. Vol. 46. Nos.1&2. P. 57–72.
3. *Boyer A.R.* Lifting 'The Long Shadow': Kategoria and Apologia in the Legacy of the Tuskegee Syphilis Study: PhD Dissertaion. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2010. 261 p.
4. *Butler S.D.* The Apologia, 1971 Genre // *Southern Speech Communication Journal*. 1972. Vol. 32 No. 3. P. 281–289.
5. *Gold E.R.* Political Apologia: The Ritual of Self-Defense // *Communication Monographs*. 1978. Vol. 45 (November). P. 306–316.
6. *Hearit K.M.* Mistakes Were Made: Organizations, Apologia and Crises of Social Legitimacy // *Communication Studies*. 1995. Vol. 46. P. 1–17.
7. *Hoover J.D.* Big Boys Don't Cry: The Values Constraint in Apologia // *Southern Communication Journal*. 1989. Vol. 54. No. 3. P. 235–252.
8. *King R.L.* Transforming Scandal into Tragedy: A Rhetoric of Political Apology // *Quarterly Journal of Speech*. 1985. Vol. 71. No. 3. P. 289–301.
9. *Nelson J.* The Defense of Billie Jean King // *Western Journal of Speech Communication*. Vol. 48. No. 1. P. 92–102.
10. *Ryan H.R.* Kategoria and Apologia: On Their Rhetorical Criticism as a Speech Set // *Quarterly Journal of Speech*. 1982. Vol. 68. No. 3 P. 254–261.

10.02.19

**М.В. Максимова канд. филол. наук, Л.А. Калинина канд. филол. наук,
М.В. Салтыкова канд. педагог. наук, М.В. Биянова канд. филол. наук,
О.В. Ельцова канд. филол. наук, И.Ю. Лыскова канд. филол. наук**

Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко,
кафедра иностранных языков и удмуртской филологии,
Глазов, marimax78@yandex.ru, mary-alex77@mail.ru,
m.byanova@mail.ru, eltzowa@mail.ru, lyskova.i@inbox.ru

ПОНЯТИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ И СПЕЦИФИКА ЕГО ТОЛКОВАНИЯ В РУССКОМ, НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В настоящее время термин «толерантность» используется во всем мире. Зачастую его используют, не зная точного значения, при этом понятие искажается, что и составляет проблему. Целью данной статьи является изучение этимологии слова и оттенков его значения среди русскоговорящих и иностранных участников общения, в частности, немцев и англичан.

Ключевые слова: *толерантность, терпимость, политкорректность, эвфемизмы, английский язык, немецкий язык, русский язык.*

Изучение вопроса в источниках на немецком языке (научных и научно-популярных статьях сети Интернет, словарей разного типа) показало следующее. Лежащий в основе глагол «терпеть» был заимствован из латинского *tolerare* (терпеть) в 16 веке. Значение прилагательного «толерантный» - «терпимый, снисходительный, великодушный». Изначально слово относилось к религиозной сфере, также применялось по отношению к политическим и государственно-правовым связям во времена гуманизма [5]. Согласно словарю *Lexicon*, это «уважение мнений, ценностных представлений, поведения других; допустимое отклонение». В области социальной этики это готовность применять или признавать другие взгляды, обычаи и привычки в вопросах религиозных, политических, мировоззренческих и культурных убеждений, в отличие от фанатизма и нетерпимости [5].

По мнению немецкоговорящих исследователей, слово приобрело очень широкий смысл, значительно выходящий за рамки изначального значения. Так, германист Гюнтер Дроздовский утверждает, что глубинное значение слова «кажется довольно пассивным, как будто вы все равно не можете сопротивляться тому, что происходит с вами» [6].

Интересно, что более подходящим термином немецкие ученые считают принятие. Термин «принятие» происходит от латинского *«accipere»*, что означает «одобрять» или «принимать». Смысловая разница такова: «принятие» это нечто хорошее, активный процесс, «терпение» же кажется довольно пассивным, как будто вы все равно не можете сопротивляться тому, что происходит с вами» [6].

В философии и социологии понятие «толерантность» рассматривается как «цивилизованный компромисс», профессиональное качество, необходимое прежде всего политикам, администраторам. В педагогических исследованиях слово определяется как готовность принимать любых детей, не разделяя на «своих» и «чужих». В работах лингвистов упор сделан на выявлении отличий лексем «толерантность» и «терпимость».

Слово стало модным, его активно начали употреблять в речи политики, журналисты, педагоги и др. Повышенный интерес общества к этому понятию способствовал быстрому его освоению. Семантически оно сблизилось со словами «терпимость», «снисходительность», «мягкость». В качестве наиболее употребительных антонимов к нему стали использоваться «интолерантность», «нетолерантность» и «нетерпимость». Интересно, что в многочисленных исследованиях, посвященных слову «толерантность», отмечается его многозначность.

Например, Н. С. Меньшикова утверждает: «В русском языке толерантность понимается, во-первых, как отношение и соотносится со словом "терпимость", а во-вторых, как деятельность, поведение и соотносится со словом "ненасилие"» [2: 15]. Такое замечание важно, потому что иноязычные слова, появившись в языке, обычно продолжительное время остаются среди однозначных лексем.

Ассоциации, которые вызывает это слово, имеют как положительную окраску (*терпение, сдержанность, народ, ценность*), так и отрицательную (*безразличие, приспособленность, ложь*). Отрицательные ассоциации нередко имеют конкретное содержание: *чернокожий, монах, лгбт* и др. Слово «терпимость» имеет больше положительных ассоциаций: *понимание, стойкость, выдержка, человеколюбие, мудрость, смирение* и т.д.

Очень показательны словообразовательные связи, которыми «обросло» слово «толерантность» за недолгий период: *нетолерантность, интолерантность, иммунотолерантность, толерантный, интолерантный, толерантно, толерантненький, толерантненько* и даже *толерант, толераст, толеранс, толерастия*. Такая словообразовательная активность подчеркивает динамичное освоение слова носителями языка. Наиболее употребительными являются приставочный и суффиксальный способы.

Синтагматические связи слова также многообразны: «толерантность» обычно сочетается с прилагательными *национальная, религиозная, этническая, коммуникативная, психологическая, социальная, ролевая, деструктивная, политическая*. Можно заметить, что семантика прилагательных содержит те «конфликтные зоны», на которые направлено понятие «толерантность». Среди сочетаемости с существительными выделяются примеры *воспитание толерантности, формирование толерантности, культура толерантности*, что подчеркивает значимость проблемы. Нередко синтагматические связи этого слова определяют субъектно-объектные отношения: *толерантность государства, толерантность педагогов, толерантность родителей, толерантность обучающихся, толерантность к меньшинствам*. Сочетаемость с глаголами менее разнообразна: наиболее употребительны словосочетания *проявлять толерантность, воспитывать толерантность, призывать к толерантности*.

Таким образом, слово «толерантность», несмотря на неоднозначное отношение к нему носителей русского языка, прочно вошло в речь современного человека.

Одним из проявлений толерантности как идеологии является политкорректность.

Данное явление рассматривается в ученой среде по-разному: с одной стороны ученые определяют политкорректность как языковое явление, с другой стороны – как культурное явление, политический инструмент и средство манипуляции общественным сознанием через средства массовой информации. К исследователям первой группы можно отнести группу российских ученых, таких как А.В. Белякова и С.Г. Тер-Минасова. Так, последняя рассматривает политкорректность в большей степени применительно к области языка. «Политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.; языковая корректность – весьма положительное старание не обидеть, не задеть чувства человека, сохранить его достоинство, хорошее настроение, здоровье, жизнь» [4: 126].

Однако И.А. Быков полагает, что политкорректность следует рассматривать как проявление идеологии либерализма в условиях мультикультурного и разнородного общества, в котором последовательно отстаиваются права личности и гражданина [1:48].

Таким образом, исходя из приведенных выше определений, можно говорить о многогранности, многоаспектности понятии «политическая корректность и толерантность». Наиболее существенными являются два аспекта политической корректности: культурно-поведенческий аспект (тесно связан с идеологией и политикой, особенно в области образования) и языковой аспект, который проявляется в поиске новых средств языкового выражения и корректировке языкового кода.

Список литературы

1. *Быков И.А.* Политкорректность и толерантность как принципы современной политической коммуникации/ И.А. Быков//Ценностное содержание журналистики: культура социальных отношений и межкультурное взаимодействие. Материалы научно-практической конференции. Издательство: Издательство Роза мира (Санкт-Петербург), 2008. - С. 92-104.
2. *Меньшикова, Н.С.* Феномен «толерантность»: сущностная характеристика и правовые основы формирования культуры толерантности в эпоху мультикультурализма //Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 3 (67). – С. 15–18.
3. *Растатуева С.Г.* Репрезентация концепта «толерантность» в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук :10.02.01 / Растатуева С. Г. – Елец, 2008. – 19 с.
4. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2008. – 368 с. – ISBN 978-5-211-05472-1. – Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт]. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/13162.html> (дата обращения: 30.03.2022).
5. Lexicon URL: https://universal_lexikon.de-academic.com/25201/Toleranz (дата обращения: 10.05.2022)
6. *Reichlin M.* Akzeptanz vs. Toleranz – Bedeutet Toleranz eigentlich „Ausgrenzung“? URL: <https://uni.de/toleranz> (дата обращения: 10.05.2022).

10.02.19

¹Л.Н. Мирошниченко канд. филол. наук, ²Л.Н. Фоменко канд. филол. наук

¹Кубанский государственный университет,
Романо-германская филология,
кафедра новогреческой филологии,
Краснодар, iousova@mail.ru,

²Академия маркетинга и социально - информационных технологий – ИМСИТ,
Кафедра Педагогики и международных коммуникаций,
Краснодар, fomvon@mail.ru

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВ В ЛИНГВО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ ГРЕЧЕСКОГО И АНГЛИЙСКИХ ЯЗЫКОВ)

В данной статье, во-первых, исследуется взаимовлияние греческого и английского языка в процессе развития двух языков, виды и пути заимствований, наблюдается взаимопроникновение языков на лексическом, грамматическом и фонетическом уровнях. Во-вторых, рассматривается историческая эволюция влияния греческого языка на английский, а также степень и глубина влияния не только вышеуказанных языков, но и других языков на объект нашего изучения.

Ключевые слова: *английский, греческий, заимствование, взаимовлияние, историческая эволюция.*

Язык что в древние времена, что в наши дни не должен находиться в состоянии стагнации. Другими словами, на протяжении веков языки, которые прекращали развиваться, обогащаться за счет других языков, впитывать новые слова, новые семантико-грамматические элементы, со временем переставали существовать. Так произошло с древнегреческим и латинским языками.

Огромное количество иностранных слов вошли в обиход английского языка через языки-посредники: греческий, французский, испанский. Но еще раньше таким третьим лицом были древнегреческий и латинский. Свое историческое наследие оставила Византийская империя в продолжении Римской империи в ее восточных провинциях в период поздней античности и средневековья, особенно в таких отраслях как философия, медицина, юриспруденция и церковь.

Еще до конца XVII в. на латинском языке учеными умами писались научные трактаты, а дипломаты изобиловали латинскими выражениями в своих ораторских речах. При этом латынь широко использовалась церковью и образовательными учреждениями. Однако, даже в словарях полную информацию об этимологии не всегда удается найти. Часто в словарных статьях описание заканчивается латинским языком и нет никаких сведений о греческих корнях заимствованного слова [2].

Заимствования из греческого языка, так же, как и заимствования из других языков, подвергались трансформации (фонетической, морфологической и часто семантической) в соответствии с языковыми нормами и требованиями английского языка.

Особенно наглядно различия в значениях исконно английских и заимствованных слов проявляются в результате сопоставления существующих параллельно в языке двух приблизительно одинаковых по значению слов.

Иногда греческое слово имеет более абстрактное значение, а его английский синоним – более конкретное значение, в других случаях – ситуация обратная.

Однако самое широкое распространение в лексических заимствованиях принадлежит различиям между английским и греческим синонимом, часто остающимся за рамками интерпретации, состоящим в более тонких оттенках значений. Причем данные различия в

значении сопоставляемых синонимов могут иметь как логико-семантический характер, так и стилистический, например: *ελεχειρματίας – σπόνσορας* (спонсор).

Особенность греческого языка проявляется и в том, что он является источником огромного количества интернациональных научных терминов, особенно из области математики, философии, географии, психологии и др. К таким словам относятся, например [3]:

<i>Греческое</i>		<i>Английское</i>		<i>Русское</i>
<i>ανάλυσις (-η)</i>	–	Analysis	–	Анализ
<i>ψυχολογία</i>	–	Psychology	–	психология
<i>θεολογία</i>	–	Theology	–	Теология
<i>φιλοσοφία</i>	–	Philosophy	–	философия
<i>φιλολογία</i>	–	Philology	–	филология
<i>κωμωδία</i>	–	Comedy	–	Комедия
<i>Ιδέα</i>	–	Idea	–	идея, мысль

Большое количество медицинских терминов в английском языке имеют греческое происхождение, например [3]:

<i>Греческое</i>		<i>Английское</i>		<i>Русское</i>
<i>πνευμονία</i>	–	Pneumonia	–	Пневмония
<i>διαβήτης</i>	–	Diabetis	–	Диабет
<i>τραχεία</i>	–	Trachea	–	Трахея
<i>επιδερμίδα</i>	–	Epidermis	–	Эпидермис
<i>Νεύρο</i>	–	Nerve	–	Нерв
<i>ανατομία</i>	–	Anatomy	–	Анатомия
<i>θερμόμετρο</i>	–	Thermometer	–	Термометр
<i>αναιμία</i>	–	Anemia	–	Анемия
<i>αμνησία</i>	–	Amnesia	–	Амнезия

Учет этих критериев указывает на высокую ценностную значимость заимствований, почерпнутых из греческого языка. Об этом пишет А. Константиnidис, подчеркивая, что 700-800 греческих слов незаменимы в европейских языках, поскольку не имеют соответствий. Это такие слова, как: *alphabet, athlete, comedy, center, christian, crisis, cycle, democracy, dogma, dialogue, diameter, dynamic, drama, economy, energy, ethics, geometry, geography, grammar, harmony, history, idea, logic, mathematics, method, meter, music, orchestra, symmetry, parallelsystem, prism, problem, program, philosophy, physics, syllable, poem, theater, theology, theory, tragedy* (алфавит, атлет, комедия, центр, христианин, кризис, круг, демократия, догма, диалог, диаметр, динамика, драма, экономия, энергия, этика, геометрия, география, грамматика, гармония, история, идея, логика, математика, методика, метр, музыка, оркестр, симметрия, параллельная система, призма, проблема, программа, философия, физика, слог, поэма, театр, теология, теория, трагедия) и др. [4].

Мы разделяем точку зрения А. Константиnidиса [5] и полагаем абсурдным причислять такие слова, как *energy, drama, amphibious, geography, amphitheater, dilemma* (энергия, драма, амфибия, география, амфитеатр, дилемма) к заимствованиям из латинского языка, а слова *angel, crystal, democracy, center, geodesy, hemorrhage, idiom, theology* (ангел, кристалл, демократия, центр, геодезия, кровоизлияние, идиома, теология) – к заимствованиям из французского. Взаимное влияние языков подтверждается и наличием большого числа английских заимствований в греческом языке. Их можно разделить на несколько тематических групп [6].

Большая часть английских заимствований появилась в греческом языке как средство названия новых вещей и выражение неизвестных прежде понятий, однако встречаются также и английские синонимы имеющих в греческом языке лексем, которые, являясь вторичными наименованиями уже известных предметов и явлений, используются для вербализации нюансов значения или стилистических оттенков: *экономика (οικονομία, τσάρτερ,*

10.02.19

О.А. Мусорина, Н.С. Данкова,

Пензенский государственный университет,
Историко-филологический факультет,
кафедра «Английский язык»,
Пенза, pgu-english@mail.ru

**«ЛЕНИНИАНА» НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»:
ДИСКУРСИВНЫЕ ТАКТИКИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВОЖДЯ**

В статье представлены результаты анализа публикаций детского журнала «Пионер» (1979-81-х гг.). Авторы ставят перед собой цель определить дискурсивные тактики репрезентации личности В.И. Ленина, а также проанализировать языковые средства их реализации. В ходе работы выделены следующие тактики: акцентирование авторитета, солидаризация, моделирование положительного примера, сакрализация, апелляция к чувствам, апелляция к ответственности. В заключение сделан вывод о том, что данные тактики способствовали акцентированию идеологических установок, характерных для советского общества, и обеспечивали ребенка образцом для подражания.

Ключевые слова: Ленин, тактика, репрезентация, журнал «Пионер».

1. Введение

Данная статья является частью проекта, направленного на изучение дискурсивных способов моделирования советского общества. Ранее рассматривались репрезентации общественных и общечеловеческих ценностей в детских периодических изданиях [5], репрезентации общественных отношений, конструируемых советскими СМИ и др. [2].

Одной из характерных черт советских дискурсивных практик являлась популяризация и сакрализация личности первого советского вождя В.И. Ленина. Поскольку современное российское общество ментально унаследовало, сохранило и культивирует многие советские ритуалы и практики, данная тема не теряет своей актуальности.

Цель данной работы – выявить дискурсивные тактики репрезентации личности В.И. Ленина на страницах журнала «Пионер», а также проанализировать языковые средства их реализации.

Методологическую основу исследования образует критический дискурс-анализ, устанавливающий связь между языком и социальной действительностью. Методологическую важность представляют исследования, посвященные изучению дискурсивных стратегий и тактик, способствующих достижению коммуникативных целей [6]. Вслед за О.Л. Михалевой, под тактикой будем понимать «конкретный этап реализации коммуникативной стратегии, определяемый интенцией говорящего, эксплицированной совокупностью приемов, обуславливающих применение языковых средств» [8, с. 45].

Материалом послужили публикации детского журнала «Пионер» (1979-81-х гг.). Выбор периода связан с тем, что он хронологически близок к старшему поколению россиян и является ценностно значимым для многих наших сограждан. Материал отбирался методом сплошной выборки. Общее количество проанализированных источников – 36 изданий. Количество печатных материалов, посвященных личности В.И. Ленина составило 45 публикаций. Кроме того, были изучены мультимодальные средства, такие как фотографии, изображения, картинки, общее число которых составило 34 материала.

2. Репрезентация образа В.И. Ленина в советский и постсоветский период.

Личность В.И. Ленина окружала советского человека с рождения и на протяжении всей его жизни, являлась частью личной коммуникации и советской повседневности. Следовательно, теоретические источники по данной теме многочисленны и делятся на

материалы советского и постсоветского периода. В качестве примера советских источников приведем биографию В.И. Ленина, написанную под эгидой Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС [3], и сборник произведений В.И. Ленина [10]. Советская Лениниана для детей начала зарождаться еще при жизни В.И. Ленина и сформировалась как полноценный жанр после смерти вождя [11]. Подробный анализ художественных произведений о Ленине для детей дан в дипломной работе Е.Н. Коротковой «Лениниана в детской литературе: жанры, поэтика, функции» [7].

Каждое из произведений репрезентовало личность и наследие вождя, используя многообразные дискурсивные тактики, жанры и приемы. Образ В.И. Ленина превратился в идеологему: не просто человек, но герой, лишенный недостатков, образец для подражания, истина в последней инстанции, верховный судья. В период перестройки и гласности началась переоценка советского наследия: «Ленин, десакрализован, демонизирован, дискредитирован, осмеян, коммерциализирован и, наконец, реабилитирован для нужд «обновленной» Российской Коммунистической партии середины 90-х годов» - писала в 1996 г. американский историк Н. Тумаркин в предисловии к русскому изданию своей книги [11, с.7]. В советской прессе начались дискуссии на тему актуальности ленинского наследия. Подробный анализ материалов прессы 1990-х гг. дает А. Юрчак [13, с.171-175]. Кроме того, сотни и тысячи граждан получили возможность высказывать свое мнение публично и давать объяснение событиям советского прошлого. В результате, в конце 1980-х и в 1990-е гг. появился ряд интерпретаций личности В.И. Ленина, в том числе довольно абсурдных [12].

Политические, культурно-исторические и мифологические аспекты культа Ленина анализируются в исследовании Н. Тумаркин [11]. Формированию и развитию художественного образа В.И. Ленина в советском кинематографе посвящена статья А.А. Венкова [1]. Исследователи советских детских периодических изданий отмечают обязательное присутствие в материалах образов представителей власти, в том числе и «дедушки Ленина» [4].

Таким образом, анализ источников советского и постсоветского периода свидетельствует, что вопросы формирования и интерпретации образа В.И. Ленина до сего времени продолжают привлекать исследователей.

3. Дискурсивные тактики репрезентации вождя

Проведенный анализ выявил ряд тактик, используемых в детских периодических изданиях для репрезентации личности В.И. Ленина и направленных на решение воспитательных задач. Одной из основных тактик является **тактика акцентирования авторитета**. В этой связи характерно использование лексических единиц с семантикой лидерства. Так, следующие номинации подчеркивают социально-политическую роль В.И. Ленина как главы государства, с одной стороны, и народного предводителя, с другой стороны: *вождь трудового народа, гениальный стратег революции, революционер и преобразователь мира* (Пионер 1980, № 4); *основатель марксистской революционной партии, вдохновитель и вождь Великой октябрьской социалистической революции, основатель первого в мире социалистического государства вдохновитель и организатор социалистического строительства* (Пионер 1979, № 12); *великий наставник* (Пионер 1980, № 1).

Репрезентация В.И. Ленина в качестве советского лидера представлена метафорично в следующем фрагменте, в котором Ленин изображен в образе знамени, что подчеркивает его главенствующую роль и предполагает всеобщее равнение на него:

Ленин дорог нам не только потому, что он – знамя нашей революции, <...> (Пионер 1980, № 4).

Помимо языковых средств, следует отметить мультимодальные средства, которые широко использовались в детской периодике для репрезентации вождя. Так, на одном из рисунков Ленин показан на съезде партии, окруженный людьми, которые внимательно его слушают (Пионер 1980, №10). Любопытно обратить внимание на расположение участников съезда: Ленин стоит, возвышаясь над остальными, тогда как члены партии изображены сидящими на стульях, что, на наш взгляд, подчеркивает роль Ленина как предводителя партии народа.

Противоположной тактике акцентирования авторитета, которая направлена на репрезентацию Ленина как вождя, стоящего во главе народа, является **тактика солидаризации**, нацеленная на конструирование группы «мы» и позволяющая представить Ленина как «одного из нас», что достигается использованием лексических единиц семантического поля «Дружба», таких как *товарищ Ленин* (Пионер 1980, № 4), *лучший друг детей и молодежи* (Пионер 1979, № 12), а также фотографиями и рисунками, на которых Ленин представлен в окружении людей, находясь с ними на равных.

Еще одной тактикой, которая широко используется в воспитательных целях, является **тактика моделирования положительного примера**. Прежде всего, следует отметить репрезентации, посвященные успехам Ленина в учебе и труде. Так, следующие эпитеты, характеризующие гимназиста Володю Ульянова, актуализируют ценность знаний и ответственного отношения к учебе: *талантливый, усердный, аккуратный достойнейший* (Пионер 1979, № 9).

В качестве мультимодальных средств представлена фотография золотой медали гимназиста Ульянова (Пионер 1979, № 9). Нужно также отметить множество иллюстраций, на которых Ленин изображен за работой.

Помимо учебы и работы, использование данной стратегии актуализирует такие общественные ценности, как уважение и почитание родителей, любовь к ближнему, дружба и др. Так, следующий пример, содержащий прием диалогизации заставляет ребенка задуматься, так ли внимательно он относится к своим родителям, как следует, согласно примеру Владимира Ильича:

До предела жил напряженно, но всегда находил для матери ласку и время. Так ли вы, ребята, любите своих родителей? (Пионер 1980, № 2)

Следующий фрагмент, актуализирующий ценность дружбы, также способен потенциально воздействовать на читателя, мотивируя ребенка бережно относиться к дружбе и любить ближнего:

А дружба с товарищами! У Владимира Ильича всегда было очень много друзей. <...> Но и вообще Владимир Ильич любил людей. <...> «Подумаем и мы с вами о наших дружбах», – говорила учительница на той долгой, волновавшей всех встрече (Пионер 1980, № 2)

Повелительное наклонение глаголов в следующем фрагменте призывает читателя следовать примеру Ленина, позиционируя его как образец для подражания:

Учитесь у Ленина. Будьте, как он (Пионер 1980, № 1).

Будучи образцом для подражания, Ленин представлен как идеальный человек, что достигается использованием **тактики сакрализации**. В этой связи характерно использование лексических единиц с семантикой величия и культа, что показано в следующих примерах, которые содержат эпитеты, создающие образ человека-идеала, являющегося объектом почитания и поклонения:

Ленин был великим человеком (Пионер 1980, № 1).

Сколько чувств пробуждает в душе и это священное для каждого из нас имя! (Пионер 1980, № 4)

Помимо лексических языковых средств, данная стратегия реализуется грамматическими средствами языка, а именно, использованием превосходной степени прилагательных: *величайший мыслитель, самым мудрым и человечным современником, величайшая человечность* (Пионер 1980, № 4) и др.

Согласно репрезентациям детских периодических изданий, Ленин представлен как близкий и любимый человек посредством **апелляции к чувствам**. Данная тактика актуализируется использованием эмоционально окрашенной лексики, что показано в следующих примерах, в которых Ленин позиционируется как член семьи каждого советского человека:

Память о Ленине дорога и близка каждому советскому человеку (Пионер 1979, № 11).

Помните Ленина. Любите Ленина (Пионер 1980, № 1).

Согласно репрезентациям журнала «Пионер», каждому советскому ребенку вменялось в обязанность воплощать и продолжать ленинские идеи посредством использования **тактики апелляции к ответственности**. Данная тактика реализуется прежде всего средствами деонтической модальности. Приведем пример:

<...> *каждый пионер должен выполнять заветы В.И. Ленина* (Пионер 1979, № 9).

Любопытно также отметить, что обращение к читателям журнала «Пионер» представлено лексической единицей *ленинец*, подразумевающей, что каждый советский ребенок является продолжателем идей и идеологических установок, заложенных Л.И. Лениным:

Юный ленинец! (Пионер 1980, № 4)

4. Выводы

Проведенный анализ выявил следующие тактики, используемые в детских периодических изданиях для репрезентации личности В.И. Ленина: акцентирование авторитета, солидаризация, моделирование положительного примера, сакрализация, апелляция к чувствам, апелляция к ответственности. Языковой спектр реализации обозначенных тактик широк и включает лексические, грамматические, образные средства языка, а также мультимодальные средства. Выявленные тактики способствовали акцентированию идеологических установок, характерных для советского общества и обеспечивали ребенка образцом для подражания.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00775, проект «Медиатизированная модель советского общества в детской периодике», <https://rscf.ru/project/22-28-00775/>

Список литературы

1. Венков А.А. Образ В.И. Ленина и его трансформация в советском художественном кинематографе// Новое прошлое. – 2019. № 1. – С. 32-47.
2. Видинева Н.Ю. Специфика репрезентации общественных отношений в журнале «Костер» (1970—1980 годы) // Научный диалог. – 2022.Т.11. № 5. – С.195–210. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-195-210.
3. Владимир Ильич Ленин. Биография. Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат, 1963. – 703 с.
4. Головашина О.В. Гражданин и государство в Советском Союзе: лингво-когнитивное моделирование// Fractal Simulation. – 2013. № 1. – С. 41-55.
5. Дубровская Т.В. Мир русской литературы в детском журнале «Пионер» 1970-80-х годов // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. – 2022. № 1. – С. 20–26.
6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 4-е. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.
7. Короткова Е.Н. Лениниана в детской литературе: жанры, поэтика, функции. Дипломная работа. – СПб., 2007. – Электронный ресурс: https://infourok.ru/diplomnaya_rabota_leniniana_v_detskoj_literature_zhanry_poetika_funkcii-376762.htm (Дата обращения 28.08.2022 г.).
8. Михалева О.Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 9.
9. Позднякова Г.И. Какой человек нам нужен. Выдающиеся деятели КПСС о детской литературе и детском чтении. – Ленинград: Детская литература, 1980. – С. 26, 32-33, 148-148.
10. Сборник произведений В.И. Ленина: Для учащихся сред. школ, сред. проф.- тех. уч-щ и сред. спец. учеб. заведений. – 6-е изд. – М.: Политиздат, 1985. – 447 с.
11. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России/ Пер. с англ. С.Л. Сухарева. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. – 288 с.
12. Yurchak A. A Parasite from Outer Space: How Sergei Kurekhin Proved That Lenin Was a Mushroom// Slavic Review. 2011. Vol. 70. # 2, pp. 307-333.
13. Yurchak A. The canon and the mushroom// Hau: Journal of Ethnographic Theory. 2017. #7 (2), pp. 165-198.

*10.02.19***О.Н. Польщикова канд. филол. наук**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
институт межкультурной коммуникации и международных отношений,
кафедра русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации,
Белгород, polshchikova@bsu.edu.ru

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В работе представлены результаты дифференциации терминов компьютерной лингвистики по тематическим группам. В ходе исследования выявлены восемь тематических групп в анализируемой терминологии, представлены соответствующие примеры.

Ключевые слова: *тематические группы, компьютерная лингвистика, терминология, систематизация.*

При исследовании терминологических систем широкое распространение получил способ, основанный на объединении терминов по тематическим группам. Под тематической группой понимается «ряд слов, объединяемых общностью родового значения, т.е. таких слов, которые обозначают разновидности одного и того же рода предметов» [1, с. 402]. В процессе терминологической систематизации «выясняется, что термины можно группировать по различным основаниям» [11, с. 88]. Упорядочение терминов требует поиска «совокупности всех категорий, выделяемых в данной системе понятий» [8, с. 9]. Категория обозначаемого термином понятия является классификационным признаком [11, с. 93] и важным элементом «в организации содержания специальной лексики» [8, с. 9]. В связи с тем, что «некоторые из категорий присущи любым объектам», а другие «специфичны для отдельных областей знаний или деятельности», часть терминов, «выделенных по признаку категории понятия, попадает в группу общенаучных или общетехнических терминов, часть – в группу узкоспециальных терминов» [11, с. 93].

Согласно классификации Т.Л. Канделаки, в профессиональной лексике выделяются категории процессов, предметов, свойств, величин, единиц измерения, наук, отраслей, профессий и т.п. [8, с. 9]. Наряду с аналогичной дифференциацией объединений специальных названий для каждой терминосистемы можно указать специфичные тематические группы. Так, анализ медицинской терминологии позволил вычленить тематические группы терминов, обозначающие заболевания, химические элементы и лекарственные растения [2], а исследование лексики железнодорожного транспорта дало возможность использовать тематические группы «внутреннее оснащение вагонов», «перевозки», «путевое хозяйство», «машины и подвижной состав» [10].

Тематические группы изучены в терминологии электроэнергетики [16], рассмотрена тематическая типология лексического состава профессионального педагогического дискурса [5], описаны тематические особенности субстантивных композитных терминов клинической терминологии [13]. Определены тематические группы военно-химических терминов [14], инфокоммуникационных специальных названий [15], терминов парфюмерного и косметического производства [7], нефтегазовой сферы [17], терминов пищевой промышленности [3], стоматологии [12], полиграфии [6], индустрии туризма [9], театра [18], шоу-бизнеса [4]. В последние десятилетия динамично развиваются междисциплинарные исследования и разработки в области компьютерной лингвистики [19-21], что требует систематизации соответствующей терминологии.

Проведенные исследования показали, что в терминологии компьютерной лингвистики можно выделить следующие тематические группы:

1) названия процессов (*автодополнение, автоматическая частеречная разметка, автоматическое разрешение анафоры, автореферирование, анализ тональности, векторизация, графематический анализ, информационный поиск, контент-анализ, кэширование интернет-страниц, лемматизация, нормализация, оцифровка, парсинг, ранжирование документов, семантический анализ, стемминг, токенизация*);

2) названия научно-технологических направлений и их разделов (*автоматическая обработка естественного языка, автоматическое распознавание речи, компьютерная лингвистика, компьютерная морфология, компьютерная семантика, машинный перевод, понимание естественного языка*);

3) названия аппаратно-программных средств и их элементов (*база памяти переводов, вопросно-ответная система, диалоговая система, лингвистический процессор, синтаксический анализатор, система машинного перевода, токенизатор, чат-бот, BERT, GPT-3, Word2vec*);

4) названия моделей и алгоритмов (*алгоритм поиска по ключевым словам, конвейер NLP, механизм внимания, алгоритм «мешок слов», нейронная сеть с долгой краткосрочной памятью, предобученная нейронная сеть, семантическая структура, триграммные скрытые марковские модели*);

5) названия языковых конструкций, структурированных данных о языковых объектах (*вектор, индекс, тег, шаблон, фрейм, эмбединг*);

6) названия языковых явлений, отношений (*антонимия, гиперо-гипонимия, конверсия, метафора, метонимия, омонимия, полисемия, синонимия*);

7) названия языковых элементов, массивов и структур (*биграмма, заголовок словарной статьи, именованные сущности, компьютерный тезаурус, национальный корпус русского языка, синсет, стоп-слово, токен, толково-комбинаторный словарь, языковой корпус*);

8) названия свойств, качеств, характеристик и функций (*валентность, кореферентность, лексическая функция, полнота поиска, релевантность, точность поиска, форманта, TF-IDF*).

Таким образом, тематическое группирование специальных названий исследуемой профессиональной сферы является способом их систематизации и позволяет представить целостность и системность терминологии компьютерной лингвистики.

Список литературы

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М. 2004. 576 с.
2. *Байдашева Э.М.* Тематические группы колоронимов в медицинской терминологии // Гуманитарные исследования. 2020. № 4(76). С. 165-172.
3. *Богатырева М.В.* Лингвистические особенности терминологии пищевой промышленности (на материале английского языка) // Студенческая наука и XXI век. 2019. № 1-2(18). С. 40-41.
4. *Бугаенко Н.П., Иоакимиди Г.А.* Сущностная характеристика и тематическая дифференциация терминологической лексики (на примере англоязычной терминологии шоу-бизнеса) // *Lingua mobilis*. 2013. № 1(40). С. 34-49.
5. *Вишневецкая Н.В.* Тематическая типология лексического состава профессионального педагогического дискурса // Общество. Коммуникация. Образование. 2021. № 3. С. 105-114.
6. *Гаврилова И.А.* К вопросу классификации терминов-неологизмов (на примере английской терминологии полиграфического производства) // Омский научный вестник. 2011. № 6(102). С. 110-113.
7. *Гандалоева З.С.* Основные тематические группы англоязычной терминологии сферы парфюмерного и косметического производства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 39-45.
8. *Канделаки Т.Л.* Семантика и мотивированность терминов. М. 1977. 167 с.
9. *Карнась А.А.* Тематическая классификация терминологии сферы индустрии туризма (на материале русского и английского языков) // Современный ученый. 2021. № 2. С. 248-251.
10. *Козлова А.В., Салимова Д.А.* Тематические группы лексики железнодорожного транспорта // Аллея науки. 2019. № 1(28). С. 218-223.
11. *Лейчик В.М.* Терминоведение: Предмет, методы, структура. М. 2009. 256 с.
12. *Новикова О.М.* Тематические группы клинических терминов в стоматологии // *Innova*. 2017. № 1(6). С. 41-42.
13. *Носачева М.И.* Тематические группы субстантивных композитных терминов немецкой клинической терминологии // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. № 6. С. 1152-1154.
14. *Позвонкова В.С.* Структурные особенности военно-химических многокомпонентных терминов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 3. С. 54-62.
15. *Прохорова О.Н., Польщикова О.Н., Польщикова А.К.* Дифференциация инфокоммуникационных терминов по тематическим группам. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2019. № 38 (4). С. 524-531.
16. *Ступина Т.В., Филончик О.А.* Особенности функционирования терминосистемы "электроэнергетика/electric power engineering" в английском и русском языках // Научный потенциал. 2021. № 1-2(32). С. 35-36.
17. *Федюченко Л.Г.* Категориальная функция узкоспециального термина в структуре технического знания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8-2(74). С. 159-164.
18. *Чурилова И.Н.* Тематические группы английских театральные терминов-неологизмов // Научный диалог. 2013. № 10(22). С. 154-163.
19. *Polshchykov K.A., Lazarev S.A., Konstantinov I.S., Polshchykova O.N., Svoikina L.F., Igityan E.V., Balakshin M.S.* Assessing the Efficiency of Robot Communication // Russian Engineering Research. 2020. No 11. P. 936-938.
20. *Polshchykov K., Lazarev S., Polshchykova O., Igityan E.* The Algorithm for Decision-Making Supporting on the Selection of Processing Means for Big Arrays of Natural Language Data // Lobachevskii Journal of Mathematics. 2019. № 40. P.1831-1836.
21. *Velikanova A.S., Polshchykov K.A., Likhoshevstov R.V., Polshchykova A.K.* The use of virtual reality and fuzzy neural network tools to identify the focus on achieving project results. Journal of Physics: Conference Series. 2021. № 2060. 012017.

10.02.19

А.Ю. Савельева

ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» МО РФ,
Москва, nastya-2004@yandex.ru

ПРОЯВЛЕНИЕ ТЕЛЕСНОГО ОПЫТА ЧЕЛОВЕКА В ПЕРЦЕПТИВНОЙ МЕТАФОРЕ *ХОЛОДНАЯ ВОЙНА COLD WAR*

Данная работа посвящена рассмотрению особенностей возникновения и реализации онтологической метафоры на основе перцептивного компонента холодная война cold war в русском и английском языках. Анализируется процесс восприятия двух метафорически измененных лексем война war и холодный cold.

Ключевые слова: *экспериенциальная семантика, лексема холодный cold, лексема война war, перцептивная метафора, холодная война cold war.*

С лингвистической точки зрения особый интерес вызывает происхождение и функционирование метафоры *холодная война cold war* в русском и английском языках.

Можно предположить, что данное понятие возникло в качестве антонимического выражения к понятию «горячая война hot war», с которым, как правило, напрямую ассоциируются вооруженные конфликты на поле боя; ср. в русском языке «горячая точка» используется для обозначения локальных очагов конфликтов, разрешаемых с помощью оружия. Данные словарей и публицистических материалов свидетельствуют о достоверности вышеуказанного тезиса. (Hot war – a conflict involving actual fighting – compare cold war [7]. Hot war – actual warfare [8]). Приблизительное время происхождения данного выражения датируется 1947-1950 гг.

Однако чрезвычайная редкость употребления и встречаемости в текстах политического дискурса, в первую очередь, объясняется, вероятно, плеонастическим характером данного словосочетания, так как в историческом контексте война повсеместно ассоциируется с огнем, высоким градусом накала ситуации, применением различных снарядов и вооружения (т.е. у лексем война war и горячая hot выделяется общий семантический признак «высокая напряженность и опасность»), что с языковой точки зрения логически недопустимо. В результате можно полагать, что метафора *холодная война cold war* возникает как противопоставление *горячей войне hot war*.

В контексте развития когнитивистики представляется закономерным вопрос о роли ментальных операций в процессе становления и функционирования метафоры *холодная война cold war*. Данная метафора относится к концептуальным (базовым) метафорам. Обозначенный статус подтверждается той ролью, которое сыграло данное понятие в полноценном осмыслении и изменении фундаментального понимания традиционного образа войны, становлении нового понятийно-категориального аппарата войны, став практически одним из основных понятий научного познания войны [2, с.12]. Метафора *холодная война cold war*, по существу, стала объектом для изучения в рамках развития совершенно нового, неизвестного прошлому типу войны. Необходимо выявить, какое знание несет в себе данное выражение, состоящее из двух метафорически измененных лексем война war и холодный cold.

Как отмечает У. Эко в своем сборнике «Полный назад! «Горячие войны» или популизм СМИ», сущность войны, характеризовавшейся последовательным постоянством, за последние десятилетия изменилась по крайней мере трижды [6]. У. Эко традиционную войну, как явление, пронизывающее всю мировую историю и культуру, именует как Прапра-война. В целом война всегда исторически рассматривалась в качестве неотъемлемого элемента развития общества и государства в целом и предполагала наличие определенных

устоявшихся аспектов, характерных для всех участвующих сторон. Как правило, лексема война *war* употреблялась в составе атрибутивных словосочетаний со следующими лексемами как в русском, так и английском языках: мировая *world*, гражданская *civil*, партизанская *guerilla*, локальная *local*, оборонительная *defensive*, наступательная *offensive* и т.д.

В условиях вечной природы войны в ходе развития мировой цивилизации совершенно недавно человечество стало свидетелем появления обозначения для периода «передышки», так называемого промежутка мирного времени – *холодная война cold war*. Изначально данное понятие служило для определения исторического периода в развитии международных отношений (1945-1989 гг.), который характеризовался конфронтацией между противоборствующими блоками Запад – Восток, США – СССР. В дальнейшем произошло уточнение сферы применения данного выражения: употребляется для обозначения политики или открытого противостояния без ведения реальных боевых действия (в сравнении с Пра-пра-войной).

По словам У. Эко, *холодную войну* можно сопоставить с напряжением мирной воинственности (воинственного мира). Автор сравнивает данный период с равновесием, которое базируется на страхе, что, в свою очередь, гарантировало стабильность в центре системы.

Появление данной метафоры с лингвистической точки зрения первостепенно связано с метафоризацией лексемы холодный *cold* в русском и английском языках. В своем прототипическом значении данное слово измеряется, в первую очередь, своей тактильно-сенсорной составляющей – ощущениями и перцепцией человека температурного фона среды и внутреннего состояния человека и используется для обозначения температурного аспекта (как правило, имеющий низкую температуру, не нагретый, не дающий или не содержащий тепла). Собственно данная метафора относится к онтологическим метафорам на основе перцептивного компонента: возникает прямая взаимосвязь соответствующего чувственного ощущения, семантизирующегося через вербализацию домена телесности, с различными сферами человеческого бытия и многообразием человеческой сущности в них.

В данном случае следует говорить об экспериенциальной семантике (семантике телесного опыта человека), в рамках которой происходит актуализация перцептивных и ментальных состояний экспериенцера (представленного субъектом и объектом восприятия и перцептивного состояния), реализующихся в ходе контактного воздействия окружающей действительности на познавательную и чувственную системы человека и приобретающих форму ответных реакций и состояний [3, с.23].

Для измерения значения таких признаков прилагательных как в русском, так и английском языках, обычно используется методика скалирования через пары конверсивов, что позволяет отразить предельные противоположные значения того или иного параметра [1]. В данном контексте речь идет о паре оппозиций холодный *cold* – горячий *hot*, которая определяет естественные физические признаки предметов и явлений окружающей действительности, а сам метод описания семантики признаков слов дает основание говорить об образовании своеобразной шкалы горизонтального варьирования разнополярных температурных значений, в рамках которой происходит соотносительность данных показателей с противоположными крайними точками направления отрезка (холодный *cold* ← ... → горячий *hot*).

Ощущение, переживаемое при взаимодействии с предметами или явлениями, обладающими пониженной температурой, несомненно, является антропоцентрическим критерием, но при метафоризации понятия война перцептивный гаптический признак становится основанием для определения концептов иного порядка, нежели телесный опыт человека. В рамках выражения *холодная война cold war* речь также идет не о войне в традиционном понимании указанного явления: устраняются основные элементы и характеристики Пра-пра-войны.

Однако появление метафоры *холодная война cold war* связано не только с переосмыслением лексемы *холодный cold* (поскольку употребление признакового прилагательного *холодный cold* онтологически обосновано и позволяет продемонстрировать накал и драматичность ситуации, сложившейся без ведения реальных боевых действий, посредством репрезентации домена тактильной перцепции), но с метафорическим моделированием лексемы *война war*.

С когнитивной точки зрения приходится говорить о переосмыслении понятия *война*, так как в рамках исторического развития данный период, именуемый *холодной войной cold war*, уподобляется мирному существованию без кровополития на поле боя. Последние десятилетия характеризуются эволюцией характера традиционных («горячих» войн), процессы окружающей действительности усложняются, что неминуемо приводит к изменению роли войны, становлению новой реальности, в рамках которой человечество перманентно существует на фоне череды конфликтов нового типа, трактуемых в терминах войны (например, информационная *information*, психологическая *psychological*, сетевая *network*, когнитивная *cognitive*, идеологическая *ideological*, политическая война *political war*).

Следует отметить, что метафора войны позволяет переосмыслять различные сферы действительности посредством своего понятийно-категориального аппарата. В частности, речь идет о взаимосвязи войны и политической составляющей. Карл фон Клаузевиц писал: «Война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами» [4]. Как правило, исторические события свидетельствуют о продолжении процессов, сформированных в военное время, после окончания войны любыми средствами и силами. Война продолжается не на поле боя, а в рамках поддержания политической, экономической, идеологической, психологической нестабильности. Политика теряет миролюбивую природу и приобретает тревожный, воинствующий характер.

Так, после окончания Второй мировой войны воцарившаяся неустойчивость различных сфер получила название *холодной войны*. Примечательно, что в ходе проведения компонентного анализа русского и английского словосочетания *холодная война cold war* [5] было выявлено, что данное явление актуализируется в сознании посредством сопоставления с политикой (в русском языке) и понятиями взаимоотношения или состояние (в английском языке) в негативном, крайне агрессивном ключе. Это способствует созданию наглядного образа в сознании человека как воинствующего периода на фоне мирного времени.

С распадом СССР метафора *холодная война cold war* приобрела совершенно иные очертания. У. Эко относит последовавшие за данным периодом войны к новому типу и именует их «нео-войны». СМИ, в свою очередь, активно вводят понятие *новая холодная война new cold war* или *холодная война 2.0. cold war 2.0*. Данный тип характеризуется рядом черт, которые не свойственны прежним войнам.

Таким образом, необходимо отметить, что метафора *холодная война cold war* функционирует в русском и английском языках посредством переосмысления двух метафорически изменённых лексем *война war* и *холодный cold*. Данное понятие регулярно применяется для обозначения состояния мира в ходе установления враждебных отношений между странами, балансирующими на грани «горячей» войны. Носители русского и английского языков, опираясь на когнитивные структуры концептуализации и категоризации телесного и умственного опыта, реализуют схожие знания о лексемах *война war* и *холодный cold* и получают возможность описывать происходящие явления и события в терминах *холодная война cold war* (в настоящее время добавляется лексема *новый new*), учитывая современные условия взаимоотношений между странами на международной арене.

Список литературы

1. *Апресян Ю.Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М.: Просвещение, 1966. – 302 с.
2. *Галаниди Е.Н.* Философская метафорика войны: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2003. – 17 с.
3. *Жантурина Б.Н.* Метафоры на основе перцептивного компонента (на материале русского и английского языков). – М.: Издательство «ФЛИНТА», 2018. – 164 с.
4. *Клаузевиц К.* О войне. – М.: Эксмо, 2007. – 861 с.
5. *Савельева А.Ю.* Семантический объем номинации холодная война cold war в русском и английском языках // Современный ученый. 2021. № 6. – С. 46-50.
6. *Эко У.* Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. – М.: Эксмо, 2007. – 592 с.
7. Merriam-Webster's Advanced Learner's English Dictionary. – Merriam-Webster, Incorporated, 2008. – 2014 p.
8. Collins English Dictionary & Thesaurus. – HarperCollins UK, 2013. – 1920 p.

10.02.19

Е.Е. Сафронова, А.А. Гусейнова

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет» Минздрава России,
кафедра лингвистики,
Краснодар, ksma-lingua@mail.ru

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ
КАК СПОСОБ МАНИФЕСТАЦИИ ИМПЛИЦИТНЫХ АКТАНТОВ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М.Л. СТЕПНОВОЙ «ЖЕНЩИНЫ ЛАЗАРЯ»)**

Цель данной работы – доказать, что интертекстуальность является маркером непосредственного присутствия в тексте как нарратора, так и имплицитного читателя. Научная новизна проведённого анализа заключается в том, что в статье рассматривается малоизученная и интересная тема – моделирование имплицитного читателя посредством нарратива. В ходе работы было доказано, что главная функция интертекстуальности в тексте – воссоздание коммуникации между имплицитными актантами, что является свидетельством их присутствия в тексте.

Ключевые слова: *интертекстуальность, нарратор, наррататор, имплицитный актант, аллюзия, реминисценция.*

Подавляющее большинство современных учёных причисляют феномен интертекстуальности к теоретико-методологическому аппарату литературоведения, однако мы склонны считать, что это явление носит скорее языковедческий характер, поскольку оно апеллирует некими интертекстуальными знаками (что автоматически относит интертекстуальность к области научных интересов семиотики). Понятие «интертекстуальность» было введено в научный обиход французским постструктуралистом Юлией Кристевой. Следует отметить, что именно по инициативе Ю. Кристевой, вслед за Роланом Бартом отстаивавшей возможность существования самодействующего текста (в известном смысле заменяющего не только автора, но и эквивалентного ему по терминологии Ю. Кристевой нарратора), во французском постструктурализме была развёрнута чрезвычайно влиятельная критика категории авторства в целом и нарратора в частности.

Следует отметить, что, критикуя категорию внутритекстового авторства, постструктуралисты так и не сумели предложить взамен хоть сколько-нибудь убедительной теории. Так, Ансгар Нюннинг [2] предлагал вести речь о совокупности всех формальных и структурных отношений текста вместо терминологически неточного определения *implied author*. Наиболее ярко противоречия постструктуралистов иллюстрирует тот факт, что Ж. Женетт в своём труде «Discours du récit» (1983) обошёл вопрос об абстрактном авторе, но в монографии «Nouveau discours du récit» (1988) посвятил данному феномену целую главу.

В противоположность постструктуралистам, мы признаём интертекстуальность одним из наиболее ярких доказательств присутствия имплицитного автора, который и «принимает решение» об отборе конкретных интертекстуальных знаков и их композиции внутри текста в определённом порядке. Эти знаки в свою очередь ориентированы на потенциального реципиента, подтверждая тем самым теорию о невозможности «безнарраторской наррации» (т. е., акта повествования, создаваемого без участия или в отсутствие имплицитного автора), и вместе с тем подразумевая присутствие в тексте, обнаруживающем внутренние интертекстуальные отсылки, имплицитного читателя.

Таким образом, цель настоящего исследования заключается в том, чтобы доказать, что интертекстуальность текста является непосредственным признаком присутствия в нём имплицитных актантов.

Согласно утверждению британского исследователя П. Симпсона [3], стоявшего у истоков экспансии когнитивной стилистики, для данного направления изучения художественных текстов характерен синтез подробного лингвостилистического анализа и сопутствующего разбора когнитивных структур, представляющих основу для потенциального создания текста. Мы склонны считать, что данная теория предполагает наличие определённого числа продуцентов, участвующих в акте создания текста, и реципиентов, этот текст воспринимающих. Как нарратор (продуцент), так и наррататор (реципиент) могут быть классифицированы также по степени выраженности, являясь эксплицитными либо имплицитными. Эксплицитная манифестация актантов в целом и нарратора в частности может основываться на некоем подобии саморепрезентации, в ходе которой повествователь может не только назвать собственное имя, но и детально описать себя как повествующее «я», т.е. с разной степенью подробности рассказать о своей жизни, ознакомить реципиента с образом своего мышления и т.п.

Следует заметить, что подобное эксплицитное выражение, имеющее форму саморепрезентации, далеко не всегда является столь детальным. Уже такой синтактико-стилистический приём, как повествование от первого лица, подразумевающее употребление соответствующих глагольных и местоимённых форм, представляет собой непосредственно саморепрезентацию, но в редуцированном виде. Ввиду этого мы придерживаемся мнения, что эксплицитное изображение нарратора в отношении имплицитного по своей сути факультативно, в то время как последнее имеет фундаментальный характер, поскольку эксплицитное изображение (при его наличии) надстраивается над имплицитным и само по себе существовать не может.

Для анализа нами был выбран роман М. Л. Степновой «Женщины Лазаря», представляющий собой классический образец постмодернистского дискурса, поскольку в нём воплощаются практически все базовые установки данного литературного течения, такие как критика просвещения, принцип развлекательности повествования и его многослойность, не в последнюю очередь основывающаяся на интертекстуальности, что обеспечивает достаточное количество примеров для исследования. Роман М. Л. Степновой обнаружил множество примеров всех трёх подвидов интертекстуальности, однако безусловно преобладают аллюзии, основанные на контекстуально ироническом переосмыслении образов не только русской литературы, но и классической детской сказки, как это произошло с «Русалочкой» (1837) Х. К. Андерсена: «...она ещё и крепко наступила ей на ногу [...] маленькую, твердую, изувеченную, словно у Русалочки...» [5, с. 375].

В приведённом ниже примере М. Л. Степнова, употребляя оборот «ничего не обещающий намёк», осознанно указывает на использованную аллюзию, которая непременно должна быть распознана эрудированным реципиентом: «...она на самом деле была Николаевна, больше того – Наталья Николаевна, этакий легкий, головокружительный, почти ничего не обещающий намёк – словно пушистая, пушкинская ветка...» [5, с. 277].

Реминисценции, признанные более «прозрачным» способом вызвать отклик читателя, в прозе Степновой зачастую имеют вид крылатых выражений: «...было не сыскать утонувшего в черемухе набоковского оврага, без которого русскому человеку и расстрел – не расстрел» [5, с. 248]. Данный отрывок отсылает нас к стихотворению Владимира Набокова «Расстрел» (1927).

Что касается классического цитирования, то в романе оно зачастую имеет нестандартное пунктуационное оформление, как в следующем примере: «...ни линии плеч – чистой и выразительной, как поздние стихи Георгия Иванова, уже безнадежного, умирающего, горького. Пришли солёных огурцов и, если найдёшь, русскую селёдку. Жорж очень просит» [5, с. 429]. Это дословная цитата из воспоминаний К. Д. Померанцева об умирающем в эмиграции поэте [4]. Образ Иванова вообще является знаковым для М. Л. Степновой, поскольку он оставил след почти во всех её произведениях.

На основании проанализированных примеров можно сделать вывод о том, что, вне зависимости от формы интертекстуальности, манифестированной в тексте, создающие её приёмы (аллюзия, цитата, реминисценция) направлены на некоего потенциального реципиента, апеллируя символами и знаковыми комплексами, заведомо способными вызвать отклик в сознании предполагаемого наррататора. В то же время присутствие в текстовом пространстве реципиента предполагает наличие адресанта, являющегося отправителем знакового кода, т.е. наррататора, поскольку, в соответствии с утверждением Г. Гримма [1, с. 38], имплицитный читатель не является самостоятельным конструктом и непременно имеет в своей основе имплицитного автора, в воображении которого он возникает и с которым вступает во внутритекстовую коммуникацию. Таким образом, ключом к осуществлению данной коммуникации на лексико-когнитивном уровне являются именно внедрённые в текст интертекстуальные элементы, поскольку производимый имплицитным автором отбор образов наделяет потенциального имплицитного читателя более конкретными чертами, осуществляя тем самым его спецификацию в рамках данного фикционального текста. В свою очередь, процентное соотношение распознанных и не распознанных наррататором интертекстуальных маркеров составляет когнитивный «багаж» наррататора, который способствует его имплицитной манифестации.

Список литературы

1. *Grimm G.* Rezeption und Interpretation // Rezeptionsgeschichte: Grundlegung einer Theorie, mit Analysen und Bibliographie. – München, 1977.
2. *Nünning A.* Grundzüge eines kommunikationstheoretischen Modells der erzählerischen Vermittlung. Die Funktionen der Erzählinstanz in den Romanen George Eliots. – Trier, 1989.
3. *Simpson P.* Stylistics: A Resource Book for Students. – London: Routledge, 2006.
4. *Померанцев К.Д.* Сквозь смерть. Георгий Иванов. // Зарубежные записки, 2006. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/zz/2006/7/po10.html> (дата обращения: 16.04.2022).
5. *Степнова М.Л.* Женщины Лазаря. – СПб.: Астрель, 2012.

*10.02.19***Л.А. Тюкина**

Ярославский государственный технический университет,
кафедра иностранных языков,
Ярославль, ltyukina@yandex.ru

КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН АНЕКДОТА КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В работе рассматривается анекдот как коммуникативный феномен. Описывается коммуникативная ценность анекдота. Представлены проблемы реализации моделей коммуникации в современном анекдоте.

Ключевые слова: *дискурс; юмористический диалогический дискурс; бытовой анекдот; юмор.*

Анекдот – одно из ярчайших явлений массовой культуры, и он же является одним из существенных средств межличностной коммуникации. Анекдот уместен практически в любой ситуации, он охватывает различные темы, передает имплицитную информацию, поощряет смех. Говоря об анекдоте с точки зрения коммуникативного подхода, отметим, что анекдот считается жанром-долгожителем городского устного народного творчества. Анекдот неприхотлив, не требует к себе особого внимания, его не сохраняют как произведения классиков, однако, анекдот выполняет целый ряд функций, и, прежде всего, коммуникативную, поскольку вовремя, «в тему» рассказанный и удачный анекдот позволяет партнерам по общению устанавливать, оптимизировать и закреплять коммуникативный контакт [Тюкина 2021, с. 41-42]. В предыдущей работе, рассматривая характеристики анекдота как связного текста, представляющего собой диалог двух и более лиц, погруженного в определенную коммуникативно-речевую ситуацию, авторы пришли к выводу, что есть полное основание отнести анекдот к юмористическому диалогическому дискурсу [Тюкина 2021, с. 123]. Юмористический дискурс имеет особый статус в обществе. Юмористическое общение рассматривается в качестве одного из базовых типов несерьезного дискурса, противопоставляемое серьезному информационному обмену, установлению контакта, церемониальному речевому действию. Юмористическое общение моделируется при помощи двух параметров: степень симпатии к собеседнику (дружеское, располагающее, нерасполагающее, враждебное общение) и степень несерьезности коммуникации (серьезное, полусерьезное, шутовское общение) [3, с. 100]. В то же время анекдот можно отнести и к художественному дискурсу, характеристики которого мы видим в монографии А.Е. Купцова [6, с. 38-42]. Анализ анекдота, как и «содержание художественного произведения, необходимо рассматривать в тесной связи со средствами языкового выражения» [4, с. 63].

Коммуникативную ценность анекдота трудно переоценить. Отметим, что интерес представляет не только содержание анекдота, но и поведение самого рассказчика анекдота, адресанта. Рассказчик анекдота чаще всего серьезен (ему не смешно, он знает анекдот), и эта серьезность рассказчика усиливает ответную реакцию слушателя, адресата. Рассказчику приходится взять на себя и роль отправителя сообщения, и роль реципиента, поскольку анекдот в форме диалога представляет собой по сути «диалог в диалоге». Если акт коммуникации до момента введения в общение анекдота был довольно серьезным, то анекдот выполняет функцию некоего оживляющего процесс речевого обмена фактора. Он заполняет паузу, снимает напряжение и усталость, "разряжает" обстановку [11]. Весь комический эффект анекдота проявляется именно в его устном воспроизведении, рассказывании, к которому приспособлена формальная и содержательная стереотипность анекдота. Успех или провал анекдота во многом зависит от мастерства рассказчика

(адресанта), от его умения передавать смешной диалог в лицах, комически изображать персонажей анекдота, выдерживать необходимую и уместную паузу и эффектно представлять концовку. Именно поэтому бессмысленно рассказывать анекдот невыразительно, не используя свои артистические возможности. При этом, если рассказчик наталкивается на непонимание, невосприятие анекдота слушателем, можно говорить о коммуникативной неудаче [Бабаян 2007; Тюкина 2021].

«Мы живем в обществе, состоящем из потенциальных рассказчиков и слушателей анекдотов», – замечает М. Петровский [7, с. 16]. Касательно отношения общества к анекдоту можно привести высказывание современного русского афориста Виктора Коняхина: «Каждый должен использовать свое право на анекдот» [цит. по: Крайнов-Рытов 1998, с. 8]. Анекдот – это пространство свободы и удовольствия, в анекдоте можно обыграть любую тему, в том числе темы, на которые в обычном человеческом общении накладывается табу. Запретные темы, как правило, порождают анекдоты, относящиеся к черному юмору.

Поскольку анекдот напрямую относится к сфере коммуникации, представляется целесообразным исследовать проблему реализации моделей коммуникации в современном анекдоте. Доктор социологических наук Т. З. Адамьянц в книге «Социальная коммуникация» приводит несколько моделей социальной коммуникации: модель Г. Д. Лассуэлла (линейная), модель Т. Ньюкомба (интеракционистская) и модель Т. М. Дридзе (диалогическая) [1, с. 5-13].

Наиболее распространенной считается *линейная модель* общения, однако в анекдоте ее реализация не представляется возможной, так как она рассматривает коммуникацию как односторонний процесс, идущий от отправителя (адресанта) к получателю (адресату). Анекдот же по определению подразумевает ответную реакцию получателя. Поэтому наиболее подходящей для рассмотрения представляется *интеракционистская модель общения*. Данная модель представляет коммуникацию как процесс одновременного отправления и получения сообщений коммуникаторами, акт коммуникации невозможно отделить от событий, которые ему предшествуют и следуют за ним. В рамках *интеракционистской модели* можно установить, что «респондент и коммуникатор связаны взаимными ожиданиями» [1, с. 8]. Переносив данную модель на анекдот, можно подтвердить ее «работоспособность», поскольку здесь действительно присутствует эффект взаимного ожидания: рассказчик (адресант) ожидает некоей награды в виде смеха, реципиент (адресат) хочет получить удовольствие от прослушивания. Говоря о *диалогической модели коммуникации*, следует подчеркнуть, что ее отличие от двух предыдущих моделей состоит в том, что диалогическая модель «не допускает никаких форм воздействия или влияния, поскольку ориентирована исключительно на взаимопонимание» [1, с. 10]. Т. З. Адамьянц делает акцент на том, что в диалогической модели «речь идет не о согласии с позицией автора – только о понимании» [1, с. 10].

Опираясь на приведенное утверждение, можем сказать, что с позиции коммуникативного подхода при представлении анекдота используется *интеракционистская модель*. Далее можем говорить и о том, что данная модель в процессе коммуникации при «встраивании» анекдота в речь может сочетаться с *линейной моделью* общения (при условии использования определенного метатекстового ввода) и с диалогической моделью. Таким образом, приходим к выводу, что анекдот является сложным коммуникативным явлением, объединяющим в себе несколько моделей межличностного общения.

Если рассматривать коммуникативный феномен анекдота с точки зрения лингвистической прагматики, то следует понимать, что анекдот представляет собой некий коммуникативный акт, а в модели коммуникативного акта каналом коммуникации выступает цепочка «*рассказчик анекдота – текст анекдота – слушатель / читатель анекдота*». Коммуникативное стремление рассказчика освещено А. Вежбицкой в следующем определении анекдота как предмета лингвопрагматического изучения: «Говорю: я хочу, чтобы ты себе представил, что случилось X; думаю: что ты понимаешь, что я не говорю, что это случилось; говорю это, потому что хочу, чтобы ты смеялся; думаю, что ты понимаешь,

что люди говорят это друг другу, чтобы смеяться» [5, с. 108]. Данная формулировка эксплицирует иллокутивное (говорю, чтобы ты себе представил, что случилось X), пресуппозиционное (думаю: что ты понимаешь, что я не говорю, что это случилось) и перлокутивное содержание анекдота и шутки (говорю это, потому что хочу, чтобы ты смеялся). В иллокутивной части анекдот предстает как новая информация, в пресуппозиции выражается его виртуальный характер, а в перлокутивной функции он выделяется как средство воздействия.

Итак, с точки зрения лингвопрагматики, анекдот – это не просто процесс передачи сообщения от отправителя (адресанта) к получателю (адресату), в ходе которого первый кодирует передаваемую, а второй декодирует получаемую информацию. Важным элементом при рассказывании анекдота является обратная связь. В данном случае обратная связь может выражаться смехом, если анекдот оказался удачным, либо реакцией разочарования (или отсутствия смеха), если реципиент (адресат) уже слышал, знает этот анекдот, если анекдот не (совсем) попал в тему разговора или если анекдот был рассказан не вовремя. Одним из вариантов отрицательной реакции на анекдот может быть и отсутствие у адресата необходимых фоновых знаний для понимания сюжета анекдота, такое часто случается при рассказывании языковых (лингвистических) анекдотов, особенно если этот анекдот рассказывает представитель другой лингвокультуры.

Процесс рассказывания анекдота, согласно М. Петровскому, можно описать терминами игры. Цель игры — рассказать непременно новый, ранее неизвестный слушателю анекдот. Если рассказанный анекдот окажется уже известным слушателю, рассказчик испытывает горечь поражения. У этой игры, конечно, есть и своя цена: смех слушателей. Но слушатель (адресат) в любом случае не остается в проигрыше: «Смех-то достается обоим, и слушателю даже в первую очередь» [7, с. 16]. При этом в процессе общения анекдот не рассказывается «просто так», его всегда предваряет какой-либо метатекстовый ввод: *«На эту тему есть анекдот...», «А помните, как в том анекдоте...?»*.

Таким образом, приходим к выводу о том, что юмор имеет особый статус в обществе. Анекдот современен в каждом социальном классе и применим каждой возрастной группой. Неудивительно, что анекдоты и ранее вызывали интерес общества, и привлекают к себе большое внимание в последние десятилетия. Анекдот несет в себе важную коммуникативную лингвопрагматическую функцию, поскольку умение рассказывать анекдоты равно умению налаживать контакт с собеседником, проявлять свою эрудицию, показывать начитанность и осведомленность. Анекдот может как настроить коммуникацию на нужный лад, так и разрушить ее. Анекдот является отражением представителей определенной лингвокультуры, их недостатков, всей их жизни.

Список литературы

1. *Адамьянц Т.З.* Социальная коммуникация / Т. З. Адамьянц. – Москва : ИС РАН, 2005. – 158 с.
2. *Бабаян В.Н.* Проблема понимания-непонимания в диалогическом дискурсе* / В. Н. Бабаян // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2007. – Т. 13. – № 2. – С. 63-66.
3. *Бабаян В.Н.* Об основных категориях и типах дискурса / В. Н. Бабаян // Иностранные языки в высшей школе. – 2008. – № 6. – С. 95-100.
4. *Борисова Е.Б.* Научные предпосылки возникновения метода общепилологического анализа художественного текста / Е. Б. Борисова // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : материалы десятой международной научно-практической конференции, Самара, 23 сентября 2015 года. – Самара: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 2015. – С. 61-65.
5. *Вежбицкая А.* Речевые жанры / А. Вежбицкая. // Жанры речи (отв. ред. Балашова Л. В.) – Саратов: Изд-во Гос. УНЦ Колледж, 1997. – С. 99–111.
6. *Купцов А.Е.* Дискурсивные частицы в художественном тексте: коммуникативно-прагматический и лингвокультурный аспекты / А. Е. Купцов. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2022. – 183 с.
7. *Петровский М.* Новый анекдот знаешь? / М. Петровский. // Книж. обозр. – Москва, 1998. – № 27. – С. 16–17.
8. *Тюкина Л.А.* Юмористический диалогический дискурс в современном языкознании: определение и основные характеристики / Л. А. Тюкина // Казанская наука. – 2021. – № 3. – С. 120-124.
9. *Тюкина Л.А.* Проблема непонимания в юмористическом дискурсе / Л. А. Тюкина, К. А. Мельникова, В. Н. Бабаян // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам : Сборник научных статей по итогам IX Международной научно-практической конференции, Брянск, 14–16 октября 2021 года. – Брянск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Брянский государственный инженерно-технологический университет", 2021. – С. 95-100.
10. *Тюкина Л.А.* Лингвопрагматические особенности юмористического диалогического дискурса (на материале англоязычного, немецкоязычного и русскоязычного анекдота): Дисс... канд. филол. наук. Ярославль, 2021. 209 с.
11. *Шмелева Е.Я.* Рассказывание анекдота как жанр современной русской речи: проблемы вариативности / Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев. // Жанры речи. – 1999. – № 2. – С. 133–146.

10.02.19

И.В. Уварова, Е.Е. Сафронова

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет» Минздрава России,
кафедра лингвистики,
Краснодар, ksma-lingua@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРОЗЫ)

В данной работе рассматривается категория прецедентного имени и особенности её функционирования в рамках произведения постмодернистского дискурса (на примере немецкоязычного романа „Die Vermessung der Welt“ – русск. «Измеряя мир» Д. Кельманна). На основании проведённого анализа можно утверждать, что прецедентные имена в романе функционируют весьма специфичным образом, поскольку, не являясь широко известными, ориентированы на заведомо ограниченный круг читателей. Кроме того композиционное построение романа выводит прецедентные имена на новый уровень, присваивая их носителям статус полноценных квазиисторических персонажей.

Ключевые слова: *прецедентное имя, постмодернистский дискурс, интертекстуальность, прецедентность, художественный текст.*

Интертекстуальность в художественных текстах проявляется в использовании прецедентных текстов. К таким текстам Ю.Н. Караулов относил «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки – стереотипы, образцы, мерки для сопоставления», которые используются носителями языка с целью переключения «из "фактологического" контекста мысли в "ментальный", а возможно, и обратно» [1, с. 220]. В качестве таких стереотипов функционируют известные фразы, крылатые выражения, популярные цитаты из классической литературы и «живой» современности (лозунги, рекламные слоганы, фразы из песен и кинофильмов), составляющие область вербальных знаков, а также невербальные тексты, апеллирующие к произведениям живописи, архитектуры, музыки и др.

Прецедентные феномены включают в себя прецедентные тексты, прецедентные ситуации, прецедентные высказывания и прецедентные имена.

Прецедентным именем выступает индивидуальное имя, связанное с:

1) широко известным текстом, относящимся к прецедентным (например, Карамазов, Шерлок Холмс);

2) ситуацией, широко известной носителям языка (Дантес, Колумб и др.).

В качестве прецедентных, с нашей точки зрения, могут выступать общеизвестные имена, пришедшие из таких областей, как литература, искусство, политика, наука, военное дело, спорт и др. Анализ показывает, что самой крупной областью, дающей прецедентные имена, несомненно является литература, поскольку в качестве прецедентных имён могут выступать как имена собственно писателей, так и их персонажей.

Приступая к анализу предмета нашего исследования в аспекте прецедентности, мы столкнулись с некоторыми трудностями, поскольку в тексте романа нам не удалось обнаружить достаточного количества примеров отсылок к другим, созданным ранее текстам немецкоязычной маркировки, которые являлись бы классическим воплощением прецедентного феномена. Безусловно, в тексте встречаются подобные отсылки, однако они, на наш взгляд, не представляют интереса для проведения декодировки:

„Geschichten wisse er keine, sagte Humboldt und schob seinen Hut zurecht, den der Affe umgedreht hatte. Auch möge er das Erzählen nicht. Aber er könne das schönste deutsche Gedicht vortragen, frei ins Spanische übersetzt. Oberhalb aller Bergspitzen sei es still, in den Bäumen kein Wind zu fühlen, auch die Vögel seien ruhig, und bald werde man tot sein“ [2, с. 125].

Данный пример представляет собой не что иное, как аллюзию на широко известное стихотворение И. В. Фон Гёте „Wanderers Nachtlied“ (1780).

Задумавшись о причинах подобной оторванности от имеющегося в наличии обширнейшего литературного багажа, из которого можно было бы почерпнуть массу материала для последующего иронического обыгрывания, мы пришли к выводу, что Кельманн как автор решил не отступать от собственной новаторской стратегии даже в мелочах и обратиться к прецедентным феноменам иного рода.

Таким источником прецедентности, на наш взгляд, является категория прецедентного имени. Напомним, что в качестве прецедентных могут выступать индивидуальные имена, являющиеся широко известными и пришедшие из таких областей как, например, литература, искусство, наука и т.д. Однако мы уже не единожды убеждались, что роман Кельманна является экспериментом на грани парадокса, а потому было бы неверно заявить о простом использовании прецедентных имён в тексте «Измеряя мир». Мы считаем, что Кельманн пошёл дальше и возвёл использованные им прецедентные имена в степень абсолюта, не ограничиваясь простым упоминанием, а трансформируя реально существовавшие личности в то, что в нарратологической традиции определяется как категория квазиисторического персонажа.

Наименование, присвоенное таким персонажам Вольфом Шмидом, говорит, пожалуй, само за себя: это – особая категория персонажей, действующих в рамках того или иного фиктивного мира, но имеющих, тем не менее, совершенно реальный прототип [3, с. 72]. На наш взгляд, главное, что отличает такие персонажи от существовавших в реальности людей, это тот факт, что они обитают в том же фиктивном пространстве, что и рядовые фиктивы, что фактически уравнивает эти два подвида в весе, поскольку для такой категории как фиктивность не существует градации.

И всё же, несмотря на то, что персонаж не может быть более или менее фиктивным, использование прецедентного имени сообщает заведомо фикциональному тексту некоторую степень фактографичности, которая при дальнейшем рассмотрении может оказаться ложной, но в таком случае следует прежде всего задаться вопросом о целях, к которым преследовал автор, подбирая таких персонажей для повествуемой им истории.

В случае Кельманна ответ, на наш взгляд, очевиден: внедряя в повествование квазиисторических персонажей, автор старался придерживаться основных канонов постмодернизма в литературе, не забывая об экспериментальной сути собственного творения.

Роман необычен хотя бы благодаря своему композиционному построению. Начинаясь со встречи протагонистов в Берлине первой половины девятнадцатого века, уже в следующей главе повествование отбрасывает нас назад во времени, обращаясь к истокам конфликта, зародившегося в раннем детстве персонажей. Чередуюсь на манер шахматных ходов, вниманию читателя предстают на первый взгляд не связанные друг с другом главы, повествующие об отдельных событиях жизни протагонистов: чётные главы посвящены жизнеописанию Гумбольдта, нечётные – Гаусса. На протяжении едва ли не всего текста романа публикации Гумбольдта и такие эпизодические персонажи, как брауншвейгский герцог остаются единственным, что по-настоящему связывает обоих персонажей:

„Er [der Herzog] sei sehr für die Wissenschaft. Sein liebster Patensohn, der kleine Alexander, sei eben aufgebrochen, um in Südamerika Blumen zu suchen. Vielleicht züchte man hier ja noch so einen Kerl! Er machte eine entlassende Handbewegung, und wie sie es geübt hatten, gingen Zimmermann und Gauß unter Verbeugungen rückwärts durch die Tür“ [2, с. 61].

Изначально нарратор вводит в повествование трёх главных героев. Это Александр фон Гумбольдт, Карл Фридрих Гаусс и Эме Бонплан. Мы не можем доподлинно определить, какова степень фиктивности этих персонажей, однако несомненным является то, что они являются литературным отражением реально существовавших исторических личностей, а потому квазиисторичны.

Наряду с главными героями на страницах романа также встречаются персонажи, которых условно можно назвать квазиисторизмами второго порядка; это множественные второстепенные персонажи романа:

„*Diesen Satz verstand keiner. Nicht die Mutter, nicht ihr Majordomus Kunth, ein magerer Herr mit großen Ohren*“ [2, с. 18].

По свидетельствам историков, начиная с 1777 года, Кристиан Кунт в действительности был воспитателем юного Александра и его брата Вильгельма. Являясь страстным поклонником творчества французского гуманиста Руссо и обладая поистине энциклопедическими знаниями, Кунт вполне мог оказывать большое влияние на своих подопечных, как это показано в романе:

„*Er meine zu begreifen, sagte Kunth schließlich, es handle sich um ein Experiment. Der eine solle zum Mann der Kultur ausgebildet werden, der andere zum Mann der Wissenschaft.*

Und welcher wozu?

Kunth überlegte. Dann zuckte er die Schultern und schlug vor, eine Münze zu werfen“ [2, с. 19].

На основании проведённого анализа можно сделать вывод о том, что Кельманн в ходе разработки оригинальной авторской стратегии использует в качестве прецедентных единиц имена, не обладающие широкой долей известности, что, во-первых, ограничивает круг потенциальных читателей, делая текст ориентированным лишь на узкий круг посвящённых; во-вторых, подобный эксперимент вполне соответствует новаторскому духу романа как произведения постмодернистского дискурса, наглядно отражая свойственное данному направлению пренебрежение к классическим положениям романного творчества.

Список литературы

1. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. / Ю.Н. Караулов. Изд. 3-е. – М.: Наука, 2003. – 264 с.
2. *Kehlmann D.* Die Vermessung der Welt. / D. Kehlmann – Hamburg: Rowohlt Verlag, 2005. – 303 S.
3. *Schmid W.* Russische Proto-Narratologie. Texte in kommentierten Übersetzungen. / Herausgegeben von Wolf Schmid. – Berlin: Walter de Gruyter GmbH. – 2009. – 347 S.

10.02.19

Е.О. Чурюканова канд. филол. наук

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево, edellvise@yandex.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАСТИТЕЛЬНОЙ СИМВОЛИКИ В АНГЛИЙСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с лингвокультурологической интерпретацией растительной символики и её роли в создании произведений английской народной поэзии; определяется понятие фитосимвола и фитообраза, анализируются особенности социокультурного кодирования информации через функционирование фитонимических образов в английском фольклоре.

Ключевые слова: *фитонимика, символика, фитообраз, знак, социокультурный код.*

Символическое изображение представлений о мире издревле присуще человеческой культуре как попытка осмыслить мироздание, придать конкретные очертания духовным материям, через конкретные образы представить всю сложность и многогранность бытия. Зачастую культурно-национальная символика носит характер ментального кода, или знака, и выполняет роль специфического инструмента образной фиксации культурно-значимых явлений, понятий, представлений.

Этнические аспекты символики представляют собой живой интерес для различных областей знаний, поскольку являются ведущим каналом передачи национально-специфической информации через образное представление о мире конкретного этноса.

Смысловая нагруженность символических знаков позволяет признать их в качестве некоего информационного потока, в котором определённым образом закодированы значимые сведения о самобытности и особенностях мировосприятия в конкретный исторический период.

Культурно-смысловая значимость символики очевидна, поскольку она представляет собой многовековой продукт развития национально-культурного мышления и интеграции культуры и истории в формировании языка, с помощью которого через социокультурные знаки осуществляется связь между поколениями.

В разнообразии символического представления о мире особую роль занимают знаки естественной природы, окружающей человека и сопровождающей его развитие на протяжении жизни. В изучении национально-культурного наследия народа важную роль играет лингвистическая интерпретация флористической символики, или фитонимики. Чувствуя теснейшую связь с природой и растительным миром, человек издревле пытался придать представителям мира флоры особую символическую значимость, выражая своё отношение к проявлениям бытия через мистификацию природы.

Фитонимические знаки образуют древний слой народной символики, присущей практически каждому этносу. Несмотря на это, закодированная в них информация является уникальной для конкретной социокультурной группы, поскольку отражает специфический, уникальный путь развития, а также присущие данной народности особенности восприятия мира, традиции, обычаи, связанные с ведением быта и в целом формирующие национально-культурный менталитет.

Лингвокультурологический анализ растительной символики позволяет определить социокультурную значимость, возникающую в процессе закрепления за различными представителями флоры особой смысловой нагрузки, в основе которой лежит мистификация растительного образа (фитообраза). Фитообраз возникает в том случае, если для конкретной народности в определённый исторический период ординарному растению придаются

уникальные свойства, характеризующие отличительные признаки этноса, некий национально-культурный код. Неслучайно национальные фитосимволы возникли раньше официальных геральдических символов государства. Кроме того, на более поздних изображениях гербов и флагов присутствует растительная символика, берущая свои корни из древности. Неслучайна и многовековая преданность человечества в закреплении за растительными знаками той смысловой нагрузки и значимости, которая актуальна для человечества и по сей день: так, ветвь оливы олицетворяет мир и надежду, за лавром закрепилось обозначение славы и победы, многочисленные зёрна граната и пшеничного колоса символизируют плодородие, а нежный цветок белой лилии обозначают непорочность и чистоту, что было заимствовано христианской символикой.

Целью настоящего исследования является анализ фитонимической символики в английских народных произведениях, поскольку в них отражается мироощущение народа через персонификацию растительных образов и придание им особой смысловой нагрузки. Лингвокультурологический анализ устного народного творчества позволяет определить место фитообразов в системе культурно-ценностных ориентиров в период становления народности. Важнейшим способом выражения мироощущения становится народное поэтическое творчество, в частности, народные песни, в которой обращение к природе, отождествление её с человеком, некая степень персонификации является основной темой фольклорного творчества. На основании вышесказанного, «народную песню можно определить как продукт многовекового культурно-исторического развития этнической группы, имеющий специфические лингвистические характеристики и являющийся формой выражения и существования культурно-нравственных концептов» [4, с.266].

К наиболее частым фитообразам английской народной поэзии можно отнести фитосимволы ясеня (ash), клевера (clover) и тысячелистника (jarrow). Так, образ ясеня приобретает важное символическое значение в германской мифологии, где ясеню приписывается свойства мирового дерева мироздания -ясеня Иггдрасиль. Ясеню приобретает силу магического растения, способного отпугивать змей, что привело к возникновению традиции высаживать ясени вокруг дома и лечиться от змеиных укусов листьями дерева.

Ashing-tree, ashing-tree, Take this bite away from me [6, p. 15].

Неприхотливость и сила дерева позволяют ясеню занять важнейшее место в английском фольклоре, с сформированным фитообразом дерева чистой силы, способного бороться с чарами злых духов и колдунов:

Rowan-ash, and red thread, Keep the Devils from their speed.

Магические свойства ясеня способны принести удачу, что находит подтверждение в народной поэзии:

Even ash, I thee go pluck, Hoping thus to meet good luck;
If no luck I get from thee I shall wish I left thee on the tree [4, p. 11].

Клеверу и тысячелистнику также приписываются свойства приносить удачу и сопутствовать в везении.

A clover, a clover or two, Put it in your right shoe;
The first young man you meet, In field, street, or lane, You'll get him, or one of his name.
Good-night, fair yarrow, Thrice good-night to thee,
I hope before to-morrow's dawn, My true love I shall see [4, p. 112–113].

Таким образом, в лингвокультурологической традиции принято выделять фитонимы с положительной коннотацией и негативной коннотацией. К последним относят фитообраз ивы, которая символизирует горе и неразделённую любовь.

The poor soul sat sighing by a sycamore tree, Sing all a green willow.
Her hand on her bosom, her head on her knee, Sing willow, willow, willow.
William Shakespeare, Othello

Фитонимическая символика способна модифицироваться за счёт развития фитообразов, закреплённых за некоторыми видами растений. Так, фитообраз бузины (elder) изначально был связан с языческим обиталищем женского духа, женского начала. Позднее, с приходом

христианства, бузине стали приписываться магические свойства колдовства. Ярчайшим примером фитонимической образности бузины служит легенда о Камнях Роллрайт (Rollright Stones) – мегалитическом комплексе, расположенном на границе между графствами Оксфордшир и Уоркшир.

Thy and thy men hoar stones shall be, And I myself an eldern tree [4, p. 130].

Это слова ведьмы, защищавшей независимость и свободу земель от экспансии английского короля, который превратился вместе с рыцарями и со свитой в камни, а ведьма, ставшая кустом бузины, навсегда осталась магической защитницей земель.

Are You Going to Scarborough Fair?

Tell her to find me an acre of land.

Parsley, sage, rosemary, and thyme.

Between salt water and the sea strands.

Then she'll be a true love of mine.

Пряные травы (петрушка, шалфей, розмарин, тимьян) наделены землёй необычными чудесными ароматами, что придавало им свойства магических растений, нашедших своё применение в чародействе. Они способны отпугнуть злых духов, помочь в любовных делах, придать силы и управлять судьбой.

Необходимо отметить тот факт, что фольклорные элементы настолько сильно врастают в этническую память народа, что и в более поздних авторских произведениях фитонимические образы не утрачивают своей значимости. Особенно богаты растительной символикой авторские баллады более позднего периода. Так, фитообразы поддерживают связь человека с землёй и становятся носителем тёмной энергии, что отражает связь растительного мира с миром потусторонним. Например, у Вальтера Скотта фиалка символизируют преждевременную смерть, в балладе Фергюссона «The Burial of King Cormac» в роли траурного цветка выступают маргаритки.

В поэтических произведениях более позднего периода растительная символика становится важнейшим средством создания образа героя. В балладе Вордсворта «The female vagrant» мы читаем строки, заключающие описание сада главной героини: «My garden, stored with pease, and mint, and thyme, / And rose and lily for the sabbath morn, / The sabbath bells, and the delightful chime; <...> The cowslip-gathering at May's dewy prime», в котором все фитообразы создают портрет девушки как чистой, целомудренной девы (роза и лилия), которая ждёт своё счастье в любви (горошек, майская примула), но основным мотивом становится молодость, красота и созерцание мироздания, ощущение причастности прекрасному миру природы (мята, тимьян).

Таким образом, фитонимические образы, испещряющие канву народных и авторских произведений, позволяют в иносказательной манере создать неповторимую мелодику текста, поэтичность, иносказательность, что в целом способствует усложнению символического содержания произведений за счёт наделения фитонимов дополнительной смысловой нагрузкой.

Список литературы

1. Коновалова Н.И. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира. – Екатеринбург: Изд-во Дома учителя, 2001 – 150 с.
2. Лазарева М.Н. О соотношении универсального и лингвоспецифичного в научной картине мира растений // Актуальные направления развития научной и образовательной деятельности: ПСб. науч. тр. / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактивплюс», 2014 – С. 105–109.
3. Чурюканова Е.О. Гендерная дифференциация английских народных песен. - Казанская наука. №4 2022г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2022. – С.266
4. Northall G.F. English folk-rhymes: a collection of traditional verses relating to places and persons, customs, superstitions, etc. London : Kegan Paul, Trench, Trübner & Co.,Ltd., 1892 565 p.
5. Watts D.C. Dictionary of plant lore. Bath : Elsevier, 2007. - 471 p.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

А.М. Саяпова

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРОГУЛКИ ПО СЕРЕБРЯННОМУ ВЕКУ

Ключевые слова: Хохлов В.А. серебряный век, имена, лица-знаки, перекрёстки встреч, живопись, сцена.

В статье даётся отклик на монографию Вадима Аркадьевича Хохлова «СВ» о Серебряном веке. Книга В.А. Хохлова – результат многолетней работы, она интересна тем, что в ней ведутся рассуждения не только об известных именах Серебряного века, она содержит значительное количество информации о поэтах Серебряного века, по сей день остающихся почти неизвестными. Содержательная форма книги и стиль изложения материала, казалось бы, не претендуют на научный статус: в ней сознательно отсутствуют ссылки на источники, предельно лапидарные наименования глав позволяют свободу от научных формулировок. Однако она научна в концептуальной своей части, в постановке проблем и задач.

A.M. Sayapova

AESTHETIC WALKS THROUGH THE SILVER AGE

Keywords: Khokhlov V.A. silver age, names, sign faces, intersections of meetings, painting, scene.

The article gives a response to Vadim Arkadyevich Khokhlov's monograph "SV" about the Silver Age. The book by V.A. Khokhlov is the result of many years of work, it is interesting because it discusses not only the famous names of the Silver Age, it contains a significant amount of information about the poets of the Silver Age, who remain almost unknown to this day. The substantial form of the book and the style of presentation of the material, it would seem, do not claim scientific status: there are deliberately no references to sources in it, the extremely lapidary titles of chapters allow freedom from scientific formulations. However, it is scientific in its conceptual part, in the formulation of problems and tasks.

Н.В. Бараханова, Л.В. Мамедова

ПСИХОЛОГИЗМ ПРОЗЫ СТЕНДАЛЯ НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ» (РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ПЕРЕВОД С. БОБРОВА И М. БОГОСЛОВСКОЙ)

Ключевые слова: психологизм, диалектика души, внутренний монолог, психологический анализ, самоанализ.

В работе представлены результаты анализа своеобразия форм и приемов психологизма в романе Стендаля.

N.V. Barakhanova, L.V. Mamedova,

PSYCHOLOGISM OF STENDHAL'S PROSE IN THE NOVEL "THE RED AND THE BLACK" TRANSLATION (RUSSIAN TRANSLATION BY S. BOBROV AND M. BOGOSLOVSKAYA)

Keywords: psychologism, the dialectics of the soul, interior monologue, psychological analysis, introspection. The research results of the unique psychologism's forms and techniques in the Stendhal's novel are emphasized in the paper.

С.В. Бурдина, Сун Бицзюнь

ФЕНОМЕН «ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ» В РОССИИ И В КИТАЕ

Ключевые слова: русская «деревенская проза», китайская литература о деревне, изучение, воздействие, отличие.

В статье выявляются особенности «деревенской прозы» в России и в Китае. Показывается различие в понимании этого явления русскими и китайскими писателями и учеными. Обобщаются результаты исследований китайских литературоведов и критиков.

Выясняется исторический контекст распространения русской «деревенской прозы» в Китае. Утверждается, что литература о деревне сложилась в этой стране на пороге исчезновения аграрной цивилизации. Показывается, что китайская проза о деревне, во многом ориентированная на русскую «деревенскую прозу», имеет свой специфический облик, обусловленный национальными традициями.

C.V. Burdina, Song Bijun

THE PHENOMENON OF "VILLAGE PROSE" IN RUSSIA AND CHINA

Keywords: Russian "village prose", Chinese literature about the village, study, impact, difference.

The article reveals the peculiarities of "village prose" in Russia and China. It shows the difference in the understanding of this phenomenon by Russian and Chinese writers and theorists. The results of studies by Chinese literary theorists and critics are summarized.

The historical context of the spread of Russian "village prose" in China is elucidated. It is argued that literature about the village was formed in this country on the threshold of the disappearance of the agrarian civilization. It is shown that Chinese prose about the village, which is largely oriented on the Russian "village prose", has its own specific appearance, due to national traditions.

Лу Цзинь

ИСТОРИОСОФСКИЕ ИДЕИ А. БЛОКА И ИХ СИМВОЛИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ: К ПРОБЛЕМЕ ЦЕЛОСТНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ТВОРЧЕСТВА ПОЭТА

Ключевые слова: А. Блок, революция, историософия, символ.

Материал статьи ориентирует внимание на оригинальных историософских идеях великого русского поэта А. Блока (1880-1921) и соответствующих им символических образах. Поскольку символика произведений рассматривается в хронологическом порядке, она являет собой образно-художественную параллель биографии поэта и его историософским взглядам. Преобладающая образность историософской поэзии А. Блока на протяжении всей его творческой жизни являет собой символическую целостность.

Lu Jing

A. BLOK'S HISTORIOSOPHICAL IDEAS AND THEIR SYMBOLIC EXPRESSION: AN APPROACH TO A WHOLE VISION

Keywords: A. Blok, revolution, historiosophy, symbol.

The material of the article focuses attention on the original historiosophical ideas of the great Russian poet A. Blok (1880-1921) and their corresponding symbolic images. Since the symbolism of the works is considered in chronological order, it is a figurative and artistic parallel of the poet's biography and his historiosophical views. The prevailing imagery of the historiosophical poetry of A. Blok throughout his entire creative life is a symbolic integrity.

Г.В. Мишина

РОМАН МАЙИ КУЧЕРСКОЙ «ТЕТЯ МОТЯ» В КОНТЕКСТЕ «МЫСЛИ СЕМЕЙНОЙ» Л.Н. ТОЛСТОГО

*Ключевые слова: М. Кучерская,**Л.Н. Толстой, «мысль семейная», мотив.*

В работе освещается проблема раскрытия «мысли семейной»

G.V. Mishina

MAYA KUCHERSKAYA'S NOVEL "AUNT MOTYA" IN THE CONTEXT OF L.N. TOLSTOY'S "FAMILY THOUGHT"

*Keywords: M. Kucherskaya,**L.N. Tolstoy, "family thought", motive.*

The paper highlights the problem of revealing the "family

как вторичного мотива в романе М. Кучерской «Тетья Мотья». Рассмотрена поэтика «вторичного текста» в контексте романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Выявлены некоторые элементы заимствований. Исследованы примеры следования толстовской традиции и отклонения от нее.

thought" as a secondary motive in M. Kucherskaya's novel "Aunt Motya". The poetics of the "secondary text" is considered in the context of the novel by L.N. Tolstoy "Anna Karenina". Some elements of borrowings are revealed. Examples of following the Tolstoy tradition and deviations from it are studied.

Е.А. Первушина
«МЕРА ЗА МЕРУ» ШЕКСПИРА
В ПЕРЕВОДЕ ОСИИ СОРОКИ:
КРЕАТИВНАЯ ЭНЕРГЕТИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ НОВАЦИЙ

Ключевые слова: Шекспир, «Мера за меру»,
Осия Петрович Сорока, русские переводы Шекспира,
переводческая трактовка, окказионализм.

Выразительная экспрессия неожиданных окказионализмов, найденных О.П. Сорокой в его переводе комедии Шекспира «Мера за меру», не просто вербально декорирует его переводной текст. Автор статьи рассматривает эти лексические новации как выражение оригинальной переводческой трактовки произведения, делая выводы о важной функции, которую выполняют лексические нововведения Сороки.

E.A. Pervushina
SHAKESPEARE'S "MEASURE FOR MEASURE"
TRANSLATED BY OSIYA SOROKA: CREATIVE ENERGY
OF LEXICAL INNOVATIONS

Keywords: Shakespeare, "Measure for measure",
Osiya Petrovich Soroka, Russian translations of Shakespeare,
translation interpretation, occasionalism.

The meaningful expression of unexpected occasionalisms found by O. P. Soroka in his translation of Shakespeare's comedy "Measure for Measure" is not just a verbal decorative means of his translated text. The author of the article considers these lexical innovations as an expression of the ingenious interpretation of the work, drawing conclusions about the important function that Soroka's language innovations perform.

С.А. Серегина, С.И. Субботин
ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МИСТЕРИЯ ПРОЛЕТАРСКИХ ПОЭТОВ
VS «ВЕЧНАЯ ПЕСНЯ ПЕРЕД МИРОЗДАНЫЕМ»
С.А. ЕСЕНИНА И Н.А. КЛЮЕВА

Ключевые слова: пролетарские поэзия, синтез, С.А. Есенин,
Н.А. Клюев, М.П. Герасимов, И.Г. Филипченко.

В работе представлены результаты сравнительного анализа дореволюционной лирики С.А. Есенина, Н.А. Клюева, М.П. Герасимова, И.Г. Филипченко. В творчестве Клюева и Есенина выявляется особый синтез романтической традиции, социальной повестки и религиозно-философский устремлений. Доказывается художественно-философская близость лирики М.П. Герасимова дореволюционному творчеству Клюева и Есенина. Кратко описана суть индустриальной мистерии И.Г. Филипченко в центре которой – образ «атлантов труда».

S.A. Seregina, S.I. Subbotin
THE INDUSTRIAL MYSTERY OF THE PROLETARIAN
POETS VS "ETERNAL SONG BEFORE THE UNIVERSE"
BY S.A. YESENIN AND N.A. KLYUEV

Keywords: proletarian poetry, synthesis, S.A. Yesenin,
N.A. Klyuev, M.P. Gerasimov, I.G. Filipchenko.

The paper presents the results of a comparative analysis of the pre-revolutionary lyrics of S.A. Yesenin, N.A. Klyuev, M.P. Gerasimov, I.G. Filipchenko. In the works of Klyuev and Yesenin, a special synthesis of romantic tradition, social agenda and religious and philosophical aspirations is revealed. The artistic and philosophical proximity of M.P. Gerasimov's lyrics to the pre-revolutionary creativity of Klyuev and Yesenin is proved. The essence of I.G. Filipchenko's industrial mystery is briefly described, in the center of which is the image of the "Atlanteans of labor".

А.А. Аллахвердова, А.Ф. Горбуненко
ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
THE BLUE REVIEW: СПЕЦИФИКА КОНТЕНТА

Ключевые слова: литературные журналы,
«малые» журналы, Джон Миддлтон Мерри, Rhythm,
The Blue Review, Эдвард Марш, О Реймонд Дрей,
Гилберт Эрик Кэннен, Джон Дринкуотер.

В статье рассматривается история создания литературно-критического журнала The Blue Review как преемника идеологии Rhythm. Уделяется внимание специфике контента журнала, графическому оформлению и кругу авторов. Прослеживается преемственность в рубрикации и уход от интернациональности.

A.A. Allakhverdova, A.F. Gorbunenko
LITERARY AND CRITICAL JOURNAL THE BLUE REVIEW:
THE SPECIFIC OF THE CONTENT

Keywords: literary journals, «little magazines», John Middleton
Murry, Rhythm, The Blue Review, Edward Howard Marsh,
O Raymond Drey, Gilbert Eric Cannan, John Drinkwater.

The article deals with the history of the creation of the literary and critical journal The Blue Review as a successor to the ideology of Rhythm. Attention is paid to the content specific of the journal, graphic design and circle of authors. There is a continuity in the rubrication and a departure from internationality.

Д.Н. Анисимова, У.П. Кузенкова,
А.А. Кузнецова, А.Е. Локонова, Е.А. Никонова
КОМПОЗИЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ГАЗЕТЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ
КЛЮЧЕВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ИЗДАНИЯ

Ключевые слова: журналистика, медиатексты,
СМИ, американские СМИ, британские СМИ,
английский язык, газеты, газетные рубрики,
печатные СМИ, композиционная модель.

Статья посвящена исследованию композиционной структуры англоязычных периодических изданий. В статье проводится анализ композиционной модели печатных версий газет The Times, The Guardian, The Washington Post с целью выявления корреляции между характеристиками изданий и элементами композиционных моделей газет, которые трактуются как система разделов, рубрик и устойчивых взаимосвязей между ними. Проведенный композиционный анализ свидетельствует о том, что на его основе можно сделать вывод о тематической направленности, целевой аудитории, международной или региональной направленности газеты.

D.N. Anisimova, U.P. Kuzenkova,
A.A. Kuznetsova, A.E. Lokonova, E.A. Nikonova
THE COMPOSITIONAL MODEL OF THE NEWSPAPER AS
A REFLECTION OF ITS KEY CHARACTERISTICS

Keywords: journalism, media texts, mass media, American mass
media, British mass media, English newspapers, newspaper
sections, print mass media, compositional model.

The article is devoted to the study of the compositional model of English-language newspapers. The article analyzes the composition of the print versions of The Economist, The Times, The Guardian, The Washington Post newspapers to discover the correlation between the characteristics of the newspaper and the elements of its composition model which are interpreted as a system of sections, parts and stable correlations between them. The conducted compositional analysis indicates that on its basis it is possible to draw a conclusion about the thematic focus, the target audience, the international or regional focus of the newspaper.

В.И. Антонова, Д.А. Бакеева, Н.М. Фролова
РОЛЬ БРЕНДИНГА И МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ

В ПРОДВИЖЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В ВУЗЕ

Ключевые слова: брендинг, медиаобразовательные технологии, фактор, абитуриент, программа, образовательные услуги, рекрутинг, работодатель, качество.

Модернизация высшего образования является естественным процессом, где определяющим фактором становятся требования к уровню компетентности специалистов. Эта тенденция особенно проявляется в журналистике, где деловая практика требует оперативного отслеживания изменений как во внутренней, так и внешней среде. В условиях конкуренции эффективная работа с абитуриентами – залог качественного образования. Систематический и многопрофильный анализ факторов, влияющих на выбор профессии, выходит на проблему формирования системы профориентационной работы для творческих специальностей. Цель статьи – раскрыть палитру медиаобразовательных и брендинговых технологий конкурентноспособности образовательного учреждения на современном информационном рынке и рынке труда.

V.I. Antonova, D.A. Bakeeva, N.M. Frolova
THE ROLE OF BRANDING AND MEDIA COMMUNICATIONS IN THE PROMOTION OF EDUCATIONAL SERVICES

IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Keywords: branding, media education technologies, factor, applicant, program, educational services, recruiting, employer, quality.

The modernization of higher education is a natural process, where the determining factor is the requirements for the level of competence of specialists. This trend is especially evident in journalism, where business practice requires prompt monitoring of changes in both the internal and external environment. In a competitive environment, effective work with applicants is the key to quality education. A systematic and multidisciplinary analysis of the factors influencing the choice of a profession leads to the problem of forming a system of career guidance for creative specialties. The purpose of the article is to reveal the palette of media education and branding technologies for the competitiveness of an educational institution in the modern information and labor market.

О.В. Дедухина, К.А. Народова

ПРОБЛЕМА ПОКОЛЕНИЙ В РОМАНАХ И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ» И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский,

И.С. Тургенев, проблема поколений, проблема воспитания, герой-идеолог, идеологический роман.

В статье осуществляется сравнительный анализ решения проблемы поколений в романах И.С. Тургенева «Отцы и дети» и Ф.М. Достоевского «Подросток». Определяются общие черты «детей», Евгения Базарова и Аркадия Долгорукого: ощущение бездомности, неприютности, гордость, отношение к окружающим свысока, в финале крушение идеи; а также отличия, главное из которых состоит в том, что герою Достоевского удается обрести себя, осознать необходимость духовной основы бытия человека, почувствовать желание благообразия. Опора на опыт «отцов» в обоих романах предстает как необходимое условие развития общества.

O.V. Dediukhina, K.A. Narodova

THE PROBLEM OF GENERATIONS IN I.S. TURGENEV «FATHERS AND CHILDREN»

AND F.M. DOSTOYEVSKY «TEENAGER»

Keywords: F.M. Dostoevsky, I.S. Turgenev, problem of generations, problem of education, hero-ideologist, ideological novel.

The article provides a comparative analysis of the solution to the problem of generations in the novels of I.S. Turgenev "Fathers and Sons" and F.M. Dostoevsky's "Teenager", recreating different eras in the history of Russian society. The common features of the "children", Evgeny Bazarov and Arkady Dolgoruky, are determined: a feeling of homelessness, pride, attitude towards others haughtily, the collapse of the idea; as well as differences, the main of which is that the hero of Dostoevsky to realize the need for the spiritual basis of human existence. Relying on the experience of the "fathers" in both novels appears as a necessary condition for the development of society.

А.Н. Зиганшина

ТРАНСФОРМАЦИИ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ «ПРАВО И ЖИЗНЬ В ТАТАРСТАНЕ» В ПЕРИОД 2011-2021 ГОДОВ

Ключевые слова: «Право и жизнь»; «Хокук вэ Хаят»; казанская журналистика; юридические журналы; ведомственные издания В статье исследуются процессы трансформации типологии журнала «Право и жизнь в Татарстане», основанного в 1998 году как ведомственный журнал Министерства Юстиции Республики Татарстан и продолжатель традиций общественно-правового журнала «Хокук вэ Хаят» 1913-1914 годов. Изучается вопрос о соотношении в журнале начал ведомственных, корпоративных и общественных и динамике развития издания за десятилетие с 2001 по 2021 годы.

A.N. Ziganshina

TRANSFORMATION OF TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS IN THE SPECIALIZED LEGAL JOURNAL "LAW AND LIFE IN TATARSTAN" IN THE PERIOD 2011-2021

Keywords: "Law and life"; "Hokuk ve Hayat"; Kazan journalism; legal journals; departmental editions.

The article examines the processes of transformation of the typology of the journal "Law and Life in Tatarstan", founded in 1998 as a departmental journal of the Ministry of Justice of the Republic of Tatarstan and as a successor to the traditions of the public law journal "Hokuk ve Hayat" (1913-1914). The article studies the question of the ratio of departmental, corporate and legal principles in the journal; the dynamics of the development of the edition over the decade from 2001 to 2021.

А.У. Киньябулатов, Н.Х. Шарафутдинова,
С.Г. Аксенов, И.У. Ишнараров, А.А. Хазиманова,
А.А. Илиева, И.В. Ульянова, Р.Н. Зигитбаев, М.Н. Нодиров
ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВРАЧЕЙ-ЖУРНАЛИСТОВ — ЛАУРЕАТОВ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ АРГАЯШСКОГО РАЙОНА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ 2022 ГОДА

Ключевые слова: Союз журналистов РБ, журналистика, литературная премия К.Киньябулатовой, здоровый образ жизни.

30 сентября 2022 года в Доме культуры с. Кулуево Аргаяшского района Челябинской области были вручены литературные премии имени К.К. Киньябулатовой Аргаяшского района врачам-журналистам Марсу Тимирзяновичу Фазлыяхметову

A.U. Kinyabulatov, N.Kh. Sharafutdinova,
S.G. Aksenov, I.U. Ishnazarov, A.A. Khazimanova,
A.A. Ilieva, I.V. Ulyanova, R.N. Zigitbaev, M.N. Nodirov
HEALTHY LIFESTYLES IN THE WORK OF DOCTORS-JOURNALISTS - LAUREATES OF THE LITERARY PRIZE OF THE ARGAYASH DISTRICT OF THE CHELYABINSK REGION 2022

Keywords: Union of Journalists of the Republic of Belarus, journalism, K.Kinyabulatova's literary award, healthy lifestyle. September 30, 2022 at the House of Culture with. Kuluyevov Argayashsky district of the Chelyabinsk region were awarded literary prizes named after K.K. Kinyabulatova of the Argayash district to doctors-journalists Mars Timirzyanovich Fazlyakhmetov (nomination - poetry) and Azat Uranovich

(номинация — поэзия) и Азату Урановичу Киньябулатову (номинация — проза), в произведениях которых краеугольным камнем значиться тема — здоровый образ жизни.

Kinyabulotov (nomination - prose), in whose works the theme - a healthy lifestyle is the cornerstone.

О.А. Астафьева, И.А. Башкирова, Т.А. Колоскова
МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ
РАСКРЫТИЯ ВНУТРЕННЕГО МИРА ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ
РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

Ключевые слова: модальные слова,
синтаксические конструкции, предикативный центр,
художественный текст, внутренний мир героя.

Данная статья посвящена анализу синтаксических конструкций, в структуре предикативного центра которых присутствуют модальные слова. Исследование проведено на материале эпистолярного романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди». Выявлена преобладающая семантика модальных компонентов: значения желательности, отсутствия возможности, наличия необходимости, волеизъявления. Авторы приходят к выводу, что конструкции с доминирующими модальными компонентами помогают писателю раскрыть внутренний мир героев, показать их нелегкую жизнь.

O.A. Astafieva, I.A. Bashkirova, T.A. Koloskova
MODAL WORDS AS ONE OF THE WAYS TO REVEAL
THE INNER WORLD OF THE MAIN CHARACTERS
OF F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "POOR PEOPLE"

Keywords: modal words, syntactic constructions,
predicative center, artistic text, inner world of the hero.

This article is devoted to the analysis of syntactic constructions, in the structure of the predicative center of which there are modal words. The study was conducted on the material of F.M. Dostoevsky's epistolary novel "Poor People". The prevailing semantics of modal components is revealed: the values of desirability, lack of opportunity, necessity, and declaration of will. The authors come to the conclusion that constructions with dominant modal components help the writer to reveal the inner world of the characters, to show their difficult life.

М.Г. Воднева, И.В. Уварова
ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
ПОНЯТИЯ «ГОРОД» В РАССКАЗЕ ДИНЫ РУБИНОЙ
«ИЕРУСАЛИМЦЫ»

Ключевые слова: концепт, город, концептуализация,
смысловые приращения, Дина Рубина.

В работе представлены результаты анализа концептуализации понятия «город» в индивидуально-авторской картине мира Дины Рубиной (на материале рассказа «Иерусалимцы»). К оригинальным смысловым приращениям, свидетельствующим о значимости концепта в творчестве писательницы, относятся: таинственное живое существо, дракон, партнер человека, вдохновляющее место, просцениум, место с толикой безумия, приемный отец, миф сокровенный, припыленный король городов.

M.G. Vodneva, I.V. Uvarova
INDIVIDUAL AUTHOR'S CONCEPTUALIZATION
OF THE CONCEPT OF "CITY" IN DINA RUBINA'S STORY
"THE JERUSALEM PEOPLE"

Keywords: concept, city, conceptualization,
semantic increments, Dina Rubina.

The paper presents the results of the analysis of the conceptualization of the concept of "city" in the individual author's picture of the world by Dina Rubina (based on the material of the story "The Jerusalem People"). The original semantic increments, testifying to the importance of the concept in the writer's work, include: a mysterious living being, a dragon, a human partner, an inspiring place, a proscaenium, a place with a bit of madness, a foster father, a secret myth, a dusty king of cities.

Е.В. Дишкант, Ся Юйлян
ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО СТИЛЯ РУССКОГО И
КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ: К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА

Ключевые слова: русский язык, китайский язык,
научный стиль, термин, перевод текста.

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу научного стиля в русском и китайском языках. Представлены языковые и стилистические признаки научных текстов, выявлены проблемы, связанные с осуществлением перевода. Особое внимание уделяется научной терминологии. Рассмотрены наиболее частотные ошибки при переводе с китайского языка на русский, даны рекомендации.

E.V. Dishkant, Xia Yuliang
FEATURES OF THE SCIENTIFIC STYLE OF THE RUSSIAN
AND CHINESE LANGUAGES: TO THE PROBLEM
OF TRANSLATION

Keywords: Russian, Chinese,
scientific style, term, text translation.

The article is devoted to the comparative analysis of scientific style in Russian and Chinese. Linguistic and stylistic features of scientific texts are presented, problems related to the implementation of translation are identified. Special attention is paid to scientific terminology. The most frequent errors in translation from Chinese into Russian are considered, recommendations are given.

А.Н. Ерёмин
О МЕХАНИЗМАХ РАЗВИТИЯ
НОВОГО ЗНАЧЕНИЯ У СЛОВА

Ключевые слова: вторичные значения,
ассоциации по сходству и смежности.

В статье в опоре на положения современных отечественных и зарубежных ученых рассматривается общий механизм развития вторичных значений у производных и непроизводных слов, а также семантические проекции, по которым трансформируется базовое значение.

A.N. Eremin
ON THE MECHANISMS OF THE DEVELOPMENT
OF A NEW MEANING IN THE WORD

Keywords: secondary meanings,
associations by similarity and adjacency.

In the article, relying on the positions of modern domestic and foreign scientists, the general mechanism of the development of secondary meanings in non-derivative and derived words, as well as semantic projections, according to which the basic meaning is transformed, is considered.

Ли Ся
ОБРАТНАЯ АКТАНТНАЯ МЕТОНИМИЯ
В ТЕКСТАХ Л.Н. ТОЛСТОГО

Ключевые слова: метонимия,
обратная актантная метонимия, модели переноса.

В работе рассматривается обратная актантная метонимия, зафиксированная в прозаических текстах Л.Н. Толстого.

Li Xia
REVERSE ACTANT METONYMY IN TOLSTOY'S TEXTS
Keywords: metonymy, inverse actant metonymy, transfer models.
The paper examines the reverse actant metonymy recorded in the prose texts of Leo Tolstoy.

The observation shows that L.N. Tolstoy's texts present different models of reverse actant metonymy. However, we have not

Наблюдение показывает, что в текстах Л.Н. Толстого представлены разные модели обратной актантной метонимии. Однако нам не встретились примеры развития обратной актантной метонимии у имен лиц, хотя в текстах XIX века такая модель отмечалась.

Сравни у Ф.М. Достоевского: *Завтра, после Шатова, я продиктую ему записку, что причина смерти Шатова он.* (Достоевский Ф. М., *Бесы*, 1872)

Е.А. Луговая

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ
РЕГИОНАЛЬНОГО ТОПОНИМИКОНА
КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ ЭТНОСА

Ключевые слова: топонимикон, антропоцентризм, язык и культура, ментальность.

Статья посвящена исследованию русской топонимии Ставропольского края как отражения этнических и ментальных установок в концептуальной картине мира ее имядателей. Целью нашей статьи является изучение топонимии как своеобразного языкового текста, насквозь антропоцентричного и позволяющего формировать лингвокультурную характеристику анализируемого феномена в целом.

О.О. Петрова

ЛЕКСИЧЕСКАЯ МЕТОНИМИЯ ↔ СМЕЖНОСТЬ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: лексическая метонимия, смежность представления предметов, свойств и действий, концептуальная метонимия, сценарная метонимия, метафора, семантическое пространство.

В статье рассматриваются прежде всего такие категории, как лексическая метонимия и смежность представления предметов, свойств и действий, а также некоторые вопросы, связанные с ними и обусловленные ими: модальность лексемы, предсказуемость/непредсказуемость развития диалога с учетом возможной смежности.

Р.М. Светлова, Л.Г. Ибрагимова

РЕЦЕПЦИЯ ЛЕКСИКИ АРАБСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В
РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В РОМАНЕ А. ТОЛСТОГО «ПЁТР ПЕРВЫЙ»)

Ключевые слова: заимствование, лексема, русский язык, арабизм, арабский язык.

Статья посвящена актуальной в русском языке теме заимствования и освоения иноязычных элементов. В работе предпринимается попытка выявить и семантически проанализировать лексемы с арабским прототипом в художественном произведении А.Толстого «Петр Первый».

Д.Д. Аристова

БРИТАНСКИЙ ВАРИАНТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ
НОВЫХ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Ключевые слова: произносительный стандарт; RP; SSB; когнитивная синтагма.

В статье проводится сопоставительный анализ сверхсегментных и сегментных характеристик двух конкурирующих вариантов современного британского произношения – обновленного южно-английского произносительного стандарта (SSB) и ранее установленного эталона Received Pronunciation (RP). Рассмотрение фонетических характеристик проводится в соответствии с принципами когнитивной синтагмы и особенностями функционирования английского слога. Проведенный анализ свидетельствует о том, что инновационные тенденции, распространенные в англоязычном сообществе, преимущественно зависят от общей установки на фоностилистическую сниженность высказывания и речевое поведение молодых пользователей языка, почему русскоговорящим специалистам следует взвешенно относиться к их использованию в собственной речи.

encountered any examples of the development of reverse actant metonymy in names of persons, although this model was noted in nineteenth-century texts.

Compare in Dostoevsky: *Tomorrow, after Shatov, I will dictate a note to him that he is the cause of Shatov's death.* (F.M. Dostoevsky, *The Possessed*, 1872)

E.A. Lugovaya

ANTHROPOCENTRISM
OF THE REGIONAL TOPONYMICON AS A REFLECTION
OF THE MENTALITY

Keywords: toponymicon, anthropocentrism, language and culture, mentality.

The article is devoted to the study of the Russian toponymy in the Stavropol Territory as a reflection of ethnic and mental attitudes in the name-givers' conceptual picture of the world. The purpose of our article is to study toponymy as a kind of linguistic text, anthropocentric through and through and allowing the formation of a linguocultural characteristic of the analyzed phenomenon as a whole.

O.O. Petrova

LEXICAL METONYMY ↔ THE CONTIGUITY OF THE
REPRESENTATION

Keywords: lexical metonymy, the contiguity of the representation of objects, properties and actions, conceptual metonymy, scenario metonymy, metaphor, semantic space.

The article discusses such categories as lexical metonymy and the contiguity of the representation of objects, properties and actions, as well as some issues related to them: the modality of the lexeme, the predictability /unpredictability of the development of the dialogue, taking into account possible contiguity.

R.M. Svetlova, L.G. Ibragimova

RECEPTION OF VOCABULARY OF ARABIC ORIGIN
IN THE RUSSIAN LANGUAGE (ON THE EXAMPLE
OF LEXICAL UNITS IN THE NOVEL BY A. TOLSTOY
"PETER THE GREAT")

Keywords: borrowing, lexeme, Russian language, Arabism, Arabic language.

The article is devoted to the theme of borrowing and mastering foreign language elements, which is topical in the Russian Linguistics. The paper attempts to identify and semantically analyze lexemes with an Arabic prototype in the work of A. Tolstoy "Peter the Great".

D.D. Aristova

STANDARD MODERN BRITISH ENGLISH
PRONUNCIATION IN VIEW OF THE NEW PHONETIC
TENDENCIES

Keywords: pronunciation standard; RP; SSB; cognitive syllabics. The article presents a comparative analysis of suprasegmental and segmental characteristics of the two variants of modern British English pronunciation, Standard Southern British English (SSB) and Received Pronunciation (RP). Phonetic particulars are analyzed through the prism of cognitive syllabics. The study shows that the innovative trends are mainly concerned with the tendency towards the stylistically lowered down pronunciation typical of the new generation of English speakers. It transpires that the introduction of phonetic modifications in the speaking practice of Russian anglicists should be well-balanced with respect to the traditions of Russian academic discourse.

Н.С. Барбина, В.Е. Глызина, А.В. Федорюк
К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО
ИНТЕНСИФИЦИРУЮЩЕГО ЗНАЧЕНИЯ

Ключевые слова: фразеологическое значение,
фразеологический интенсификатор, сема, денотат.

В статье проанализированы подходы к изучению значения фразеологических интенсификаторов. Представлены различные точки зрения на данную проблему. Делается вывод о недостатках традиционных определений фразеологического значения. Указывается на необходимость изучения категориальных и знаковых характеристик фразеологических интенсификаторов с позиции концептуальной организации знаний в языке.

N.C. Barebina, V.E. Glyzina, A.V. Fedoryuk
ON THE PROBLEM OF DEFINITION OF
PHRASEOLOGICAL INTENSIFYING MEANING

Keywords: phraseological meaning,
phraseological intensifier, seme, denotation.

The paper analyzes approaches to the study of the meaning of phraseological intensifiers. Various points of view on this problem are presented. The conclusion is made about the shortcomings of traditional definitions of phraseological meaning. The necessity of studying the categorical and sign characteristics of phraseological intensifiers from the standpoint of the conceptual organization of knowledge in the language is pointed out.

Е.В. Бутенко, Г.А. Циммерман
ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК ФУНДИРУЮЩЕЕ СРЕДСТВО
ДВОЙНОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ
В КИНОДИСКУРСЕ

Ключевые слова: расслоение, двойственность, фразеологизм.
В работе представлен механизм реализации двойной актуализации значений, рассматриваемый в свете общенаучной теории расслоения множеств, что составляет научную новизну в исследовании дискурсивного пространства. Актуальность изучения данных конструктов обусловлена высокой степенью их применения в художественном языке, о чем, в частности, свидетельствуют высказывания персонажей анимационного фильма «Король Лев. Акуна Матата»/ The Lion King. Hakuna Matata». Адекватная интерпретация семантико-стилистических свойств нетривиального объекта — фразеологизма и сосуществующего свободного словосочетания — задает в языке перевода тот импульс, который получает воображение зрителя.

E.V. Butenko, G. A. Tsimmerman
PHRASEOLOGICAL UNITY AS A FOUNDATION
OF DOUBLE SEMANTIC MEANING ACTIVATION
IN FILM DISCOURSE

Keywords: stratification, ambiguity, phraseological unity.
The paper presents a mechanism for activating double semantic meaning, considered in the light of the interdisciplinary theory of set stratification, which constitutes a scientific novelty in the discourse research. The relevance of studying such constructs is due to their frequent use in the artistic language, which, in particular, is exemplified by characters' utterances in the animated film "The Lion King. Hakuna Matata". An adequate interpretation of the semantic-stylistic properties of a non-trivial object — a phraseological unity and the corresponding direct word combination — sets the impulse in the translation language that will be perceived by the viewer's imagination.

М.В. Грушина
ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
У. ШЕКСПИРА. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: гендерные исследования,
женские образы в литературе, гендерные роли.

Данная статья посвящена проблеме гендерного анализа женских образов в произведениях У. Шекспира. Цель настоящего исследования заключается в переосмыслении роли и назначении женских образов в произведениях литературы и в восстановлении баланса мужского и женского. Научная новизна состоит в том, что нами была предпринята попытка доказать, что женские образы У. Шекспира являются яркими, самостоятельными и независимыми элементами в произведении.

M.V. Grushina
FEMALE CHARACTERS IN THE WORKS
OF W. SHAKESPEARE. GENDER ASPECT

Keywords: gender studies, gender roles,
female characters in literature.

This article is devoted to the problem of gender analysis of female characters in the works of W. Shakespeare. The purpose of this study is to rethink the role and purpose of female roles in works of literature and to restore the balance of male and female. The scientific novelty lies in the fact that we have made an attempt to prove that the female characters of W. Shakespeare are bright, independent and self-sufficient elements in the work.

М.А. Егорова
ОМОНИМИЧНЫЕ АББРЕВИАТУРЫ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: аббревиация, омонимия,
омофоны, омографы, омонимичные аббревиатуры.

В работе представлены результаты комплексного исследования омонимичных аббревиатур в английском языке на материале словарей экономических, юридических и военных сокращений, выявлены два основных типа омонимичных аббревиатур, которые основываются на принципе схожести с уже существующими словами и те, которые имеют внутриаббревиатурный характер.

M.A. Egorova
HOMONYMOUS ABBREVIATIONS IN ENGLISH
Keywords: abbreviation, homonymy, homophones,
homographs, homonymous abbreviations.

The paper presents the results of a comprehensive study of homonymous abbreviations in the English language based on the material of the dictionaries of economic, legal and military abbreviations. The author identified two main types of homonymous abbreviations, which are based on the principle of similarity with existing words and those that have an intra-abbreviation character.

К.В. Костина, И.В. Солдатенко
ИМАГОЛОГИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ
В ИНОЯЗЫЧНОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: имагология,
медиапространство, стереотипизация, мифологизация.

В статье рассматриваются основные инструменты манипулирования общественным сознанием в медиапространстве. Имагологическими инструментами воздействия в массмедиа являются стереотипизация и мифологизация. Данные инструменты применяются в любом

K.V. Kostina, I.V. Soldatenko
IMAGOLOGICAL INSTRUMENTS
OF INFLUENCE IN A FOREIGN LANGUAGE MEDIASPACE
Keywords: imagology, mediaspace,
stereotyping, mythologization.

The article describes the main instruments for manipulating public consciousness in the mediaspace. The imagological instruments of influence in the mass media are stereotyping and mythologization. These instruments are used in any kind of media discourse, but in a foreign language they are expressed most

виде медиадискурса, но в иноязычном они выражены наиболее ярко, так как дихотомия «свой – чужой» характерна в большей мере для межкультурной коммуникации.

М.А. Луканичева, Н.Ю. Степанова
КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОР-ОЛИЦЕТВОРЕНИЙ
СО СФЕРОЙ-МИШЕНЬЮ «СТРАХ»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СТИВЕНА КИНГА

*Ключевые слова: метафора, олицетворение,
сфера-мишень, страх, репрезентация.*

Данная работа представляет собой анализ метафорических парадигм, лежащих в основе метафор-олицетворений со сферой-мишенью «страх» в произведениях Стивена Кинга. Предпринимается попытка диахронического корпусного анализа семантической структуры данных метафор с помощью корпуса СОНА с целью выявления закономерностей использования метафор со сферой-мишенью «страх» в творчестве Стивена Кинга.

О.Н. Поддубская, С.Г. Ларина, А.В. Сахарова
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ОДЕЖДА»
КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА

*Ключевые слова: лексико-семантическое поле; картина мира;
лексико-семантическая группа: микрополе; ядро; периферия.
Статья посвящена исследованию лексико-семантического поля «Одежда» и его вербализации с помощью лексико-семантических групп как отражение картины мира героини романа «Тайный мир шопоголика» С. Кинселлы.*

Н.А. Сигачева, А.Н. Махмутова
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ИНВЕРСИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

*Ключевые слова: английский язык, инверсия,
научный стиль, порядок слов, грамматический строй.*

В исследовании рассматриваются и анализируются главные функции инверсий в научных текстах на английском языке, выявлены причины и цели их использования, определена роль исследуемых языковых средств, представлены рекомендации для их корректного употребления с целью полноценного понимания научных трудов.

С.Н. Степура
АВТОРСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ КАК МАРКЕРЫ
ИДИОСТИЛЯ ДЖ. ДЖОЙСА В РОМАНЕ «ULYSSES»

*Ключевые слова: Дж. Джойс, «Улисс», идиостиль, маркеры,
авторские новообразования, слова-композицы.*

В статье рассматриваются эстетически маркированные лексические единицы в модернистском романе Дж. Джойса «Улисс». Актуализированные средства создания текста, формирующие идиостиль писателя, представлены по классификации А.Я. Флоры. Выделены маркеры индивидуального стиля Джойса – новообразованные слова-композицы.

Л.Ю. Хафизова, Е.Е. Царева
ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ АДВЕРБИАЛЬНЫЕ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ МЕСТА
И ЦЕЛИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

*Ключевые слова: обстоятельственные адвербиальные
фразеологические единицы, обстоятельственные места и цели,
семантика, сравнительный анализ, фразеологизмы.*

Статья посвящена решению вопроса определения обстоятельственных адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках со значением места и цели. В работе предпринята попытка решения проблемы определения критериев выделения обстоятельственных адвербиальных фразеологических единиц места и цели, что в свою очередь поможет внести значительный вклад в создании двуязычных и многоязычных словарей. Актуальность работы заключается в недостаточном научном освещении определения адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках. Проведен анализ примеров определения изучаемых фразеологических единиц.

clearly, because the dichotomy "friend-foe" is more typical for intercultural communication.

M.A. Lukanicheva, N.Yu. Stepanova
CORPUS ANALYSIS OF PERSONIFIED METAPHORS WITH
THE TARGET SPHERE "FEAR" IN S. KING'S NOVELS

*Keywords: metaphor, personification,
target sphere, fear, representation*

The paper presents the analysis of the metaphorical paradigms underlying the personified metaphors with the target sphere 'fear' in Stephen King's works. The method of corpus analysis with the help of the Corpus of Historical American English is applied to identify the patterns of using metaphors with the target sphere "fear" in the work of Stephen King.

O.N. Poddubskaya, S.G. Larina, A.V. Sakharova
LEXICO-SEMANTIC FIELD "CLOTHES"
AS A REFLECTION OF THE WORLD PICTURE

*Keywords: lexical-semantic field; world picture;
lexico-semantic group: microfield; nucleus; periphery.*

The article is devoted to the study of the lexical-semantic field "Clothes" and its verbalization by lexical-semantic groups as a reflection of the world picture of the heroine of the novel "The Secret World of a Shopaholic" by S. Kinsella.

N.A. Sigacheva, A.N. Makhmutova
SOME FEATURES OF THE INVERSION USE IN THE
ENGLISH-LANGUAGE SCIENTIFIC TEXTS

*Keywords: English, inversion,
scientific style, word order, grammatical structure.*

The study examines and analyzes the main functions of inversions in scientific texts in English, identifies the reasons and goals for their use, determines the role of the studied language means, and provides recommendations for their correct use in order to fully understand scientific works.

S.N. Stepura
THE JAMES JOYCE IDIOSTYLE MARKERS
IN THE NOVEL «ULYSSES»

*Keywords: James Joyce, Ulysses, idiosyle,
author's new formations, composite words*

The article deals with aesthetically marked lexical units in the modernist novel "Ulysses" by J. Joyce. The actualized means of creating a text that form the author's idiosyle are presented according to the classification of A.Ya. Florya. Word composites as markers of Joyce's individual style are highlighted.

L.Y. Khafizova, E.E. Tsareva
CIRCUMSTANTIAL ADVERBIAL PHRASEOLOGICAL
UNITS WITH THE MEANING OF PLACE AND PURPOSE IN
THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

*Keywords: circumstantial adverbial phraseological units,
adverbial units of place and purpose, semantics, comparative
analysis, phraseological units.*

The article is devoted to solving the problem of determining circumstantial adverbial phraseological units in English and Russian with the meaning of place and purpose. The paper attempts to solve the problem of determining the criteria for identifying circumstantial adverbial phraseological units of place and purpose, which in turn will help to make a significant contribution to the creation of bilingual and multilingual dictionaries. The relevance of the work lies in the insufficient scientific coverage of the definition of adverbial phraseological units in English and Russian. The analysis of examples of the definition of the studied phraseological units has been carried out.

Л.И. Шадаева

ОСНОВОПОЛАЮЩАЯ МЕТАФОРА
В АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ А. ЛИНКОЛЬНА*Ключевые слова: аргументация, логический, метафора, прагматический, ценность.*

В работе анализируется аргументативный дискурс А. Линкольна как логический тип аргументации, который направлен на интерпретацию тезиса в рамках вновь созданной ценности в картине мира адресата. Для изучения дискурса А. Линкольна мы рассмотрели трансформации библейских метафор, которые определили в дальнейшем политику США.

L.I. Shadaeva

THE FUNDAMENTAL METAPHOR IN A. LINCOLN'S
ARGUMENTARY DISCOURSE

Keywords: argumentation, logical, metaphor, pragmatic, value.
The paper analyzes the argumentative discourse of A. Lincoln as a logical type of argumentation, which is aimed at interpreting the thesis within the framework of the newly created value in the worldview of the addressee. To study the discourse of A. Lincoln, we examined the transformation of biblical metaphors, which later determined US policy.

Р.С. Барсукова, И.М. Габдулхакова,
З.А. Мухаева, Л.Р. ИсламоваМИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ТАТАРСКИХ ГОВОРАХ
(НА ПРИМЕРЕ ГОВОРОВ СИБИРСКИХ ТАТАР)*Ключевые слова: тюркские языки, татарские говоры, говоры сибирских татар, духовная культура, лексика, связанная с мифологией, сравнительный анализ.*

В данной статье рассматриваются особенности употребления мифологической лексики в татарских говорах, в частности в говорах сибирских татар. Мифологическая лексика в татарских говорах представлена множеством разнообразных наименований и их форм и фонетических вариантов. В исследовании приводятся описание данной семантической группы и сравнительный анализ с другими говорами татарского языка и некоторыми тюркскими языками.

R.S. Barsukova, I.M. Gabdulkhakova,
Z.A. Mukhaeva, L.R. IslamovaMYTHOLOGICAL VOCABULARY IN TATAR DIALECTS
(ON THE EXAMPLE OF DIALECTS OF SIBERIAN TATARS)*Keywords: Turkic languages, Tatar dialects, dialects of Siberian Tatars, language of swampy Tatars, spiritual culture, vocabulary associated with mythology, comparative analysis.*

This article discusses the features of the use of mythological vocabulary in Tatar dialects, in particular in the dialects of Siberian Tatars. Mythological vocabulary in Tatar dialects is represented by a variety of different names and their forms and phonetic variants. The study provides a description of this semantic group and a comparative analysis with other dialects of the Tatar language and some Turkic languages.

Д.В. Бобков, Г.Ф. Мратхузина, Э.А. Хабибуллина

ПРАКТИКА СОСТАВЛЕНИЯ СБОРНИКА УПРАЖНЕНИЙ
НА ЯЗЫКЕ ХИНДИ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ТАТАРСТАНСКОГО
РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА*Ключевые слова: сборник упражнений на языке хинди, татарстанский региональный компонент, практика Казанского федерального университета.*

В данном исследовании рассматриваются принципы составления сборника упражнений по курсу языка хинди, показаны возможность и необходимость регулярного иноязычного профессионально-ориентированного чтения в рамках учебного курса по хинди как средства повышения профессиональной компетенции будущего востоковеда-филолога. Рассматриваются задания, которые развивают и совершенствуют иноязычные коммуникативные навыки и умения студентов Казанского федерального университета с привлечением татарстанского регионального историко-культурного компонента.

Вследствие расширения связей с зарубежными странами в сфере экономики, политики, образования, перед руководством высших учебных заведений стоит задача подготовить специалистов, не только компетентных в своей профессиональной деятельности, но и достаточно грамотных в сфере иноязычного общения. В настоящее время одним из важных критериев оценки работы вуза является умение выпускников общаться на иностранном языке в профессиональном контексте, участвовать в интервью, международных конференциях, переговорах.

D.V. Bobkov, G.F. Mratkuzina, E.A. Khabibullina

PRACTICE OF COMPILING A COLLECTION
OF EXERCISES IN THE HINDI LANGUAGE INVOLVING
THE TATARSTAN REGIONAL COMPONENT*Keywords: collection of exercises in Hindi, Tatarstan regional component, Kazan Federal University practice.*

This study discusses the principles of compiling a collection of exercises for the Hindi language course, shows the possibility and necessity of regular professionally-oriented reading in a foreign language as part of a Hindi training course and as a means of improving the professional competence of a future orientalist-philologist. The tasks that develop and improve the foreign language communication skills and abilities of students of Kazan Federal University are considered with the involvement of the Tatarstan regional historical and cultural component.

Due to the expansion of ties with foreign countries in the field of economics, politics and education, the heads of higher educational institutions face the task of preparing specialists not only competent in their professional activities, but also quite literate in the field of foreign language communication. Currently, one of the important criteria for evaluating the work of a university is the ability of graduates to communicate in a foreign language in a professional context, to participate in interviews, international conferences, and negotiations.

Н.И. Винокурова

ЧАСТНЫЙ ПАДЕЖ В ДОЛГАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: долганский язык, якутский язык, частный падеж, повелительное наклонение, императив.

В данной статье рассматривается употребление частного падежа в долганском языке в сопоставлении с близкородственным якутским языком. Будет показано, что сфера употребления частного падежа в долганском языке шире, чем в якутском языке.

N.I. Vinokurova

PARTITIVE CASE IN DOLGAN

*Keywords: Dolgan language,**Yakut language, partitive case, imperative mood.*

The present paper considers the use of partitive case in Dolgan in comparison with its close relative – Yakut language.. It will be shown that the domain of its usage is broader in Dolgan than in Yakut.

Е.В. Волкова

ФЕМИНИЗМЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ЯЗЫКА

Ключевые слова: гендерная флюидность, андрогинные феминистки, харассмент, мизогиния и бодишейминг, системная мизогония, амбивалентные отношения.

В работе представлены результаты изучения лексики по теме феминизма. Показано социальное воздействие на развитие языка, формирование сознания и культуры индивида. Обозначено, что язык несет определенную социальную нагрузку, через язык загружаются определенные идеологические аспекты феминистского движения. Доказано, что новые витки в развитии указанного движения связаны с конкретными языками европейских стран. Предложен новый вектор в рассмотрении языка с точки зрения социальных процессов и общечеловеческих движений. Выявлена взаимозависимость между языком и идеологией и всплески феминизма под влиянием этой идеологии в определенных странах.

Г.К. Гизатова, Н.И. Багманова, Т.Е. Калегина

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Ключевые слова: синхрония, диахрония, фразеология, функции языка.

Статья посвящена одной из актуальных проблем лингвистики – исследованию фразеологизмов в синхронии и диахронии. Объектом анализа являются фразеологизмы английского, русского и татарского языков. Предмет исследования – коммуникативная функция фразеологических единиц (ФЕ). В работе представлен новый эмпирический материал и новое осмысление изучения функций фразеологизмов исследуемых языков в связи с их бесспорным влиянием на язык и культуру народов.

Н.В. Егоршина, С.А. Жуйкова

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО КОНВЕРГЕНТНОГО ДИСКУРСА
(НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ КОПИРАЙТИНГА)

Ключевые слова: геймификация, копирайтинг, креолизация текстов, конвергенция.

Исследование посвящено тенденции к геймификации текстов копирайтинга как развитию конвергенции и креолизации текстов. Авторы анализируют примеры интеграции элементов игры в продвигающие тексты в отечественной практике. Также привлечен материал англоязычных текстов копирайтинга. Доказано, что наблюдаемая в последние годы тенденция к креолизации текстов нуждается в уточнении: наряду с интеграцией в текст изображений присутствует также интеграция элементов интерактивных игр и конкурсов.

А.Е. Зельдин

МЕТАТЕЗА СЕМИТСКОГО КОРНЯ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Ключевые слова: семитский корень, биконсонантизм, триконсонантизм, метатеза, прото-афразийский язык.

Явление метатезы в семитских и других языках афразийской макросемьи с изменением корневой семантики давно отмечено и подробно описано, но удовлетворительной теории, объясняющей как возникновение этого явления, так и его развитие, пока не выдвинуто. В настоящей работе предлагается теория генезиса трехконсонантных афразийских корней (на примере древнееврейского языка) из биконсонантных со смысловым переносом в рамках одного семантического поля. Фонологическая парадигма складывается посредством дифференциации фонем из примордиальных нерасчлененных звуков.

E.V. Volkova

FEMINISMS AS SOCIAL MARKERS OF A LANGUAGE

Keywords: gender fluidity, androgynous feminists, harassment, misogyny and body shaming, systemic misogyny, ambivalent relationships.

The paper presents the results of the study of vocabulary on the topic of feminism. The social impact on the development of the language, the formation of consciousness and culture of the individual is shown here. It is shown that the language carries a certain social load. Through language, certain ideological aspects of the feminist movement are loaded. It is proved that new rounds in the development of this movement are associated with specific languages of European countries. A new vector is proposed in the consideration of language from the point of view of social processes and social movements. The interdependence between language and ideology was revealed, influences of well-defined English speaking countries on language socio-cultural environment in the world in whole.

G.K. Gizatova, N.I. Bagmanova, T.E. Kalegina

COMMUNICATIVE FUCTION OF IDIOMS

Keywords: synchrony, diachrony, phraseology, language functions

The article is devoted to the analysis of phrasemes in synchrony and diachrony. The object of the study are phrasemes of the English, Russian and Tatar languages. The subject of research is the communicative function of the phrasemes. A new empirical material and a new understanding of functions of phrasemes are presented in the article. Their influence on the language and culture of the nation is undeniable.

N.V. Egorshina, S.A. Zhuykova

GAMIFICATION AS A VECTOR OF DEVELOPMENT
OF MODERN CONVERGENT DISCOURSE
(BY THE EXAMPLE OF COPYWRITING TEXTS)

Keywords: gamification, copywriting, text creolization, convergence.

The study is devoted to the trend towards gamification of copywriting texts as the development of convergence and creolization of texts. The authors analyze examples of the integration of game elements into promotional texts in domestic practice. The material of English copywriting texts is also involved. It is proved that the trend towards creolization of texts observed in recent years needs to be clarified: along with the integration of images into the text, there is also the integration of elements of interactive games and contests.

A.E. Zeldin

A HISTORIC OUTLOOK
ON THE SEMITIC ROOT METATHESIS

Keywords: Semitic root, biconsonantism, triconsonantism, metathesis, proto-Afrasian language.

The metathesis of root consonants in Semitic and other Afro-Asiatic languages that cause semantic transformations was discovered and described long ago. Nevertheless, a plausible theory that explains these phenomena, has not been offered. The present paper expounds on a theory of the genesis of triconsonantal Afro-Asiatic root (Biblical Hebrew was used as an example) emanating from bi-consonantal roots, when semantics is being transformed within the limits of a certain semantic domain. The phonology paradigm is formed by phonemes' separation from primordial undifferentiated phonemes.

Н.В. Зененко, Л.П. Сон
 СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗОНА АНТРОПОНИМОВ И ГРУППА
 ПРОНОМИНАЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ:
 БИПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД (НА МАТЕРИАЛЕ
 ИБЕРО-РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ)

Ключевые слова: антропонимы, прономинальные существительные, социальность, бипарадигмальный подход. *Статья посвящена исследованию семантики иберо-романских антропонимов и прономинальных существительных на материале современных иберо-романских языков. Учитывая общественную природу языка и используя бипарадигмальный подход в своем анализе, авторы предприняли попытку локализовать данные единицы в системно-структурном устройстве языка. Фамилии и имена собственные наделены социальностью, т.е. отражают определенные условия жизни человека и указывают на его принадлежность к конкретному социальному слою общества.*

Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова
 СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИИ
 ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм, устойчивое сочетание, стиль, фразеологическое сращение, фразеологическое единство. *Данная статья посвящена вопросу специфики использования фразеологизмов в произведениях Ч. Диккенса. В статье рассматриваются конкретные структурно-семантические и стилистические типы фразеологизмов, анализируются причины их употребления в художественном тексте.*

А.Л. Коляго, Г.Л. Соколова
 СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС СЛОЖНЫХ
 ПРЕДЛОЖЕНИЙ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: марийский язык, сложное предложение, экспрессивность. *В работе представлены краткие результаты исследования в рамках проекта РФФИ 19-412-120002 p_a «Стилистический синтаксис сложных предложений в марийском языке». Выводы, полученные в ходе выполнения проекта, наглядно показывают, что сложные предложения в марийском языке, несмотря на их сравнительно молодую традицию использования в языке, обладают большим стилистическим потенциалом. Многочисленные стилистические средства и приемы, а также синтаксические фигуры, входящие в состав сложных предложений, создают эмоциональность, выразительность и образность письменной речи марийского языка.*

Н.В. Кулабухов, М.Л. Васильева
 К ОСОБЕННОСТЯМ РЕТРОАКТИВНОГО АСПЕКТА
 КООПЕРАТИВНОГО ОБЩЕНИЯ

Ключевые слова: коммуникативное взаимодействие, субъект, конфликтная ситуация, извинение, апология. *Статья посвящена анализу коммуникативного взаимодействия субъектов конфликтного общения. Принципиальная стратегия действий виновника конфликта рассматривается как принесение извинения. Охарактеризованы параметры извинения взятого в респонсивном и нереспонсивном типах коммуникативной ситуации.*

М.В. Максимова, Л.А. Калинина, М.В. Салтыкова,
 М.В. Биянова, О.В. Ельцова, И.Ю. Лыскова
 ПОНЯТИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ
 И СПЕЦИФИКА ЕГО ТОЛКОВАНИЯ В РУССКОМ,
 НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: толерантность, терпимость, политкорректность, эвфемизмы, английский язык, немецкий язык, русский язык. *В настоящее время термин «толерантность» используется во всем мире. Зачастую его используют, не зная точного значения, при этом понятие искажается, что и составляет проблему. Целью данной статьи является изучение этимологии слова и оттенков его значения среди русскоговорящих и иностранных участников общения, в частности, немцев и англичан.*

N.V. Zenenko, L.P. Son
 SPANISH PAREMIAS: MANIFESTATION
 OF NATIONAL CHARACTER AND PRESERVATION
 OF NATIONAL IDENTITY

Keywords: de-globalization, national identity, national character, paremiological units. *The article is devoted to the study of Spanish paremiological units as a reflection of the national character of Spaniards. The image of the world generated by individual consciousness influences the formation of the image of the world in the collective consciousness. These processes develop a national character, the features of which are embodied in the behavioral norms of the nation and in the language.*

N.G. Ivanova, A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova
 PECULIARITIES OF CH. DICKENS' PHRASEOLOGY

Keywords: phraseology, phraseologism, set expression, style, phraseological fusion, phraseological unity. *This paper deals with the question of phraseology peculiar usage in Ch. Dickens' works. It states specific semantic and stylistic types of phraseologisms in English. The authors analyze the causes of their authorial usage in fiction.*

А.Л. Коляго, Г.Л. Соколова
 STYLISTIC SYNTAX OF COMPLEX SENTENCES
 IN THE MARI LANGUAGE

Keywords: Mari language, complex sentence, expressiveness. *The paper presents brief results of the research of the RFBR project 19-412-120002 p_a "Stylistic syntax of complex sentences in the Mari language". The conclusions obtained during the implementation of the project show clearly that complex sentences in the Mari language, despite their relatively young tradition of use in the language, have great stylistic potential. Numerous stylistic means and techniques, as well as syntactic figures included in complex sentences, create emotionality, expressiveness and imagery of written speech of the Mari language.*

N.V. Kulabukhov, M.L. Vasileva
 ON SPECIFICS OF THE RETROACTIVE ASPECTS
 OF COOPERATIVE COMMUNICATION

Keywords: communicative interaction, subject, conflict situation, apologizing, apology. *The article analyzes communicative interaction of the subjects in conflict situations. The principal actional strategy of the originator of the conflict is viewed as 'apologizing'. Parameters of apology in the responsive and the non-responsive communicative situation types are characterized*

M.V. Maksimova, L.A. Kalinina, M.V. Saltykova,
 M.V. Buyanova, O.V. Yeltsova, I.Yu. Lyskova
 THE CONCEPT OF TOLERANCE AND THE SPECIFICS
 OF ITS INTERPRETATION IN RUSSIAN, GERMAN
 AND ENGLISH

Keywords: tolerance, political correctness, euphemisms, English, German, Russian. *Currently, the term "tolerance" is used all over the world. It is often misused, as without knowing the exact meaning of it the concept is distorted, which constitutes the problem. The purpose of this article is to study the etymology of the word and the shades of its meaning among Russian-speaking and foreign communicants, Germans and Englishmen specifically.*

Л.Н. Мирошниченко, Л.Н. Фоменко
**ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВ
 В ЛИНГВО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
 (НА ПРИМЕРЕ ГРЕЧЕСКОГО И АНГЛИЙСКИХ ЯЗЫКОВ)**

Ключевые слова: английский, греческий, заимствование, взаимовлияние, историческая эволюция.
 В данной статье, во-первых, исследуется взаимовлияние греческого и английского языка в процессе развития двух языков, виды и пути заимствований, наблюдается взаимопроникновение языков на лексическом, грамматическом и фонетическом уровнях. Во-вторых, рассматривается историческая эволюция влияния греческого языка на английский, а также степень и глубина влияния не только вышеуказанных языков, но и других языков на объект нашего изучения.

О.А. Мусорина, Н.С. Данкова,
**«ЛЕНИНИАНА» НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»:
 ДИСКУРСИВНЫЕ ТАКТИКИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВОЖДЯ**

Ключевые слова: Ленин, тактика, репрезентация, журнал «Пионер».
 В статье представлены результаты анализа публикаций детского журнала «Пионер» (1979-81-х гг.). Авторы ставят перед собой цель определить дискурсивные тактики репрезентации личности В.И. Ленина, а также проанализировать языковые средства их реализации. В ходе работы выделены следующие тактики: акцентирование авторитета, солидаризация, моделирование положительного примера, сакрализация, апелляция к чувствам, апелляция к ответственности. В заключение сделан вывод о том, что данные тактики способствовали акцентированию идеологических установок, характерных для советского общества, и обеспечивали ребенка образцом для подражания.

О.Н. Польщикова
**ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ
 КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Ключевые слова: тематические группы, компьютерная лингвистика, терминология, систематизация.
 В работе представлены результаты дифференциации терминов компьютерной лингвистики по тематическим группам. В ходе исследования выявлены восемь тематических групп в анализируемой терминологии, представлены соответствующие примеры.

А.Ю. Савельева
**ПРОЯВЛЕНИЕ ТЕЛЕСНОГО ОПЫТА ЧЕЛОВЕКА
 В ПЕРЦЕПТИВНОЙ МЕТАФОРЕ
 ХОЛОДНАЯ ВОЙНА COLD WAR**

Ключевые слова: экспериенциальная семантика, лексема холодный cold, лексема война war, перцептивная метафора, холодная война cold war.
 Данная работа посвящена рассмотрению особенностей возникновения и реализации онтологической метафоры на основе перцептивного компонента холодная война cold war в русском и английском языках. Анализируется процесс восприятия двух метафорически измененных лексем война war и холодный cold.

Е.Е. Сафронова, А.А. Гусейнова
**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ
 МАНИФЕСТАЦИИ ИМПЛИЦИТНЫХ АКТАНТОВ
 (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М.Л. СТЕПНОВОЙ
 «ЖЕНЩИНЫ ЛАЗАРЯ»)**

Ключевые слова: интертекстуальность, нарратор, наррататор, имплицитный актант, аллюзия, реминисценция.
 Цель данной работы – доказать, что интертекстуальность является маркером непосредственного присутствия в тексте как нарратора, так и имплицитного читателя. Научная новизна проведенного анализа заключается в том, что в статье рассматривается малоизученная и интересная тема –

L.N. Miroshnichenko, L.N. Fomenko
Keywords: English, Greek, borrowing, mutual influence, historical evolution.

In this article, firstly, the mutual influence of the Greek and English languages in the process of development of the two languages, types and ways of borrowing, the interpenetration of languages at the lexical, grammatical and phonetic levels is observed. Secondly, the historical evolution of the influence of the Greek language on English is considered, as well as the degree and depth of the influence of not only the above-mentioned languages, but also other languages on the object of our study.

О.А. Мусорина, Н.С. Данкова
**"LENINIANA" IN THE MATERIALS
 OF "PIONEER" PERIODICAL: DISCOURSE TACTICS
 OF THE LEADER REPRESENTATION**

Keywords: V.Lenin, tactic, representation, "Pioneer" periodical.
 The present research focuses on the analysis of materials published in children's periodical "Pioneer" (1979-81). The research is aimed at finding discourse tactics used to represent the personality of the first Soviet leader Vladimir Lenin, as well as linguistic means of their implementation. In the course of the work, the following tactics were identified: emphasizing authority, solidarization, modeling a positive example, sacralization, appeal to feelings, appeal to responsibility. The conclusion made is that these tactics contributed to emphasizing the ideological attitudes typical of Soviet society and provided the child with a model to follow.

О.Н. Polishchikova
**THEMATIC GROUPS IN COMPUTER LINGUISTICS
 TERMINOLOGY**

Keywords: thematic groups, computational linguistics, terminology, systematization.
 The paper presents the results of differentiation of terms of computational linguistics by thematic groups. The study identified eight thematic groups in the analyzed terminology, and relevant examples are presented.

А.Ю. Saveleva
**THE MANIFESTATION OF HUMAN BODY EXPERIENCE
 IN THE PERCEPTIVE METAPHOR COLD WAR**

Keywords: experiential semantics, lexeme cold, lexeme war, perceptual metaphor, cold war.
 This work is devoted to the consideration of the peculiarities of the emergence and implementation of the ontological metaphor based on the perceptual component cold war in Russian and English. The process of perception of two metaphorically changed lexemes war and cold is analyzed.

Е.Е. Safronova, А.А. Guseynova
**INTERTEXTUALITY AS A MANIFESTATION METHOD
 FOR IMPLICIT ACTANTS (ON THE NOVEL
 BY M.L. STEPNOVA "THE WOMEN OF LAZARUS")**

Keywords: intertextuality, narrator, narrator, implicit actant, allusion, reminiscence.
 The purpose of this work is to prove that intertextuality is a marker of the direct presence in the text of both the narrator and the implicit reader. The scientific novelty of the analysis is that the article deals with a little-studied and interesting topic - modeling the implicit reader through narrative. In the course of the work, it was proved that the main function of intertextuality in

моделирование имплицитного читателя посредством нарратива. В ходе работы было доказано, что главная функция интертекстуальности в тексте – воссоздание коммуникации между имплицитными актантами, что является свидетельством их присутствия в тексте.

a text is to recreate communication between implicit actors, which is evidence of their presence in the text.

Л.А. Тюкина
КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН АНЕКДОТА
КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО
ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ключевые слова: дискурс; юмористический диалогический дискурс; бытовой анекдот; юмор.

В работе рассматривается анекдот как коммуникативный феномен. Описывается коммуникативная ценность анекдота. Представлены проблемы реализации моделей коммуникации в современном анекдоте.

L.A. Tyukina
THE COMMUNICATIVE PHENOMENON
OF THE JOKE AS A REPRESENTATION
OF HUMOROUS DIALOGICAL DISCOURSE

Keywords: discourse; humorous dialogical discourse; everyday joke; humour.

This paper examines the joke as a communicative phenomenon. The author describes the communicative value of the joke. The article presents the problems of implementation of communication models by the modern jokes.

И.В. Уварова, Е.Е. Сафронова
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ
ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ
НЕМЕЦКОЙ ПРОЗЫ)

Ключевые слова: прецедентное имя, постмодернистский дискурс, интертекстуальность, прецедентность, художественный текст.

В данной работе рассматривается категория прецедентного имени и особенности её функционирования в рамках произведения постмодернистского дискурса (на примере немецкоязычного романа „Die Vermessung der Welt“ – русск. «Измеряя мир» Д. Кельманна). На основании проведённого анализа можно утверждать, что прецедентные имена в романе функционируют весьма специфичным образом, поскольку, не являясь широко известными, ориентированы на заведомо ограниченный круг читателей. Кроме того композиционное построение романа выводит прецедентные имена на новый уровень, присваивая их носителям статус полноценных квазиисторических персонажей.

I.V. Uvarova, E.E. Safronova
FEATURES OF THE FUNCTIONING OF PRECEDENCE
IN POSTMODERNIST DISCOURSE (BY THE EXAMPLE
OF MODERN GERMAN PROSE)

Keywords: precedent name, postmodern discourse, intertextuality, precedence, fictional text.

The presented paper deals with the category of precedent name and features of its functioning within the framework of the postmodern discourse (on the example of the German-language novel "Die Vermessung der Welt"). Based on the analysis carried out, it can be affirmed that the precedent names in the novel function in a very specific way, since, not being widely known, they are focused on a deliberately limited circle of readers. In addition, the compositional construction of the novel takes precedent names to a new level, giving their bearers the status of full-fledged quasi-historical characters.

Е.О. Чурюканова
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
РАСТИТЕЛЬНОЙ СИМВОЛИКИ
В АНГЛИЙСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Ключевые слова: фитонимика, символика, фитообраз, знак, социокультурный код.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с лингвокультурологической интерпретацией растительной символики и её роли в создании произведений английской народной поэзии; определяется понятие фитосимвола и фитообраза, анализируются особенности социокультурного кодирования информации через функционирование фитонимических образов в английском фольклоре.

E.O. Churyukanova
LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS
OF PLANT SYMBOLISM IN ENGLISH FOLKLORE

Keywords: phytonymy, symbolism, phyto-image, sign, socio-cultural code.

The article deals with issues related to the linguoculturological interpretation of plant symbolism and its role in the creation of works of English folk poetry; the concept of phytosymbol and phytoimage is defined, the features of socio-cultural coding of information through the functioning of phytonymic images in English folklore are analyzed.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№10 2022

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 15.10.2022 Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 15.10.2022

16,7 усл.печ.л. 18,3 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 5170.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»